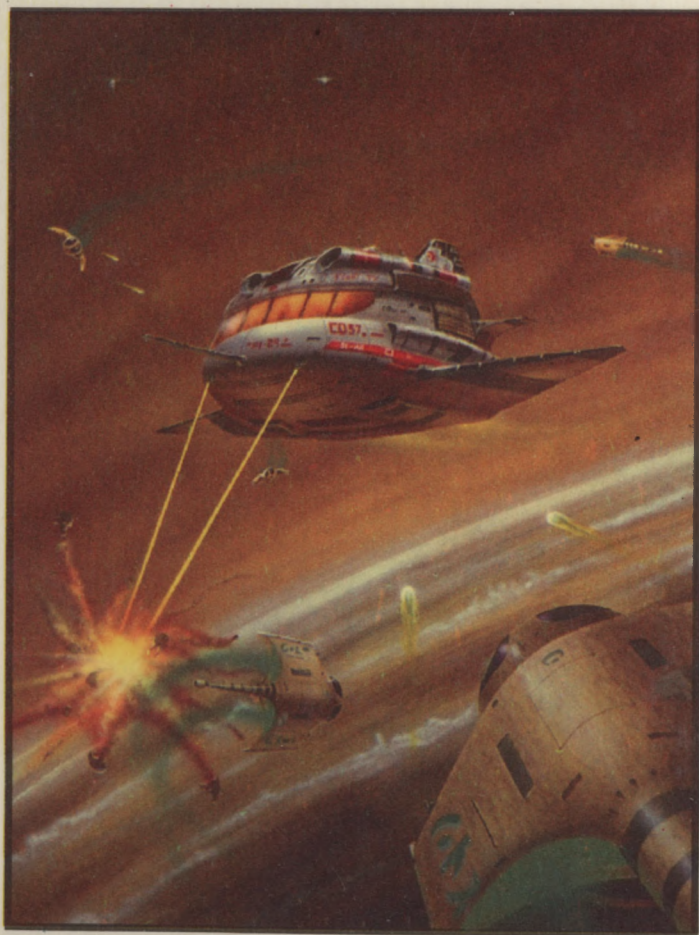
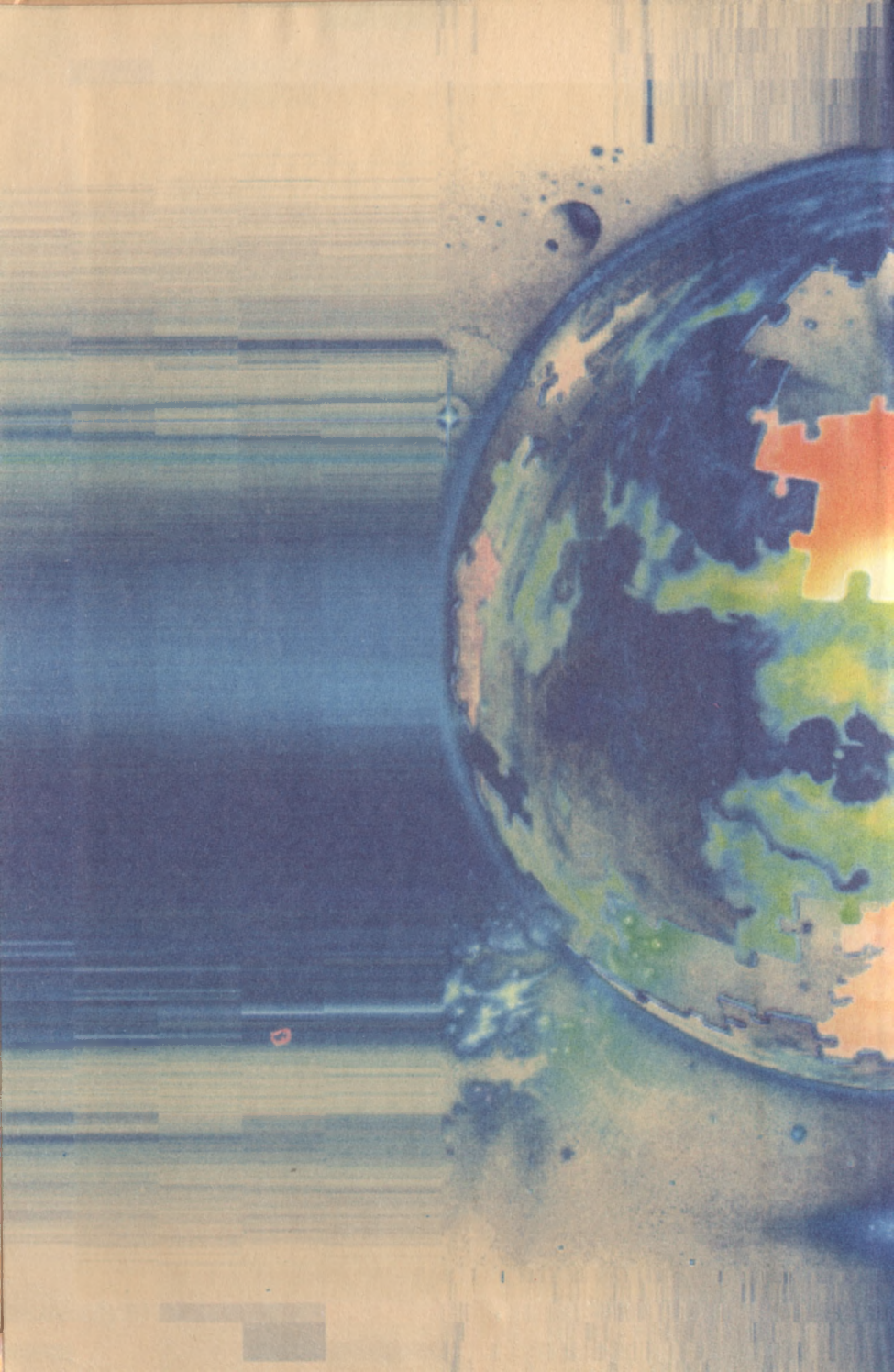

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume five

THE ENEMY STARS

AFTER DOOMSDAY

THE BYWORLDER

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том пятый

ВРАЖДЕБНЫЕ ЗВЕЗДЫ

ПОСЛЕ СУДНОГО ДНЯ

УШЕЛЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 5 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 415 с.

В пятый том собрания сочинений Пола Андерсона вошли романы «Враждебные звезды», «После судного дня» и «Ушелец». В этих произведениях повествуется о контактах людей с обитателями иных миров и о мужестве и стойкости, которых требует от человека безжалостная и прекрасная Вселенная.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Enemy Stars
Copyright © 1958 by The Street and Smith
Publications

After Doomsday
Copyright © 1962 by Poul Anderson

The Byworlder
Copyright © 1971 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-218-5

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ПЯТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам

и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
5	«Враждебные звезды» «После судебного дня» «Ушелец»	«Звездные нивы»	20
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватара»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Фландри»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

В пятый том собрания сочинений Пола Андерсона вошли такие разноплановые романы раннего периода его творчества, как «Враждебные звезды» (1959), «После судного дня» (1962) и «Ушелец» (1971), объединенные, как это ни удивительно, не только туго закрученным сюжетом, развертывающимся на просторах Галактики, но и любовью автора к поэзии.

В романе «Враждебные звезды» Андерсон использует для развития сюжета фон, который станет позднее одним из излюбленных в его работах — статичное общество, не слишком жестокое к своим гражданам, но давящее свободную мысль и свободную волю, напоминающее во многом Рим времен последних цезарей. Даже процесс освоения иных миров превращен в рутину, а научные исследования, не приносящие немедленной прибыли, становятся уделом высшего класса, представители которого готовы от безделья стать учеными. Но когда звездолет «Южный Крест» с масс-передатчиком на борту выходит на орбиту мертвой звезды и исследовательская команда в результате аварии оказывается отрезанной от родины — только тогда можно узнать, кто сломается под угрозой неминуемой гибели, а кто дойдет до конца. И, сломленный давней смертью брата, Сейки Накамура парадоксальным образом находит в себе силы на самопожертвование, революционер Чанг Свердлов — преодолеть ненависть к землянам, а техн-Теранги Макларен — стиснув зубы, терпеть и работать ради возвращения домой, в то время как Дэвид Райерсон, отвергающий веру и убеждения своего отца, ломается на пороге победы. И печальным гимном звучат в финале книги слова обожаемого Андерсоном Киплинга: «Мы нашему морю в дань отдаем всех лучших своих сынов...»

Роман «После судного дня» начинается чудовищной катастрофой. Экипаж возвращающегося из межзвездного перелета корабля «Франклин» обнаруживает, что в результате бомбардировки все живое на Земле уничтожено. Задача, встающая перед космонавтами, кажется непосильной — не просто объединить разбросанных в космосе собратьев и возродить человеческий род, но найти и покарать преступную расу. Как и в любом детективе, здесь есть тупиковые ходы и ложные алиби, неожиданные повороты и ключевые улики. Но и в этой книге, как и в предыдущей, большую роль играет поэзия. Не случайно памятником победе возглавляемого землянами союзного флота над эскадрой Кандемирской Империи оказывается песня, стилизованная Андерсоном под староанглийскую балладу — к сожалению, ритм и звучание ее несколько блекнут в переложении

на русский язык. А финал романа, в котором открывается истинный виновник гибели Земли, достоин любого из мастеров детектива.

Последний из включенных в эту книгу романов — «Ушелец» доводит тему искусства в фантастике до логического завершения. Именно искусство становится единственной точкой взаимопонимания людей и сигманцев — жителей сигмы Дракона, чей звездолет загадочно кружит над Землей. Но единственный человек, пришедший к правильному решению, — бродяга-художник Слип, которому предстоит еще убедить в своей правоте ведущего специалиста проекта Ивонну Картер — и сделать это быстро, пока человечество, верное давней привычке, не уничтожило то, чего не понимает. И даже когда, казалось, все барьеры преодолены, оказывается, что не всем по вкусу, что сигманцы не видят различий между народами Земли...

ВРАЖДЕБНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Они называли его «Южным Крестом» и отправили в путь, конца которого никто из них никогда не увидит. Спустя месяцы полета корабль двигался со скоростью, равной половине световой. Разгон был закончен, чтобы оставить достаточно реактивной массы для торможения и маневрирования. И вот наступила долгая тишина. На целых четыре с половиной века. Кораблю предстоял еще долгий путь.

Они управляли им по очереди, придумывали новые машины, запускали их и даже успевали увидеть, как заканчивались непродолжительные полеты некоторых из них. Потом они умирали.

Но вслед за «Южным Крестом» с Земли взлетали все новые корабли. Вспыхивали и догорали пожары войн, рушились города, в которых продолжали жить люди, книгами поддерживавшие огонь в своих очагах. Сменяли друг друга империи, завоеватели подрывали основы самой жизни, религии звали людей к неведомым горным вершинам, на Земле возникали новые расы и образовывались новые структуры власти. А корабли все так же устремлялись ввысь, в непроглядную черноту космоса, и всегда находились люди, которые управляли ими. Иногда эти люди носили форменные фуражки и кители, иногда — стальные шлемы, иногда — благопристойные серые сутаны; со временем появились голубые береты с крылатыми звездочками — но все они несли свою вахту на кораблях. Проносились десятилетия, и они все чаще и чаще приводили свои экипажи к новым пристаням.

Сменилось десять поколений, а «Южный Крест» еще не преодолел и половины пути к намеченной цели, хотя так далеко от Земли не забиралось ничто, созданное руками человека. На могучем организме корабля стала понемногу сказываться усталость: здесь царапина, там заплатка, а рисунки и надписи, прочерченные на нем изнутри одинокими и скучающими обитателями корабля, почти стерлись от случайных прикосновений их преемников.

Но поля и приборы, которые служили кораблю в качестве глаз, мозга и нервов, все так же жадно впитывали в себя небесную информацию. По окончании вахты каждый забирал с собой коробку с микрофотопластинками и отправлялся к земной Луне, легко преодолевая расстояние в сто световых лет. Длительная, вековая борьба землян за выживание нанесла значительный урон собранию этих пластинок: большая их часть была безвозвратно утеряна, остальные, не востребованные никем, лежали, покрываясь пылью. Но вот пришло время, когда бесстрастный всевидящий механизм пробежался беглым взглядом по множеству подобных фотопластинок, доставленных с разных кораблей. И подписал тем самым смертный приговор нескольким людям.

Глава 1

По ту сторону огромного водного пространства пылал закат. Далеко на западе собиравшиеся над Новой Зеландией облака выплескивали расплавленное золото. Оттуда, где это небесное золото отражалось от поверхности моря, бил нестерпимо яркий свет. К востоку зелень и яркая синева моря постепенно наливались чернотой и на горизонте полностью сливались с быстро темнеющим небом, на котором проступали первые мерцающие звездочки. Легкий ветерок поднимал на волне мелкую рябь, заставляя волны игриво плескаться о борт кеча*, стекал вниз по лениво обвисшему гроту и чуть шевелил светлые волосы девушки, свободно падавшие ей на плечи.

Теранги Макларен указал на север.

— Вон там — плантации бурых водорослей, — произнес он, растягивая слова. — Основной источник доходов нашей семьи. Скрещиваются разные подвиды, и в результате получают отличные морские водоросли, из которых можно произвести уйму полезных продуктов. Впрочем, я далек от всего этого, за что должен благодарить своих уважаемых предков. Биохимия — это упорядоченная путаница. Уж лучше я займусь чем-нибудь попроще, вроде вырожденного** атомного ядра.

Девушка усмехнулась.

* Двухмачтовое парусное судно водоизмещением 100–200 тонн.

** «Вырожденное атомное ядро» — по современным физическим представлениям — состояние материи в недрах нейтронных звезд, когда электронные оболочки атомов «втиснуты» в ядра под действием колоссальных сил сжатия. (Здесь и далее примеч. пер.)

— А если оно не вырожденное, то ты постарайся его таким сделать? — спросила она.

Она была техном — как и он, разумеется; он бы никогда не допустил шлюху на свое судно. Несколько машин, по сути, заменяли ему экипаж. По своему положению в обществе она стояла намного выше его — настолько высоко, что никто из членов ее семьи не занимался производительным трудом, тогда как Макларен был чуть ли не единственным в своей семье, кто не работал. Янтарно-золотистый цвет кожи, тонкие благородные черты лица и белокурые, с зеленоватым оттенком волосы выдавали в ней принадлежность к той особой бирманской породе, которая получилась в результате тщательного отбора и мутаций. Чтобы вот так видеть ее здесь одну, без обычных сопровождающих, Макларен неделями ходил вокруг нее. И не потому, что генерала Фенга, ее никудышного опекуна, никогда не выходившего из состояния наркотического оцепенения, так уж заботило ее скандальное поведение, когда она, словно амазонка, носилась по планете, пренебрегая всеми правилами приличия. Но потому, что в ней было больше от Цитадели с ее беспокойными огнями, чем от океана в закатных лучах солнца.

Макларен коротко рассмеялся.

— Да я ничего против атомного ядра не имею, — сказал он. — Вырождение — это состояние материи в определенных экстремальных условиях. И хотя квантовая теория существует уже триста лет, механизм вырождения до конца так и не понят. Впрочем, я отклонился, а предпочел бы преклониться. Перед тобой, естественно.

Шлепая босыми ногами, он пересек палубу и уселся рядом с ней. Это был высокий, стройный, широкоплечий мужчина чуть старше тридцати, с крупными кистями рук, смуглый и темно-волосый. Но, в отличие от всех уроженцев Океании, его широкое, скуластое лицо украшал орлиный крючковатый нос, а карие глаза выдавали давно позабытого английского предка. На мужчине, как и на его спутнице, были лишь обычные саронги и несколько драгоценностей.

— Ты говоришь, прямо как ученый, Теранги, — произнесла она. Это не было комплиментом. В наиболее состоятельных семьях становилось модным считать Конфуция, Платона, Эйнштейна и других классиков ужасными занудами.

— Но я и есть ученый, — сказал Макларен. — Ты бы поразилась, увидев, каким язвительным и чванливым я могу быть. Вот когда я, к примеру, был студентом...

— Но ты же был чемпионом по любительской борьбе на воде! — протестующе воскликнула она.

— Верно. А еще я мог запросто перепить двоих и знал все значные места на Земле и Луне. Но как бы там ни было, стал бы, по-твоему, мой отец — да будет благословенна его унылая коллекция старомодных добродетелей! — субсидировать меня все эти годы, если б я не прибавил своей семье хоть сколько-нибудь престижа? Иметь сына астрофизика — это так почетно. Даже если этот астрофизик стоит им немалых денег. — В сгущавшихся сумерках на его лице блеснула усмешка. — Время от времени, когда я уж слишком предаюсь разгулу и до омерзения напиваюсь, он грозит лишить меня материальной поддержки. В таких случаях мне ничего не остается делать, как срочно придумывать какое-нибудь оригинальное высказывание или блестящую новую теорию. Можно, в крайнем случае, написать книгу.

Девушка придвинулась к нему поближе.

— Так ты поэтому отправляешься сейчас в космос? — спросила она.

— Да нет, — ответил Макларен. — Это целиком моя идея. Смешной каприз. Я тебе уже говорил, что начинаю просто задыхаться в собственном маразме.

— За последние несколько лет ты не слишком часто навещался к нам в Цитадель, — согласилась она. — А когда все же появлялся, то был слишком занят.

— Курс корабля можно изменить только по приказу Научно-исследовательского Отдела, отнюдь не расположенного отдавать подобные приказы, а это означает, что надо подкупать нужных людей, отвлекать оппозицию, улещивать самого Регента. Знаешь, я нашел всю эту кухню весьма забавной. Я мог бы даже заняться политикой, когда вернусь, — в качестве хобби.

— Сколько же времени ты там пробудешь? — спросила она.

— Точно сказать не могу, возможно, всего лишь месяц. И за это время соберу такое количество материала, что его хватит на несколько лет исследований. К тому же я мог бы в дальнейшем совершать броски к кораблю при каждом удобном случае. Он займет постоянную орбиту вокруг той звезды.

— А ты не мог бы возвращаться домой... каждый вечер? — прошептала она.

— Не соблазняя меня, — вздохнул он. — Не могу. Один месяц вахты на звездолете — это стандартный минимум, если не возникнут аварийные ситуации. Видишь ли, каждая нуль-транспортировка использует трубку Франка, которая стоит денег.

— Что ж, — сказала она, надув губки, — если тебя так волнует какая-то дряхлая мертвая звезда...

— Ничего ты не поняла, ваше великолепие. За два с лишним века странствий в космосе еще никому не выпадал такой шанс — поближе познакомиться с самой настоящей потухшей звездой. Возник даже небольшой спор, существует ли вообще такой класс звезд. Настолько ли постарела Вселенная, что центральные светила в каждой из ее галактик полностью исчерпали свои ресурсы ядерной и гравитационной энергий? Клянусь предками, вполне возможно, что эта звезда осталась от одного из предыдущих циклов мироздания!

Он почувствовал, что сидевшая рядом с ним девушка напрягалась, как будто обиделась на его слова, из которых, однако, ничего не поняла и которые ей были совсем не интересны. И тогда в нем самом на какой-то миг вспыхнула обида. Ее и в самом деле не волнуют ни он, ни корабль, ни что-либо другое, кроме собственной восхитительной оболочки... К чему он тут тратит время на этой старой заезженной колее взаимоотношений, когда ему надо заняться подготовкой к экспедиции — о черт, он прекрасно знает, к чему!

Что-то внутри ее дрогнуло, и напряжение, сковывавшее ее, ослабло. Он взглянул на нее. В темно-синих сумерках она казалась бесплотной тенью с копной тускло отсвечивавших волос. Тлеющие угольки солнца почти догорели, и над головой одна за другой просыпались звезды, возвещающие о том, что вскоре все небо будет усеяно мириадами пронзительно-ярких огоньков.

— Где сейчас этот звездолет? — тихо спросила она.

Слегка удивившись, он показал на едва обозначившиеся контуры Южного Креста.

— Вон там, — произнес он. — Со времени запуска он лишь незначительно отклонился от своего первоначального курса на альфу Южного Креста. От нас он находится в добрых тридцати парсеках, и даже если бы мы увидели его на таком расстоянии, мы не смогли бы заметить какого-то отклонения.

— Но мы не можем его увидеть. И никогда не увидим. Свет доберется сюда, возможно, через сотню лет, и я... мы все к тому времени умрем, наверное. Нет!

Он стал успокаивать ее. Это были самые прекрасные минуты их встречи, и чем глубже природа погружалась в ночь, тем они становились все чудеснее. С первого дня, как он встал за штурвал своей яхты, зародилась эта любовь. На море был штиль, в каюте — вино и маленькие сандвичи. Тишина дышала умиротворением, и ей захотелось, чтобы он сыграл на гитаре и спел. Она даже попросила его об этом. Но он отказался. Предстоящая вахта не выходила у него из головы: не упустил ли он чего и какие возможные открытия и находки ожидают их у черного солнца? Может быть, действительно сказывалось еле уловимое

дыхание грядущей старости — или зрелости, если угодно; а может, просто у него над головой особенно ярко и тревожно горело созвездие Южного Креста.

Глава 2

На Внешних Гебридах белым покрывалом лежала зима. Дни, нередко задышавшиеся от густого падающего снега, казались угрюмыми проблесками света между периодами мгlistой темноты. Даже когда Северная Атлантика уставала яростно биться о скалы, разбиваясь в ледяную пену, бурные океанские волны все равно выдавали ее неистовость, ее постоянно грызущее беспокойство. Горизонта больше не было: свинцовые волны встречались со свинцовым небом, и мутная дымка надежно скрывала зазор между небом и водой. «Здесь нет ни суши, ни воды, ни воздуха, но есть некая смесь из трех означенных компонентов», — писал Питеас*.

Островок был небольшим. Когда-то давно здесь жили рыбаки, их жены держали в своем хозяйстве одну-две овцы, но с того времени сохранился лишь один дом — каменная хижина, — века, прошедшие с момента ее постройки, мало изменили ее внешний облик. Внизу, на посадочной площадке, виднелся вполне современный ангар для парусной шлюпки, семейной подводной лодки и довольно потрепанного аэрокара. Сделанный из серого пластика, он прекрасно вписывался в окружающий ландшафт — обыкновенный валун, каких на острове много.

На эту площадку Дэвид Райерсон и посадил аэрокар, взятый напрокат; посигналил у входа и медленно въехал в распахнувшиеся ворота. На Скъюле он не был пять лет, но руки до сих пор помнили все необходимые движения для полета в нужном направлении и последующей посадки на острове, и промозглость здешней погоды осталась такой же, как прежде. Это тронуло его почти до слез. Что же касается отца... Райерсон, сдержав рвущиеся наружу эмоции, помог своей молодой жене выйти из машины. Очутившись на холодном пронзительном ветру, он расправил плащ и поспешно набросил его на ее и свои плечи.

Вихревые потоки с воем обрушивались на остров, разгоняясь от самого полюса. Под их яростными ударами люди шли, спотыкаясь и едва не падая; черные локоны Тамары развевались на ветру, словно разорванные флаги. Райерсону показалось, почти

* Питеас (Пифей) (IV в. до н. э.) — древнегреческий астроном, математик и географ.

на пределе слышимости, что скала под его ногами резонирует с воем ветра, только в другой, более низкой тональности. Причиной, несомненно, служил страшный грохот и рев сталкивающихся между собой огромных волн, которые раз за разом наносили сокрушительные удары по скалам. Но в эту минуту ему вдруг почудилось, что из глубины до него доносится трубный глас отцовского Бога, существование которого он всегда отрицал. Отчаянно сопротивляясь ветру, он с большим трудом одолел дорогу к дому и онемевшими пальцами коснулся старинного дверного кольца из позеленевшей бронзы.

Магнус Райерсон открыл дверь и махнул рукой, чтобы они проходили в дом.

— Я не ожидал вас так рано, — сказал он, и в его устах это прозвучало почти извинением, если он вообще мог извиняться. Он захлопнул входную дверь, разом отсекая рвущийся внутрь ветер, и наступившая тишина словно оглушила их.

Основная комната, в которой они сейчас находились — побеленная, с кирпичным полом и массивными стенами, — была необычной формы; камин, где голубые огоньки лениво лизали брикетки торфа, являлся ее жизненным средоточием. Значительной уступкой современной эпохе был световар и бесподобная увеличенная фотография двойной звезды Сириус. Нельзя не упомянуть и о бесчисленных навигационных справочниках или всевозможных камнях, шкурах и божках, навезенных из дальних странствий по ту сторону неба. В конце концов, у любого капитана дальнего плавания наверняка сохранился навигационный справочник Боудича* и всякие памятные вещицы. Стены расчерчивали полки, уставленные книгами и микрокатушками. Объемистые тома были в основном старинными; среди них нашлось бы совсем мало книг, написанных на современном английском.

Магнус Райерсон стоял, опершись на трость, изготовленную из неземного дерева. Роста он был огромного — в юности достигал не менее двух метров, да и сейчас легкая сутулость не так уж укоротила его; такому росту вполне соответствовало и его мощное телосложение. Нос крутым и неровным бугром выступал из складок выдубленной кожи лица; седые волосы спускались на плечи, седая борода — на грудь. Из-под лохматых бровей сурово смотрели маленькие голубые глазки. Его одежда, соответственно с местными традициями, состояла из вязаного свитера и парусиновых брюк. Прошло несколько минут, прежде чем

* Н. Боудич (умер в 1838 г.) — американский математик и астроном.

Дэвид, опомнившись от потрясения, понял, что кисть правой руки отца — искусственная.

— Что ж, — раскатисто произнес наконец Магнус на беглом интерлингве, — значит, это и есть новобрачная. Тамара Сувито Райерсон, да? Добро пожаловать, девочка. — Особого тепла в его голосе не чувствовалось.

Та склонила голову к сложенным вместе ладоням.

— Со всей покорностью приветствую вас, уважаемый отец.

Она была австралийкой, типичной представительницей высшего класса своего родного континента — изящно сложенная, с кожей цвета золотистой бронзы, иссиня-черными волосами и раскосыми черными глазами. Одета она была с подобающей скромностью: длинное белое платье и плащ с капюшоном, никаких украшений, кроме свадебной ленты с монограммой Райерсона.

Магнус отвел от нее взгляд и посмотрел на сына.

— Дочь профессора, говоришь? — пробормотал он по-английски.

— Профессора символики, — вызывающе бросил ему Дэвид на интерлингве, который его жена понимала. — Мы с Тамарой встретились у него дома. Мне тогда очень не хватало знаний по основам символики, чтобы как следует разобраться в собственной специальности, и...

— Слишком долго объясняешь, — сухо обронил Магнус. — Садись.

И первым опустил в кресло. Дэвид, помедлив мгновение, последовал его примеру.

Ему буквально на днях исполнилось двадцать лет. Это был стройный юноша среднего роста, светлокожий блондин, с тонкими и резкими чертами лица и голубыми, как у отца, глазами. Непривычная для него туника бакалавра с эмблемой гравитики стесняла его, и он с удовольствием поменял бы ее на обычную куртку.

Тамара прошла в кухню и занялась приготовлением чая. Магнус поглядел ей вслед.

— Во всяком случае, порядок знает, — проворчал он по-английски. — А отсюда следует, что семья ее по меньшей мере языческая, не то что все эти теперешние атеисты. Это уже кое-что.

У Дэвида возникло такое чувство, будто на него всей тяжестью навалились годы, проведенные на этом острове один на один с овдовевшим отцом. Он подавил гнев и, обратившись к отцу, также заговорил по-английски:

— Более удачной партии я не смог бы сделать. Даже из каких-то грязных практических соображений. К примеру, стать

техном, женившись на женщине из семьи технов, и... Ты ведь всегда хотел, чтобы я сделал это? Я добьюсь ранга техна, заслужив его сам.

— Если ты останешься на Земле, — заметил Магнус. — Кто обратит внимание на колониста?

— Кто обратит внимание на какого-то землянина среди десяти миллиардов подобных? — огрызнулся Дэвид. — На новой планете — на Раме — человек может быть самым собой. Там эти дурацкие родовые различия не будут иметь никакого значения.

— Места достаточно и здесь, — сказал Магнус. — Мальчиком ты, помнится, никогда не жаловался, что на Скъюле слишком много народу.

— И я бы создал здесь семью с какой-нибудь неграмотной толстомордой торговкой рыбой, зато прекрасной христианкой, которую ты бы мне выбрал, и всю свою жизнь возвращивал новых слуг для Протектората.

Дэвид выпалил эти слова, прежде чем успел подумать, и теперь в каком-то смятении ожидал ответной реакции отца. В течение пятнадцати лет из двадцати этот человек выгонял его из дома в любую погоду или без ужина отправлял спать. Он уже вырвался из-под его опеки, избавился от покровительства кого бы то ни было, за исключением сюзеренов с правом контракта и любого генерала, который последним завладеет титулом Регента. Но на деле все было не так просто. Дэвид поежился. Он знал, что сам никогда бы не решился эмигрировать, если бы его несмелое желание не имело поддержки непреклонной воли Тамары, которая мягко подталкивала его к принятию этого решения. Он, вероятно, никогда бы даже не женился на ней, подчинившись нежеланию отца, если бы не согласие на брак — и даже больше, чем согласие — ее отца... Дэвид крепко сжал потрепанные подлокотники кресла.

Магнус вздохнул. Он пошарил по карманам в поисках трубки и кيسета.

— Я бы предпочел, чтобы ты остался на Земле, — неожиданно мягко проговорил он. — К тому времени, когда с системы Вашингтона-5584 снимут карантин, я успею умереть.

Дэвид стиснул зубы. «Ах ты, седой старый мошенник, — подумал он, — если ты надеешься подловить меня таким образом...»

— Это вовсе не означает, что ты все свои дни будешь привязан к одному острову, — сказал Магнус. — Почему я истратил сбережения на образование своих сыновей? Чтобы они, окончив Академию, смогли стать космонавтами, кем был когда-то и я, а до меня — мой отец и дед. Земля — это не тюрьма. Вслед за

звездолетами земляне могут все дальше и дальше забираться в космос. А что до колоний, так это и есть самое настоящее захолустье. Кто хоть однажды уезжает туда на поселение, никогда сюда не возвращается.

— А что здесь есть такого особенного, к чему возвращаться? — заметил Дэвид. И через минуту добавил, в неуклюжей попытке примирения: — И потом, отец, я — последний. Их всех поглотил космос. Тома убила радиация, Неда подстерег метеорит, Эрик сам стал падающей звездой, а Иан просто не вернулся оттуда, где бы он ни был. Разве ты не хочешь, чтобы наш род не прервался хотя бы на мне?

— Значит, ты просто трясешься за свою жизнь?

— Нет, погоди! Ты ведь знаешь, насколько опасной может оказаться новая планета. Вот почему первым поселенцам в течение тридцати лет придется жить в условиях абсолютной изоляции. Если ты думаешь, что я...

— Нет, — сказал Магнус. — Нет, ты не трус, Дэйви, когда речь идет о чем-то материальном. Но когда ты имеешь дело с людьми... Я не знаю, какой ты. Ты что, убегаешь от людей, как в свое время пытался убежать от Господа Бога Иеговы? На Раме не так много народу, как на Земле; и нет нужды работать с ними и против них одновременно, как на корабле... Что ж... — Он наклонился вперед; в его пластиковой руке продолжала тлеть трубка. — Ну да, конечно, я хочу, чтобы ты стал космонавтом. Я не могу решать за тебя. Но если бы ты попробовал, хоть раз, чтобы, честно вернувшись, мог сказать мне, что не рожден для звезд и... и пустоты, и неба, окружающего тебя со всех сторон... Ты понимаешь? Вот тогда я дал бы тебе возможность улететь на ту проклятую планету. Но не раньше. Иначе я никогда не смогу узнать, до какой степени я позволил тебе обманываться относительно самого себя.

Он замолчал. В наступившей тишине было слышно только скорбное завывание ветра под крышей и отдаленное ворчание моря.

Наконец Дэвид медленно проговорил:

— Так вот почему ты... да. Это ты предложил мою кандидатуру техну Макларену для участия в той экспедиции к черной звезде?

Магнус кивнул:

— От своих друзей в Отделе я слышал, что Макларен добился смены курса «Креста». Кое-кто из них был порядком раздосадован. Еще бы! В конце концов, «Южный Крест» — первый корабль, посланный к далекой цели, по-настоящему далекой. Сейчас он находится так далеко от Земли, как не добирался еще ни один корабль. Для них эта смена курса была как бы наруше-

нием установленного порядка. — Он пожал плечами. — Одному Богу известно, когда нам теперь удастся попасть на альфу Южного Креста. И все же я понял, что Макларен прав. Как тройная звезда, Альфа, может, и интересна, но самое что ни на есть остывшее солнце неизмеримо важнее для науки. Во всяком случае, я пустил в ход кое-какие связи. Макларену нужен специалист по гравитике, для помощи в сборе данных. Должность — твоя, если есть желание.

— У меня его нет, — ответил Дэвид. — Сколько времени займет эта экспедиция? Месяц, два месяца? Через месяц я планировал уже быть на Раме и выбирать себе участок.

— Прошло всего несколько недель, как ты женился. О да, я понимаю. Но тебя могут послать на Рам, как только ты вернешься — ожидается еще несколько миграционных волн. Зато у тебя будет космическое жалование плюс исследовательские как дополнительное вознаграждение, приобретен кое-какой ценный опыт и, — ехидно закончил Магнус, — мое благословение. В противном случае можешь сию же минуту убираться из моего дома.

Дэвид вжался в кресло, словно увидел перед собой врага. Он слышал, как Тамара медленно ходит по кухне, осваиваясь в незнакомом ей месте. Старый дикарь не то что слегка, а порядком напугал ее. Если он полетит, ей придется остаться здесь, скованной как цепью определенными нормами поведения — тем, от чего они надеялись освободиться на Раме. В общем, довольно унылая перспектива и для нее.

И все же, думал Дэвид, глядя в это угрюмое лицо, однажды весенней ночью оно обратилось к небу, рассказывая ему о звездах и называя их по именам.

Глава 3

Охара, обладатель черного пояса третьей степени, был достойным противником. Но и ему на какую-то долю секунды изменила его обычная стремительная реакция. Он неосторожно выдвинулся, и Сейки Накамура под одобрителный свист публики резким ударом ноги бросил его на ковер. Используя шанс, Накамура ринулся в атаку. Усевшись на Охару и парализовав тем самым всю нижнюю половину его туловища, начиная от пояса, он применил удушающий захват. Охара попытался было использовать контрприем, но задохнувшиеся легкие подвели его. Почти теряя сознание, он шлепнулся на ковер. Накамура отпустил его и в ожидании уселся рядом на корточки. Вскоре

Охара поднялся. То же самое сделал и победитель. Оба развязали свои пояса и поклонились друг другу. Судья, настоятель монастыря, пробормотал пару слов, которыми и закончилось состязание. Соперники сели, закрыли глаза, и на какое-то время в помещении воцарилось безмолвие медитации.

Накамура уже давно прошел ту стадию, когда наслаждаются победой ради победы. Он по-прежнему радовался эстетизму отточенного приема. Ну что за восхитительная игрушка — человеческое тело, особенно когда знаешь, как мастерски бросить сквозь воздух восемьдесят сопротивляющихся килограммов! Но он знал, что даже эта радость является проявлением слабости духа. Дзюдо — больше чем один из видов спорта; его бы следовало назвать средством к достижению цели: в идеальном случае физической формой медитации в принципах дзена*.

Он спрашивал себя, сможет ли он когда-либо достигнуть такой высоты. И тут же рядом возникала бунтарская мысль: а есть ли вообще такой человек, который в своей жизни когда-либо достигал этой высоты, и не на несколько мгновений, а хотя бы чуть больше... Это была недостойная мысль. Обладателю черного пояса пятой степени следовало бы прекратить обсуждать про себя тех, кто выше его. А теперь хватит о личном. Виной тут только его рассудок, как в зеркале отражающий напряжение происшедшей схватки, а всякое напряжение, как известно, — враг. Математическое образование позволяло ему представлять поля сил и человека в виде дифференциала dX (где X — функция от бесконечного множества переменных), который прикладывался так точно, исчезающе малыми приращениями действия, что большие поля как бы перетекали одно в другое, и... Подходящий ли это аналог? Надо как-нибудь обязательно обсудить этот вопрос с настоятелем; ведь слишком точный аналог, скорее всего, не отражает реальности. А сейчас он бы предпочел помедитировать об одном из традиционных парадоксов: проанализировать звук, производимый двумя хлопающими ладонями, затем — звук, производимый одной хлопающей ладонью.

Настоятель произнес еще одно слово. Несколько участников состязания, сидевших на ковре, поклонились судье, встали и направились в душевую. Зрители — монахи в желтых одеяниях и разношерстная группа горожан — поднялись с мягких подушек и, оживленно обмениваясь репликами, смешались друг с другом.

* Одна из форм буддистских религий, учение о самодисциплине, медитации и о достижении человеком духовного просветления посредством обращения к своему внутреннему миру.

Накамура, малорослый коренастый мужчина, переоделся в простой серый комбинезон, скатал и сунул под мышку свой коврик и вышел на улицу. Там он увидел настоятеля, беседующего с Диомедом Умфандо, начальником местного гарнизона Протектората. Накамура остановился и подождал, пока его не заметят. Затем он поклонился и почтительно втянул в себя воздух.

— А! — воскликнул настоятель. — Сегодняшний турнир поистине достоин восхищения.

— Ничего особенного, достопочтенный, — сказал Накамура.

— Что ты... Ах да, ну конечно. Ты ведь завтра отбываешь, не так ли?

— Да, учитель. На «Южном Кресте», экспедиция к черной звезде. Точно еще не известно, сколько я буду отсутствовать. — Он рассмеялся, и в его смехе явно слышалось самоосуждение — как того требовали нормы приличия. — Не исключено, что кто-то из нас не вернется. Могу ли я обратиться к достопочтенному настоятелю с покорной просьбой о...

— Конечно, — ответил старик. — Твоя жена и дети всегда могут рассчитывать на наше покровительство, и образование твои сыновья получают здесь, если для них не найдется лучшего места. — Он улыбнулся. — Но у кого могут быть сомнения, что лучший пилот на Сарае не вернется победителем?

Они обменялись общепринятыми любезностями. Затем Накамура пошел прощаться со своими многочисленными друзьями. Подойдя к двери, он заметил высокую фигуру капитана Умфандо в синей форме. Тот поклонился.

— Я сейчас возвращаюсь в город, — почти извиняясь, произнес офицер. — Могу ли я просить об удовольствии составить вам компанию?

— Если моя недостойная особа сможет хоть немного развлечь благородного капитана.

Они вышли вместе. Спортивная школа была частью буддийского монастыря, расположенного в двух-трех километрах от города Суза. Дорога вела их через хлебные поля и в этот час была совершенно пустынна, так как зрители все еще пили чай под гостеприимной красной крышей монастыря. Некоторое время Накамура и Умфандо шли молча; телохранители капитана с винтовками у плеча следовали за ними, стараясь не мешать.

Капелла уже давно зашла за горизонт. Ее шестая планета, гигант Иль-Хан, была почти в полной фазе — огромный золотой щит, переливающийся сотней оттенков. На небе виднелись еще два ее спутника, по своим размерам немного уступающие Сараю, на котором, в отличие от них, жили люди; сама же

планета Сарай была величиной с Землю. В багрянце неба слабо мерцали всего несколько звезд, сумевших не затеряться во всем этом блистающем великолепии; в золотистом сиянии утопали поля; вдали тускло светились фонари Сузы. Небеса исчеркивались следами метеоров, словно там, наверху, кто-то торопливо писал условными значками. Слева на горизонте вздымался горный массив, его пики, устремляющиеся все выше и выше, были покрыты снежными шапками. Где-то невдалеке выводила рулады неведомая ночная птица, ей в ответ стрекотали насекомые, на хлебных нивах с тихим шелестом прогуливался ветерок. И только хруст шагов по гравию грубо прерывал эту идиллическую симфонию звуков.

— Восхитительный мир, — тихо проговорил Накамура.

Капитан Умфандо пожал плечами. На его черном как смоль лице появилась брезгливая гримаса.

— Хотелось бы мне, чтобы он был дружелюбнее.

— Уверяю вас, сэр, что, несмотря на политические разногласия, ни к вам лично, ни к вашим людям никакой враждебности...

— Да бросьте, — перебил его офицер. — Я не так уж наивен. Начать с того, что Сарай вправе испытывать к нам неприязнь просто потому, что мы — солдаты и сборщики налогов для какой-то там Земли, которая даже посетить ее не позволит обычному колонисту. Но подобные чувства вскоре возникнут и у самого солдата. Дети швыряли в меня комки грязи, даже когда я не был при форме.

— Мне очень жаль, — огорчился Накамура. — Могу ли я принести извинения от имени своего города?

Умфандо пожал плечами:

— Я не уверен, уместны ли здесь извинения. Мне не следовало делать карьеру в армии Регента. А Земля занимается тем, что повсюду эксплуатирует колонии. Можно придумать более мягкие выражения или оправдания, но слово «эксплуатация» более точно отражает ситуацию.

На мгновение он задумался, а затем с каким-то отчаянием в голосе спросил:

— Но что еще умеет делать Земля?

Накамура ничего не ответил. Некоторое время они продолжали идти молча.

Наконец Умфандо заговорил.

— Хочу спросить вас без обиняков. — Не увидев на плоском лице собеседника особого желания отвечать, он, сделав над собой усилие, продолжал: — Вам известно, что вы — один из лучших штурманов в Гильдии; как, впрочем, и любой штурман в системе Капеллы — таковым он просто обязан быть! —

но вы как раз тот, к кому обращаются в особо трудных ситуациях. Вы участвовали в дюжине исследовательских миссий в новые системы. Это не обогатило вас, но вы стали одним из самых влиятельных людей на Сарае. Почему именно *вы* относитесь ко мне по-человечески?

Накамура глубоко задумался.

— Что ж, — сказал он наконец, — я не нахожу политику достаточно значимой, чтобы спорить из-за нее.

— Понятно. — Испытывая легкое замешательство, Умфандо переменял тему: — Если желаете, завтра могу подобрать вас на Батый военным транспортным кораблем. Вас высадят прямо на передаточной станции.

— Благодарю, я уже заказал билет на рейс регулярной межпланетной транспортной службы.

— А-а... На «Кресте» вы запросили каюту?

— Нет. На этом корабле мне несколько раз приходилось нести вахту — наравне со всеми, конечно. Хороший корабль. Возможно, сейчас он несколько старомоден, зато добротно сделан. Гильдия предложила мне отправиться в экспедицию, и я, поскольку других обязательств у меня не было, принял их предложение.

Умфандо знал, что предложения Гильдии, по существу, являлись предписанием для космонавтов нижних чинов. Человек с таким положением, как Накамура, мог и отказаться. Но, возможно, именно безотказностью и завоевывается подобная репутация.

— Есть причины для беспокойства? — спросил он.

— Никогда нельзя быть уверенным. Величайшей человеческой ошибкой является ожидание. Человек, полностью освободившийся от напряжения и ожидания, готов ко всему, что бы ни стряслось: ему не надо выходить из неподходящего для той или иной ситуации состояния, а значит, он успевает вовремя среагировать.

— Ха! Наверное, всем штурманам следует вменить в обязанность освоить дзюдо.

— Не думаю, что в принудительном порядке можно понастоящему освоить какую-либо науку.

Впереди Накамура увидел свой дом. Он стоял на краю города, полускрытый зарослями бамбука, привезенного с Земли. Накамура потратил уйму времени, чтобы привести территорию вокруг дома в надлежащий вид; зато теперь многие из его гостей восхищаются красотой сада, что весьма любезно с их стороны. Он вздохнул. Привлекательный дом, хорошая верная жена, четверо подающих надежду детей, здоровье и успех... Что еще может пожелать себе непритязательный человек? Он признался себе, что его воспоминания о Киото подернуты дымкой забвения;

ведь он еще ребенком покинул Землю. Безмятежный малолетний Сарай, несомненно, предоставляет больше возможностей, чем их дает бедная, измученная Земля, этот людской муравейник, даже своим правителям. И все же иногда он просыпался по утрам под мелодичный перезвон храмовых колокольчиков Киото, звучащий в его ушах.

Он остановился у входа.

— Не окажете ли нам честь зайти на чашечку чая? — спросил он.

— Нет, спасибо, — не совсем вежливо ответил Умфандо. — Вам с семьей надо... надо попрощаться. Я еще увижусь с вами, когда...

Небо неожиданно прочертил огненный сполох. На какое-то мгновение голубое пламя заставило померкнуть самого Иль-Хана. Болид с силой ударился об землю где-то в районе гор. Над израненными пиками ярко вспыхнуло пламя неистовой энергии. Затем дым и пыль смешались в каком-то дьявольском водовороте, а мгновение спустя оглушительный гром прокатился по всей долине.

Умфандо свистнул:

— Вот это махина!

— А... да... очень необычно... да-да, — запинаясь, пробормотал Накамура. Словно в тумане, он поклонился, желая капитану доброй ночи, и с трудом удержал себя, чтобы сломя голову не побежать по дорожке под спасительную крышу. Он просто пошел, но пока он шел, его била дрожь.

«Это всего лишь метеорит, — словно безумев, говорил он себе. — Всего лишь метеорит. Пространство вокруг гигантской звезды, тесной двойной — как Капелла, и особенно в окрестностях самой большой ее планеты, наверняка забито всяким космическим мусором. Каждый день миллиарды метеоров наносят удары по Сараю. Сотни из них прорываются к его поверхности. Но ведь Сарай, — сказал он себе, — такой же большой, как Земля. На Сарае есть океаны, пустыни, необитаемые преерии и леса... и еще на Сарае, как и на Земле, убьет скорее молния, чем метеорит, и... и...»

— О, драгоценность в чаше лотоса! — вскрикнул он. — Я боюсь. Я боюсь черного солнца.

Глава 4

Снова пошел дождь, но на Красне это никого не раздражает. В такую погоду здесь надевают легкие непромокаемые одежды и радуются каплям дождя на лицах, хоть ненадолго разгоня-

ющего сгустившийся жаркий воздух. Тучи над головой постепенно редели, и мокрая почва начинает тускло отсвечивать. Иногда разрывается даже самый верхний слой облаков, и тогда в этот прорыв, пронзая черно-синие тучи и серебристый дождик, от тау Кита устремляется ослепляющий красноватый луч.

Чанг Свердлов въехал в Динамогорск; сзади к его седлу был привязан рогатый зверь. Травля зверя оказалась опасным мероприятием: они мчались через стоячие болота и лишенные всякой растительности, неприветливые отроги хребта Царя Николая IV. Чанг отчаянно нуждался в доказательстве, подтверждающем правоту его слов: он всего лишь выезжал поохотиться. Мукерджи, начальник контрразведки, начал что-то подозревать, разрази его Бог.

Два солдата шли рядом по возвышающемуся над дорогой тротуару. Дождь барабанил по их шлемам и целыми потоками низвергался вниз по дулам винтовок, повешенных через плечо.

По улицам, подобным Ревущей дороге, солдаты Земли обычно ходили по двое и вооруженные до зубов, готовые в любую секунду отразить нападение какого-нибудь красненского работника утопающего в грязи ранчо, или рыбака, шахтера, лесоруба, траппера*, в скандалах и драках на время забывающего весь ужас своего годами копившегося одиночества. Залив нутро водкой или рисовым вином по самое горло и прихватив с собой для большего удовольствия *fille-de-joie*** с начесом на голове, он, смутно подозревая, что с ним ведется нечестная игра, был способен стрелять из орудий своей ненависти при одном только взгляде на синеспинника.

Свердлов испытал удовольствие, плюнув на солдатские сапоги, мелькавшие где-то на уровне его головы. При таком ливне это осталось незамеченным. Особенно если учесть шум, толкотню, мигающие огни и раскаты грома над фронтонами городских зданий. Он причмокнул, понукая свою ящероподобную клячу, и направил ее к середине раскисшей дороги, именуемой Ревущей. Сутолока на улице не внесла в его настроение заметного улучшения, скорее наоборот. «Доложусь, — подумал он, — и пойду выпрошу себе аванс в банке Гильдии, а уж потом наверстаю свои шесть недель. Буду куролесить так, что меня надолго запомнят все “веселые” дома!»

Он свернул на проспект Тигров и остановился перед известным ему трактиром. Привязав своего ящера и кинув сторожу монету, он вошел в пивной бар. Как всегда, там было полно

* Охотник, ставящий капканы.

** Девушка для утех, проститутка (фр.).

народу и все галдели одновременно. Он протолкнулся к стойке. Хозяин сразу узнал его: Свердлов был молодым человеком богатырского сложения, круглоголовый, коротко стриженный, с мясистым носом и маленькими карими глазами на рябом лице. Хозяин достал кружку с квасом, добавил туда водки и выставил на стойку. Он кивнул на потолок.

— Я скажу ей, что ты здесь, — сказал он и вышел.

Свердлов оперся на стойку, держа кружку в одной руке, а другой поглаживая рукоятку пистолета. «Хотел бы я, чтобы наверху меня действительно ожидала одна из девушек, — подумал он. — Нужна ли нам эта дешевая мелодрама с шифрами и паролями, да и вообще вся эта ячейковая организация?» Он внимательно оглядел комнату, бурлившую полуобнаженными людьми. Кто-то играет в шахматы, кто-то в карты, кто-то рассказывает сальный анекдот, кто-то хвастается, кто-то угождает; там наблюдают за индийской борьбой, а вон там в углу начинается драка — и это его красняне! Навряд ли кто-то из них может быть платным согладатеом Регента, и все же...

Хозяин вернулся.

— Она здесь и ждет тебя, — осклабился он. Двое мужчин неподалеку от них похабно заржали. Свердлов опрокинул в себя содержимое кружки, раскурил одну из тех дешевых сигар, которым он оказывал предпочтение, и ринулся сквозь всю эту толпу к лестнице.

В конце коридора на четвертом этаже он постучал в дверь. Голос за дверью предложил ему войти. Комната оказалась совсем небольшой и безвкусно обставленной, зато окном она выходила на улицу, ведущую прямо к границе города, где совершенно неожиданно глазам открывалась какая-то нереальная, воздушная красота деревьев в радужном многоцветии. Сквозь редкий красненский дождь посверкивали молнии. Про себя Свердлов с презрением подумал: а есть ли на Земле, у каждого ее порога, такие же джунгли и бесконечные просторы?

Он закрыл дверь и кивнул двоим мужчинам, сидевшим в ожидании. Он уже знал Ли Цуна, а вот сухощавый, похожий на араба парень был ему незнаком. Но их, тем не менее, и не думали представлять друг другу.

Ли Цун вопросительно поднял бровь.

— Все идет прекрасно, — проговорил Свердлов. — У них там возникли еще кое-какие затруднения — воздушные споры основательно подпортили им электроизоляцию, но мне думается, я нашел решение. Люди с Низины хорошо подкармливают наших ребят, нет и намека на то, что кто-либо выдал их. Пока нет.

— Речь идет о подпольном заводе по производству бомб? — спросил худой мужчина.

— Нет, — ответил Ли Цун. — Пора и тебе узнать об этих делах, тем более что сегодня ты покидаешь систему. Этот человек помогает контролировать нечто более важное, чем изготовление стрелкового оружия. Они там всю налаживают производство по выпуску межпланетных реактивных снарядов.

— Но для чего? — спросил незнакомец. — Ведь если Братство завладеет передатчиком материи, то пройдут годы, прежде чем прибудет подкрепление из какой бы то ни было системы. У вас тогда будет достаточно времени, чтобы создать тяжелое вооружение. — Он вопросительно взглянул на Свердлова. Ли Цун кивнул. — К тому же, — продолжил худой мужчина, — мой отдел старается, чтобы вооруженные силы Протектората находились к нам не ближе самой Земли. И в случае одновременной революции на дюжине планет их звездолеты, возможно, достигнут тау Кита по меньшей мере через два десятилетия.

— Хм, — пробормотал Свердлов. Он опустил в кресло. Сигара в его волосатой руке ткнула воздух по направлению к худому мужчине. — А вы никогда не думали, что эти земляне — не дураки? Передатчик материи для системы тау Кита уже там, на Луне Два. Наверняка. Мы или завладеем им, или уничтожим. Но неужели это *единственный* нуль-передатчик на всю округу?

Худой мужчина поперхнулся.

— Это не нашего ума дело, — пробормотал Ли Цун. — Чтобы сдерживать людей, достаточно уже одного священного трепета перед Землей. Но, по правде сказать, Регент — идиот, если на какой-нибудь маловероятной орбите нет хотя бы одного астероида с установленным на нем сверхмощным передатчиком. И тогда уже через несколько часов после провозглашения независимости можно ждать в своих небесах появления флота противника. Мы должны быть готовы дать им отпор!

— Но... — произнес худой мужчина, — но это значит, что для подготовки потребуется больше лет, чем я думал. Я надеялся...

— Сорок лет тому назад в системе Центавра восстание было преждевременным, — прервал его Ли Цун. — Давайте никогда не забывать тот страшный урок. Вы что, хотите подвергнуться лоботомии?

На какое-то время все замолчали. По крыше барабанил дождь. Внизу на улице двое бродяг, судя по всему, только что вернувшихся с Нагорья, устраивали бой ящеров.

— Что ж, — произнес наконец Свердлов. — Я, пожалуй, пойду.

— О нет, тебе следует остаться, — сказал Ли Цун. — Предполагается, что ты сейчас у женщины. Разве ты забыл?

Свердлов нетерпеливо фыркнул, но послушно достал из кармана миниатюрную шахматную доску с комплектом фигур.

— В таком случае кто сыграет со мной блиц-партию?

— Что, лавры победителя настолько притягательны? — спросил Ли Цун.

Свердлов выругался.

— Почти весь свой отпуск я охотился, продираясь сквозь кустарник и даже карабкаясь на вершину Царя, — сказал он. — Я на несколько недель уезжаю в Тово — или еще хуже, в Крымчак или в Купру, а то и в Белт; в Тово, по крайней мере, есть поселок. А может, даже на месяцы! Дайте хоть немного расслабиться.

— По правде сказать, — произнес Ли Цун, — следующее место твоего пребывания уже определено, и оно не совпадает ни с одним из упомянутых тобой. Оно находится за пределами системы. — Согласно образу-легенде, созданному для публики, он был мелким чиновником в Гильдии Астронавтов.

— Что? — Свердлов сыпал проклятиями целую минуту. — Ты хочешь сказать, что меня на месяц запрут в каком-то вонючем корабле, болтающемся среди звезд, и...

— Спокойно, спокойно, прошу тебя. Тебе не придется нести обычную одинокую вахту — из тех, что «на всякий случай». Эта будет гораздо интереснее — на ХА 463, «Южный Крест».

Свердлов задумался. В свое время он достаточно полетал на звездолетах, но никогда особенно не интересовался ими: для него они были частью нудной поденщины, одной из наименее привлекательных сторон жизни космонавтов. А однажды его очередное дежурство пришлось даже на тот период, когда к земному сообществу звездных систем подсоединяли новую систему, но и оно оставило его равнодушным. Планеты новой системы оказались ядовитыми преисподнями, и как только его дежурство окончилось, он поспешил вернуться домой, даже не дождавшись завершения работ по установке ретрансляционной станции — пусть дьявол хлебнет за него на ее торжественном открытии.

— Понятия не имею, о каком звездолете идет речь, — проговорил Свердлов.

— Он направляется к альфе Южного Креста. Или направлялся. Несколько лет тому назад робоконтроль, в обычном порядке анализируя фотографии, полученные приборами звездолета, выявил кое-какие расхождения. Главным образом, смещение не-

которых звезд на заднем плане — по законам Эйнштейна о влиянии массы на прямолинейность световых лучей. При более тщательном изучении обнаружилось, что в том направлении действует слабый источник длинных радиоволн. По-видимому, эти волны — не что иное, как предсмертные вздохи угасающей звезды.

Поскольку работа Свердлова была связана с атомным ядром, он не мог не возразить.

— Я так не думаю. Не исключено, что предсмертные вздохи, как ты выразился, могут быть высвобожденной в виде излучения гравитационной потенциальной энергией после того, как собственная топка звезды полностью исчерпала свои внутренние ресурсы. Но небесное тело, остывшее до такой степени, может излучать только на длинных радиоволнах... Я бы даже назвал этот процесс чем-то вроде турбулентного потока в том пространстве, что считается атмосферой. Считаю, что звезда не просто умирает — она уже *мертва*.

— Не знаю, — пожал плечами Ли Цун. — И думаю, что никто не знает. Экспедиция, о которой я говорил, и призвана ответить на подобные вопросы. От первоначальной цели — к альфе Южного Креста — на время отказались, притормозили корабль и направили его к черной звезде. Сейчас он уже на подходе к ней. Следующие вахтенные выведут его на орбиту и займутся предварительными исследованиями. И ты как инженер — в их составе.

Свердлов глубоко затянулся сигарой.

— Но почему я? — возразил он. — Я — межпланетник. Если не считать тех межзвездных вахтенных полетов — черт бы их побрал! — то я никогда не бывал за пределами таукитянской системы.

— Возможно, это и явилось одной из причин, почему избрали именно тебя, — ответил Ли Цун. — Гильдия не любит своих людей за их провинциальное мировоззрение.

— Еще бы, — усмехнулся Свердлов. — Мы, колонисты, можем отправляться путешествовать, куда нам заблагорассудится, но только не на Землю. Лишь наши товары попадают на Землю без специального на то разрешения.

— Тебе незачем вербовать нас в Братство Независимости, — сухо заметил худой мужчина.

Свердлов стиснул зубы.

— На борту ведь будут и эти земляне, не так ли? Определить меня на тот же корабль, где есть земляне, чревато неприятностями. — Слова с трудом проталкивались сквозь узкую щель его враз отвердевших губ.

— Нет, ты будешь предельно вежливо и доброжелательно сотрудничать, — резко возразил Ли Цун. — Были и другие причины твоего назначения. Не могу сказать тебе больше того, что говорю, но ты и сам можешь догадаться, что у нас есть единомышленники, даже члены нашего Братства, в самой Гильдии... на более высоком уровне, чем в ближнем космосе! Может быть, черная звезда даст нам кое-какие сведения с военной точки зрения. Кто знает? К примеру, что-нибудь о силовых полях или... Призови на помощь собственное воображение. От того, что на «Кресте» будет человек Братства, никому хуже не станет. Скорее наоборот. Доложишь мне, когда вернешься.

— Отлично, отлично, — проворчал Свердлов. — Полагаю, что месяц-другой смогу потерпеть этих землян.

— Вскоре ты получишь официальное предписание, — сказал ему Ли Цун. Он взглянул на часы. — Думаю, тебе уже можно бежать; у тебя ведь репутация мужчины, который, хм-м, быстро работает. Желаю хорошо провести время.

— И не болтай слишком много, когда напьешься, — добавил худой мужчина.

Свердлов задержался в дверях.

— Меня бы уже давно не было в живых, — ответил он, — если бы я болтал.

Глава 5

Для всего личного состава экспедиции Отдел зарезервировал места в первом классе, что означало прямой беспересадочный перелет до Луны при нормальной силе тяжести.

Дэвид Райерсон, забыв о напитке в руке, в задумчивости стоял у экрана.

— Знаете, а ведь я только два раза покидал Землю, — проговорил он. — Сегодня — третий. В прошлые два раза мы пересаживались на Сателлите и почти весь путь проделали в невесомости.

— Похоже, что было весело, — заметил Макларен. — Нужно как-нибудь попробовать.

— Вы... при вашей работе... вы, должно быть, часто бываете на Луне, — робко сказал Райерсон.

Макларен кивнул:

— Обсерватория горы Амбарцумяна — на обратной стороне. Тем не менее небольшое количество пыли и газа нам, конечно, мешает, но я позволю чистюлям отправиться к спутнику Плутона и вернуть мне свои снимки.

— Но... Нет. Простите меня. — Райерсон качнул своей белокурой головой.

— Продолжай. — Макларен, усевшись в шезлонг, который очертаниями сиденья похотливо повторял плавные изгибы человеческого тела, предложил тому пачку сигарет. Он считал, что хорошо знаком с подобным типом людей — серьезных, одаренных и амбициозных, но в благоговейном трепете взирающих на мишурный блеск ранга техна, который достается кому-то по наследству. — Смелее, — подбодрил он Райерсона. — Меня не так-то легко смутить.

— Я только хотел узнать... кто оплачивал все ваши рейсы... обсерватория или...

— Великие предки! Обсерватория! — Макларен запрокинул голову и рассмеялся искренним смехом человека, которому никогда не приходилось чего-либо серьезно опасаться. Звонкий смех заглушил тихую музыку, лившуюся с экрана. Звук задрезбезжал, а исполнительница стриптиза даже прекратила на мгновение раздеваться на своей сцене.

— Мой дорогой коллега, — сказал Макларен, — я не только оплачиваю стоимость перевозки своего брэнного тела, но от меня еще ждут, чтобы я великодушно пожертвовал на возмещение расходов этого учреждения. Во всяком случае, — добавил он, — мой отец именно этого и ждет от меня. Да и откуда, спрашивается, братья этим деньгам на теоретические исследования? Их, знаешь ли, невозможно выколотить налогами из простонародья. У них просто нет денег. На верхушку общества тоже надежды мало: их уже так зажали налогами, что дальше некуда. Можно сказать, просто выталкивают их к массам, живущим впроголодь. И поэтому Протекторат опирается на класс технов — обслуживая, но не оплачивая. Впрочем, это лишь в теории; на практике же большинство этих правителей вообще ничего не делает. Но как еще можно было бы поддерживать фундаментальную науку, если не частными финансовыми вливаниями? Слава Богу, за то, что Он вложил в людей эдакий инстинкт снобов; только благодаря этому и живы пока наука и искусство.

Райерсон испуганно оглянулся, словно ожидая, что их сию же минуту арестуют, и зашептал, осторожно присев на краешек кресла:

— Да, сэр, конечно же, я знаю. Просто я не очень хорошо... я был не совсем в курсе всей механики... финансирования.

— Да? Но как же так могло получиться, что у тебя такой пробел в знаниях? Ты ведь учился на ученого, не правда ли?

Райерсон отвернулся к иллюминатору, в котором была видна Земля. Сияние ее ореола, словно туман, напоздало даже на самые дальние созвездия и приглушало их блеск.

— Сначала я учился на космонавта, — краснея, произнес он. — Но в последние два года я увлекся гравитикой и мне пришлось с головой уйти в постижение этой науки и... ну... еще я намеревался эмигрировать, так что меня не интересовало... Колонии нуждаются в специалистах. Возможности...

«Первопроходничество означает неограниченные возможности стать скучнейшим из обывателей, эдакой занудно квакающей лягушкой — при условии, что лужа местного масштаба будет достаточно мелка», — подумал Макларен. Но вслух он довольно вежливо спросил:

— Куда?

— На Рам. Третья планета Вашингтона-5584.

— Хм? Ах да. Вновь открытая звезда. Карлик класса *G0*. Послушай, а сколько до нее отсюда?

— Девяносто семь световых лет. Рам только что прошел пятилетний тест — его обследовали по всем параметрам. — Воодушевившись, Райерсон подался вперед и уже без прежней робости продолжал: — Как ни удивительно, сэр, но из всех обнаруженных ранее планет Рам по своим характеристикам наиболее подходит к Земле. Биохимия настолько соответствует земной, что некоторые местные растения можно даже употреблять в пищу. Там есть климатические зоны, океаны, леса, горы, одна большая луна...

— И тридцать лет полной изоляции, — добавил Макларен. — Ничто не будет связывать вас со Вселенной, кроме голоса.

Райерсон снова покраснел.

— Разве это имеет большое значение? — вызывающе спросил он. — Да и что особенного мы теряем при этом?

— Думаю, ничего, — ответил Макларен. «Возможно, ваши жизни», — подумал он. — Помнишь фантомную чуму на Новом Кашмире? Или ваших детей — на Гондване обнаружился вирус, вызывавший мутации. Пять лет — не так уж много, чтобы как следует изучить планету. Тридцать лет карантина — это минимальный срок, особенно если учесть, что цифра взята произвольно. К тому же, несомненно, существуют и более заметные глазу грозные явления природы. Бури, землетрясения, трясины, вулканы, метеориты. Кумулятивные отравления. Дикие звери. Не вызывающие подозрений полуразумные аборигены. Необычность чужой среды, одиночество, сумасшествие. Поэтому не удивительно, что колонии, которым удалось выжить, развивают собственную культуру. И не удивительно,

что они начинают думать о Земле как о паразите, пользующемся плодами их собственного, поднадоевшего им героизма. Несомненно одно: у Земли, с ее десятью миллиардами населения и огромной территорией некогда пахотных, а теперь абсолютно бесплодных из-за радиации земель, практически нет выбора.

«Но мне бы очень хотелось знать, почему вообще продолжается эмиграция? Уроки были жестокими, так почему же тогда здравомыслящие люди — как этот юноша, к примеру, — отказываются воспользоваться ими?»

— Ну хорошо, — сказал он вслух. Он дал знак официанту. — Подзаправьте-ка нас, да побыстрее.

Райерсон невольно позавидовал той непринужденности, с которой его собеседник оформил заказ, и не удержался, чтобы не спросить:

— А вы всегда добираетесь до Луны первым классом?

Захватив губами новую сигарету, Макларен чиркнул зажигалкой и улыбнулся; от его улыбки сигарета поднялась торчком.

— Думаю, да, — ответил он. — Я всегда путешествовал по жизни первым классом.

Корабль развернулся кормой к Луне и стал двигаться задним ходом, пока наконец не произвел посадку в порту Тихо; ни напитки, ни пассажиры при этом маневре не пострадали. Макларен сразу перестроился на лунную гравитацию, а Райерсон, сильно побледнев, проглотил таблетку. Но даже в этот момент, когда ему было плохо, Райерсона угнетала мысль, что ему еще предстоит пройти через галерею к монорельсовой станции. Пассажирам третьего класса предписано смиренно выносить извечные бюрократические издевательства: соблюдать правила безопасности, стоять в очередях, определяться с местом проживания. На этот раз прошло всего несколько минут, а он уже снова удобно устроился на мягких диванных подушках и глядел в прозрачный кристалл окна, любуясь гордым величием гор, увенчанных острыми пиками.

Когда поезд тронулся, Райерсон сцепил пальцы рук. Он боялся, и страх этот был выше его. Не сразу, но он все же разобрался в причине подобного чувства: призрак отцовского Бога, величаво и с достоинством проповедующий с надгробия, которое воздвиг сын.

— Давай поедим, — предложил Макларен. — Я нарочно выбрал именно этот поезд. Он идет не так быстро, и мы как раз успеем получить в пути удовольствие от еды. Шеф-повар всю душу вкладывает в приготовление устриц в тесте.

— Я не... не голоден, — запинаясь, произнес Райерсон.

На смуглом, украшенном крючковатым носом лице Макларена промелькнула усмешка.

— Для этого, парень, и существуют коктейли и закуски. Так что набивай желудок. Если правда то, что я слышал о рационе в глубоком космосе, то нам придется помучиться месяц-другой.

— Вы хотите сказать, что никогда не летали на звездолетах?

— Конечно, нет. Никогда в жизни не залетал дальше Луны. Да и зачем мне заниматься подобной чепухой?

Макларен столь стремительно направился в вагон-ресторан, что плащ за его спиной взметнулся, словно пламя. Под переливающейся белой туникой вырисовывались ноги, мускулистые и безволосые, а ниже виднелись высокие кожаные ботинки на шнуровке; на голове надменно красовался лихо заломленный берет. Райерсон, в своем сером комбинезоне космонавта, уныло плелся позади. На душе у него было горько. «Какого черта я потащился сюда и бросил Тамару? Да разве этот павлин разбирается в чем-нибудь? Он нанялся в этот рейс, чтобы просто развлечься, вот и все; чтобы ненадолго отдохнуть от вина и женщин... а Тамара сейчас отрезана на какой-то скале от всего мира, а рядом это самодовольное старое животное, которое трясется от злости при одном упоминании ее имени!»

Они сели за столик, и Макларен продолжил:

— Но от возможности поучаствовать в этой экспедиции грех отказываться. В прошлом году я подыскал себе смиренного математика и поручил ему как следует разобраться в уравнении Шредингера — я имею в виду вариант релятивистской теории Сигумото. Юэнь теоретически допускает как раз то, что мне по вкусу — и даже слишком по вкусу. Тем не менее он решил уравнение с величинами, предполагаемыми у черной звезды: плотность массы, сила гравитации и так далее. Полученные им результаты заставили нас обоих задать себе вопрос: а не переходит ли подобное небесное тело в совершенно новую стадию дегенерации в самом ядре? Один гигантский нейтрон? Звучит, наверное, слишком фантастично. Но допустим...

И по мере того как монорельсовый поезд увлекал их дальше и дальше к Обратной стороне, Макларен, развивая свою теорию, все больше увлекался, перейдя с интерлингвы на язык математических терминов. Райерсон внимательно следил за математическими выкладками — порой Макларен даже испещрял формулами меню, но функция, которую он исследовал, была Райерсону неизвестна. Графически она выглядела замкнутой пространственной поверхностью и при определенных условиях сводилась к обобщенному тензору. Двумя часами позже, когда Райерсон вышел из поезда на Обратной стороне, голова его гудела.

Он уже слышал о циклопических сооружениях в кратере Юкава; полностью заполонив внутреннее пространство крате-

ра, они расползались по равнине за его пределами. Да и кто не слышал об этом? Но все, что он увидел в этот свой первый приезд на Луну, было лишь огромным вокзальным вестибюлем, заполненным множеством одетых в форму специалистов, и длинным покатым туннелем. Не скрывая разочарования, он робко заикнулся об этом Макларену.

— Совершенно верно, — кивнул новозеландец. — Залив в полуденных лучах солнца намного романтичнее, чем прыжок на пятьдесят световых лет; да и представление о проделанном расстоянии там совсем другое — как-то больше впечатляет. А уж о том, что на заливе более красивый пейзаж, и говорить не приходится. По-моему, космические путешествия чересчур превозносятся. Да и сами космонавты, насколько я слышал, предпочитают межпланетные перелеты, а свои безрадостные вахты в межзвездном пространстве воспринимают как неизбежную обязанность и несут их по очереди.

Туннель, по которому они шли, временами разветвлялся, и постоянно то тут, то там встречались указатели переходов на альфу Центавра, тау Кита, эпсилон Эридана, на все давно освоенные и заселенные системы. Переходы предназначались для пассажиров, отправка же грузов шла по другим каналам. Ни в одной из этих галерей особой суматохи не чувствовалось. Немногие земляне имели возможность вылететь за пределы Солнечной системы по делам бизнеса, еще меньше могло позволить себе такое путешествие ради удовольствия. Колонистов здесь практически не было: за исключением тех, кто прибыл сюда с согласия земной администрации, а свое согласие она давала очень и очень неохотно. Регенту и без того хватало забот, и он не собирался наживать себе новые. Ставить метрополию с ее миллиардами беспокойного населения под удар новых идей, рожденных под новыми звездами, или позволять колонистам воочию убедиться, в каком подчинении от Земли они находятся, не входило в его планы, и он препятствовал этому, как мог. Вот что было истинной причиной запрета, о чем знал каждый образованный обитатель Земли. Что же касается неграмотного большинства населения, то оно принимало на веру все официальные, довольно туманные оправдания со ссылками на торговую политику.

Галереи к переходам на Сириус, Прокцион и другие неколонизированные системы были почти пустынные. С этих систем было нечего взять — разве что какой-нибудь случайный самоцвет или редкий химический продукт. Их использовали в основном для установки ретрансляционных станций — с целью дальнейшей переброски людей на более полезные планеты.

В груди Райерсона вдруг гулко забилося сердце — он проходил мимо недавно установленного указателя: стрелка и выше — святящаяся надпись ПЕРЕХОД НА ВАШИНГТОН-5584. В том туннеле скоро будет тесно, буквально на следующей неделе!

Ему бы следовало быть там. И Тамаре. Ну да ладно, эта эмиграционная волна — не последняя. Его проезд уже оплачен, и поэтому он спокойно прошел мимо к следующей секции.

Чтобы не молчать, он, несколько принужденно, произнес:

— А где же переборки?

— Какие? — рассеянно спросил Макларен.

— Аварийные. Приемное устройство, хоть это и маловероятно, но может отказать. Поэтому здесь так много всяких сооружений и каждая звезда имеет свой нуль-передатчик. Нуль-переброска расходует невероятное количество энергии — это одна из причин, почему передача материи дороже перелета на звездолете. Даже незначительное приращение неизлученной энергии может расплавить всю нуль-камеру.

— Ах, это! Ну да. — Макларен не стал говорить, что все это ему хорошо известно — пусть поважничает! Парню хочется хоть как-то поддержать себя, не дать себе раскиснуть. Что же его все-таки гложет? Когда Отдел предлагает зеленому юнцу должность в экспедиции первостепенной важности — такой, как эта... Она, конечно, расстроила эмиграционные планы Райерсона. Но не слишком. Даже если он опоздает на несколько недель, ничего страшного не случится. Вряд ли все лучшие участки на Раме окажутся занятыми: если на то пошло, еще мало людей могут позволить себе оплатить проезд.

— Понимаю, о чем ты, — произнес Макларен. — Да, переборки здесь есть, но они углублены в стены и замаскированы. Кому же хочется подталкивать платежеспособных покупателей к мысли о возможной опасности? Какой-нибудь техн может разнервничаться и учинить скандал.

— Настанет время, — сказал Райерсон, — когда люди сократят потребление необходимой энергии и вместо изготовления трубок Франка научатся воспроизводить их. Записать образец и затем по нему воссоздавать, пользуясь банком памяти. Тогда каждый сможет позволить себе оседлать световые лучи. Межпланетные корабли, даже воздушные и наземные транспортные средства, выйдут из употребления.

Макларен промолчал. Иногда он размышлял — так, между делом — по поводу нереализованных возможностей нуль-транспортировки. Трудно сказать, как обернется для человека его личное бессмертие — хорошо или плохо. Но в том, что оно не для всех, сомнений быть не может! Только для немногих избранных — таких, как Теранги Макларен. Иначе говоря, сто-

ит ли волноваться? Даже подарив нам корабли, шахматы, музыку, драму ногаку*, красивых женщин и превосходные спектрометры, жизнь может стать нам в тягость.

Что же касается нуль-передач, то вся трудность — а следовательно, и затраты — исходит из сложности сигнала. Взять хотя бы взрослого человека. В нем содержится порядка 10^{14} клеток, каждая из которых — сложнейшая структура, включающая в себя огромное количество протеинов. А те, в свою очередь, состоят из миллионов молекул. Приходится сканировать каждую из этих молекул: определить ее структуру, зафиксировать ее энергетические уровни на данный момент и установить истинные пространственно-временные взаимоотношения с каждой другой молекулой. И все это проделать — насколько позволяют законы физики — практически одновременно. Нельзя разбирать человека на части или вновь собирать его дольше чем за несколько микросекунд — он просто не перенесет этого. Если же задержаться, то не стоит даже надеяться на перемещение хотя бы вполне узнаваемого бифштекса.

Поэтому сканирующий луч, словно энергетический клинок, многократно пронзает человека. На своем пути он не пропускает ни одного атома и, преобразуясь при этом, мгновенно переносит это преобразование на матрицу нуль-передатчика. С другой стороны, такой бешеный темп приводит к распаду. Сканируемый объект переходит в газообразное состояние, причем так быстро, что за этим процессом можно наблюдать только с помощью осциллографа. Газ всасывается в деструкционную камеру и затем, разложенный там на атомы, скапливается в банке памяти. В надлежащее время он примет вид прибывающего пассажира или прибывающего груза. В известном смысле человек умер.

Если суметь записать сигнал, который входит в матрицу передающего устройства, то такую запись можно было бы хранить целую вечность. Даже по прошествии тысячи лет можно будет воссоздать человека с его памятью, мыслями, привычками, предрассудками, надеждами и чувствами любви, ненависти и страха, которыми он обладал на момент записи. Можно было бы воспроизвести даже миллиард идентичных людей. Или, что еще целесообразнее, воплотить в жизнь искусственный прототип, единственный в своем роде, по которому можно сотворить хоть миллиард копий-близнецов. Так что Небытие окажется выгоднее какой-то пригоршни грязи**. Или еще так... наложить отпечатки образцов нейронных клеток, заключающих в себе всю память,

* Ногаку (или но) — классический японский театр.

** Намек на библейское создание человека из земного праха (Бытие, 2,7).

весь жизненный опыт человека на запись его двадцатилетнего тела, и это будет означать его второе рождение и бессмертие!

И все-таки сигнал чересчур усложнен. Ученые разрабатывают целые программы в этом направлении, но результаты пока неутешительны. Через несколько столетий в ученом мире, может, и найдут какой-нибудь хитрый способ, с помощью которого можно будет записать человека или хотя бы трубку Франка. Ну а пока нуль-транспортировка и сканирование должны проходить одновременно. К примеру, сигнал уходит. Возможно, его передают несколько раз. Рано или поздно он попадает в принимающее устройство желаемой нуль-камеры. Матрица принимающего устройства, питаемая распадающимися атомными ядрами, за считанные микросекунды сжимает газовое облачко, формирует более сложные элементы, далее — молекулы, клетки и все образы, запечатленные в сигнале. При этом происходит огромное потребление энергии. Ведь энергия слипания частиц, помогающая воссоздавать человека (или бифштекс, или звездолет, или товары с колониальных планет), в гравитационном и магнитном полях гасится. И вот воссозданный человек покидает приемную нуль-камеру и отправляется по своим делам.

«Моноизотопный элемент довольно прост для записи, — напомнил себе Макларен, — даже несмотря на то, что требует уйму транзисторных элементов. Поэтому современная цивилизация может позволить себе быть расточительной по отношению к металлам: например, использовать чистую ртуть для создания тяги в звездолетах. И все же мы пока едим хлеб, производимый человеком в поте лица своего».

В который раз, но без особого возмущения — жизнь ведь так коротка, чтобы тратить ее на что-то, не связанное с высмеиванием рода человеческого — Макларен спросил себя, а так ли уж трудна проблема записи, как утверждают физики. Революций не любит ни одно правительство, а молекулярное дублирование так революционизировало бы общество, что никто и представить бы себе не смог. Подумать только, что и без того приходится охранять станции и ограждать их здесь, на Луне... в противном случае даже и сегодня какой-нибудь фанатик может выкрасть из больницы трубку с радиом и продублировать его достаточное количество раз, чтобы хватило на стерилизацию планеты!

— Ну что ж, — негромко произнес он.

Они подошли к специальному смотровому отсеку и проследовали в контору. Здесь им предстояло испытать на себе все прелести бюрократической волокиты. Райерсон предоставил Макларену улаживать их дела и, пока тот был занят, пытался осмыслить, что образец, которым является он сам, вскоре будет материали-

зован в заново сформированных атомах в ста световых годах от Тамары. Постигнуть это было невозможно. Слова оставались только словами.

Наконец их бумаги были должным образом оформлены. Приемопередатчики, установленные на звездолетах, могут обслуживать несколько сот килограммов за один раз, поэтому Макларен и Райерсон вошли вместе. Им пришлось немного обождать, так как аварийные выключатели на «Южном Кресте» оказались заблокированными: кто-то другой, опередив их, только что отбыл или, наоборот, прибывал.

— Смотри сейчас в оба, — сказал Макларен. — Это — чудо.

— Что? — Райерсон, прищурившись, непонимающе взглянул на него.

Цепь замкнулась. Ощущений не было: технологический процесс шел слишком быстро, чтобы они успели появиться.

Сканирующее устройство послало свой сигнал в матрицу. Матрица наложилась на несущую волну. Но подобная терминология — обычный сленг, заимствованный из электроники. Не может быть «волны», если нет скорости, а у силы тяжести ее нет. (Это наиболее точное толкование общепринятого утверждения, что «гравитация распространяется с бесконечно большой скоростью».) Внутри термоядерной топки вспухали невообразимые энергии; ими ничто не управляло — ничто и не могло управлять ими, кроме генерируемых ими самими силовых полей. Материя пульсировала, переходя из состояния существования *qua** материи как таковой в состояние полного распада и опять в состояние существования — от частицы к кванту гамма-лучей и обратно. Поскольку кванты не имеют остаточной массы, эти пульсации, согласно законам механики Эйнштейна, нарушали геометрию пространства. Правда, незначительно — ведь гравитация действует слабее, нежели магнетизм или электричество. Если бы не эффект резонанса, сигнал затерялся бы в фоновых «шумах», не успев пройти и нескольких километров. Впрочем, сигнал поддерживали многочисленные ретрансляторы, установленные на всех парсеках пути, пока матрица на «Кресте» не восприняла его и не отреагировала соответствующим образом. Однако время, в известном смысле, стояло на месте, и ни один уважающий себя математик не назвал бы «луч» лучом. И все-таки это был сигнал, единственный сигнал, — как признают физики, специализирующиеся в теории относительности, — перемещающийся быстрее

* В качестве (*лат.*).

света. Впрочем, на самом деле он не *перемещается* — он просто *есть*.

Райерсон предусмотрительно проглотил таблетку, но все равно у него было такое ощущение, будто из-под ног уходит земля. Он ухватился за поручень. Остаточное изображение передающей нуль-камеры перетекло в катушки и блоки принимающего устройства на звездолете. Райерсон невесомым облачком газа парил в миллиарде триллионов километров от Земли.

Глава 6

Перед выходом из нуль-камер — или «над» ними во время ускорения — находился топливный отсек, за ним — гироскопы и установка для регенерации воздуха. Далее надо было пройти через обсервационный отсек, где теснились многочисленные приборы и лабораторное оборудование. Непрочная на вид стенка шахты для прохода отделяла производственное отделение от жилого. В шестиметровый круг были втиснуты откидные койки, кухня, ванная, стол, скамейки, полки и запирающиеся на замок рабочие шкафчики, по одному на каждого.

Сейки Накамура одной ногой обхватил стойку, чтобы как-то зафиксировать себя в потоке воздуха, и, подчиняясь неписаному правилу, листал вахтенный журнал. Это дало возможность остальным успокоиться. Светловолосый юноша — Дэвид Райерсон — похоже, особенно нуждался в этом. Астрофизик, Макларен, достиг необычайных успехов в искусстве приятного времяпрепровождения. Попыхивая отнюдь не дешевой земной сигаретой, он морщил свой аристократический нос, не привыкший обонять запах пота, кухонного чада и машинного масла, за двести лет пропитавшего старый корабль насквозь. Инженер Свердлов — высокий и некрасивый молодой человек крепкого сложения — просто угрюмо смотрел. Ни одного из них Накамура никогда прежде не встречал.

— Что ж, джентльмены, — произнес он наконец. — Простите меня, но я должен был ознакомиться с записями, оставленными последним штурманом. Теперь мне примерно известно состояние дел на сегодня. — Он рассмеялся, и в его смехе прозвучали нотки учтивого самоосуждения. — Все вы, конечно, знакомы с пунктами устава. Штурман является капитаном. В его обязанности входит вести корабль туда, куда пожелает ведущий ученый — в данном случае это доктор Макларен-сан, — но в пределах безопасности, по его собственному решению. В случае моей смерти или недееспособности командование кораблем воз-

лагается на инженера, э-э... Свердлова-сан, и вам следует вернуться домой как можно скорее. Да-с-с. Но я уверен, что наша совместная экспедиция будет приятной и поучительной во всех отношениях.

Он почувствовал, как банально прозвучали его слова. На тот случай, если в составе экипажа не было членов Гильдии, существовал закон — и закон мудрый, по которому полагалось в первую очередь привлечь всеобщее внимание к основному документу. Некоторые штурманы довольствовались тем, что вслух зачитывали устав, но Накамура эта процедура казалась какой-то бездушной. Вот только — он заметил растерянный и полный тоски взгляд Райерсона, снисходительный — Макларена, в глазах Свердлова пылало гневное нетерпение — его попытка наладить дружеские отношения потерпела крах.

— Обычно мы не придерживаемся строгого соблюдения всех правил и норм, — несколько натянуто продолжал он. — Мы составим график дежурств по домашнему хозяйству и будем друг другу помогать, так? Хорошо. Об этом чуть позже. Что же касается звезды, то от предыдущих вахт у нас есть кое-какие предварительные данные и подсчеты. По всей вероятности, масса этой звезды в четыре раза превышает массу Солнца; ее радиус — едва ли больше двух земных или чуть меньше. Излучение улавливается только на низких радиочастотах, и то слабое. У меня здесь расшифровка спектрального анализа — вас это может заинтересовать, доктор Макларен.

Высокий смуглый человек протянул за листком руку. Его брови удивленно приподнялись.

— Вот так так, — произнес он. — Это самое странное сочетание длин волн, какое я когда-либо видел. — Наметанным взглядом он пробежался по колонке с цифрами. — Тут, кажется, уйма триплетов*. Но линии получаются такими широкими, судя по допустимым погрешностям, что я не могу сказать наверняка без более тщательного... хм-м... — Он снова взглянул на Накамуру. — Где мы сейчас относительно этой звезды?

— Приблизительно в двух миллионах километров от ее центра тяжести. Нас притягивает к ней, поскольку мы пока не вышли на орбиту, но нашей радиальной скорости вполне достаточно, чтобы...

— Не волноваться. — Софизм слетел с губ Макларена, словно туника с плеч. — Хотелось бы подойти к звезде как можно ближе, — с юношеским пылом добавил он. — На какое, по-вашему, расстояние от нее вы смогли бы подбросить нас?

* Тройная спектральная линия.

Накамура улыбнулся. Он почувствовал, что с Маклареном поладить можно.

— Слишком тесное сближение неразумно. Наверняка возле звезды полно метеоритов.

— Но только не возле этой! — воскликнул Макларен. — Если постулаты физики — не видения, порожденные мескалином*, то всякая мертвая звезда является выгоревшими углями сверхновой. Любое вещество, оказавшееся на орбите в непосредственной близости от нее, давным-давно превратилось в облако раскаленного газа.

— Атмосфера? — с сомнением переспросил Накамура. — Поскольку там смотреть нечего, кроме звездного света, то звездный воздух нам бы вполне подошел.

— Хм. Да. Полагаю, какая-то атмосфера там есть, хотя ее слой навряд ли будет толстым: уж слишком велика сила сжатия. Я даже думаю, что радиофотосфера, по которой предыдущие вахты установили диаметр звезды, должна практически совпадать с внешним краем атмосферы.

— А кроме того, если мы приблизимся к звезде слишком близко, то нам понадобится колоссальное количество реактивной массы, чтобы вырваться из зоны ее притяжения, — добавил Накамура. Отстегнув от пояса особую логарифмическую линейку, он быстро посчитал. — Итак, нашему кораблю не удастся вырваться в том случае, если расстояние до звезды будет намного меньше трех четвертей миллиона километров; при этом учитывается, что для последующего маневрирования следует оставить приемлемое количество реактивной массы. Я уверен к тому же, что вам захочется исследовать и более отдаленные от звезды области, да-с-с? Тем не менее я охотно пойду на сближение с ней.

Макларен улыбнулся:

— Прекрасно. Когда будем на месте?

— По моим подсчетам, через три часа, включая время, чтобы занять орбиту. — Накамура взгляделся в лица присутствующих. — Если все готовы приступить к несению дежурства, то лучше отправляться в намеченный путь прямо сейчас.

— Что, даже не выпив сначала чаю? — проворчал Свердлов.

Накамура кивнул Макларену и Райерсону.

— Вы, джентльмены, приготовьте, пожалуйста, чай и сандвичи и примерно через девяносто минут принесите их инженеру и мне.

* Наркотик, галлюциноген.

— Но позвольте! — возмутился Макларен. — Мы только что прибыли. Я не успел даже взглянуть на свои приборы. Мне нужно установить...

— Через девяносто минут, будьте так любезны. Отлично. А теперь — все по местам.

Накамура отвернулся, не обращая внимания на внезапно вспыхнувший гнев в глазах Макларена и широкую ухмылку Свердлова. Он вошел в шахту и, цепляясь за перекладки, стал с трудом подниматься. Сквозь прозрачный пластик он увидел, что обсервационный отсек остался внизу. Следующим был шлюпочный отсек, за ним шли уровни с набитыми доверху складами. Миновав их, он оказался в последнем отсеке — командной рубке.

Она представляла собой совершенно прозрачный пластиковый пузырь. Сейчас он был расцехлен, и ослепительный блеск звезд холодным потоком беспрепятственно вливался вовнутрь, делая ненужным дополнительное освещение. Подплывая к пульта управления, Накамура только теперь почувствовал, как здесь тихо. Такое удивительное безмолвие. Такое бессчетное количество звезд. Отсюда созвездия выглядели совсем по-другому — какими-то перекошенными, а некоторые и вовсе чужими. Он вгляделся в бездонную глубину мерцающего космоса, пытаясь отыскать Капеллу, но массивный остов корабля загораживал ее. Да и не было смысла разглядывать свое солнце без телескопа — отсюда, с самой кромки изведенного, где кроме них не было ни единой живой души. Им овладел страх перед холодной, равнодушной пустотой. Все сильнее и сильнее он сжимал его в своих тугих объятиях. Накамура смог заглушить этот страх только работой, давно уже ставшей привычной для него: первым делом он привязал себя к пульту оператора компьютера, один за другим проверил приборы, переговорил со Свердловым, который находился в самом низу корабля — на противоположном конце шахты. Дробно отстучав на клавиатуре расчеты, он отдал автомату узкую бумажную ленточку с результатом и почувствовал слабый толчок: проснувшиеся гироскопы начали разворачивать корабль, готовя его к включению тяги. Разогнавшись когда-то до скорости, равной половине световой, и сбросив ее до пары сотен километров в секунду, «Крест» даже сейчас нес в себе несколько тонн реактивной массы ртuti. Его общая масса, включая корпус, оборудование и пассажиров, составляла немногим более килотонны. Массивным гироскопам понадобилось целых полчаса, чтобы полностью развернуть корабль.

Внимательно наблюдая за видеоэкранами, он ждал. Все, что замечали его глаза сквозь прозрачный пластик рубки, он мог

увидеть и на обратном пути. Информация на видеоэкранах была сейчас намного важнее. Но черного солнца не было видно. «А чего же ты еще ждал? — сердито спросил он себя. — Оно наверняка заслоняет собой несколько звезд, но их слишком много».

— Доктор Макларен, — сказал он в переговорное устройство, — вы мне можете дать радиопеленг цели — для контроля?

— Есть! — последовал угрюмый ответ. Вынужденный заниматься всей этой кухонной чепухой, Макларен кипел от негодования. Куда с большим удовольствием он бы занимался спектральными анализами, снимал бы показания ионоскопа, забрасывал бы в свои анализаторы образцы газа и пыли — с каждого сантиметра пути. Что ж, значит все это придется делать, когда они лягут на обратный курс.

Видеоэкраны давали Накамуре возможность обозревать весь корабль сверху донизу, как если бы он смотрел на него из космоса. «Старый, — подумал он. — Время стерло следы даже самого народа, построившего этот корабль, а плод их труда остался. Добротная работа. Вещи переживают своих создателей. Хотя интересно: что останется от тех фигурок из слоновой кости, которые когда-то вырезал мой отец, чтобы украсить наш дом? Что мог бы создать мой брат, прежде чем угас на моих руках? Нет!» Он разом отключил саму мысль об этом — словно хирург, прижимающий вену, — и стал вспоминать, что он знает о кораблях класса «Лебедь».

Сферический корпус их корабля, сделанный из армированного самоуплотняющегося пластика, имел в поперечнике пятьдесят метров. Гладкая внешняя поверхность корпуса нарушалась лишь люками, иллюминаторами, шлюзами и тому подобным. Параллельными переборками корабль разделялся на различные отсеки. В кормовой части, диаметрально противоположной рубке, корпус раскрывался сопловым отверстием. На расстоянии тридцати метров друг от друга из сопел на сто метров в длину тянулись два каркаса из тонкого металла, похожие на радиомачты или старинные буровые вышки. Оба каркаса включали в себя два ряда колец диаметром в пару сантиметров, а дополнительная арматура с несущей ажурной конструкцией скрепляла их воедино. Это были ионные ускорители, встроенные в гравитационную приемопередаточную сеть, которая одновременно служила им опорой.

— Будьте любезны, инженер Свердлов, — произнес Накамуре. — Десятисекундная проверка двигателя на включение.

Приборы выявили определенный дисбаланс в распределении массы внутри корпуса. Юсуф бин Сулейман, только что закончивший вахту на борту корабля и вернувшийся на Землю, не-

брежно отнесся к... нет, было бы несправедливо так думать... скажем так: он имел свой стиль кораблевождения. Накамура включил компрессоры, и ртуть из топливного отсека стала перетекать в балластные баки.

Вскоре корабль выправил крен, и можно было снова начинать торможение.

— Объявляю готовность к пуску двигателя... Доложите... Необходимо выйти на одну целую семьдесят пять сотых g , чтобы... — Накамура отдавал команды на одном дыхании, проговаривая их почти автоматически.

Корабль содрогнулся от грохота. Ощущение внезапно навалившейся силы тяжести было равносильно удару кулаком в живот. Накамура, скованный привязными ремнями, расслабился; двигались только его глаза, да еще палец, время от времени касавшийся панели управления. Секрет дзюдо, как и секрет жизни, заключался в том, чтобы каждая часть организма не напрягалась, а наоборот, чувствовала себя непринужденно, за исключением определенных тканевых структур, без которых невыполнимо выполнение той или иной сиюминутной задачи. Но почему же осуществить это было так дьявольски трудно?

Через компрессоры и трубы, мимо приборного щитка, за которым сидел Свердлов, мимо защитной стенки, преграждающей выход радиации, ртуть подавалась в расширитель. Оттуда она проходила через ионизатор и затем, в виде распыленной струи, мимо термоядерного сердца корабля, где, как и на солнце, вовсю бушевала плазма. Короче говоря, каждый атом испытывал на себе ярость мезонов, под воздействием которых он расщеплялся и его масса превращалась в чистую энергию, а та, в свою очередь, сразу же разбивалась на пары протон-антипротон. Магнитные поля разделяли эти пары, как только те зарождались; и частицы — как положительные, так и отрицательные — устремлялись в линейные ускорители. Плазма, превращая распад материи непосредственно в электричество, одно за другим заряжала кольца на ускорителях — каждое потенциалом на порядок выше. Из последнего кольца частицы вылетали со скоростью, равной трем четвертям световой.

При такой скорости истечения не требуется большого количества реактивной массы. По этой же причине двойной поток, выбрасываемый ускорителями, был невидим: слишком велика была скорость. Чувствительные приборы смогли бы, наверное, обнаружить далеко-далеко позади корабля бледное пятно, подсвеченное гамма-излучением, что объяснялось начавшимся слипанием противоположно заряженных частиц, но это уже не имело значения.

Весь этот процесс буквально пожирал энергию. Иначе и не могло быть. В противном случае избыточное тепло, выделяемое при распаде атомов, попросту испарило бы корабль. Плазма выделяет энергию, чтобы ее расходовать. Вообще этот процесс намного сложнее, чем его краткое описание и вместе с тем намного проще, чем может себе представить любой инженер, освоивший какую-нибудь нехитрую отрасль своего ремесла.

Накамура внимательно следил за показаниями приборов, полностью подтверждавшими его предварительные расчеты. «Крест» приближался к черной звезде по сложной спирали — равнодействующей нескольких скоростей и двух векторов ускорения. В конечном итоге кривая становилась почти круговой орбитой с радиусом обращения 750 000 километров.

Накамура совсем забыл о времени и очнулся, только когда молодой Райерсон вскарабкался к нему по перекаладинам шахты.

— О! — воскликнул он.

— Чай, сэр, — произнес юноша.

— Спасибо. Э-э... поставьте его там, пожалуйста... инструкция запрещает входить в рубку во время работы двигателя без разрешения... Нет, нет. Прошу вас! — Накамура, смеясь, махнул рукой. — Вы же не знали. Никто от этого не пострадает.

Он увидел, как Райерсон, ссутулившись под более чем полуторной силой тяжести, поднял отяжелевшую голову к незнакомым звездам. Млечный Путь окутал свои спутанные волосы холодным ореолом.

— Вы впервые за пределами Солнечной системы, да? — мягко спросил Накамура.

— Д-да, сэр. — Райерсон облизал губы. Взгляд его голубых глаз несколько туманился, словно не мог сосредоточиться на чем-то более близком, нежели Млечный Путь.

— Не... — Накамура запнулся. Он чуть было не сказал «Не бойтесь», но эта фраза могла бы обидеть юношу. — Космос — прекрасное место для созерцательных размышлений — медитации, — сказал он, подыскав наконец нужные слова. — Это слово, разумеется, не раскрывает полностью сути явления. «Медитация» в дзен — скорее попытка отождествления себя со Вселенной, чем просто размышления, выражаемые словами. Я хочу сказать следующее, — попытался он пояснить свою мысль. — В глубоком космосе некоторые чувствуют себя такими беспомощными и ничтожными, что им становится страшно. Другие же, памятуя о том, что дом есть не что иное, как шаг из космоса в ноль-передатчик, становятся беспечными и заносчивыми; космос для них — всего лишь набор ничего не значащих цифр. Обе линии поведения ошибочны и уже привели к человеческим жертвам. Но если представлять себя частью всего прочего —

неотъемлемой частью, — то те же силы, какие творят солнца, находятся и в вас... понимаете?

— Небеса провозглашают славу Божью, — прошептал Райерсон, — а небесная твердь являет собой Его творение... Страшно впасть в руки Бога живого!

Он не слушал, что говорил ему Накамура, а тот не понимал по-английски. Штурман вздохнул.

— Думаю, вам лучше вернуться в наблюдационный отсек. Вы можете понадобиться доктору Макларену.

Райерсон молча кивнул и стал спускаться в шахту.

«Я проповедую неплохую идею, — сказал себе Накамура. — Но почему я сам не могу применить на практике то, о чем говорю? Потому что с неба на Сарай упал камень, и в один миг не стало ни отца, ни матери, ни сестры, ни дома. Потому что Хидеки умер у меня на руках — после того как Вселенная случайно покалечила его. Потому что я никогда больше не увижу Киото, где каждое утро наполнялось хрустальными звуками колокольчиков. Потому что я — раб самого себя.

И все же иногда, — подумал он, — я обретаю покой. И только в космосе».

На одном из витков спирали его корабль развернуло так, что черное солнце отошло от Млечного Пути; и в этот момент Накамура увидел звезду на видеоэкране. Это было крошечное пятнышко абсолютно черного цвета. Через некоторое время оно увеличилось. Хотел бы он знать, неужели звезда действительно чернее самого неба. Чепуха. По идее, она должна отражать звездный свет, разве не так? Но какого цвета металлический водород? Какие газообразные вещества прикрывают этот металл? Космическое пространство, особенно здесь, нельзя было назвать абсолютно черным: звезду окружало легкое туманное облачко. Так что вполне допустимо, звезда может быть чернее неба.

— Нужно спросить Макларена, — пробормотал он сам себе. — Он сможет определить меру черноты, очень даже просто, и сказать мне. А размышлять о понятии абсолютной черноты и о том, что чернее ее, наверное, бесполезно. — Эта мысль привела его в дурное расположение духа, и мышцы сразу напряглись. Неожиданно для себя он почувствовал, как устал. Но ведь он всего лишь сидел и нажимал на кнопки. Он налил себе чашку обжигающего чая и, громко прихлебывая, с удовольствием выпил.

Все ниже и ниже. Накамура впал в состояние почти полной прострации. Корабль настолько приблизился к звезде, что та выглядела не намного меньше Луны, если на нее смотреть с Земли. Она быстро увеличивалась в размерах, но еще быстрее вырастала на видеоэкранах, расположенных по периметру

рубки. Теперь она была такой же большой, как Батый — при его максимальном приближении к Сараю. Мгновение — и она переросла Батю. Кровь Накамуры запульсировала в новом ритме. Где-то в глубине души он чувствовал, что полностью слился с кораблем, с силовыми полями, с потрясающим взаимодействием сил. Вот почему он снова и снова выходил в космос. Он тронул рычаги ручного управления, помогая автоматам, корректируя их. Движения его были удивительно слаженны, их гармония ощущалась органически. Это был танец, мечта, уступающая и управляющая; это было полное отречение от «я», нирвана, покой и целостность...

Огонь!

Страшной силы удар обрушился на Накамуру, вгоняя голову в плечи. Лязгнули зубы, и он почувствовал, как из прикушенного языка закапала кровь. В стенах рубки перекатывался грохот.

Ничего не понимая, Накамура уставился на экраны. До черной звезды оставался еще миллион, или около того, километров. Она находилась почти на первом градусе широты по меридианной сетке, как бы отрезанная от чужого безымянного созвездия. Самый кончик конструкции с ионными ускорителями раскалился добела. Прямо на глазах Накамуры ажурная конструкция скручивалась и корчилась, словно пальцы агонизирующего человека, и обращалась в пар.

— *Что происходит?* — из машинного отделения рвались крики ужаса. Сжимавшие Накамуру тиски внезапно ослабли, и вес начал быстро падать — да так, что Накамура почувствовал дурноту. Он заметил, что ускорители продолжают стремительно разрушаться. Накамура скосил глаза на основной мегамперметр. Стрелка опустилась за частокोल цифр. Значит, четыре кольца из самого дальнего ряда уже разрушены. Тут же, на его глазах, съезжилось следующее кольцо.

Еще ничего не произошло, но Накамура понял, что причиной всему — звезда, которая, дотянувшись до корабля своей исполинской рукой, сжимала и скручивала его.

Металл, испаряясь, улетучивался в пространство. Передавать добавочные порции ртути, ядерный организм гневно протестовал. Грохочущее эхо металось между сотрясающимися переборками отсеков.

— Отключить! — крикнул Накамура и с силой ударил по основному выключателю.

Сразу стало тихо, и пришла невесомость — словно на этот корабль ступила смерть.

Из наблюдационного отсека донесся чей-то голос. Накамура, не расслышав, о чем тот говорит, машинально подрегулировал переговорное устройство, чтобы устранить помехи.

— Инженер Свердлов, — позвал он. — Что случилось? Вам известно, в чем дело?

— Нет. Нет. — Послышался стон. Хорошо уже и то, что человек, по крайней мере, был жив. — Похоже, что ионные потоки... каким-то образом... отклонились. Фокусирующие поля сдвинулись. Выплеск энергии ударил по кольцам — но это же невозможно!

Накамура вцепился в свои привязные ремни. «Я не буду кричать, — внутренне закричал он. — Я не буду кричать».

— Схемы передатчика, кажется, тоже вышли из строя, — хриплым голосом ржавой машины, использовавшей его горло, сообщил Накамура. Среди звезд, прямо за прозрачным пластиком рубки, всплыло мертвое лицо его брата, строившее ему гримасы.

— Да. — Свердлов, видимо, склонился над своими видео-экранами. Спустя некоторое время в переговорном устройстве звякнуло. — Его еще можно починить, — прохрипел Свердлов. — На всех кораблях обычно имеются запчасти — на случай столкновения с метеоритом или... В общем, отремонтируем передатчик и уберемся отсюда как можно скорее.

— Сколько времени уйдет на ремонт? Живее!

— Откуда мне знать? — разъяренным драконом прорычал Свердлов. И добавил: — Мне нужно выйти наружу и как следует все осмотреть. Поврежденные секции необходимо отрезать. Возможно, кое-какие детали понадобится обрабатывать на станке. Если повезет, мы все сделаем за несколько часов.

Накамура молчал. Он разрабатывал кисти рук, сложив их вместе — сила на силу. Затем он занялся медленным дыханием, затем поворачивал головой, чтобы расслабились мышцы шеи, и начал созерцать состояние покоя — столько, сколько требуется. И покой пришел. В конце концов, смерть его маленького эго не так ужасна, но при условии, что упомянутое эго воздержится от желания хотя бы еще раз подержать на руках свое Детище-сан.

Почти не отдавая себе отчета, он нажимал на кнопки компьютера. Его догадка подтвердилась, и это несколько не удивило его.

— Куда вы пропали? — звал Свердлов, словно прорываясь сквозь века. — Куда вы пропали, штурман?

— Здесь. Прошу прощения. Так вы говорите, что на ремонт контура уйдет несколько часов? Да за это время — при нашем свободном дрейфе — мы просто врежемся в эту звезду.

— Что? Но мы же *на* орбите! Возможно, не совпадающей с центром, но...

— Это совершенно не то, что надо. Наша внутренняя радиальная скорость все еще слишком велика. Если бы эта звезда

была только точкой, нам бы не грозила опасность; но она имеет объем. По моим подсчетам — хотя в этом вопросе есть еще много неясностей, — наша нынешняя орбита пересекается со звездой. Думаю, что смогу вывести корабль на более безопасную орбиту, прежде чем неизвестная сила — что бы это ни было — окончательно разрушит ускорители. Да.

— Но вы сожжете их! А заодно и передатчик! Мы загубим его так, что и вовек не починишь!

— Возможно, как только зайдем орбиту, что-нибудь смастерим на скорую руку. Но если мы будем просто падать, можно считать себя мертвецами.

— Нет! — чуть ли не завизжал Свердлов. — Послушайте, может, мы сумеем вовремя починить передатчик. Может, эта работа займет у нас всего лишь пару часов. Это наш шанс. Но зацепиться за нужную орбиту с расплавленным или обращенным в пар передатчиком... да вы хоть знаете, как изготовить такую штуку из необработанного металла? Я не знаю!

— У нас на борту есть специалист по гравитике. Если кто и может соорудить нам новый ноль-передатчик, так это он.

— А если не сможет, то мы окажемся здесь в ловушке! Чтобы умереть с голоду? Да уж лучше сразу разбиться и не мучиться!

Пальцы Накамуры пустились в пляс по клавиатуре. Он запрашивал показания приборов, компьютерные расчеты, но не трогал автопилот. Потому что ни одна машина не сможет управлять судном, чей двигатель разрушает чья-то неведомая, непредсказуемая сила. Такую задачу смог бы выполнить только человек.

— Но капитан здесь я, — произнес он как можно мягче.

— Уже не капитан!

Накамура с силой ударил по основному выключателю.

— Я только что отключил вас от цепи управления, — сказал он. — Пожалуйста, оставайтесь на своем посту. — Он включил переговорное устройство в обсервационном отсеке. — Небудут ли так любезны двое уважаемых ученых задержать инженера, чтобы тот не помешал штурману?

Глава 7

Чанг Свердлов был вне себя. На мгновение глаза застлала черная пелена ярости.

Придя в себя, он обнаружил, что видеоэкраны все еще показывают картину разрушения. Звездный свет тускло отсвечивал на хрупком переплетении приемопередаточного контура и двух

комплектах колец, которыми он удерживался. На самом краю ярко рдел расплавленный металл. Словно обезумевшие светлячки бешено вращались вокруг него брызги. По ту сторону скрученных и сгоревших деталей конструкции к холодному голубому сверканию мириадов звезд в звездных скоплениях катились, словно под откос, световые годы. Мертвое солнце было едва различимо — просто кружок матовой черноты, и этот кружок, казалось, распухал прямо на глазах. Был то обман зрения или нет, но Свердлов ощущал противное тянущее чувство страха: он боялся падения и страшился невесомости.

Еще с детских лет его не пугало отсутствие силы тяжести. Курсантом он был непревзойденным в своей компании мастером по части проделок, связанных со свободным падением. Он и еще двое его напарников славно повеселились в те дни. Но чтобы вот так быть отрезанным от дома — с ним еще никогда не случилось. Красна всегда находилась на расстоянии межпланетного перелета или межзвездного прыжка, не больше.

И этот ходячий справочник, так называемый штурман, еще хочет уморить их с голоду, чтобы спасти свой никчемный корабль?

Свердлов отстегнул привязные ремни. Одним прыжком перемахнув на другой конец крохотного пункта управления и протиснувшись между трубами, колесами и циферблатами отсека топливной подачи, он подошел к инструментальной полке. Выбрав длинный гаечный ключ, он помчался к шахте. Клокотавшая в нем ярость отлилась в форму твердого решения: «я не хочу убивать его, но лишь принудить принять мои доводы. И чем скорее, тем лучше, иначе мы действительно разобьемся!»

Свердлов как раз огибал нуль-камеру, когда торможение возобновилось. Он поднимался, как обычно: хватался за перекладину над головой и своим невесомым телом подтягивался вверх. И вдруг на него обрушились сразу две единицы земной гравитации.

Он судорожно сжал пальцы на одном из поперечных брусьев. Рука напряглась, удерживая на себе сто девяносто килограммов, но долго она так выдержать не могла. Пальцы разжались. Свердлов, выпустив гаечный ключ, ухватился за брус правой рукой, просунув ее между перекладиной и стенкой шахты. Рывок со страшной силой ударил его по бицепсам. Он тут же схватился за перекладину левой рукой. Теперь он висел на обеих. Инженер слышал, как ключ, падая, задел кожух гироскопа и, скользя по нему вниз, зазвенел об экран, служивший защитой от остаточной радиации.

Тяжело дыша, он нащупал ногой нижнюю перекладину и на минуту расслабился. Правая рука онемела, и лишь потом в ней стала просыпаться боль. Он согнул пальцы. Ничего не сломано.

Ему следовало сейчас сидеть в своем кресле, пристегнутым к нему привязными ремнями. Возможно, в расчеты Накамуры входят рывки в десять—пятнадцать гравитационных единиц — при условии, что поврежденные ускорители смогут еще вынести такие нагрузки. Свердлова вдруг прошиб страх от реальной возможности оказаться размазанным по переборке. Он стал карабкаться по перекладинам наверх. Мучительное восхождение можно было сравнить разве что с передвижением мухи в патоке. Через тысячу лет он прорвался наконец в жилой отсек.

Макларен сидел на одной из коек.

— Ни шагу дальше. Пожалуйста, — произнес он.

Перегрузка резко возрастала. Свердлов ощущал ее свинцовую тяжесть на своих плечах. Он шагнул к шахте.

— Нет! — вскричал Райерсон. Но его опередил Макларен, который, стряхнув с себя привязные ремни, с трудом добрался до шахты. Смуглое лицо блестело от пота, но Макларен улыбался.

— Ты не слышал, что я сказал?

Что-то буркнув, Свердлов снова вошел в шахту и обеими ногами встал на перекладину. «Я еще успею добраться до того пузыря и собственными руками задушить Накамуру». Макларен выжидал подходящий момент. И когда Свердлов начал подтаскивать свою ногу к следующей перекладине, насмешливо добавил:

— Когда техн приказывает сесть, ты садишься на четвереньки... колонист.

Свердлов замер.

— Что такое? — медленно переспросил он.

— Я мог бы запросто выволочь тебя оттуда — ты, неотесанная свинья, — сказал физик, — но я предпочитаю, чтобы ты сам вышел ко мне.

Испытывая странное саднящее чувство грусти, Свердлов спросил себя, с какой стати он снизошел до ответа. Разве тявканье какого-то землянина так уж существенно? Ему пришло в голову, что Макларен, чего доброго, воспользуется своим обещанием подняться за ним в шахту, но при такой чудовищной перегрузке драка на перекладинах может окончиться плачевно для обоих. Следовательно... Ум Свердлова был, видимо, таким же крепким, как и его кости. Он выбрался обратно из шахты в обсервационный отсек и, с трудом сохраняя равновесие, встал на ноги.

— Ну? — спросил он.

Макларен скрестил на груди руки.

— Иди-ка ты лучше на койку, — посоветовал он.

Свердлов неуклюже двинулся на него. Через тонкую мерцающую ткань туники землянин выглядел достаточно мускулистым, но массы в нем было, пожалуй, меньше килограммов на десять. К тому же ростом он явно не дотягивал до макушки краснянина — не хватало нескольких сантиметров, — да и руки у него были покороче. Пара стремительных ударов тут же выведет его из строя, и можно еще будет успеть остановить Накамуру.

— Готовься, — хрипло проговорил Свердлов.

Макларен убрал с груди руки. С его лица не сходила широкая спокойная улыбка. Свердлов качнулся вперед, посылая удар прямо в орлиный клюв. Но голова Макларена ушла от удара. Одновременно Макларен схватил Свердлова за руку и использовал прием жесткого рычага. Свердлов задохнулся от боли. Напрягшись, он высвободился из мертвой хватки и послал удар в ребра. Макларен перехватил кулак, что есть силы рубанув краем ладони по внешней стороне запястья Свердлова. Удар был таким мощным, что Свердлову даже почудился хруст костей. Противники стояли вплотную друг к другу. Свердлов замахнулся другим кулаком. Макларен ткнул его в пах. Краснянин согнулся от боли. И тогда Макларен начал молотить по нему, как по барабану. Свердлов упал на одно колено. Макларен ударил его ногой в солнечное сплетение. Свердлов опрокинулся и тяжело грохнулся на пол, придавленный тройной перегрузкой.

В звенящей темноте, мерно колыхавшейся перед его глазами, он услышал голос землянина: «Помоги мне с этой тушей, Дэйв». И затем почувствовал, что его волокут по полу, каким-то непостижимым образом взваливают на койку и привязывают.

Он пришел в себя. Пульсирующая боль пронизывала все тело. Он попытался сесть.

— Значит, вот как дерутся земляне, — шевельнул он распухшими губами.

— Не люблю драться, — отозвался со своей койки Макларен, — потому я и окончил нашу стычку как можно быстрее.

— Ты... — Краснянин приподнял несуразно тяжелые руки и начал возиться с привязными ремнями. — Я иду в рубку. Если ты и на этот раз попытаешься задержать меня...

— Слишком поздно, коллега Свердлов, — невозмутимо заметил Макларен. — Какое бы событие ты ни пытался предугадать, оно уже практически произошло, а повернуть время вспять невозможно.

Эти слова окончательно добили Свердлова.

— Но... да, — произнес инженер. — Я слишком опоздал. — И тут же взорвался криком: — Мы все слишком опоздали!

— Угомонись, — сказал Макларен. — Если честно, то твое поведение не дает оснований доверять твоему мнению по любому из вопросов.

Корабль сотрясся от грохота. Этого не должно быть, мелькнуло в голове Свердлова — уж он разбирался в этом. Даже с полной нагрузкой двигателю полагалось работать практически бесшумно, а с частичной, как сейчас, тем более. Кожа его покрылась мелкими бисеринками пота. Впервые за свою бурную жизнь он в полной мере осознал, что может умереть.

— Прости меня, — проговорил Макларен. — Я должен был остановить тебя, но сейчас я только могу принести свои извинения.

Свердлов не ответил. Он невидяще уставился на потолок. Странно, но первое, что он ощутил после того, как улеглась его ярость, было чувство безграничной печали. Теперь он никогда не увидит Красну свободной.

Глава 8

Тишина и невесомость были по-сказочному таинственны. Сам не зная почему, Макларен приглушил свет люминесцентных ламп во всем observationalном отсеке. В сумеречном свете горбившиеся на полках и стендах научные приборы казались стадом длинношеих чудовищ. Теперь ничто не мешало звездам свободно изливать свое холодное стальное сияние через незашторенный иллюминатор.

Та звезда стремительно влетела в поле его зрения. Имея эксцентричную орбиту, «Крест» оборачивался вокруг звезды за 37 минут.

Сейчас, при максимальном сближении со звездой, корабль отстоял от нее всего на полмиллиона километров. Ее видимый диаметр составлял три полных Луны. Внешние очертания звезды выглядели чрезвычайно размытыми: абсолютная чернота центра приобретала по краям темно-серый оттенок. Здесь звездный свет встречался с атмосферой черного солнца, сжатой более беспощадным давлением, нежели океанская пучина Земли. Если глядеть на звезду в телескоп, то на ее черном фоне, казалось, проглядывали всякие черточки, крапинки, полосы и пятна, отливающие не то чтобы другим цветом, но каким-то намеком на цвет — слишком неуловимый, чтобы сказать о нем опреде-

ленно... как будто на поверхность остывшего солнца все еще отбрасывают свои тени давно отгоревшие протуберанцы.

«У полюсов она совершенно сплющена, — напомнил себе Макларен. — Знай мы об этом раньше, все могло быть по-другому. Взять тот же радиоспектр: теперь-то я понимаю — когда уже слишком поздно, — что линии действительно являются триплетами, а их расширение означает доплеровское смещение*».

Тишина угнетала.

В помещение медленно вплыл Накамура. Зависнув в воздухе, он застыл в спокойном ожидании.

— Ну как? — спросил Макларен.

— Он все еще снаружи — осматривает ускорители и контур, — ответил Накамура. — Никак не хочет признать, что надежды нет.

— Я тоже, — сказал Макларен.

— Вся конструкция практически разрушена. Пятьдесят метров от нее бесследно исчезли, остальная часть — расплавлена, скручена, замкнута накоротко... Каким-то чудом вся эта груда металла еще дает слабый выплеск энергии, так что я могу хотя бы занять орбиту. — Накамура вежливо засмеялся. Макларен подумал, что такое неестественное извиняющееся хихиканье может скоро надоесть тем, кто не воспитывался среди подобных символов. — Кое-какие запчасти у нас есть, но их не так уж много.

— Что-то, наверное, можно изготовить и здесь, — заметил Макларен.

— Возможно, — сказал Накамура. — Но дело, разумеется, даже не в самих ускорителях. Единственным способом попасть домой является восстановление контура. Что говорит по этому поводу наш молодой человек, Райерсон?

— Не знаю. Я послал его проверить декларацию корабельного груза, а затем взглянуть на то барахло, которым в действительности набит корабль. Он ушел уже давно, но...

— Понимаю, — произнес Накамура. — Молодым нелегко встретить смертный приговор.

Макларен кивнул с отсутствующим видом и перевел взгляд на исписанные листки в его руке с распечаткой данных. Через минуту Накамура откашлялся и сконфуженно произнес:

* Х. Доплер установил, что свет, испускаемый звездой, удаляющейся от нас, смещается к красному концу спектра, а приближающейся — к фиолетовому, поэтому каждая спектральная линия вращающегося тела расширяется тем больше, чем выше скорость вращения.

— Э-э... приношу свои извинения... за ту историю с инженером Свердловым...

— Ну? — Макларен не отрывал взгляда от цифр. Его хладнокровия хватило бы и для новой победы. «Все дело в том, — думал он, заглушая биение молоточков в висках, — что я труслив. Теперь, когда от меня ничего не зависит и мне остается только безучастно ждать своего приговора — жить мне или умереть... я прихожу к заключению, что Теранги Макларен — трус».

У него перехватило горло — словно там застрял огромный ком величиной с кулак.

— Я не в курсе, что... э-э... произошло, — запинаясь, произнес Накамура, — да и не хочу этого знать. Надеюсь, вас не слишком затруднило...

— Нет, все в порядке.

— Если бы мы смогли молча проигнорировать это. Насколько я понимаю, он предпринял попытку помешать мне. И у лучших из нас бывают моменты срыва.

«Я всегда знал, что однажды наступит день, когда придет конец белым парусам над зеленой волной, вину, маскам ногачу и женскому смеху. Но так скоро я не ожидал».

— В конце концов, — сказал Накамура, — нам теперь работать вместе.

— Да.

«Я не ожидал, что это произойдет в ста световых годах от отчего дома. Вся моя жизнь прошла в развлечениях, а теперь я вижу, что черное солнце вовсе не намерено забавлять меня».

— Вам уже известно, что произошло? — спросил Накамура. — Я не тороплю вас с ответом, но...

— О да, — ответил Макларен. — Известно.

Под сваленными в одну кучу песнями и яхтами, романтическими приключениями, шутками и победами, которые больше ничего для него не значили, но которые всегда останутся с ним, Макларен обнаружил свой удивительно ясный рассудок, четко выполняющий свои функции.

— Не убежден, должны ли мы посвящать в такие подробности других, — сказал Макларен. — Потому что этого могло и не случиться, если б мы были осмотрительнее.

— Я тоже подумывал об этом, — Накамура снова издал смешок. — Но кому бы пришло в голову искать опасность рядом с... с трупом?

— Широкие спектральные линии говорят о значительной скорости вращения звезды, — сказал Макларен. — Поскольку корабль не приближался к экваториальной плоскости, приборы не смогли зафиксировать полный эффект Доплера, но нам

следовало бы хорошенько подумать. А тройные линии означают расщепление Зеемана*.

— А! — Накамура с шумом втянул в себя воздух. — Магнетизм?

— Самое что ни на есть мощное магнитное поле, которое когда-либо замечалось у небесного тела, — заметил Макларен. — Судя по показаниям, зафиксированным приборами уже здесь, величина полярного поля составляет... о, пока не могу сказать. Пять, шесть, семь тысяч гаусс** — где-то так. Потрясающе! Индукция Солнца составляет всего лишь 53 гаусса. Для звезд она никогда не превышает 2000***. За исключением поля нашей звезды.

Он потер подбородок.

— Эффект Блеккетта. — Спокойная уверенность, с которой он произнес эти слова, приятно удивила его самого. — Магнитное поле напрямую связано с угловой скоростью. Причиной, по которой ни одно живое солнце не имеет такого поля, как у здешней мертвечины, является то, что ему пришлось бы вращаться чересчур быстро. Такая нагрузка не прошла бы ему даром: его просто разнесло бы на куски, а куски расшвыряло бы ко всем чертям — досталось бы и преисподней, и нам на завтрак. — Есть какое-то странное, извращенное чувство покоя в словах, произносимых не задумываясь: ложь самому себе, убеждающая подсознание, что его компаньонами являются не обреченные люди и черное солнце, а сексапильная девушка, ожидающая очередной остроты в таверне Цитадели. — После того как звезда полностью выгорает, она как бы схлопывается, и тогда вынуждена кружиться еще быстрее, понимаете? Сохранение углового момента. Похоже, он был необычайно велик с самого начала, но скорость вращения является, главным образом, результатом ее вырожденного состояния. А та самая сверхплотность позволяет ей вертеться с такой неприличной поспешностью. Можно, наверное, сказать, что сопротивление разрыву неизмеримо больше.

— Да, — проговорил Накамура. — Понимаю.

— Я тут кое-что подсчитал, — добавил Макларен. — В действительности нас не могло разрушить даже очень сильное поле. Мы прекрасно защищены от его воздействия. Но

* Зееман (голландский физик, 1865–1943) открыл явление расщепления спектральных линий под действием внешнего магнитного поля.

** Единица измерения магнитной индукции.

*** Андерсон ошибается, хотя и ненамеренно. К моменту написания романа еще не было известно, что индукция магнитного поля альфа Гончих псов может достигать 5000 гаусс. (Примеч. ред.)

любой космический корабль на ионной тяге становится... индуктором в магнитной цепи с контуром обратной связи. Элементарно. Разумеется, такие огромные корабли, как наш, не предназначались для посадки на какой-либо из планет. Они, скорее всего, никогда и не приблизятся к живому солнцу так близко, как мы; а что касается вероятности существования подобного ненормального магнетизма у этого черного карлика... что ж, никто и никогда не задумывался над этим.

Он пожал плечами:

— Смотрите сами, капитан Накамура. Возьмем хорошо известную формулу связывающую H , e и V . Протон, движущийся по стометровой трубе на трех четвертых c , отклоняется полем в семь сотых гаусса на один сантиметр. Разреженный, но чрезвычайно активный поток ионизированного газа ударил по самому дальнему кольцу ускорителя. Если я правильно запомнил значение газовой постоянной, то температурный эквивалент такой скорости должен соответствовать трем триллионам, или что-то вроде того, градусов по абсолютной шкале. Чем ближе мы подходили к звезде, тем больше усиливалось поле вокруг нас, а следовательно, ионы все больше отклонялись и одно за другим выбивали кольца.

Конечно, — усталым голосом закончил Макларен, — все эти величины — всего лишь приближенные, поскольку мы прибегли здесь к обычной алгебре. Но так как мы пересекаем магнитное поле под углом, то для того, чтобы получить ясную картину о случившемся, нам потребуется векториальное дифференциальное уравнение. Можно попробовать заменить мои цифры, используя коэффициент пять или шесть. Но я думаю, что моя версия все-таки дает общее представление.

— Да-с-с, — произнес Накамура. — По-моему, тоже.

Из сумрака отсека, паря бок о бок в воздухе, оба смотрели на пронзительно яркие звезды.

— Знаете, — сказал Макларен, — есть один грех, за которым неизбежно следует наказание и который поэтому должен являться самым смертным грехом из всех, какие только существовали во все времена. Это глупость.

— Не совсем с вами согласен. — Ответ Накамуры слегка покоробил Макларена. — Я знал многих — как бы лучше назвать их? — лишенных мыслительных способностей людей, которые жили счастливо и с пользой для общества.

— Я говорил не об этом виде глупости. — Макларен едва сдержался, чтобы не фыркнуть. — Я имел в виду нашу собственную разновидность. Вашу и мою. Нам следовало тогда остановиться и продумать ситуацию, прежде чем кидаться сюда сломя голову. Я ведь хотел приближаться к звезде медленнее и

во время этого медленного продвижения снимать показания приборов, а вы распорядились мною по-своему.

— Мне стыдно, — сказал Накамура и, опустив голову, спрятал лицо в ладонях.

— Дайте закончить. Мне бы следовало прийти сюда, хорошенько продумав всю программу. Тогда я не объяснил вам наглядно, почему *нельзя* так поспешно занимать ближнюю орбиту. Я только выразил свое недовольство тем, что вы не захотели дать мне время прочитать показания приборов, пока идем к звезде. Руководствуясь имевшейся у вас информацией, вы были вправе... О, черт возьми! Я поднял этот вопрос только для того, чтобы вы знали, каких тем следует избегать в разговоре с нашими товарищами по несчастью — а их, очевидно, тоже можно обвинить в недомыслии. Мы не можем позволить себе ссориться. — Макларен почувствовал, что его губы складываются в некое подобие ухмылки. — Во всяком случае, я не заинтересован в этом. Мой интерес чисто прагматический: я хочу убраться отсюда!

Из-за перегородки, отделяющей жилой отсек от производственного помещения, появился Райерсон. Макларену он сначала показался тенью. Но по мере приближения к нему Макларен смог разглядеть на юном лице неестественно блестящие глаза и трясущиеся губы.

— Что ты обнаружил, Дэйв? — Вопрос сорвался с его губ прежде, чем он успел подумать.

Райерсон отвел взгляд.

— Мы не можем его сделать. У нас недостает запасных частей, чтобы заработал... контур... мы не можем, — запинаясь, произнес он.

— Я знал это, — сказал Накамура. — Конечно. Но у нас есть инструменты и станки. В хранилище лежат бруски металла, которому мы можем придать любую нужную нам форму. Вопрос только в том...

— Откуда достать четыре килограмма чистого германия? — взвизгнул Райерсон. Стены отозвались насмешливым эхом. — Может, внизу, на той звезде?

Глава 9

Свердлов, меньше всего похожий на человека в своем неуклюжем громоздком скафандре, первым вышел через шлюз машинного отделения. Когда Райерсон следом за ним ступил на корпус корабля, ему на мгновение показалось, будто привычный

мир вдруг ушел у него из-под ног и он остался один в этом враждебном человеку космосе.

У него перехватило дыхание. Мимо стремительно проносились огромные чужие звезды. С другой стороны притаилась знакомая ему сплошная чернота, чуть тронутая неясными матовыми пятнами. Райерсон взмахнул рукой, пытаясь ухватиться за что-нибудь реальное. Из-за этого движения он оторвался от корабля и, раскручиваясь, стал падать на мертвую звезду. Он даже не успел испугаться. Вызывая мучительный прилив тошноты, вокруг него бешено завертелось колесо из смешавшихся друг с другом черных пятен и сверкающих бликов, и сам он как неотъемлемая часть колеса, распятый на его центре, вращался вместе с ним. В ушах гудело. Он не взял бы на себя смелость утверждать, что не кричит сейчас.

Страховочный трос рывком остановил его, и Райерсон стал медленно подплывать к кораблю. Наушники неожиданно задрезжали от язвительного голоса Свердлова: «В следующий раз так не вздрагивай, землянин». У Райерсона появилось ощущение более целенаправленного движения, словно краснянин стал подтягивать его за трос.

Отдельные фрагменты черноты стали приобретать для Райерсона определенный смысл. Округлая тень перед ним — это, конечно, корпус корабля. Выступ на нем... ну да, это же одно из креплений дополнительного бака. Основной расход массы, необходимый для достижения половины скорости света, равен 4,35 — формулы теории относительности предпочтительнее ньютоновского экспоненциала, — а для торможения полученный результат возводится в квадрат. «Крест» покинул Солнечную систему с полными баками ртути — по одному с каждой стороны. Оттуда ртуть подавалась в топливный отсек. Много позже опустевшие контейнеры разобрали на части и складировали на борту.

Он с трудом заставил себя не думать о таком уютном, таком приятно упорядоченном мире технических данных. Вокруг корпуса корабля и повсюду на x миллиардов световых лет от него лежали звезды. Ближайшие к нему — а их было несметное количество — вспыхивали и переливались, и пронзали его своими острыми взглядами. Их изрезанные очертания не походили на те, которые Райерсон привык видеть с Земли. Изменились даже такие узнаваемые созвездия, как Стрелец; Райерсон воспринимал его как нечто призрачное, похожее на лицо его жены — такое же расплывающееся и исчезающее. Более далекие звезды незаметно сливались с Млечным Путем — единственным компактным скоплением, перекинувшимся через все небо; от него шел самый мертвенный свет во всей видимой Все-

ленной. Еще дальше, за пределами огромного пространства в миллион световых лет, можно было бы увидеть еще больше солнц — сразу по несколько миллиардов, — образующих белоглубые спирали других галактик.

Толчок неприятно отдался в ногах Райерсона. Он стоял прямо. Подошвы его ботинок немного прилипали к пластику корпуса, тем самым помогая ему сохранять вертикальное положение. Легкого вращения корабля хватало как раз на то, чтобы заставить небо медленно проплывать перед его глазами. От этого у него возникло смутное чувство, будто он висит вниз головой; и он подумал о привидениях, являющихся на свет Божий и похожих на летучих мышей, которые с писком носятся в ночном воздухе. Райерсон отыскал глазами Свердлова. Громоздкие очертания его фигуры в защитном скафандре казались такими уродливыми и вместе с тем такими основательными, что Райерсон готов был заплакать от благодарности.

— Ну ладно, — проворчал краснянин. — Пойдем.

Тщательно выверяя каждый шаг, они двинулись за изгиб корабля. Длинные тонкие отрезки конструкции, прикрепленные у каждого за спиной, вибрировали, отзываясь на их осторожную поступь. Подойдя к решетке, выступающей из кормы, Свердлов остановился.

— Покажу тебе фокус, — сказал он. — Свет в вакууме не рассеивается, так что даже рядом бывает затруднительно разглядеть тот или иной предмет, а поэтому... — Рукой в перчатке скафандра он сильно сжал небольшой пластиковый мешок. Оттуда вырвался яркий сноп огня, и плотный туман, окружавший их, расступился перед натиском света. — Это тяжелая органическая жидкость. Образует капельки, которые часами висят поблизости, прежде чем разложатся. Ну и что ты думаешь о приемопередаточном контуре?

Райерсон неловко наклонился и начал с усердием вглядываться. Через несколько минут он наконец откликнулся:

— Все именно так, как вы докладывали. Думаю, контур починить можно. Но большую часть деталей нам придется перенести на борт — возможно, расплавить их или, по крайней мере, снова обработать на станке. А еще нам понадобятся совершенно новые сегменты взамен тех, что испарились. Хватит ли у нас для этого брусьев металла?

— Надеюсь, да. Что дальше?

— Дальше... — Райерсона прошиб пот. Из подмышек по телу скатывались частые капли. — Понимаете, я гравитик, а не инженер по нуль-транспортировке. Физик, очевидно, будет не самой лучшей кандидатурой для конструирования мостов; точно так же и мне, чтобы выполнить эту работу, надо еще

многому поучиться. Но я могу воспользоваться инструкцией по эксплуатации и заново просчитать множество размеров, и... ну... думаю, что смогу воссоздать действующий контур. Настройку придется проводить по методу проб и ошибок: ведь чтобы как-то настроить, нужно располагать точным резонансом, а справочник исходит из того, что такие узлы, как осциллятор искажений, должны иметь точные, стандартные размеры и кристаллическую структуру. Если этого не будет — у нас ведь нет аппаратуры, чтобы проверить точность размеров, даже если я вспомню их... Что ж, как только мы соорудим нечто, похожее на работающий контур, мне придется пробовать различные комбинации настройки. Возможно, пройдут недели, прежде чем... ну, Солнце или Центавр, или... или любая из станций, даже какой-нибудь другой звездолет... не войдут в резонанс.

— Ты, случайно, не родственник профессору Бруссару из Академии Ломоносова? — прервал его Свердлов.

— Нет. А что?..

— Тот, бывало, точно так же излагал свои лекции. Мне неинтересны теория и практика нуль-транспортировки. Я хочу знать, сможем ли мы попасть домой?

Райерсон сжал кулак. Он был рад, что темнота и шлемы скрывали их лица.

— Да, — сказал он. — Если все пойдет хорошо. И если мы сможем найти четыре килограмма германия.

— Для чего он тебе?

— Видите вон те утолщенные места стыков в контуре? Это... э-э, можно назвать их гигантскими транзисторами. Половина решетки погибла, а с ней и германий: он попросту испарился. Я убежден, что затронута кристаллохимическая структура. Но мы можем достать необходимые нам детали, разобрав на части другие механизмы, без которых мы не можем сейчас обойтись. Кроме того, на борту есть узел из сплава металлов, который можно позаимствовать для изготовления самих транзисторов. Но у нас на борту нет лишних четырех килограммов германия.

В пусуровавшем голосе Свердлова появились скептические нотки:

— И тот пустоголовый Макларен думает найти планету? И разрабатывать рудники?

— Я не знаю... — Райерсон облизал губы. — Не знаю, что еще можно сделать.

— Но ведь эта звезда была сверхновой!

— Она была огромна. Наверняка вокруг нее крутилось много планет. Часть дальних, возможно, уцелела — если, конечно, они были достаточно больших размеров, чтобы начать возрождаться.

— Ха! И вы собираетесь в крошечной тьме, без солнца, блуждать в поисках германиевой руды по грудке расплавленного никеля с железом?

— У нас есть сепаратор изотопов. Его можно переделать на... в общем-то, я еще до конца с ним не разобрался, но... Ради Бога! — неожиданно для самого себя закричал Райерсон. — Что еще можно сделать?

— Заткнись! — рявкнул Свердлов. — Когда я захочу сломать свои наушники, я возьму молоток.

Он стоял в водовороте золотистого тумана, а черный в сером ободке глаз мертвой звезды словно следил за ним. Присев, Райерсон перегнулся, заглядывая внутрь каркаса, и застыл в ожидании. Наконец Свердлов произнес:

— Предположения можно строить до бесконечности. Но то, что не может сделать электронно-вакуумный прибор, не сделает и транзистор. — Он издал резкий смешок. — А вакуума у нас здесь сколько хочешь. Так почему бы не придумать какой-нибудь эквивалент электронным деталям? Так нам будет намного удобнее — ремонтировать ускорители и одновременно прочесывать космос в поисках планеты.

— Придумать? — вскричал Райерсон. — А также опробовать, внести в конструкцию изменения и... Вы представляете себе, что даже если мы будем съедать половину своего рациона, то запасов продовольствия не хватит и на шесть месяцев.

— Представляю, — ответил Свердлов. — Я ощущаю это на своем желудке прямо сейчас. — Он невнятно выругался. — Ну да ладно. Буду действовать по плану дальше. Если бы этот тупица Накамура не...

— Он выбрал единственно возможный вариант! Вы *хотели* погубить нас?

— Худшее нас ждет впереди, — заметил Свердлов. — Что нам теперь осталось, кроме этих шести месяцев? Полгода поболтаемся здесь, а через месяц-другой умирать? — В радиотелефоне послышался грубый звук, словно Свердлов сплюнул. — С поселенцами Сарая я встречался и раньше. Из-за своей трусости они еще хуже землян и почти так же глупы.

— Да погодите же вы... — начал Райерсон. — Давайте не будем ссориться...

— Боишься возможных последствий? — усмехнулся Свердлов. — Ты еще не знаком с грязными приемами в драке твоего дружка Макларена, а?

— Корабль вращался, вспарывая темноту, наполнившуюся вдруг шумом от неровного дыхания Райерсона. Он поднял руки, защищаясь от громоздкой роботообразной фигуры, стоявшей напротив него.

— Пожалуйста, — запинаясь, произнес он. — Погодите же, погодите, инженер Свердлов. — На глаза навернулись жгучие слезы. — Мы ведь все вместе попали в эту историю, вы же понимаете.

— Я все удивлялся, когда же ты наконец выскажешь эту избитую фразу, — злобно фыркнул краснянин. — Ты уже решил, что будет — ах! — так забавно рассказывать своим светским друзьям, как ты провел, пожалуй, целый месяц в глубоком космосе. Ты помещал мне совершить важное дело и швырнул меня в ту ситуацию, о которой не дал себе труда даже задуматься, и погубил нас всех — а теперь говоришь «Мы все вместе попали в эту историю!». — Он уже не говорил, а рычал: — Ты, паршивый ублюдок жрущего дерьмо таракана, я верну тебя домой — не ради тебя и не ради твоей жены, потому что если она обитательница Земли, то я не знаю, чем она там занимается, пока тебя нет — но ради моей планеты. Слышишь, ты? Я им там нужен!

Стало очень тихо. Райерсон чувствовал, как постепенно стихает бешеный ритм сердца и оно начинает биться нормально. Он наконец перестал слышать свой пульс. Руки у него заглодели, а лицо словно онемело. Страх притаился где-то в глубине души, и оттуда, с самого ее доньшка, всплыла мысль: «Так вот как бывает, когда Господь сил небесных налагает на человека руки». Пристально вглядываясь в безжалостное ослепительное сияние звезд позади Свердлова, он проговорил ровным голосом:

— Хватит. Я наслышан о бедных угнетенных колониях. Думаю, что вы своим личным примером доказываете, что Протекторат намного лучше, чем вы того заслуживаете. Что до меня, то я никогда не видел, даже в самой малости, так называемого ограбления других планет. Мой отец начинал с гардемарина и своим трудом заслужил звание капитана, а мои братья и я сам проучились в Академии по праву закона — как граждане беднейшего и самого перенаселенного мира во всей Вселенной. А вы знаете, что такое конкуренция? Да ведь вы, хвастливый мужлан, и недели не протянули бы на Земле. Я и сам уже устал от постоянной, каждодневной борьбы. Если бы не эта проклятая экспедиция, мы с женой на следующей неделе уехали бы в новую колонию. А теперь, глядя на вас, я сомневаюсь, что наше решение было мудрым. Что, колонисты все такие, как вы, — храбрые лишь на то, чтобы порочить старика и женщину, особенно когда те находятся на безопасном расстоянии в сто световых лет?

Свердлов не шевелился. «Крест», медленно вращаясь, повернулся, и в поле зрения Райерсона снова попала черная звезда. Она, похоже, выросла с тех пор, как Дэвид видел ее в последний

раз — ведь корабль стремительно неся в периастр*. У Райерсона было такое чувство, будто они падают в него. Ощущение не из приятных. «Господь, Ты взираешь на меня своим холодным и мертвенным взглядом гнева». Тишина была подобна тетиве, готовой вот-вот лопнуть от сильного натяжения.

Наконец до Райерсона донеслись звуки низкого голоса, неспешно проговаривающего слова:

— Ты готов подтвердить свои слова, землянин?

— Сразу как закончим здесь! — крикнул Райерсон.

— О! — На этот раз молчание затянулось дольше. Затем послышалось: — Забудь наш разговор. Возможно, я слишком разнервничался и поэтому говорил резко. Никогда еще не встречал землянина, который не был бы врагом... в своем роде.

— А вы когда-нибудь пытались поближе узнать их?

— Забудь наш разговор, я сказал. Я верну тебя домой. Могут даже как-нибудь провести тебя на твоей новой планете и поприветствовать. А теперь давай-ка потрудимся здесь. Первым делом надо заставить вновь заработать ускорители.

Слабость, охватившая Дэвида Райерсона, была такой сильной, что ему даже стало интересно, а не упадет ли он под действием силы тяжести? «О, Тамара, — подумал он, — будь сейчас со мной». Он вспомнил, как они жили в палатках на калифорнийском пляже... пляж был целиком в их распоряжении — никто не селился на этих бесплодных землях на востоке... целые тучи чаек кружились над ними, выпрашивая хлеб, пока они оба не изнемогали от смеха. И почему он сейчас вспомнил об этом, да еще так нехотючи?

Глава 10

Когда математические формулы стали расплываться перед глазами Макларена, а мозг отказался повиноваться, настал черед поработать руками. Свердлов и Райерсон под его началом занимались механической обработкой деталей. Изящные маленькие пальцы Накамуры оказались настолько чуткими, что его поставили протягивать проволоку и шлифовать поверхности контрольных колец. Макларену поручили наименее квалифицированную работу и наименее срочную, так как он всегда опережал потребности в продукте своего изготовления: он расплавлял, сортировал и вновь спаивал останки погибшей части ионных ускорителей и приемопередаточного контура.

* Ближайшая к звезде точка орбиты тела, движущегося вокруг этой звезды.

Прodelывать все это в условиях невесомости оказалось довольно сложно. Когда они выходили на поверхность корабля или какую-либо внешнюю его конструкцию, особенно на решетку, любое резкое движение давалось им с большим трудом. Сила Кориолиса* создавала серьезные проблемы даже на внутренних работах. С другой стороны, плавка в условиях полной невесомости тоже имела свои скверные особенности. Левая рука Макларена все еще была в повязке, а на лбу до сих пор багровела мятина от ожога.

Впрочем, ему это, кажется, не мешало. Глядя в зеркало, он с трудом узнавал себя. И не то чтобы лицо его претерпело значительные физические изменения — просто само выражение его стало незнакомым. Вся его жизнь сузилась до этих последних нескольких недель, а то, что было до них, казалось далеким сном. В немногие свободные от работы минуты он еще мог перекинуться со Свердловым в партию скоростных шахмат, поспорить с Накамурой о преимуществах ногаку в противовес кабуки или шокировать юного Райерсона каким-нибудь удачно подобранным скабрёзным стишком. Но, мысленно оглядываясь назад, он замечал, что такие минуты выпадают все реже и реже. Он оставил попытки приготовить из их мизерных пайков что-нибудь вкусное, когда дежурил по кухне; и уже давно — в течение сотен оборотов «Креста» вокруг черного солнца — не исполнял баллад. Он брился по часам и по-прежнему тщательно следил за своим туалетом, но все это было для него лишь частью необходимого ритуала — подобно тому, как Накамура мысленно созерцал свои парадоксы, Райерсон цитировал Библию, а Свердлов перебирал фотографии голых бывших любовниц. Этим они словно говорили себе: «я все еще жив».

Затем настал такой момент, когда Макларен спросил себя: а что он делает, помимо попыток выжить? Вопрос был нехорошим.

— Видишь ли, — сказал он своему зеркальному близнецу, — в таком случае напрашивается следующий вопрос: зачем? Все то время, пока мы вместе, мы старательно уходим от этой проблемы.

Сложив электробритву, он поправил тунику и вышел из крохотной ванной. В жилом отсеке никого не было — как обычно, большую часть времени он пустовал. И не только потому, что им было так уж некогда расслаживаться, просто слишком ограниченное пространство отсека не позволяло этого делать.

* Сила, сносящая тело, находящееся на вращающемся объекте, вбок, вдоль оси вращения.

Покинув отсек, он с удовольствием погрузился в такой уютный мир своих приборов, в котором его душа находила истинный покой. Он честно признал, что его программа по изучению звезды — как можно более всеобъемлющему — была на три четверти эгоистичной. Маловероятно, что для их спасения понадобится точное знание атмосферного состава звезды. Но процесс познания давал ему возможность хоть на несколько минут забыть, где он находится. Конечно, в этом он признавался только себе и никому другому. Иногда ему становилось интересно, что скрывается за молчанием его напарников.

На этот раз в лаборатории он был не один. У иллюминатора в воздухе парил Накамура. Контуры его туловища были подчеркнуты немигающими бриллиантами звезд. Но как только мертвое солнце ушло из поля видимости, Макларен заметил, что тело штурмана напряглось, и тот поднес руку к глазам, словно пытаясь прикрыть их.

Он бесшумно подплыл к Накамуре.

— Бу-у, — произнес он.

Резко дернувшись, штурман завертелся волчком, ловя ртом воздух. Как только судорожное трепыхание рук и ног прекратилось, Макларен увидел ужас.

— Простите! — воскликнул он. — Я не думал, что испугаю вас.

— Я... ничего. — Во взгляде его карих глаз просвечивало что-то жалкое. — Мне не следовало... Ничего.

— Вы ко мне по какому-то вопросу? — Макларен предложил ему одну из своих последних сигарет. Накамура, забыв поблагодарить, машинально взял ее. «С этим парнем что-то неладно, — подумал Макларен. Сквозь сверкавший звездными огнями иллюминатор в помещение медленно просачивался страх. *И он — наш единственный штурман*».

— Нет. У меня... Я немного расслабился. Точную работу не выполнишь, если... устал... да-с-с. — Накамура с силой втянул в себя табачный дым, и впалые от недоедания щеки запали еще больше. Вокруг его головы заплясал небольшой венчик из бисеринок пота.

— О, вы мне ничуть не мешаете. — Макларен скрестил ноги и откинулся назад, словно сидел в кресле, а не в воздухе. — По правде говоря, я рад, что вы здесь. Мне необходимо с кем-то поболтать.

Накамура устало рассмеялся.

— Скорее, нам нужно обращаться к вам за помощью, чем вам искать ее в нас, — сказал он. — Вы изменились меньше всех.

— Разве? А я думал, что как раз на мне все сказалось сильнее. Свердлов тоскует по своим женщинам, алкоголю и политике. Райерсон томится желанием вернуться к своей изумительной молодой жене и изумительной новой планете. Вы же — наша скала, о которую разбиваются годы. А я... — Макларен пожал плечами. — Мне в жизни не за что зацепиться.

— Вы стали спокойнее, это так. — Сигарета слегка подрагивала в руке Накамуры, но его голос звучал уже тверже.

— Просто я стал задавать себе вопросы, — Макларен хмуро посмотрел на черное солнце. Пока он воспринимал эту звезду как научную проблему, он близко не подпускал к себе ту одержимость, которую заметил во время еды в Райерсоне, чьи глаза казались еще больше на осунувшемся лице, и в Свердлове. Райерсон в последнее время стал молчаливым и вновь обратился к той суровой религии, которую он однажды стянул с себя; а Свердлов стал еще более грубым. Макларен пока не думал о звезде как о полумрачном существе, воплощающем зло. Но нет ничего более легкого, чем начало.

— Рано или поздно они возникают у каждого, — без особого интереса заметил Накамура. Он все еще находился в коконе своего страха; именно оттуда и хотел вытащить его Макларен.

— Но от моих вопросов нет никакого толку. Я чувствую, что захожу в тупик, если все, чем я в действительности занимаюсь, является рутинной чепухой, и я мог бы с таким же успехом думать о своих проблемах.

— Мысль — это технический прием, которому надо обучаться, — сказал Накамура, — так же как и способам использования тела... — Он внезапно замолчал. — Я не имею права учить. Я подвел своих учителей.

— А мне кажется, вы держались молодцом. Я всегда завидовал вашей твердой вере. У вас на все есть ответ.

— Дзен никогда не дает готовых ответов на вопросы. Он, по сути, старается избегать любого теоретизирования. Ни одна человеческая теория не в состоянии постичь бесконечную реальную Вселенную.

— Понимаю.

— Вот на чем я споткнулся, — прошептал Накамура. — Я ищу объяснение. Я не хочу просто существовать. Нет, этого недостаточно... здесь, вдалеке от всего, я убеждаюсь, что ищу себе оправдание.

Макларен взглянул на клубящееся небо.

— Я вам скажу кое о чем, — произнес он. — Мне ужасно страшно.

— Как? Но мне казалось...

— О, достаточно пары остроумных реплик, чтобы скрыть это. А за словом я в карман не лезу. Но я точно так же боюсь смерти и так же неистово сопротивляюсь, наступая на горло собственному достоинству, как любая загнанная в угол крыса. И я к тому же понемногу начинаю понимать почему. У меня нет ничего, кроме собственной жизни — абсолютно ничтожной и бессмысленной жизни, состоявшей из учения, но не понимания, из начатых, но не завершенных дел, из знакомых, но не друзей. Разве она стоит того, чтобы ее спасали, а? И вместе с тем я не в состоянии разглядеть в целой Вселенной больше того, что вижу: множество хаотично возникающих мелких случайностей органической химии на множестве крошечных планет. Если бы я смог понять, что есть нечто намного более важное, чем груды слизистых оболочек, именуемых Теранги Маклареном... Что ж, тогда я мог бы не страшиться собственного конца. Ведь еще оставалось бы то, что действительно имеет значение.

Некоторое время Накамура курил в тишине. Нервно затягиваясь, Макларен быстро докурил свою сигарету. Не в силах устоять перед искушением, он, выругавшись про себя, прикурил новую.

— Все это я говорил не для того, чтобы вас разжалобить, — сказал он, но про себя подумал: «Черта с два! Я скормил тебе порцию твоего же психологического лекарства точно по расписанию. Хотя доза, возможно, оказалась большей, чем я рассчитывал».

— Я не достоин, — проговорил Накамура. — Но для меня это честь. — Он посмотрел в иллюминатор, у которого бок о бок парили оба мужчины. — Я стараюсь успокоить себя мыслью, что где-то обязательно есть существа на более высокой ступени развития, чем мы, — сказал он.

— Вы уверены? — спросил Макларен, радуясь возможности уйти от обсуждения личных проблем. — Те, что нам встретились, не шли ни в какое сравнение с нами. По крайней мере, в области интеллекта. Я еще могу допустить, что аборигены Ван Маанена красивее нас, а старототианцы более покладистые, и на них, в отличие от нас, можно положиться.

— А много ли мы знаем о своей Галактике?

— Хм-м-м... да.

— Всю свою жизнь я надеялся встретить истинно великую расу. Даже если они не похожи на богов, у них непременно должны быть свои мыслители. Им не обязательно смотреть на мир, как мы. Два великих народа могут узнать друг от друга

такое, что они и вообразить не могли. В истории Земли уже были эпохи высочайшего подъема, когда смешивались различные народы. Да-с-с. Но эпоха, которая грядет при встрече двух великих рас, будет еще грандиознее из-за большей разницы между ними. И меньшего противоборства. Чем это будет обусловлено? Да просто будет что предложить друг другу. Как-никак, миллиард лет раздельного существования форм жизни.

— Могу вам доложить, — заметил Макларен, — что это как раз и не понравится Протекторату. Наша нынешняя цивилизация не переживет такого взаимопроникновения идей.

— Разве наша цивилизация такая уж великая? — спросил Накамура с непривычным для него презрением.

— Нет. Думаю, не такая.

— По части технических ухищрений нам нет равных. Сомневаюсь, что мы сможем узнать что-то новое из области техники у таких инопланетян, каких я представляю себе. Но чему мы действительно можем научиться у них, и очень важному для нас, — так это философии, которой так не хватает нынешней эпохе человеческой истории.

— А я думал, вы не верите во всякие там философии.

— Я неправильно выразился. Я имел в виду *do* — характер. Характер... отношения? Это и есть то, для чего существует жизнь, это и есть ваше «почему» — не просто механическая причинно-следственная связь, но сам дух, в мире которого мы живем.

Накамура рассмеялся:

— Вы только послушайте ребенка, поправляющего учителя! Я, кто не смог даже соблюсти известные принципы дзен, прошу помощи у неизвестного! Да будь она мне предложена, я несомненно со стыда заполз бы в ближайшую червячную норку.

Неожиданно его вновь охватил ужас. Он схватил Макларена за руку. От этого резкого движения оба закувыркались в воздухе, а их вестибулярные аппараты взбунтовались настолько, что внутри их черепных коробок замельтешили звезды. Макларен ошутил крепкую хватку ледяных пальцев Накамуры.

— Я боюсь! — задышался штурман. — Помогите мне! Я боюсь!

Постепенно равновесие восстановилось. Накамура отправился за новой сигаретой; когда он брал ее, пальцы у него тряслись. В помещении воцарилась глубокая тишина.

Макларен, не глядя в сторону сарайца, наконец заговорил:

— Почему бы не рассказать мне, что вас гложет? Вам станет много легче.

Накамура вздохнул.

— Я всегда боялся космоса, — сказал он. — И вместе с тем меня тянет к нему. Вы можете это понять?

— Да. Думаю, что понимаю.

— Из-за него, — Накамура издал нервный смешок, — пошла кувыркком вся моя жизнь. Сначала меня ребенком оторвали от дома и отправили с Земли, казалось, через весь космос. Теперь-то я, конечно, никогда уже не смогу вернуться туда.

— У меня есть кое-какие связи в Цитадели. Можно было бы устроить визу.

— Вы очень добры. Я не уверен, что она поможет мне. Сегодняшний Киото, конечно же, отличается от того города, что остался у меня в памяти. Даже если он не изменился, то наверняка изменился я, да-с-с? Но с вашего разрешения, я продолжу. Спустя несколько лет, как мы поселились на Сарае, на планету упал метеорит, который убил всю мою семью, кроме брата. Камень из космоса, вы понимаете? Но тогда мы так не думали. Нас поставил на ноги монастырь. Мы получили стипендии в Академии Астронавтики. И вместе мы отправились в полет — в качестве курсантов. Вы слышали о гибели «Фирдоуси»?

— Нет, боюсь, что нет. — Макларен выдохнул облачко дыма, которое легкой вуалью закрыло от них космос.

— Капелла, как и Солнце, — звезда класса *G0*, только гигант. «Фирдоуси», управляемый дистанционно, долгое время находился с исследовательскими целями в самом сердце системы, у ближайшей к Капелле планеты. Радиация вызвала усталость металла. Никто об этом даже не подозревал. Во время нашего полета корабль неожиданно вышел из строя. Штурман с трудом заставил корабль занять орбиту, а дальше мы долго падали на Капеллу и ждали спасения. Многие умерли от нестерпимой жары. Мой брат был одним из них.

И снова мертвая тишина.

— Понимаю, — сказал наконец Макларен.

— С тех пор я боюсь космоса. Время от времени страх оживает в моем сознании. — Горечь перехватила ему дыхание, и он замолчал. Макларен взглянул украдкой на Накамуру. Тот сидел в воздухе в позе лотоса, но взгляд маленького штурмана был обращен на кисти рук, которые беспрерывно находились в движении. — И вместе с тем я не могу бросить свою работу. Потому что в открытом космосе мне часто кажется, что я приближаюсь к... слитности... к чему мы все стремимся и что вы называли пониманием. Но здесь, когда мы привязаны к определенной орбите вокруг этой звезды, слитность ушла и во мне растет страх. Он уже заполонил почти все мое сознание, и я боюсь, что настанет момент — и я закричу.

— Иногда это помогает, — заметил Макларен.

Накамура, пытаясь улыбнуться, поднял глаза.

— О чем вы думаете? — спросил он.

Макларен с задумчивым видом выпустил целое облако дыма. Теперь ему придется тщательно подбирать слова — и никакой подготовки и репетиции при оказании помощи, — иначе они потеряют единственного человека, который может выдернуть отсюда корабль. Или потеряют Накамуру. Последний фактор, как ни странно, казался даже более существенным.

— Мне интересно, — пробормотал он, — даже в абсолютно свободном обществе, если таковое вообще существует... мне интересно, не боится ли своей невесты всякий мужчина.

— Что? — Накамура, ошеломленный, распахнул глаза.

— И в то же время нуждается в ней, — продолжал Макларен. — Дело тут не только в сексе. Возможно, страх является необходимой частью всего, что имеет какую-либо значимость. Смог бы полюбить Бах своего Бога столь величественно, если бы не его внутренний страх перед Ним? Не знаю.

Он погасил окурок.

— Советую вам поразмыслить над этим, — сказал он небрежно. — А также над тем очевидным фактом, который вы наверняка до конца еще не осознали: перед вами не Капелла.

Закончив, Макларен ждал.

Туловище Накамуры дернулось. И только потом, вспоминая это странное телодвижение, Макларен сообразил, что Накамура тогда просто сбросил с себя напряжение.

— Спасибо, — проговорил штурман.

— Это мне надо благодарить вас, — вполне искренне отозвался Макларен. — Вы меня тоже, знаете, поддерживали.

Накамура отправился в механическую мастерскую.

Макларен задержался у иллюминатора чуть подольше. Щелчок карманной зажигалки привел его в чувство.

Из жилого отсека появился Чанг Свердлов. Во рту у него вызывающе торчала сигара.

— Ну, — проговорил Макларен, — и как долго ты подслушивал нас?

— Достаточно долго, — буркнул инженер.

Некоторое время он усердно пыхтел дешевой сигарой, пока его рябое лицо не скрылось в клубах отвратительного дыма.

— Итак, — проговорил он, — разве ты не собираешься обрушивать на меня свою ярость?

— Если только для пользы дела, — ответил Макларен.

— А! — Свердлов замолчал и снова задымил сигарой. — Может, я с этой целью и пришел, — заявил он через минуту.

— Вполне возможно. А как у вас подвигаются дела с наружным ремонтом?

— В порядке. Послушай, — выпалил Свердлов, — сделай мне одолжение, а? Если можешь. Не признавайся Райерсону или мне в том, что ты — тоже человек и что точно так же напуган и растерян, как и все остальные. Не признавайся в этом и Накамура, даже ему. До сих пор, правда, ты этого не делал — это так. Нам, чтобы вырваться отсюда, нужен настоящий прирожденный техн — эдакий чертовски самоуверенный пижон!

Он ринулся из лаборатории. Макларен услышал, как тот нырнул в шахту и чуть ли не бегом устремился по ней к корме.

Глава 11

В бортовом журнале, в который Накамура скрупулезно заносил все важные события, он отметил и точную дату, когда «Крест» начал удаляться от мертвой звезды. Остальные даже и не пытались следить за ходом времени. Здесь, в космосе, не было дней. Здесь не было даже времени, в полном смысле этого слова. Было только существование с почти забытым ощущением солнечного света, листьев и женщин, бывших задолго до начала существования, — что-то вроде вывернутой наизнанку внутри-утробной памяти.

Даже первые минуты их отрыва от звезды уже не воспринимались ими как реальные. Они просто заняли свои места и уставились на свои приборы, абсолютно не ощущая себя победителями. Накамура в рубке, Макларен, снабжающий его информацией, в обсервационном отсеке, Свердлов и Райерсон, бодрствующие в машинном отделении, — все они чувствовали себя просто исполнителями очередного задания из бесконечного их ряда.

Свердлов первым вырвался из своей мрачной утробы, своего безучастного оцепенения и осознал, что жив. Через час пристального разглядывания циферблатов и экранов выпученными от двойной перегрузки глазами он провел рукой по щетине на подбородке.

— Святой Экскремент! — прошептал он. — Этот ублюдок, черт бы его побрал, неплохо сработан.

И возможно, его смог бы понять только Райерсон, проработавший с ним в открытом космосе в течение недель, сложенных из часов совместной работы.

Решетка, выступающая из сферы корабля, выглядела грубой и недоделанной. И действительно, восстановление приемопередаточного контура продвигалось очень медленно. Впрочем, времени им было не занимать, пока они гоняются за какой-то

планетой. Свердлов просто установил каркас, чтобы было на чем закрепить изготовленные им самим кольца ускорителей, экранированные от магнитных воздействий цепи защиты, а также второстепенную проводку, трубки, аккумуляторные пластины, конденсаторы, трансформаторы... Он замерял до миллиампера ионный ток, проклинал, переделывал, вновь замерял, кивал головой, запрашивал полную нагрузку, невнятно комментировал, переделывал, вновь замерял и спрашивал себя, а смог ли бы он все это проделать без Райерсона. И не потому, что он так уж нуждался в помощнике, но мальчик оказался невероятно терпелив. Раз, когда у Свердлова лопнуло терпение из-за не подчиняющейся ему электроники и он, спустившись в корабль и взяв кувалду, принялся крушить брусok железа за неимением человеческих черепов, Райерсон остался снаружи, пытаясь заново все перемонтировать.

Однажды, когда они остались одни среди Галактики, Свердлов спросил его об этом.

— Разве ты не человек, парень? Неужели тебе никогда не хотелось запустить через всю комнату реостатом?

Голос Райерсона, больше похожий на тонкий писк мошки, с трудом пробился в его наушники, почти теряясь на фоне непрерывного треска космических помех.

— Не будет никакого толку. Уж этому отец научил меня. Дома мы часто выходили в море.

— И что?

— Море никогда не прощает.

Свердлов взглянул в сторону своего напарника и, не найдя его в причудливом смещении световых бликов и черноты, прямо перед собой неожиданно увидел Полярную звезду. Его словно пронзило током. Сколько людей, подумал он со вздохом, ушли за своей судьбой, руководствуясь этой ледяной звездой Севера?

— Конечно, — робко признал Райерсон, — ладить с людьми не так-то легко.

А решетка росла. Наконец все замеры показали норму, и Свердлов сказал Накамуре, что они могут трогаться в путь.

Двигателю, разгонявшему «Крест» до полусветовой скорости, было бы не поднять корабль прямо от этого солнца. Да и люди не смогли бы вынести, даже на короткое время, перегрузку в пару сотен гравитационных единиц. Корабль начал отступление на двух g , а корабельные гироскопы развернули его соплом к той физической массе, от которой он стремился уйти. Таким образом, его эллиптическая орбита стала спиралью. До того места, где гравитационное поле снижалось бы настолько, что

становился возможным переход на гиперболическую траекторию, было еще много часов полета.

Свердлов, сгорбившись в своей упряжи из привязных ремней, злобно уставился на экраны и индикаторы. Так легко им не отделаться от этой проклятой гнусной дохлятины из шлака и пепла! От нее можно всего ожидать, и он должен быть готов к этому. Боже, но как же ему хотелось пить! На корабле имелась установка по регенерации воды, и то только потому, что во времена постройки корабля инструкция по космоплаванию предписывала наличие такой установки. Странно быть обязанным жизнью какому-то бюрократу, чьи картотечные шкафы покрылись двухсотлетней пылью! Но регенератор оказался непригодным и все это время простаивал без дела. Да и нужды в нем не было: все отходы шли в накопитель материи и получали новую жизнь в виде воды, пищи или чего-нибудь другого — в зависимости от сигнала, посылаемого с Лунной станции при каждой смене вахт.

Но на «Крест» больше не поступало ни одного сигнала. Пища, единожды съеденная, исчезала безвозвратно. Вторичной воды едва хватало для поддержания жизни. «Гром и молния! — подумал Свердлов. — Я могу учуять себя за два километра отсюда. За бутылку пива я вряд ли продам Братство, но с ящиком Регенту ко мне лучше не соваться».

В его сознание проникло тихое, еле уловимое «бррум-бррум-бррум» — это сам с собой разговаривал двигатель. Слишком громко, пожалуй. Приборы показывали норму, но, по мнению Свердлова, приличному двигателю не пристало так громко урчать. Обернувшись, он взглянул на экраны. Черное солнце едва виднелось. Он бы вообще его не заметил, если бы не знал, куда смотреть. Сшитый на живую нитку, уродливый ионный привод был похож на клетку для звезд. Под кольцами дрожало бледное голубое свечение. Непорядок, конечно. Нет полной отдачи. У задней части сооружения плясали огни святого Эльма.

— Машинное отделение штурману. Как там у вас дела?

— Терпимо. — Голос Накамуры прозвучал неожиданно слабо. Должно быть, сказывается напряжение. Конечно, ведь он вручную выполнял сотню операций, для которых на корабле не нашлось роботов. Но кто мог предвидеть?..

Свердлов прищурился.

— Взгляни-ка на хвост этого агрегата, Дэйв, — сказал он. — Заднее негатронное кольцо. Видишь что-нибудь?

— Ну... — Обведенные черными кругами, воспаленные глаза юноши с трудом обратились в ту сторону, куда показывал палец Свердлова. — Электростатический разряд, — то голубое свечение...

— А еще что-нибудь видишь? — Свердлов с тревогой глянул на мегамперметры. Ток, проходящий через ускорители, не был стабильным и постоянно колебался на несколько процентов. Но разве не ползла очень медленно вниз стрелка прибора на негатроне?

— Нет. Нет, не могу.

— Надо было поставить по термоэлементу в каждое кольцо. Возможно очень слабое отклонение ионов, а это значит, что ионы жуют самый кончик конструкции. И это будет происходить до тех пор, пока ее фокусировка окончательно не разладится. Тогда нам придется плохо.

— Но мы проверили все без исключения... К тому же магнитное поле звезды слабеет с каждым сантиметром нашего продвижения вперед.

— Вибрация, мой зелено-юный друг. Достаточно потрясти одну из тех спянных на скорую руку электромагнитных катушек, которые едва-едва удерживают настройку, как... *Стой!*

Последняя катушка справа по борту раскалилась докрасна. Из нее выплеснулась огненная струйка электрического разряда и побежала вверх по решетке. Стрелка мегамперметра в минусовой цепи упала на десять делений, и Свердлов почувствовал, как корабль слегка качнуло, словно он, потеряв равновесие от резкого толчка, завалился набок.

— Машинное отделение отключает тягу! — взревел он, с силой обрушивая удар на магистральный рычаг. Грохот захлебнулся и, подвывая, сменился неясным бормотанием. У Свердлова возникло такое чувство, будто его забросило на скалу, вершиной уходящую в вечность.

— Что случилось? — раздался лающий голос Макларена.

Свердлов отвел душу, отпустив пару непристойных замечаний.

— Что-то там снаружи вышло из строя. Последний негатронный ускоритель стал накаляться, а ток в сети падать. Разве ты не чувствуешь, что мы рыскаем?

— О Господь, смилуйся над нами, — простонал Райерсон. Вид у него был совершенно больной. — Только не опять!

— А! Не обязательно все так плохо, — проронил Свердлов. — Что до меня, то я вообще удивляюсь, как эта паршивая штука продержалась так долго. Да и чего хорошего ждать от такой увязки проволоки и стержней, но тут уж ничего не поделаешь. — В душе он боролся с желанием набить кому-нибудь физиономию.

— Считаю, что мы на устойчивой орбите, — заявил Накура. — Но я бы чувствовал себя гораздо легче, если бы вы поторопились с ремонтом. Вам нужна помощь?

— Нет. Мы с Дэйвом можем справиться сами. Будьте наготове, чтобы включить нам контрольную тягу.

Свердлов и Райерсон забрались в свои скафандры.

— Готов поклясться, с каждым днем он смердит все хуже, — сказал краснянин. — Раньше мне как-то не верилось, что я могу быть источником такой мерзости. — Он нахлобучил свой шлем и добавил, уже по радио: — И то ладно для такого славного покорителя звезд.

— Нет, — произнес Райерсон.

— Что?

— Запах издает тело. Значение имеет только душа, живущая внутри тела.

Свердлов с любопытством посмотрел из глубины своего шлема на стоявшую рядом с ним фигуру в скафандре.

— Ты действительно веришь в эту чепуху?

— Простите, я не хотел читать вам наставления или...

— Не стоит. Мне тоже неохота ссориться. — Свердлов вызывающе засмеялся. — Впрочем, поразмышляй-ка вот над чем. Если тело — такой уж ничего не стоящий кусок мяса, то почему ты из кожи вон лезешь, чтобы вернуться к своей жене?

В наушниках он услышал негодующее дыхание и на мгновение почему-то ощутил себя потерпевшим фиаско. Им не о чем здесь спорить. «К черту, — сказал он себе. — Если какой-то там землянин не желает слушать колониста, то лучше ему греметь костями подальше от космоса».

Оба, забрав инструменты и приборы, вышли через люк в гнетущем молчании. Сначала, как это бывало всегда, глаза их словно ослепли. Затем зрачки расширились, а мозг переключился на восприятие чужих структур. И тут же на них обрушился безжалостно яркий свет.

Ощупью пробираясь по решетке к задней ее части, Свердлов почувствовал, что гнев его постепенно отступает. Мальчишка был прав: ни к чему проклинать неживую материю. Побереги свою ярость для тиранов и подлецов, а также их прихлебателей. И стоит, наверное, задаться вопросом (страшно подумать): а достойны ли они даже этого? Он стоял в окружении десятка тысяч жестких солнц, но ни одно из них не было ни Солнцем, ни тау Кита. О Полярная звезда, путеводная звезда смерти, неужели мы такие же малые песчинки, как и все это?

Он дошел до конца конструкции, пристегнул к ней страховочный трос и распылил рядом с кольцом облачко светонесного тумана. Но не слишком близко к кольцу, так как смешение облачка с потоком ионов было бы для него нежелательным — а так, чтобы освещение давало ему возможность разглядеть окружающие предметы со всех сторон. Вытянувшись в длину, он

парил позади всей конструкции, одновременно подтягиваясь поближе к ускорителям и внимательно их разглядывая.

— Хм, да, на ней видны следы эрозии, — проговорил он. — Скорее всего, конечно, подвела негатронная часть. Протоны, ударяясь о земную материю, повреждают ее намного меньше. Поддай-ка мне, пожалуйста, тот счетчик.

С равнодушным лицом, Райерсон молча протянул ему нужный прибор. Свердлов замерил уровень радиоактивности.

— Ничего серьезного, — решил он. — Заменять кольцо нам не придется. Хорошо, что мы вовремя остановили этот процесс. А изменения в электрическом фокусировочном поле, вызванные его обглоданной формой, можно компенсировать переналадкой магнитных катушек. Надеюсь.

Райерсон не отвечал. «Боже мой, — подумал Свердлов, — неужели я так сильно обидел его?» До сих пор, работая снаружи, они иногда переговаривались — не то чтобы по-настоящему беседовали, но временами обменивались какими-нибудь банальными репликами или просто что-нибудь бормотали в ответ... вполне достаточно для того, чтобы заглушить шипение межзвездного фона.

— Алло, штурман! Мне нужен один микроампер. В течение секунды.

Свердлов посторонился. Стоять на пути антипротонного выплеска даже в миллионную долю ампера было бы в высшей степени неразумно. Электрические разряды, словно плющ, обвили арматуру ускорителя. Внимательно читая показания приборов, установленных им на пути следования ионного потока, Свердлов кивнул.

— Что там на потенциометре, Дэйв? — спросил он. — Я имею в виду, есть ли там что-нибудь, заслуживающее внимания?

— Норма, — отрывисто ответил Райерсон.

«Может, мне надо извиниться? — подумал Свердлов. И затем в нем гейзером заклокотало: — Ну нет, клянусь Иудой! Если он такой уж ранимый, пусть он скорее сгниет, чем я попрошу у него прощения».

Вокруг в огромном множестве роились звезды — далекие и недостижимые. Порой — особенно когда Свердлов менял направление взгляда — казалось, что они движутся. Как мухи. Миллион пылающих мух. Свердлов дурашливо прихлопнул одну из них и заворчал, разозлившись на себя.

Спустя некоторое время ему пришло в голову, что нервы Райерсона тоже, должно быть, порядком поистрепались. Нельзя же от парня ожидать абсолютно разумного поведения. «Да я ведь сам потерял голову еще в начале нашей стычки», — поду-

мал Свердлов. Вспомнив об этом, он почувствовал, как в висках застучала кровь. Он с яростью принялся откручивать магнитную катушку номер один, как будто перед ним был враг, который заслуживал оскопления.

— Порядок, дайте-ка мне еще один микроампер на односекундную проверку.

— Попробуйте сдвинуть номер два на пару сантиметров вперед, — посоветовал Райерсон.

— Ты что, спятил? — фыркнул Свердлов. «Да, полагаю, мы все сейчас немного спятили». — Смотри, если отклоненный поток ионов ударит сюда, тогда придется направлять его вниз — вот так, и...

— Не стоит беспокоиться!

Свердлов не видел движений Райерсона, скрытого громоздким скафандром, но он ясно представил себе, как тот отворачивается, презрительно пожимая плечами. Инженеру хватило нескольких минут бесплодных попыток как-то наладить систему, чтобы убедиться в том, что землянин правильно представлял себе взаимодействие сил.

Он проглотил комок в горле.

— Ты был прав, — вырвалось у него.

— Что ж, давайте ее заново смонтируем, — холодно обронил Райерсон.

«Прекрасно, земной сноб, сэр». Свердлов еще несколько минут возился с катушками.

— Контрольное включение. — «Не совсем то. Надо бы еще подрегулировать». — На этот раз пустите сюда один миллиампер... Полный ампер... хм. — Истечение ионов было слишком кратковременным, чтобы кольцо успело нагреться, но стрелки на приборах словно взбесились.

— Какое-то отклонение еще есть, — произнес Свердлов. — Вопрос распределения скоростей. У определенного, незначительного процента частиц совершенно ненормальные скорости, и... — Ему пришло в голову, что он, скорчившись перед Райерсоном, который устремил на него сверху свой невидимый взор, лепечет тому банальности, очевидные для всех. — Я попробую вот эту сдвинуть немного в сторону. Подай-ка мне тот верньерный ключ... Так. Пожалуйста, контрольное включение в один ампер.

На этот раз приборы молчали. Райерсон протяжно свистнул.

— Кажется, мы справились с этим, — сказал он.

«Мы? — подумал Свердлов. — Ну и ну, да ты подал мне пару инструментов!»

Но вслух сказал:

— Подождем, что покажет полная нагрузка, тогда будем знать наверняка.

— Конечно, — нерешительно подтвердил Райерсон. По его смягчившемуся тону Свердлов догадался, что Райерсон перевозмог свою вспышку гнева.

«Ну а я нет!»

— Тогда нам остается просто испробовать систему и посмотреть, да? — продолжал землянин.

— А если у нас все еще будет значительное отклонение, то снова облачаться в свои железные костюмы и тащиться сюда — и может, не один раз, а дюжину? Нет уж!

— Но мы же так делали и прежде.

— Что-то я зверски проголодался, — сказал Свердлов. Неожиданно он взорвался: — Меня уже тошнит от этого! Меня тошнит от собственного зловония, от которого мне никуда не деться, и от твоего тоже, меня тошнит от одних и тех же глупых рож и одних и тех же глупых реплик, да, и даже от одних и тех же звезд! С меня достаточно! Возвращайся в корабль. Я останусь здесь и понаблюдаю, что будет при ускорении. Если что-нибудь не так, я тут же на месте все исправлю.

— Но...

Потрескивая, сквозь бормотание звезд пробился голос Накамуры.

— О чем вы думаете, инженер Свердлов? Двойная перегрузка попросту сдернет вас с корабля! А мы не с такой легкостью маневрируем, чтобы спасти вас.

— Этот страховочный трос прошел испытание на две тысячи килограммов, — отозвался краснянин. — Это же нормальная процедура непосредственной проверки работы ускорителей при ионной тяге.

— Пусть это сделают автоматы.

— Которых у нас нет. Вы уже *знаете*, что система полностью налажена? Вы так уверены, что не будет никакого, даже самого незначительного кумулятивного эффекта и что эта штука однажды не откажет — и именно тогда, когда вы больше всего будете нуждаться в ней?

— Странное время, однако, чтобы размышлять над этим. — Голос Накамуры прозвучал сухо и почему-то отчужденно.

— Я инженер, — холодно ответил Свердлов. — Прочитайте корабельный устав.

— Хорошо, — произнес Накамура. — Хорошо, но...

— Это эконоит время, — вмешался Райерсон. — Возможно, даже на несколько дней, если катушки действительно плохо отрегулированы.

— Спасибо, Дэйв, — сказал Свердлов, испытывая неловкость.

— Хорошо, — согласился Накамура, — у вас, конечно, есть право. И все же я снова прошу вас...

— А я прошу у *вас* всего-то навсего двойную перегрузку на пару секунд, — прервал его Свердлов. — Вот когда я приду к убеждению, что это кольцо работает, как ему полагается, и что нам не придется из-за него вечно останавливаться как сейчас, тогда я вернусь в корабль. Не раньше.

Он обхватил ногами каркас и начал переставлять закрепленные на нем приборы.

— Возвращайся, Дэйв, — сказал он.

— Но почему... Я думал, что буду...

— Нет необходимости.

— Но вы же не можете снимать показания сразу со всех приборов одновременно, а кроме того, если придется что-то делать, вам понадобится помощь.

— Я позову тебя, если захочу. Дай мне свой пояс с инструментами.

Юноша неохотно протянул пояс Свердлову, и тот, обвязавшись им, щелкнул застежкой.

— Такая проверка сопряжена с некоторой долей риска, Дэйв. Если уж мне не повезет, то лишь ты сможешь более или менее выполнять функции инженера, без которого на корабле не обойтись. Корабль не может рисковать нами обоими.

— Но зачем вообще подвергать себя риску?

— Потому что мне опротивело торчать здесь! Потому что мне остается одно: или активно сопротивляться этой проклятой голловешке, или начать выть! А теперь иди в корабль!

По мере того как громоздкая фигура его напарника удалялась, Свердлов, не отрывая от нее глаз, думал: «А ведь я сейчас, по правде говоря, не очень-то разумно поступаю, разве нет? Но кто мог предвидеть, что будет в сотне световых лет от моего солнца?»

Готовя систему к проверке, он ломал себе голову над тем, что же двигало им. В нем жила потребность вступить в борьбу с чем-то осязаемым, а балансировать на этом металлическом остове с удвоенным собственным весом было, несомненно, вызовом. Еще одной причиной — правда, менее важной — явилась логичность его аргументации. Все те доводы, которые он привел, были достаточно вескими. Ведь если продолжать двигаться с той же черепашной скоростью, соблюдая все меры предосторожности, то можно и с голоду умереть.

А скрытой пружиной всего, подумал он, является смутное, непонятное ему желание, вызревающее в душе. Ли Цун с Красны

велел бы ему выжить любой ценой, пожертвовать другими, чтобы спасти себя для своей планеты и Братства. Но ведь есть пределы. Не обязательно принимать на веру кальвинизм Дэйва — хотя безжалостный кальвинистский Бог, казалось, находится совсем рядом с этой мертвой звездой — и признавать правду, что существует нечто более важное, чем простое выживание. Чем даже выживание по уважительной причине.

«Может, я стараюсь найти это нечто», — смущенно подумал он.

Он сползал «вверх», пока ноги не обхватили одну из поперечных деталей конструкции. При этом последнее кольцо ускорителя оказалось у его правой лодыжки, а циферблат электрошупа удобно устроился у лицевого стекла шлема. Правая рука сжала верньерный ключ, а левая туго натянула страховочный трос.

— Приготовьтесь к включению тяги, — передал он по радио. — Нарастивайте два g в течение одной минуты и держите так, пока я не скажу «стоп».

Сначала ничего не происходило. Только по небосводу медленно поползли созвездия, менявшие свое положение вместе с кораблем, который разворачивали гироскопы. Молодец, Сейки! Это давало возможность Свердлову избежать попадания под ионный поток при контрольном включении тяги.

— Приготовьтесь, — прозвучало в наушниках Свердлова. Вес возвращался к нему в ликующем напряжении мышц плеч, рук, ног и живота; в глухом стуке сердца, постепенно заглушавшем тихое потрескивание разговаривающих звезд.

Корпус теперь нависал прямо над ним — гигантская сфера, опиравшаяся на двоянные вышки. Из середины основания каждой вышки изливался призрачный голубоватый свет, а в местах пересечения элементов конструкции сплетались и фонтанировали электрические разряды.

«Непроизводительная трата энергии, — подумал Свердлов. — А все из-за того, что восстановительные работы проводились без надлежащей аппаратуры. Зато красиво. Похоже на праздничный фейерверк». Он сразу вспомнил то время, когда был маленьким. Мать как-то повела его на демонстрацию пиротехнических чудес. Они сели в катамаран, взятый напрокат, и любовались изумительными цветами, неслышно распускавшимися над озером.

— Да уж, — проворчал Свердлов. Прищурившись, он взгляделся в циферблат индикатора. Теперь, когда наружу выбрасывались целые граммы вещества, было очевидно, что отклонение все еще оставалось довольно значительным. Кольцо нагрелось не очень сильно — можно сказать, почти незаметно, но негатроны с трудом пробивались в ядра сквозь панцирь из электро-

нов, что приводило к распаду атомов. Вскоре следовало ожидать деформацию кристаллической структуры, усталость и, в завершение всего, аварию. Доложив об этих своих открытиях, Свердлов хвастливо добавил:

— Я был прав. Без работы здесь не обойтись.

— В таком случае выключаю тягу. Приготовьтесь.

Невесомость вернулась. Вытянув руку с ключом, Свердлов осторожно захватил им катушечную гайку и отпустил болт. Саму катушку он сдвинул назад.

— Через минуту я ее поставлю на место. Готово! А теперь давайте три — примерно на тридцать секунд, просто чтобы удостовериться.

— Три? Вы уверены, что вы...

— Уверен. Пуск!

Свердлову пришло в голову, что то, чем он занимается сейчас, является совершенно иным способом служения человека своей планете, а именно: быть человеком на своем месте. Может, даже лучшим способом, чем планировать вымирание людей, которым выпало жить где-то на другой планете. «Да перестань же, — сказал он себе, — иначе в скором времени можешь рассчитывать на место преподавателя в детском саду Лиги Спасения».

На него навалилась тяжесть тройной перегрузки, и мускулы буквально наслаждались ею.

При трех ионный поток шел мимо кольца. Значит, отклонения не было... или было? Он пододвинулся, чтобы лучше разглядеть. Правая рука, все еще сжимавшая утяжеляющий ее ключ, соскользнула с балки, на которую она опиралась. Свердлов потерял равновесие. Раскинув руки, он повис, инстинктивно стараясь не упасть. Правой рукой он попал в струю антипротонов между катушками электромагнита.

Брызнуло пламя.

Накамура выключил тягу. Свободно паря, Свердлов рассматривал при свете звезд свою руку. Ионное излучение срезало ее так аккуратно, как если бы то сделал стационарный газовый резак. Из дыры в скафандре наружу вырвались водяной пар и кровь, тут же замерзнув в виде небольшого облачка, бледного на фоне туманностей.

Боли не было. Пока. Но с падением давления у него заложило уши.

— Машинное отделение! — отрывисто произнес он. Часть его находилась как бы вне тела и изумлялась присутствию своего духа. Что за великолепный механизм по выживанию, когда приходится туго! — Аварийная ситуация! Сбрось полный

вольтаж ускорителей до одной тысячи. Спусти мне с десяток ампер. Быстро!

Он не почувствовал нарастания силы тяжести. Такая тяга слишком мала, чтобы ощутимо сдвинуть массивный корпус корабля. Он снова сунул руку в ионный поток. Вот теперь к нему пришла боль, но только в голове, так как, не выдержав падения давления, барабанные перепонки в ушах лопнули. Еще одна минута — и у него начнется кессонная болезнь. Вокруг культи запястья неслышно загудел газ, состоявший из антипротонов. Когда сталь стала плавиться, Свердлов, зажав в левой руке ножовку, принялся орудовать ею, пытаясь наглухо запечатать рукав скафандра. Он, казалось, был отрешен от всего. Мозг заволакивало черной пеленой. В какую-то минуту Свердлов в изумлении спросил себя: «Разве я собирался совершить такое для других?»

Когда он решил, что рукав надежно запаян, он отвел руку в сторону.

— Выключите тягу, — прошептал он. — Идите и заберите меня отсюда.

Баллоны со сжатым воздухом исправно снабжали его кислородом, давление внутри скафандра вновь поднялось. Как же хорошо было свободно парить в пространстве, насколько позволяла длина страховочного троса, и наслаждаться дыханием. До тех пор, пока собственная кровь не стала душить его. Тогда он сдался и принял милосердный дар темноты.

Глава 12

Дни, предшествующие зимнему солнцестоянию, казались тусклыми проблесками света, к югу и вовсе гаснувшими в низких свинцовых тучах. Такой был и сегодняшний день. Тамара вышла на прогулку с первым лучиком света, робко прочертившим дорожку через океан, а сейчас время уже близилось к закату. Она спросила себя: да может ли сам космос быть мрачнее этой земли? В космосе, по крайней мере, видны звезды. А на Скъюле приходилось целыми днями ютиться в доме, скрываясь от ветра; а небо представляло собой сплошной круговорот снега.

Когда она, покинув пустошь, стала спускаться к морю, с неба посыпались редкие сухие снежинки. Но никакого тепла они не несли с собой, и снегопада сегодня ночью не предвиделось. Ветер, разгоняясь за тысячу километров отсюда, от самых айсбергов, и проносясь через Атлантику, с силой обрушивался на остров. Она постоянно чувствовала на себе его леденящие покусыва-

ния — плащ с капюшоном служил плохой защитой от них. Но она *все равно* не вернется в дом. До тех пор, пока медленно не угаснет день и оставаться под открытым небом станет небезопасно.

Она сказала себе печально: «Даже и тогда я осталась бы здесь — если только это не повредит ребенку — и старик пришел бы искать меня. Дэвид, помоги мне; я не знаю, что было бы хуже!»

Она испытывала какое-то болезненное удовольствие быть честной по отношению к себе. По всем правилам ей бы следовало думать только о неродившемся ребенке Дэвида, а о себе не больше, чем о чреве, вынашивающем плод. Но для нее все это было как-то нереально... еще нереально... пока по утрам она только испытывала тошноту, а по ночам видела дурные сны.

Ее реальностью был Магнус Райерсон — волосатый, словно животное, грубо ворчавший на нее за то, что она не выполняет домашнюю работу так, как хочет он, и невнятно читавший что-то вслух... этот его остров, его море и его уроки распроклятого английского языка!

Тамара заметила, что произносит это ругательство вслух.

— Распроклятый английский язык! Распроклятый английский язык! Можешь взять свой язык и сделать с ним, сам знаешь что! — Она то и дело слышала это выражение, как маленькая девочка, из-за двери украдкой заглядывающая в комнату, где разговаривают мужчины. Обычно подобными фразами уснащают свою речь люди более низкого круга — такие, как фермеры, занимающиеся разведением рыбы, или рабочие с коралловых приисков, или пастухи. Она понятия не имела, о чем все знали. Возможно, разорвать его на мелкие кусочки и пустить по ветру в этот чудовищный Северный океан.

На мгновение она стиснула руки. Если бы она могла точно так же сокрушить Магнуса Райерсона!

Она старалась держать себя в рамках приличий. Ведь она была леди. Не техн, но как-никак дочь профессора. Она умела читать и писать, она училась танцам и игре на флейте, разливать чай и вышивать платья, а также вести беседы с учеными, чтобы те не слишком скучали в ожидании ее отца... Словом, прошла полную академию изящных искусств. Отец назвал бы ее ненависть к свекру антисоциальной. Теперь это была ее семья.

Тем не менее.

Ноги, утопая в снегу, сами несли ее вниз по склону через вересковые заросли, пока наконец она не очутилась на усыпанном камнями берегу. Море с яростью набрасывалось на груды валунов и вдребезги разбивалось о них. От ударов огромных валов вздрагивала земля. Гонимый ветром колючий снег жалил

кожу. За скалами виднелось лишь безбрежное серое пространство, где вздымались седобородые волны и дул пронизывающий полярный ветер. Там, за этими скалами, грохотало, гудело и свистело на все лады.

Она вспомнила сочную зеленоватую синеву южного океана, тихий шорох, с которым он подползал к подножию палм, устремившихся к бесконечно высоким небесам.

Однажды Дэвид насмешливо сказал:

— Мои предки были северянами — насколько мы смогли заглянуть в глубь веков — пиктами, скандинавами и скоттами, моряками и мелкими фермерами, жившими на самом краю Атлантики. Наверное, поэтому уже несколько поколений подряд многие из них становятся космонавтами. Чтобы удрать отсюда!

И затем, касаясь губами ее волос, добавил:

— Но я-то узнал, чего они все ищут на самом деле.

Трудно было представить, что сердечность Дэвида, его нежность и смех родились в этом месте; похожем на могилу. Впервые он познакомился с ней через ее отца — профессор и студент много ночей провели тогда вместе под австралийскими звездами, не смыкая глаз. Дэвид все пытался найти такого Бога, который не был бы столь жесток к своим детям, постоянно обещая грешникам вечные адские муки. Тамара размышляла о религии, которая так тревожила его, словно была каким-то чужеродным клеймом, некогда выжженным на нем мифической Далекой Внеземной Цивилизацией. Ее размышлениям во многом способствовала непонятность догм его секты: даже в их время христиане встречались не так уж редко, но по своей наивности она предполагала, что протестант — это что-то мусульманское.

Теперь-то она понимала, что обитатели Скъюлы и Бог Скъюлы порождены самой Скъюлой, а в их жилах течет ледяная океанская вода. Дэвид никогда не пытался подстраиваться под общепринятые нормы поведения. Его характер сложился таким, что Магнус Райерсон в глубине души считал его мало похожим на человеческий. Неожиданно Тамара, немного смущаясь, вспомнила, как однажды вечером пару недель назад старик усадил ее переводить балладу.

— Наши предки пели ее в течение многих сотен лет, — сказал он и посмотрел на нее из-под нависших бровей. Тамара до сих пор помнила тот его взгляд.

*Снял он крест свой и шлем и слез с коня,
Даже имя Христа позабыв.
Ведь его целовала в уста
Сама фея волшебной любви.*

Тамара ударила кулаком по ладони. Ветер ухватил плащ, и тот, взметнувшись, начал хлопать ее по плечам, словно черные крылья. Дрожа от холода, она снова укуталась в него.

Догорающей лучиной солнце тлело на самом краешке этого мира. Еще несколько минут — и станет совсем темно. В такой кромешной тьме, какая бывает здесь после заката, можно было бы замерзнуть до смерти, на ощупь отыскивая дорогу домой. Тамара ускорила шаг, не теряя надежды найти решение. Она не появлялась сегодня в доме именно потому, что там было невыносимо. Но на ум ничего не приходило, словно он перестал подчиняться ей. Она так и не знала, что ей делать.

«А скорее всего, — подумала она, — я все же знаю, но пока не набралась смелости».

Когда она добралась до дома, сумерки сгустились настолько, что она с трудом различила в темноте побеленные стены и крутую заснеженную крышу. Сквозь щели в ставнях пробивались желтые лучики света. Она остановилась у двери. Входить!.. Но выбора не было. Она повернула шарообразную ручку и перешагнула порог. Следом за ней в дом ворвался ветер и грохот океана.

— Закрой дверь, — произнес Магнус. — Закрой дверь, дурочка.

Она захлопнула дверь перед непрошеными посетителями, оставив их бормотать и стелать под навесом крыши, повесила на вешалку плащ и повернулась. Магнус Райерсон сидел в своем потертом кожаном кресле и держал в руках книгу в потертом кожаном переплете. Как всегда, как всегда! Разве можно отличить в этом логове один день от другого? Световар светился тускло, так что старик казался скорее тенью с мерцавшими, как сосульки, глазами и бородой, ниспадавшей грязно-белым водопадом. В очаге обреченно потрескивали брикетки торфа, пытаясь согреть чайник на каминной полке.

Положив книгу на колени, Райерсон выколотил свою допотопную трубку (воздух от нее в доме становился отвратительным) и грубо спросил:

— Где тебя носило весь день, девчонка? Я уже собирался идти искать тебя. Ты бы могла подвернуть ногу и умереть там — одной и беспомощной, наедине со стихией.

— Но этого не случилось, — ответила Тамара. Она переобулась в дзори и направилась в кухню.

— Погоди, — сказал Магнус. — Тебе что, трудно запомнить? Я хочу, чтобы мой ужин и чай были на столе ровно в 16.30... И еще. Ты, девушка, должна быть осторожней. Ты ведь носишь последнего из Райерсонов.

Тамара остановилась. Скользя взглядом по старинному кирпичному полу, она словно в тумане ощутила, как напряглось ее тело. Озябшая кожа, которая начала было отходить в тепле, покалывавшем ее мелкими иголочками, снова онемела. Это она ощутила уже сильнее.

— Не считая Дэвида, — сказала она.

— Если он жив. Ты еще веришь в это, после стольких недель? — Не глядя на нее, Магнус принялся прочищать трубку.

— Я не верю, что он мертв, — ответила она.

— Лунная команда не смогла установить с ними контакт по гравитационному лучу. Так что даже если он все еще жив, он умрет от старости прежде, чем корабль достигнет какой-либо звезды, где живут люди. А впрочем, нет — он скорее умрет от голода!

— Если бы он мог починить то, что вышло из строя...

Приглушенные звуки грохотавшего снаружи прибора усилились до крещендо. Магнус сжал губы.

— Одним из способов, как свести счеты с жизнью, является... надежда, — сказал он. — Ты должна смириться с худшим, потому что в этом мире больше зла, нежели добра.

Она взглянула на черную книгу, которую тот называл Библией и которая своей массивностью выделялась среди других книг, теснившихся на одной из полок.

— Так утверждает ваше Священное писание? — спросила Тамара, внезапно охрипнув. Она не узнала своего голоса.

— Ну да. А также второй закон термодинамики. — Магнус постучал трубкой по пепельнице. Этот неожиданный громкий звук заглушил завывание ветра.

— А вы... а вы... не хотите даже разрешить мне повесить его фотографию, — прошептала она.

— Она в альбоме, вместе с другими моими погибшими сыновьями. Я не желаю, чтобы ты вешала ее на стенку и хныкала перед ней. Мы должны смиренно принимать все, что Бог ниспосылает нам, и в то же время крепко держаться на ногах.

— Да вы знаете... — проговорила Тамара, не сводя с него глаз и чувствуя, как в ней медленно поднимается волна ужаса. — Да вы знаете, что я не могу вспомнить даже его лица?

Смутно она надеялась вызвать его гнев. Но его широкие плечи, обтянутые пушистым свитером, просто приподнялись — легкое пожатие плечами, и все.

— Ну да, обычное дело. У тебя в памяти остались его слова, его светлые волосы и голубые глаза, ну и так далее, но все это не дает истинного образа. Ничего удивительного — в конце концов, ты и знала-то его не так уж долго.

«Ты мне говоришь, что я чужая, — подумала она, — что я сунула свой нос куда не положено и украла то, что мне не принадлежит».

— До ужина еще осталось время, чтобы немного повторить английскую грамматику, — сказал старик. — Уж больно неважно у тебя с неправильными глаголами.

Он положил книгу на стол. Девушка сразу узнала ее — стихи Киплинга, кем бы там ни был этот Киплинг.

— Доставай учебник и садись, — проговорил тот, указав на полку.

Вспыхнув, Тамара сжала кулаки.

— Нет.

— Что? — Продубленное ветрами лицо повернулось, всматриваясь в нее.

— Я не собираюсь больше учить английский.

— Не... — Магнус уставился на нее так, словно та была редким образчиком с другой планеты. — Ты себя плохо чувствуешь?

Чеканя язвительные слова, она бросала их одно за другим в лицо старику:

— Я лучше знаю, как мне проводить время, и не собираюсь тратить его на изучение мертвого языка.

— Мертвого? — вскричал Магнус. Она ощутила, как пространство между ними заполняется его гневом. — Язык пятидесяти миллионов...

— Пятидесяти миллионов невежественных провинциалов, населяющих бесплодные земли между разбомбленными городами, — сказала она. — Да за пределами своих Британских островов и пары глухих районов на североамериканском побережье вас никто и не поймет. Ни один современный автор или ученый, или... да никто... не пишет по-английски. Он мертвый, и все тут! Ходячий труп!

— Это ты так о языке своего мужа! — заорал он на нее, поднимаясь с кресла.

— Вы думаете, он когда-нибудь заговорил бы на нем с кем-то, помимо вас, если бы... уехал отсюда? — отпаривала она. — И вы считали — в случае, если Дэвид вернется с того корабля, на который вы его отправили, и мы уедем на Рам, — вы воображали, что мы заговорим на языке вымирающего народа? В новом-то мире?

На щеках она почувствовала брызнувшие из глаз слезы. Охваченная страхом, она задыхалась. Старик был таким страшным и волосатым, таким огромным. Когда он встал, светочар и тусклый свет камина, объединившись, отбросили его тень на нее

и заполонили темным силуэтом целый угол комнаты. Головой он едва не задевал потолок.

— Так, значит, теперь народ твоего мужа вымирает, — отрывисто проговорил он, словно выстрелил. — Зачем же ты тогда выходила за него замуж, раз он такой умирающий?

— Он-то как раз в порядке! — закричала она так, что отозвались стены. — Но не вы! Сидите тут и грезите о прошлом, когда Землей управляли ваши предки — из того прошлого мы благополучно выбрались! Дэвид собирался туда, где... где есть будущее!

— Понятно. — Магнус Райерсон наполовину отвернулся от нее. Засунув руки в карманы, он сжал их там в кулаки и заговорил раскатистым голосом, обращаясь к кому-то другому — не к ней.

— Мне все ясно. Ты ничем не отличаешься от других, воспитанных в ненависти к Западу, потому что когда-то он был их господином. Их учителем. Несколько веков тому назад этой планетой распоряжался белый человек. Наши старые грехи будут преследовать нас и последующие тысячу лет... пока, в свою очередь, не ослабнет твой народ, а те, кого вы поставили на ноги, не отомстят вам за предоставленную им помощь. Впрочем, я не собираюсь извиняться за своих предков. Я горжусь ими. Жестокости в нас было не больше, чем в остальных. И мы подарили — даже будучи на смертном ложе своей цивилизации... мы подарили вам звезды.

Его голос все усиливался, пока не превратился в настоящий рев.

— Но мы не умерли! Ты думаешь, что этот жалкий Протекторат является обществом? Как бы не так! Это даже не благопристойное невежество и дикость. Это просто заурядная диктатура, которая преклоняется перед своим статус-кво и боится заглянуть в будущее. Я отправился в космос, потому что мои предки когда-то уходили в море. Я отдал космосу своих сыновей, и ты отдашь космосу своих, потому что именно в нем зародится новая цивилизация! Ты изучишь историю и язык наших предков — твоих предков. И ты, ей-Богу, узнаешь, что *значит* — быть одной из нас!

Его слова упали в пустоту. Какое-то время слышалось только завывание ветра да шепот крохотных язычков пламени в камине. Внизу грозно ревел океан и с грохотом обрушивался на прибрежную полосу, терзая остров, словно терьер крысу.

— Я уже знаю, что это значит, — проговорила наконец Тамара. — И это знание стоило мне Дэвида.

Он снова обратился к ней своею лицом и, опустив голову, исподлобья смотрел на нее, как на врага.

— Вы убили его, — сказала она негромко. — Вы послали его на смерть к мертвому солнцу. Потому что вы...

— У тебя сдают нервы, — прервал ее старик, сдерживая гнев. — Я настоял на его участии во всего лишь одной космической экспедиции, чтобы он испытал себя. Та экспедиция, о которой ты говоришь, была очень важной. Она много значила для науки. Впоследствии — каких бы успехов на своем поприще он ни добился — он бы с гордостью говорил: «Я был на «Кресте»».

— Значит, он должен был умереть, теща свою гордость? — спросила она. — Такая причина лишена всякого смысла — как, впрочем, и истинная. Но я все же скажу вам, почему вы на самом деле заставили его отправиться туда... и если вы будете отрицать, что вынудили его силой, я назову вас лжецом! Вам была невыносима сама мысль, что один из ваших детей взбунтовался и отошел от вас... что он постиг весь этот отвратительный фарс, называемый космическими исследованиями, когда значение имеет количество проведенных в космосе километров по принципу: чем больше, тем лучше. Будто огромные расстояния обладают неким чудодейственным свойством. Дэвид собирался жить так, как назначила ему природа: ходить по живой земле, дышать живым, а не упакованным в баллоны воздухом, и чтобы были горы, на которые можно взбираться, а не вращающийся гроб... и его дети бы тоже... мы были бы счастливы! Вот с этим-то вы и не могли смириться!

Магнус зло усмехнулся.

— Уж больно расшумелась дочка профессора по символике, и все попусту, — сказал он. — Если начать с конца, то чем ты докажешь, что вам было назначено жить счастливо?

— Чем вы докажете, что нам было назначено совершить прыжок через световые годы? — закричала она. — Это просто еще один способ убежать от себя — не больше. Без всякой на то выгоды. Я бы еще смогла понять, если бы корабли искали планеты для колонизации. Но... даже сам «Крест» был нацелен на трех гигантов! А ему сменили курс и отправили к какому-то черному, никому не нужному куску шлака! И сейчас Дэвид мертв... ради чего? Ради научной любознательности? Вы — не ученый-исследователь, да и он им тоже не был, и вы это знаете. Ради богатства? Больше, чем он смог бы заработать на Земле, ему не платили. Ради славы? На Земле совсем немного людей, которых волнуют исследования. На Раме ненамного больше. А уж Дэвида они и вовсе не интересовали. Ради приключений?

Да у вас за час прогулки по лесу приключений может быть больше, чем за целый год пребывания на звездолете. Так вот, вы убили своего сына, так как увидели, что он становится нормальным!

— Ну хватит, — прорычал Магнус и шагнул к ней. — Я уже достаточно наслушался тебя. В своем-то собственном доме! К тому же я никогда не был сторонником этой новомодной бредовой идеи позволять женщине твякать...

— Отойдите! — вскричала она. — Я не *ваша* жена!

Он остановился. Черты его лица неожиданно смягчились. Он поднял свою искусственную руку, словно защищаясь от удара.

— Ты жена моего сына, — проговорил он уже спокойно. — Ты тоже одна из Райерсонов... теперь.

— Нет, если именно это имеется в виду. — Она наконец нашла решение, которое искала. Подойдя к стене, она сняла с вешалки плащ. — Надеюсь, вы одолжите мне свой аэрокар для перелета в Сторноуэй. Я обязательно отошлю его обратно, на автопилоте. Оттуда я найду на чем уехать.

— Куда же ты едешь? — спросил он голосом обиженного ребенка.

— Не знаю, — резко ответила она. — Куда-нибудь, где не такой ужасный климат. Мне будут выплачивать жалованье Дэвида, пока его не объявят мертвым, а потом я буду получать пенсию. Когда не останется никаких сомнений в том, что он не вернется, я перестану его ждать и уеду на Рам.

— Но девочка... прилично ли...

— К черту приличия! Я предпочитаю, чтобы сын Дэвида родился живым.

Она снова обулась в сапоги и, взяв с буфета фонарик, вышла за дверь. Когда она открывала ее, в дом ворвался ветер и ударил Магнуса по лицу.

Глава 13

*Есть чудесная страна
Чинчанчу у моря,
Там из красного вина
Ткет прибой узоры.
Там берет из жизни все
Милая принцесса —
Аморальна пусть, зато
Красотою блещет.*

Обогнув кожух гироскопа и с трудом поднявшись в наблюдательный отсек, Дэвид Райерсон услышал легкое пощелкивание струн гитары, перемежающееся с красивыми аккордами. Голос Макларена не отставал от них. Взяв себя в руки, юноша вздохнул и убрал с глаз свесившуюся прядь прямых светлых волос.

Макларен находился в жилом отсеке. Видеть его было почти оскорбительно — такого чистого, в белой тунике, тогда как каждому для мытья выдавалось мизерное количество воды, достаточное лишь для однократного смачивания губки. Но еще обиднее было то, что от наполовину урезанных пайков новозеландец, казалось, ничуть не изменился. О недоедании говорили лишь заострившиеся черты его привлекательного смуглого лица и сгорбленная спина. У него не выпирали кости из-под туго натянутой кожи, как у Райерсона, и не было болезненного румянца и периодических приступов зубной боли, как у Накамуры. Это было несправедливо!

— О, привет, Дэйв. — Макларен продолжал пощипывать струны, только тише. — Как дела с контуром?

— Я закончил.

— Хм?

— Я только что расклепал последний болт и заварил последний контакт. Осталось лишь найти этот германий, сделать транзисторы и настроить блоки. — Обхватив рукой опору, Райерсон отдался на волю невесомости. Запавшие глаза его вглядывались в никуда. — Да поможет мне Бог, — прошептал он, — чем мне сейчас заняться?

— Ждать, — произнес Макларен. — Нам ничего не остается делать, как только ждать. — Некоторое время он изучающе смотрел на юношу. — Честно говоря, мы с Сейки пользовались любыми предложениями, чтобы не помогать тебе налаживать контур, а если уж делали, то меньше, чем могли бы. Причина тут проста: я боялся, что ты закончишь работу прежде, чем мы найдем нашу планету.

Райерсон вздрогнул. Бледное лицо медленно заливал румянец.

— Да как же... — Гнев его улегся так же быстро, как вспыхнул. — Понимаю. Хорошо.

— За эти недели, с тех пор как мы отодвинулись от мертвой звезды, у меня появилась редкая возможность попрактиковаться в музыке, — заметил Макларен. — Я даже пробовал сочинять. Вот послушай.

*На роскошных кораблях
Принцы-ухажеры
К той красавице плывут*

*Сквозь дикие штормы.
Нетерпением горя,
Принцы сразу к делу:
Предлагают руку ей,
А она им — ...*

— Да прекрати же! — взвизгнул Райерсон.
— Как хочешь, — мягко произнес Макларен и уложил гитару обратно в футляр. — Я с удовольствием поучил бы тебя играть, — предложил он.

— Нет.

— А как насчет партии в шахматы?

— Нет.

— Мне бы чертовски хотелось, чтобы я был поинтеллектуальнее, — признался Макларен. — Я никогда, знаешь, не отличался особой широтой взглядов. Всегда был каким-то несерьезным и безответственным, даже в науке. Теперь же... Было бы хорошо, если бы я захватил с собой сотни две книг. Когда я вернусь, то обязательно прочитаю их все. — Улыбка на его лице угасла. — Думаю, теперь я смог бы понять их.

— Когда мы вернемся? — Исхудавшее тело Райерсона подобралось в воздухе, словно для прыжка. — Ты хочешь сказать: *если* вернемся!

Вошел Накамура, держа в руке пачку исписанных листов бумаги.

— Я произвел расчеты по последним данным, — сказал он. Райерсон встрепнулся.

— Что ты обнаружил? — закричал он. — Бога ради, что ты обнаружил?

— Безрезультатно.

— Господь Бог Израиля, — простонал Райерсон. — Опять безрезультатно.

— Дальше этой орбиты мы и не видим ничего, — спокойно сказал Макларен. — Где-то у меня были кое-какие выкладки по следующей орбите. — Он вышел, лавируя среди приборов.

На щеке Райерсона непроизвольно задергался мускул. Юноша долго смотрел на Накамуру.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — спросил он наконец. — Телескопы или... Что нам, так и *сидеть*?

— Мы вращаемся вокруг мертвого солнца, — напомнил ему штурман. — Отсюда можно видеть лишь слабый звездный свет. Только мощные приборы в состоянии сфотографировать планету, а не такие телескопы, как у нас. И не с большого расстояния, чем нам бы позволила гравитация. Вот так-с-с.

— Но ведь мы могли бы изготовить большой телескоп! — воскликнул Райерсон. — У нас есть стекло, и... и серебро, и...

— Я уже думал об этом. — Голос Макларена донесся до них из лаборатории. — Можешь заниматься им на досуге, но мы умрем с голоду прежде, чем получим подходящее зеркало и установим его здесь со всем полагающимся к нему оборудованием.

— Но... Макларен, ведь космос так велик! Мы можем разыскивать планету миллион лет и не найти ее, потому что не видим... не в состоянии видеть их!

— Нельзя сказать, что мы работаем так уж вслепую. — Держа в руках перфоленду, Макларен снова зашел в отсек. — Возможно, ты забыл, по какому принципу мы ищем. Прежде всего мы определяем свое положение на орбите относительно мертвой звезды, затем какое-то время двигаемся по орбите, снова определяем положение — и так много раз. Потом смотрим, имела ли траектория движения корабля значительное расхождение с заданной кривой. Если да, то это значит, что причиной возмущения орбиты послужила некая планета, и в своих поисках этой планеты мы можем воспользоваться методом Лаверье*. Если же нет — иными словами, если мы слишком далеки от планеты, то на следующем отрезке мы делаем то же самое. Пройдясь таким образом по всей окружности, мы повторяем все сначала на более высокой орбите.

— Заткнись! — раздраженно бросил Райерсон. — Можешь меня не учить! Я не школьник, черт бы тебя побрал! Мы лишь гадаем!

— Не совсем так, — возразил Макларен. — Ты был занят контуром, а я в это время разрабатывал второй принцип... ну да, приступил к нему, ты меня раньше никогда и не спрашивал. Сейчас поясню. Понимаешь, соотнеся полученные нами данные с известными классами звезд, я узнал, как примерно выглядела эта звезда в ее лучшие времена. Исходя из этого, а также из теории образования планет, я получил представление о ее былой планетарной системе. Например, ее планеты находились, скорее всего, приблизительно в экваториальной плоскости, а такие величины, как масса, угловой момент и магнитное поле, определяют постоянные закона Боде**. В меру этих знаний я могу изобразить орбитальную карту.

* У. Ж. Ж. Лаверье (1811–1877) — французский астроном, автор теории планет. По предвычислениям Лаверье был открыт Нептун.

** И. Э. Боде — немецкий астроном. Один из авторов правила, устанавливающего зависимость между расстояниями планет от Солнца.

Ну а потом звезда превратилась в сверхновую. Ее ближайшие планеты испарились, а самые дальние гиганты, хотя и сильно пострадали, но, вероятно, уцелели. Теоретически планеты могли сформироваться на расстоянии светового года от этой звезды. Из-за таких колоссальных радиусов их обращения даже незначительная погрешность может сделать сомнительными мои подсчеты в астрономических единицах. Важную роль играет также следующий факт: взрыв сверхновой заполнил газом все близлежащее пространство. Фактически мы находимся внутри несветящейся туманности. Орбиты оставшихся планет должны были бы уменьшиться, ведь в течение миллионов лет планеты по нисходящей спирали приближались к своему угасшему центру. С одной стороны, нам это только на руку: круг поисков становится не таким безнадежно огромным. Но с другой, возникает вопрос: сколько времени прошло с момента взрыва? Каково сейчас распределение плотности данной туманности и каким оно было в то время? Я тут кое-что прикинул, взяв несколько показателей. Вчерне, конечно, но... — Макларен пожал плечами, — что нам еще остается делать? Те последовательные орбиты, которые я вычислил как наиболее приемлемые на сегодняшний день для уцелевших планет, мы как раз сейчас и проверяем. Ну и, конечно, промежуточные радиусы, чтобы убедиться в значительных возмущениях нашей траектории, когда это будет происходить. И тут неважно знание точных координат тех планет. Это уже вопрос времени, когда мы достаточно близко подойдем к одной из них.

— Если хватит еды, — простонал Райерсон. — Нам ведь еще надо есть, пока не наладим контур. Не забывай об этом.

— Мы собираемся пересмотреть наши графики, — задумчиво произнес Макларен. — До сих пор мы находили, чем себя занять. Теперь нам приходится только ждать и стараться не сойти с ума от этого ожидания. — Он ухмыльнулся. — Итак, объявляю конкурс скабрёзных стишков на «Южном Кресте» открытым и в качестве приза предлагаю...

— О да, — сказал Райерсон. — Мировая потеха. Игры и веселье — а там к нам прислушивается замерзший труп Чанга Свердлова!

Сразу стало тихо. До них донесся неясный шепот воздуха в вентиляторах.

— Что мы еще можем сделать для нашего бедного друга? — тихо спросил Накамура. — На контрольной ракете послать его в черное солнце? Он заслужил лучшего к себе отношения. Да-с-с? Пусть его похоронят близкие.

— Похоронят его копию? — пронзительно закричал Райерсон. — Более глупого...

— Прошу вас, — произнес Накамура, пытаясь улыбнуться. — В конце концов... нас это не затруднит, а его друзей на родине может как-то утешить, как вы думаете? В конце концов — пользуясь атомной терминологией — мы даже не стремимся отослать обратно самих себя. Только копии. — Он засмеялся.

— *Да прекрати же ты наконец свое хихиканье!*

— Пожалуйста. — Накамура отодвинулся, в шутовском изумлении поднимая руки. — Пожалуйста, и если я обидел вас, то прошу прощения.

— Прошу прощения! Прошу прощения! Убирайся отсюда! Убирайтесь оба отсюда! Видеть вас больше не могу!

Все еще кивая головой, улыбаясь и издавая шипящие звуки, Накамура направился к шахте. Одним прыжком Макларен очутился между ним и Райерсоном и схватил каждого за руку.

— Ну хватит! — Для обоих было настоящим потрясением увидеть, как на смуглом крючконосом лице Макларена глаза неожиданно наливаются зеленью. Он крушил их словами, орудуя ими, словно топором. — Дэйв, ты прямо как младенец, криком призывающий мать сменить ему пеленки. А ты, Сейки, думаешь, что остальному миру достаточно лишь твоих вежливых словечек. Если вы оба еще не передумали снова увидеть солнечный свет, то вам придется подправить свои взгляды. — Он слегка тряхнул их. — Дэйв, будь опрятнее. Сейки, переодевайся к обеду и разговаривай с нами. Вам обоим следует прекратить самооплакивание и взяться за работу, чтобы выжить. А следующий шаг — снова стать цивилизованными. Чтобы одолеть ту звезду, мы не располагаем ни численностью, ни временем, ни силой — ничем, кроме мужества. Теперь уходите и начинайте тренироваться, чтобы стать мужчинами!

Не отвечая, они молча смотрели на него и через несколько секунд разошлись в противоположных направлениях. Макларен остался один. До него вдруг дошло, что он сидит, тупо уставившись на футляр от своей гитары. «Мне лучше убрать ее подальше, до лучших времен, — подумал он. — Если они вообще наступят. Я не перестал мыслить, а с моими привычками, наверное, трудно ужитья».

Долгое время он ни о чем не думал. «Кажется, я стал капитаном — фактически, если не номинально. Но как это произошло? Что я сделал такого, чем я этого добился?» И тут же всплыла мучительная для него мысль: «Это потому, что мне нечего особо терять. Я могу быть объективнее, ведь у меня нет ни жены, ни

детей, ни какого-то дела, ни Бога. Одиному человеку легче оставаться спокойным».

Он прикрыл глаза и, словно желая опровергнуть себя, поплыл среди тысяч и тысяч безжалостных звезд. Но он не имел права долго оставаться в таком положении — вот так, спорбившись. Кто-нибудь мог вернуться, а капитана нельзя видеть подавшимся чувством страха.

Страх не перед смертью. Перед жизнью.

Глава 14

Планета, видимая сквозь пластик смотровой башенки обсервационного отсека, выглядела так же зловеще, как и убившая ее материнская звезда. Скорчившись в тесноте тесной башенки, Райерсон пристально вглядывался в темноту космического пространства. На фоне рассыпанных по всему небу созвездий проступали контуры гигантского черного тела с серой каймой, испещренного бледными полосками. Райерсон смотрел, как оно пересекало Млечный Путь, пока наконец не исчезло из поля зрения. Но он знал, что это перемещение вызвано движением «Креста», в страхе кружившегося вокруг своей надежды.

«Я стою на горе Нево, — подумал он, — а внизу — моя земля обетованная».

Без всякой связи со своими мыслями он сунул руку в нагрудный карман. За долгие месяцы у них появились странности; они стали молчаливыми интравертами* и траппистами**, потому что содержательная беседа была слишком редкостна и драгоценна, чтобы сыпать ею где и когда попало. Из кармана Райерсон вытащил фотографию Тамары и приблизил ее к глазам. Временами в его памяти оживали воспоминания и тогда ему казалось, будто он вдыхает аромат ее волос. «Посмотри, — сказал он ей. — Мы нашли ее». И, подобно язычнику, преклоняющемуся перед своим идолом, прошептал: «Ты — мой талисман, Тамара. Ты нашла ее».

Когда черная планета, жадно заглатывая звезды, снова появилась в поле зрения (а до нее было всего тысяча или около того километров), Райерсон повернул фотографию жены лицом к планете — так, чтобы Тамара могла видеть, чего они достигли.

* Человек, сосредоточенный на самом себе, на своих переживаниях.

** Монах, член католического ордена молчальников.

— Дэйв, ты там?

Голос Макларена донесся до него из-за цилиндра жилого отсека. За время поисков его голос стал совсем тихим. Часто, когда Макларен говорил, его было почти не слышно. А сам новозеландец, который некогда находился в гораздо лучшей форме по сравнению с остальными, в последнее время страшно исхудал — не так, как они, — а глаза его словно провалились на самое дно глазных впадин. Зато, подумал Райерсон, каждый из присутствующих на борту звездолета так или иначе пришел к примирению с самим собой, но это им дорого обошлось. Он, например, заплатил своей юностью.

— Иду, — Райерсон с трудом двинулся вдоль закруглявшейся стены обсервационного отсека, стараясь не задеть приборы. Макларен сидел за своим пультом. В руках он держал пюпитр, в зажимном устройстве которого была порядочная стопка исписанных листов бумаги. Только что к нему подошел Накамура. Сараец уже не расставался с маской, под которой прятал свои чувства, и все больше и больше походил на вежливого, ненавязчивого робота. Райерсон, глядя на него, спросил себя, что ощущает этот человек — безмятежна ли сейчас его душа или, наоборот, проходит через адов круг самого беспросветного одиночества, а может, она переживает и то и другое одновременно.

— Тут у меня для вас вполне приличные данные расчетов, — сказал Макларен.

Райерсон и Накамура застыли в молчаливом ожидании. Как ни странно, особого ликования по поводу того, что планета наконец приоткрыла свои секреты, не было. «Я превратился, — подумал Райерсон, — в обыкновенного работника. Все, что происходит вне меня, кажется почти нереальным — существует лишь последовательный ряд движений в моем теле и моем мозгу. Я не могу веселиться, потому что никакой победы нет. Есть только единственная и окончательная победа: Тамара.

Но я удивляюсь, почему не радуются Теранги и Сейки».

Макларен быстро перелистал бумаги.

— По сравнению с Землей планета имеет меньшую массу и радиус, — сообщил он, — зато значительно превышает ее по плотности. Это наводит на мысль, что планета состоит, в основном, из никелевого железа. Спутников у нее, конечно, нет. Атмосферы тоже нет, несмотря на то что сила тяжести на ее поверхности ненамного больше земной. Кажется, там внизу — голые скальные породы... или, как мне думается, металл. Во всяком случае, что-то твердое.

— Каковы были ее размеры в прошлом? — тихо спросил Накамура.

Макларен пожал плечами.

— Тут можно только гадать, — сказал он. — Я не знаю, какой по счету является эта планета когда-то существовавшей системы. Понимаете, одна или две из числа уцелевших планет к настоящему времени, вероятно, уже упали на мертвую звезду. Лично я, однако, думаю, что эта планета была типа 61 Лебеда С — более массивной, чем Юпитер, но занимавшей меньший объем из-за деформации коры. У нее была чрезвычайно большая орбита. Но сверхновая все же достала планету, полностью испарив ее кислород, и, возможно, даже некоторые более тяжелые элементы. Весь этот процесс, конечно, требовал времени, и, когда звезда окончательно выродилась в белого карлика, у планеты все еще оставалась довольно большая масса. Поскольку на кору больше не давили наружные слои, она вернулась к нормальной плотности, и это возвращение, ставшее новой катастрофой, само по себе было, наверное, захватывающим зрелищем. С тех пор, в течение вот уже сотен мегалет, газы, оставшиеся после взрыва сверхновой, заставляют планету медленно двигаться по нисходящей спирали к мертвому центру. А сейчас...

— Сейчас мы нашли ее, — проговорил Райерсон. — А запасы еды у нас осталось только на три недели.

— И ко всему германий, который еще только предстоит найти, — добавил Макларен.

Накамура вздохнул. Мысленно он перевел взгляд на отсек «под» ногами. Там, далеко на корме, находилось складское помещение. Через его незакрытый люк свободно вливался не знающий пощады космос, омывая своими потоками мертвого человека, привязанного к опоре.

— Будь нас тут четверо, — сказал он, — мы бы уж давно съели все свои припасы и сейчас умирали бы от голода. Со всей покорностью я отдаю дань признательности инженеру Свердлову.

— Он умер не потому, — холодно заметил Макларен.

— Нет, конечно. Но разве сам факт несчастного случая уменьшил значение того, что он сделал для нас?

Какое-то время они молча плавали в невесомости. Затем Макларен, взяв себя в руки, произнес:

— Мы только зря теряем время. Наш корабль никогда не предназначался для высадки на планеты. Ранее я информировал вас, что в любом из найденных нами миров вместо небесной атмосферы вполне вероятен вакуум. Поскольку никаких возра-

жений с вашей стороны не последовало, то беру на себя смелость утверждать, что наши аэролеты способны совершить посадку.

Скрестив ноги, Накамура обхватил руками колено. Лицо его по-прежнему выражало полное безразличие.

— А вы хорошо знакомы с типовым разведочным оборудованием? — спросил он.

— Не очень, — признался Макларен. — Просто, насколько я понимаю, аэролетам отдают предпочтение из-за экономии в массе.

— Скорее даже из-за лучшей маневренности. Используя крылья и турбореактивные ядерные двигатели, воздушное судно способно высоко подняться в атмосферу, преодолевая сильнейшее сопротивление воздуха. При этом не надо даже тратить реактивную массу самой ракеты. С такой же легкостью и без всякого риска для себя он может производить посадку в каком угодно месте. Те аэролеты, что имеются на борту «Креста» в демонтированном виде, как раз и предназначены для этой цели. Покинув свой базовый корабль, обращающийся вокруг новой планеты, они на короткое время включают ракетный двигатель, плавно входят в атмосферу планеты и снижаются. С возвращением, конечно, труднее, но аэролеты достигают стратосферы, даже не включая реактивную тягу. Ну а ее включение, в свою очередь, выносит аэролеты из стратосферы напрямик в космическое пространство, где заработают их ионные ускорители. С загерметизированными кабинами аэролетам, естественно, пригодна любая атмосфера.

Это что касается их разведывательных функций. Но, оказывается, эти вспомогательные космические кораблики способны приземляться на одной только ракетной тяге. Когда приходит время установки очередной ретрансляционной станции, работающей на луче, выбирается небольшой спутник какой-либо планеты. Причем, чтобы избежать необходимого в таких случаях карантина, желательно выбрать спутник, начисто лишенный атмосферы и жизни. Кораблики, снующие взад и вперед как челноки, переносят с базового корабля детали нуль-передатчика, а тот уже собирается на поверхности спутника. Таким образом, собственная масса спутника поступает в распоряжение накопителя материи и тогда, согласно сигналам с базовой станции, может быть воссоздано любое количество вещества. В первую очередь обычно пересылаются детали намного более крупной приемопередаточной станции, которая способна манипулировать сразу многими тоннами материи.

— Что ж, прекрасно, — сказал Макларен. — Примерно так я и думал. Давайте приземляться и... о!

Райерсон почувствовал, как его рот растягивается хоть и в невеселую, но все же улыбку.

— Ты видишь? — прошептал он.

Макларен внимательно посмотрел на него.

— Ты, кажется, не слишком обескуражен, — заметил он. — Этому должна быть причина.

Райерсон кивнул:

— Я уже говорил об этом с Сейки, пока ты был занят определением точных характеристик планеты. Тебе, наверное, будет не интересно, но... Впрочем, пусть он сам скажет тебе.

— Я почти и не надеялся, — медленно произнес Макларен, — что у первой же встреченной нами планеты уцелеет спутник, причем достаточно малых размеров, чтобы посадить на него наш корабль — или, если угодно, пришвартоваться к нему. Лучшего невозможно было бы и желать. А теперь я знаю точно, что никакое небесное тело не сопровождает эту глыбу. Следовательно, нам придется добывать свой германий там, внизу.

— Что мы, вероятно, давно бы уже сделали, если бы нам повезло быстрее отыскать планету, — сказал ему Накамура. — Мы можем спустить аэролет на поверхность прямо сейчас. Но ведь нам придется переправлять туда все шахтное и обогащенное оборудование, определять место для бурения, устанавливать воздушный купол... Слишком много работы на троих — явно больше, чем на те три недели, за которые мы успеем съесть все наши запасы пищи. А ведь еще остается самое главное — горные работы.

Макларен кивнул.

— Мне бы следовало самому об этом подумать, — сказал он. — Интересно, насколько здраво мы рассуждаем... как можем мы оценить нормальность рассудка, если мы — единственная человеческая раса на десятки световых лет?... Ладно. Итак, я не подумал, а вы не сказали. И все же мне кажется, что выход из нашего трудного положения найти можно.

— Да, — согласился штурман. — Правда, довольно рискованный, но любой другой приведет к смерти, это уж точно. Мы можем спустить сам корабль и использовать его в качестве готового воздушного купола и оборудованной рабочей площадки.

— «Крест»? Но... ну да, конечно, здешняя гравитация для него не проблема. Да и магнетизм ему тоже не страшен, тем более что сейчас ионный привод экранирован... но мы не можем садиться на хвост! Мы же сомнем контур, и... черт побери,

корабль вообще не может приземляться. Он просто не предназначен для этого! Он не обладает достаточной маневренностью; ведь даже такая простая операция, как полный его разворот с помощью гироскопов, занимает около получаса.

— Когда-то я подготовил расчеты — так, на всякий случай, — спокойно проговорил Накамура. — И этот случай, кажется, настал. Мы ничего не могли предпринять, пока не знали, что же мы в действительности обнаружим, но я все же набросал несколько эскизов. У нас есть шесть вспомогательных ракет в разобранном виде. Так? Монтаж их реактивных двигателей не займет много времени, поскольку их схемы весьма просты. Затем прикрепим их к корпусу «Креста» с его внешней стороны, а их системы управления выведем к пульту оператора корабельного компьютера. Думаю, что если мы очень постараемся, то за два-три дня сможем завершить и монтаж, и проверку узлов, и даже приведение всей этой системы в рабочее состояние. Каждая пара ракет должна быть смонтирована на корпусе так, чтобы образовалась пара сил, которая будет вращать корабль вокруг одной из трех ортогональных космических осей. Я не прав? Таким образом, звездолет станет весьма чутко реагировать на команды. Кроме того, мы разрежем на куски корпуса аэролетов, а также все, что может пригодиться для нашего замысла и без чего мы можем обойтись — например, внутреннюю арматуру. Из этих кусков мы сконструируем треножник, который будет оградой и защитой всех конструкций на корме. Он, конечно, будет не слишком изящным, да и корабль из-за него разбалансируется. Но я надеюсь, что мои скромные навыки в области пилотажа смогут компенсировать этот недостаток. Треножник будет не таким уж прочным, но с помощью радара и мощной ионной тяги можно очень мягко посадить корабль.

— Хм-м. — Макларен потер подбородок, переводя взгляд то на Райерсона, то на штурмана. — Прикрепить на место те ракетные двигатели так, как ты сказал, будет несложно. Но треножник более сотни метров в длину, для корабля с такой массой, как наш... не знаю. Если ничего другого придумать нельзя, то как насчет механизмов саморегулирования для этой штуки?

— Пожалуйста. — Накамура отмахнулся от его слов. — Я понимаю, что у нас нет времени делать все как следует. Мой план не предусматривает каких-либо опорных конструкций с автоматической регулировкой. Простого жесткого сооружения вполне достаточно. А с помощью радара мы сможем выбрать почти ровную посадочную площадку.

— Там, внизу, все площадки такие, — заметил Макларен. — Железо этой планеты когда-то кипело, и с тех пор не подвергалось никаким атмосферным воздействиям. Разумеется, там хватает всяких неровностей — пусть незначительных, но и они способны опрокинуть нас на нашем тренажере. Представляете, как мы хлопнемся об землю всей своей массой в тысячу тонн!

Накамура опустил глаза.

— Все будет зависеть от быстроты моей реакции, — сказал он. — Конечно, мы рискуем.

Подготовив корабль, они еще раз встретились в наблюдательном отсеке, чтобы надеть скафандры. При посадке корпус мог треснуть. Через несколько минут они должны были разойтись по своим местам: Макларен и Райерсон — вниз, к рычагам управления двигателем, а Накамура — в штурманскую рубку. Там он обяжется противоперегрузочными ремнями, оставив свободными только руки. Накамура устремил свой взгляд на Макларена.

— Мы можем больше не встретиться, — проговорил он.

— Не исключено, — сказал Макларен.

Маленькое, плотно сбитое тело Накамуры не дрогнуло, но лицо его смягчилось. Впервые за много времени на нем появилось выражение, и оно было кротким.

— Другой возможности у меня может не оказаться, — сказал он, — поэтому мне хотелось бы поблагодарить вас.

— За что же?

— Я больше не боюсь.

— Не благодари меня, — сказал Макларен в замешательстве. — Парень, знаешь, справляется с этим сам... ну, что-то в этом роде.

— По крайней мере, вы дали мне время на это. — Накамура поклонился в воздухе. — *Сэнсей*, дайте мне свое благословение.

— Послушай, — немного смущаясь, заговорил Макларен, — у любого из вас мастерства больше, чем у меня, и в корабль я вложил меньше, чем остальные. Я всего лишь рассказал вам в нескольких словах об этой звезде и об этой планете, а вы — по крайней мере, Дэйв — смогли раскусить это с чуть большим трудом. Зато я никогда бы не узнал, как отремонтировать ионный привод... или контур; и я никогда бы не смог посадить этот корабль.

— Я говорил не о физическом выживании, — сказал Накамура. На его губах заиграла улыбка. — И все же, вы помните, как мы сначала растерялись и как шумели, а потом какими мы стали спокойными и нам так хорошо работалось вместе? Это все вы. Наивысшее искусство в межчеловеческом общении — дать возможность другим показать *свое* искусство. — Накамура посерьезнел. — А вот следующая ступень успеха находится в самом человеке. Вы научили меня. Сознательно или нет, Терангисан, но вы научили меня. Я бы, конечно, многое отдал за то, чтобы у вас... появился шанс... научить себя.

Из отсека, где находились их рабочие шкафчики, вернулся Райерсон.

— Вот они, пожалуйста, — произнес он. — Куда ни глянь, повсюду эти водолазные жестянки.

Облачившись в свой скафандр, Макларен отправился на корму. «Интересно, много ли Сейки знает? Знает ли он, что я стал ко всему безразличен и что я не ликовал по поводу обнаружения нами этой планеты не потому, что я — стойк, а просто потому, что мне было страшно надеяться.

Я, наверное, даже не знал, для чего мне надеяться. Затеять всю эту борьбу, лишь бы попасть обратно на Землю и снова развлекаться? Нет, конечно. Это даже смешно».

— Нам бы следовало раздать дневной паек перед тем, как спускаться вниз, — заметил Райерсон. — Там нам, может, и не удастся поесть.

— А у кого есть аппетит при таких делах? — спросил Макларен. — Откладывая обед, мы растягиваем свои припасы еще на пару часов.

— Осталось только на семнадцать дней.

— Мы можем продержаться без еды чуть подольше.

— Нам придется продержаться, — сказал Райерсон и облизал губы. — За каких-то семнадцать дней мы ни за что не успеем столько сделать: и добыть нужный нам металл, и газифицировать его, и выделить ничтожный процент германия, а потом сделать из него транзисторы и настроить линию связи.

Макларен состроил гримасу:

— А не все ли равно, от чего мы умрем — от истощения или из-за этой жестяной плетенки? Если честно, то я не вижу большой разницы.

Спохватившись, он поспешил широко улыбнуться Райерсону, так чтобы парнишка принял сказанное им за шутку. Всякий ропот отныне был исключен; они просто не смели роптать. А их мечтания вслух типа «когда мы вернемся домой» — то, что являлось положительной стороной любой беседы — давно уже

иссякли. Застольная беседа была для них ритуалом, в котором они одно время чувствовали потребность, но в каком-то смысле уже выросли из нее, как из платья. И теперь каждый погружался в себя. «Именно это и имел в виду Сейки, — подумал Макларен. — Вот только ничего я в себе не нашел. Впрочем, нет. Нашел. Но не знаю, что именно. Там слишком темно, чтобы разглядеть».

Затянувшись ремнями, он приступил к проверке приборов.

— Штурман машинному отделению. Дайте отчет показаний!

— Машинное отделение штурману. Положительный вольтаж — норма. Отрицательный вольтаж — норма. Подача ртути — в пределах нормы...

Корабль ожил.

И началось движение вниз. Мощная ионная тяга стала притормаживать его разбег по орбите, и по нисходящей спирали корабль двинулся к безжизненной черной стальной планете, манившей его к себе. Он шел осторожно, словно нащупывая себе дорогу. Надо было следить и за вращением, и за тем, чтобы не слишком быстро сбрасывать скорость. В противном случае начнется вибрация массивной сферы, а это, в свою очередь, грозит полным выходом ее из-под контроля. Двигатели, периодически включаясь, раскручивали корабль и направляли его. Ионный привод работал почти бесшумно, но ракеты на корпусе грохотали так, словно по нему били молотом.

Все вниз и вниз.

И только потом, восстанавливая обрывки воспоминаний в единое целое, Макларен понял, что произошло, но до конца он этому так и не поверил. «Крест» опустился на железную равнину. На нее встала одна нога треножника, вторая. Поверхность планеты оказалась не совсем ровной. Корабль начал опрокидываться. Только благодаря своему мастерству Накамура, слив воедино мощности двигателей корабля и закрепленных на его корпусе ракет, смог одним рывком оторвать его от поверхности. Подобного мастерства способен достигнуть только полностью сбросивший с себя всякое напряжение человек, который воспринимает себя неотъемлемой частью корабля. Только он может с такой быстротой реагировать на постепенно меняющиеся колоссальные силы, задействованные в этом процессе. Накамура поднял корабль на несколько метров и, выбрав другую площадку, снова попытался сесть. И опять треножник коснулся почвы двумя опорами. Корабль снова стал опрокидываться. Третья нога соскочила в ямку, образованную не чем иным, как застывшей в железе рябью. Удар опоры о поверхность оказался настолько сильным, что она наверняка согнулась.

Накамура едва успел поднять корабль. Мгновение он висел в воздухе на столбе пламени, удерживая равновесие короткими разрядами реактивной тяги. Нижний край конструкции на корме «Креста» нависал всего лишь в нескольких метрах над поверхностью планеты.

Внезапно Накамура отключил ионную тягу. И за тот краткий миг, пока падал корабль, штурман успел перевернуть его на одних вращательных реактивных двигателях. «Крест» врезался в планету носом. Штурманскую рубку снесло начисто, от носа практически ничего не осталось. Автоматы наглухо задраили аварийные переборки, чтобы прекратить утечку воздуха, со свистом покидающего корабль. Масса его была огромна, и удар по своей силе получился чудовищным. Сфера, не выдержав, треснула, и от носа к корме зазмеилась многометровая трещина. С задраным к небу ионным приводом и совершенно не пострадавшим приемопередаточным контуром «Крест» неподвижно застыл в положении Колумбова яйца.

А сверху на него спокойно изливала свое сияние звезды.

Впоследствии Макларен мучился в догадках: может быть, Накамура уже задолго до этого точно знал, что иным способом посадить корабль невозможно. Или он решил, что его паек позволит оставшимся в живых протянуть лишнюю неделю. А возможно, он просто встретился со своей трагической судьбой.

Глава 15

Планета вращалась вокруг своей оси чрезвычайно быстро: один оборот менее чем за десять часов. Ее сумрачные железные равнины никогда не видели дня — отсчет времени шел только по звездам и по чувству голода. Здесь царила мертвая тишина, не нарушаемая ни ветром, ни дождем, ни шумом волн несуществующих морей — ничем, кроме шелеста звуков в наушниках людей, который сливался с еле слышным шипением равнодушно переговаривающихся звезд.

Стоя на краю шурфа, Макларен поднял голову и увидел над собой черное пронзительное небо — бездонное пространство абсолютного холода. Теоретически все эти огромные скопления солнц — бело-голубых, цвета заиндевевшего золота или тускнеющего багрянца — в одинаковой степени находились в пределах лишь видимой бесконечности. Но здравый рассудок подсказывал, что за одной беспредельностью следует другая, и он ужасался этому. Не утешала даже твердая земля под ногами —

почти такая же мрачная, как и небо. Звездный свет ограничивал поле зрения до нескольких метров, а далее все тонуло в непроглядном мраке. Усеченный Млечный Путь и восходящее созвездие (про себя Макларен назвал его Ризус-Усмешка) наводили на мысль о существовании горизонта, но его животные инстинкты не верили этому.

Он вздохнул, надвинул светофильтр на лицевое стекло шлема и принялся вырубать грунт. Атомно-водородный резак не слепил глаза, но в полыхавшем из него огне гасло сияние звезд. Торопливо отрезая десятикилограммовые куски, он пинком сбрасывал их в шурф, чтобы те снова не сплывались вместе. Сама дыра в почве была первоначально пробита взрывом, а дальше ему пришлось добывать руду вручную, поскольку запасы взрывчатки на «Кресте» были мизерны.

Руда, подумал он, это пустяк. Но как могут двое, пешком, проводить геологоразведочную работу в стерильном мире, запечатанном в вакуум сотни миллионов лет тому назад? Да и вряд ли в этих изысканиях есть такая уж необходимость. Однажды эта планета кипела — по крайней мере, на поверхности. А когда раздавленные атомы стали расширяться до своих нормальных размеров, металлическая кора при этом раскалилась — вполне возможно, даже расплавилась — и ее слои перемешались. Все тело этой планеты, скорее всего, представляет собой одну сплошную сплавленную глыбу металла. Можно было взять любой кусок этой руды, раздробить его, газифицировать, ионизировать, поместить в электромагнитный сепаратор изотопов и извлечь из него столько германия, сколько из любого другого куска. А уж много или мало его в том куске — это как повезет. Узнав скорость извлечения германия по такой методике, можно было вычислить, через какое время накопится четыре килограмма. До этой даты оставались еще недели.

Макларен прекратил вырубку грунта, выключил резак и, повесив его на генератор, забрался в бадью подъемника на краю шурфа. При спуске его фонарик отбрасывал на стены вертикальной выработки лужицы света. С трудом передвигаясь по дну шурфа, он загрузил бадью и, усевшись на нее сверху, поднялся к поверхности. Там его ожидала маленькая электротележка, и он высыпал в нее содержимое бадьи. А затем ему пришлось проделывать все сначала, и еще раз, и еще — до тех пор, пока тележка не наполнилась.

Слава Богу и мертвым создателям «Креста», что корабль был прекрасно оборудован для работы на поверхности безвоздушных планет; на его борту были машины для рытья, строительства, для транспортировки грузов. Конечно, так и должно было

быть. Ведь его основной целью являлась установка новой приемопередаточной станции на новой луне; а все остальное потом присылалось прямо из Солнечной системы.

Когда-то это было его целью.

Но, черт возьми, эта цель и сейчас стояла перед ним.

Макларен устало взобрался на сиденье тележки. Вместе со скафандром его вес на одну четверть превышал здесь земной. Фары высветили проведенную краской линию, указывающую путь к кораблю. В целях безопасности было решено взрывать шурф в некотором отдалении от него, чтобы вибрация почвы не смогла причинить вреда контуру или сепаратору изотопов. А затем трассу пришлось пометить, раз уж здешняя природа не удосужилась оставить им какие-либо ориентиры, чтобы не сбиваться с пути. Поверхность этой планеты была голой, как череп.

Бремя существования свинцовой тяжестью навалилось на Макларена.

Вскоре он различил сплюснутую сферу «Креста», увенчанную металлическим каркасом, и туманность Ориона. Не шутка, когда внутри все перевернулось вверх дном. Они потратили целый день на то, чтобы просто расставить по местам все необходимые им предметы. Что ж, Сейки, ты сделал то, что на тот момент казалось самым подходящим, и сейчас твоё изуродованное тело с честью покоится рядом с Чангом Свердловым на обширных железных равнинах.

Яркие прожекторы заливали светом пространство под корпусом корабля. Райерсон как раз заканчивал обработку предыдущей партии груза, кроша камень и затем измельчая его в пыль. Великолепная слаженность в работе. Макларен остановил тележку и слез с нее. Райерсон обернулся к нему. Направленный свет прожектора проник сквозь лицевое стекло и выхватил из тьмы внутри скафандра осунувшееся бородатое лицо, размером чуть больше носа, скул и колючего подбородка. Под этим высоким сводом небес, в своей фантастической броне скафандра он походил скорее на тролля, чем на человека. «А может, и я, — подумал Макларен. — Человечество далеко от нас. Мы перестали мыться, бриться, обращать внимание на одежду, готовить пищу... притворяться. Мы работаем до тех пор, пока не перестанет соображать голова, и после этого остаемся поработать еще. А затем мы вползаем по лестнице в корабль, чтобы на пару часов забыться в тревожном сне, и просыпаемся под трезвон будильника, и обманываем свои ссохшиеся желудки, заливая их литром чая. А потом мы кладем в свои рты по крошечному кусочку

пищи и снова выходим наружу. Потому что времени у нас почти не осталось».

— Привет, нибелунг, — произнес Райерсон.

Макларен вздрогнул.

— Ты что, становишься телепатом?

— Не исключено, — заметил Райерсон. Голос его уже сел до хриплого шепота. Взглядом обшарив темноту, Райерсон добавил: — Здесь все возможно.

— Как закончим с этой партией груза, — предложил Макларен, не желая дальше развивать мысль Райерсона, — не мешало бы убрать весь шлак подальше от корабля. Эти девяносто девять процентов отходов, абсолютно для нас бесполезные, накапливаются слишком уж быстро.

— М-хм. — Тяжело ступая, Райерсон подошел к тележке и начал разгружать ее. — А затем опять все сначала: вырубать грунт, грузить, дробить... Боже милостивый, как же я устал! Ты действительно думаешь, что мы сможем и дальше выполнять такую тяжелую работу — вот как сейчас, — когда съедем свой последний кусок?

— Но нам все равно придется это делать, — сказал Макларен. — И, конечно, всегда есть... — Он приподнял огромный кусок породы, и в голове у него все закружилось. Выронив из рук камень, он ткнулся коленями в твердую поверхность планеты.

— Теранги! — Голос Райерсона, казалось, пробивался к нему сквозь густую пелену тумана из каких-то непостижимых и смутных дельфийских* глубин. — Теранги, что с тобой?

— Ничего, — пробормотал Макларен. Качнувшись, он натолкнулся на вытянутые руки Райерсона. — Оставь... все в порядке, через минуту... — Осозав твердую устойчивость скаффандра, он позволил себе расслабиться. Слабость, откатываясь волнами, отпускала его постепенно.

Вскоре Макларен почувствовал себя значительно лучше. Он поднял глаза. Райерсон как раз скармливал дробилке последние куски породы. Машина перемалывала их с таким грохотом, что дрожала сама планета и он, Макларен, вместе с ней. Даже зубы его, вибрируя, слегка постукивали друг о друга.

— Прости, Дэйв, — проговорил он.

— Все в порядке. Тебе лучше подняться в корабль и немного полежать.

* Намек на храм в Дельфах, построенный в IX веке над скалой. Из расщелин скалы выделялись одурманивающие испарения.

— Самое время. Наверное, нам не следовало так сильно урезать наши пайки.

— Ты теряешь в весе даже быстрее, чем я, — заметил Райерсон. — Тебе, пожалуй, нужен дополнительный паек.

— Ну нет. Это просто следствие нарушения обмена веществ, вызванного годами неумеренного потребления вина, женщин и нескладных песенок.

Райерсон присел возле него.

— Я уже и сам еле дышу. Наверное, нам обоим стоит передохнуть, пока дробилка расправляется с породой.

— Хорошо, — произнес Макларен, — если твой копчик может выдержать такой грохот, выдержит и мой.

Какое-то время оба молчали. Их тела дрожали от громыхания машины, а в головах гудело от нескончаемого бормотания звезд.

— Как ты думаешь, сколько времени займет подготовка контура? — спросил Макларен. — По твоим последним прикидкам.

— Раньше я недооценивал время, затрачиваемое на каждую операцию, — ответил Райерсон. — А сейчас — просто не знаю. Сначала нам нужно добыть германий. Затем собрать блоки... Не знаю. Две недели, три? А затем, как только все схемы начнут функционировать, их надо настраивать. В основном вслепую. Ведь я совсем не знаю критических констант. В общем, мы потратим x времени, где x зависит от нашего везения.

— Скоро мы откроем последнюю банку с едой, — сказал Макларен. Напоминать об этом было совершенно излишне, это подводило их к тому, о чем они оба избегали говорить.

Райерсон решительно отказывался приближаться к опасной теме.

— Говорят, что от курения пропадает аппетит.

— Пропадает, — подтвердил Макларен, — но я докурил последние сигареты несколько месяцев назад. А теперь у меня даже пропало желание курить. Хотя я, конечно, благополучно восстановлю эту свою привычку, как только мы попадем на Землю.

— Когда мы вернемся домой... — Слова замерли у Райерсона на губах, словно он бормотал во сне. — Мы уже давно не говорили о наших планах на будущее.

— Как сказал бы любой из нас, оно становится слишком предсказуемым.

— Это так. А сейчас ты его тоже можешь предугадать? Я имею в виду: ты еще не передумал насчет того кругосветного круиза на паруснике... Э-э... с женским экипажем и полным трюмом шампанского?

— Не знаю, — ответил Макларен, слегка удивляясь тому, что мог бы осуществить этот план. — Я думал... А ты помнишь, как мы однажды в космосе разговаривали о плавании под парусами и делились друг с другом своим опытом в этом деле, и ты еще сказал мне, что море — это самое жестокое творение на нашей планете?

— М-м-м-да. Конечно, моим морем была Северная Атлантика. Она воспринималась по-разному.

— Верно. И все же, Дэйв, море не выходит у меня из головы. Теперь я вижу, что ты был прав. Любой океан для нас слишком велик, древен, ослепителен... слишком красив. — Он обратил свой взгляд на миллиарды солнц Млечного Пути. — И это черный океан, в котором мы терпим катастрофу, тоже.

— Странно, — сказал Райерсон. — Я считал, что именно под твоим влиянием все больше и больше думаю о море как о... наверное, не как о друге. Но как о надежде и жизни, и... даже не пойму. Знаю только одно: мне бы хотелось, чтобы ты взял меня с собой в тот круиз.

— Непременно, — сказал Макларен. — Я вовсе не имел в виду, что буду бояться теперь воды, стоило мне заглянуть в нее поглубже. И не только в нее — наверное, во все. Шутка сказать, но здесь, на этой планете, у меня временами появляется чувство, которое Сейки называл внутренним видением, интуицией.

— Космос многому учит, — согласился Райерсон. — Мне тоже начало что-то открываться, когда я пришел к выводу, что не Бог зашвырнул меня сюда и что Он не собирается возвращать меня домой — Ему нет до этого дела... Да, так насчет того круиза. Мне бы хотелось поехать с женой, но она догадается о твоих, э-э, спутниках.

— Наверняка, — подтвердил Макларен. — Как это я не подумал? Ты мне так много рассказывал о ней, что я чувствую себя другом семьи. «У меня такое чувство, будто я сам люблю ее».

— Приезжай к нам в гости и будь нам нашим добрым дядюшкой, когда мы устроимся... Черт, я совсем забыл о карантине. Что ж, тогда приезжай к нам на Рам через тридцать лет!

«С моей стороны это просто безрассудство, — подумал про себя Макларен. — Сокрушив меня, небо низринulo меня в детство. То, что у нее прекрасные глаза и волосы, похожие на темный цветок, не означает, что она — та единственная женщина, которую я всегда искал и тоску по которой я много лет

пытался заглушить. Просто она — первая женщина после смерти моей матери, которая оказалась человеком.

И поэтому, Тамара, я незаметно подкладываю обратно три четверти своего пайка в общую долю, чтобы твой муж мог с чистым сердцем брать половину этой доли себе. Это то немногое, чем я, никогда тебя не видевший, могу отплатить за то, что ты дала мне».

— Теранги! С тобой все в порядке?

— Что? Да-да, конечно. — Прищурившись, Макларен посмотрел на призрачные очертания стоявшего рядом с ним человека в скафандре. — Прости, старина. Мой ум блуждал далеко отсюда, в одной очень трогательно-прекрасной экспедиции.

— Странная штука, — сказал Райерсон. — Я все чаще и чаще ловлю себя на мысли, что думаю о совершенных пустяках. Взять хотя бы твой круиз. Я действительно хочу пойти с тобой в это плавание, если ты еще не передумал, и мы возьмем с собой то шампанское и будем останавливаться у каждого солнечного острова, и будем наслаждаться жизнью — нам некуда спешить, и чертовски хорошо проведем время. Никогда не ожидал, что... происшедшее с нами... изменит меня подобным образом. А ты ожидал?

— Наверное, нет, — ответил Макларен. — Как тебе сказать... Вообще-то я думал, что ты...

— Знаю. Я считал, что Бог посылает на меня свою кару. Я верил, что сотворенная Им Вселенная должна быть подвластна Его праведному гневу. А сейчас я побывал по ту сторону Судного дня. Здесь, на этой кошмарной земле. И тем не менее даже не знаю почему, но тот же самый Бог, который воспламенил эту новую звезду, равным образом счел нужным... сотворить вино на свадьбе в Кане.

Макларен спросил себя, а не пожалеет ли потом парень о таком откровенном обнажении своих чувств. Возможно, и нет, если откровения будут взаимны. Поэтому он ответил, осторожно подбирая слова:

— Как это ни странно, а может, и вовсе не странно, но мои мысли направились в противоположную сторону. Я не видел настоящих причин, чтобы мне оставаться в живых, разве что быть живым забавнее, чем мертвым. Сейчас я не смог бы перечислить все эти причины. Воспитать детей, узнать что-либо новое о Вселенной, не соглашаться со справедливостью в вольном переложении некоторых коронованных ублюдков... Боюсь, что мои взгляды остались прежними или около того. Перед моими глазами все тот же слепой космос, управляемый теми же

слепыми законами. Но неожиданно в нем появился какой-то смысл. Огромный смысл. Космос что-то означает. Что именно, я еще не постиг. Вероятно, никогда и не постигну. Но у меня теперь есть причина, чтобы жить — или умереть, если понадобится. Может, в этом и заключается вся цель жизни, а именно: цель сама по себе. Но надеюсь, что мир от этого покажется мне намного привлекательнее.

— Полагаю, мы научились воспринимать жизнь серьезнее, — задумчиво произнес Райерсон. — Мы оба.

Измельчитель отправил в приемное устройство последнюю порцию пыли. Газификатор находился внутри корабля; к тому же через тепловую защиту скафандров начал просачиваться холод. Райерсон встал. На его ноги легла густая тень.

— Не очень-то это, конечно, поможет нам, — сказал он вдруг надтреснутым голосом, — если мы умрем здесь с голоду.

Макларен встал рядом с ним. В свете прожекторов их лица рельефно выделялись на фоне сплошной стены мрака. Макларен посмотрел в глаза Райерсону. Стоя неподвижно под равнодушными созвездиями, они какое-то мгновение боролись взглядами, пока на лбу у Райерсона не выступили капли пота.

— Ты понимаешь, — проговорил Макларен, — что на самом деле мы можем протянуть с едой намного дольше. По приблизительным подсчетам, думаю, еще два месяца.

— Нет, — прошептал Райерсон. — Нет, я ни за что не смогу.

— Сможешь, — сказал ему Макларен.

Он постоял еще с минуту, чтобы утвердиться в своей победе, которую он в качестве дара предназначил Тамаре. Затем он круто развернулся и зашагал к машине.

— Пойдем, — сказал он, — поработаем.

Глава 16

Макларен проснулся сам, без будильника. Сначала он никак не мог понять, где находится. Он только что был на каком-то холме, поросшем деревьями; а внизу, весело сверкая на солнце, журчал ручей. С ним кто-то был, но имени и лица той женщины он не запомнил. Зато губы все еще хранили томительное тепло.

Прищурясь, он посмотрел вверх и увидел стол, прикрепленный к потолку. Сам он лежал на матрасе...

Ну конечно. «Южный Крест» — горькая, отрезвляющая правда. Но почему он так рано проснулся? Сон был для него и Дэйва последним прибежищем. Все дни напролет они несли вахту у пульта управления контуром, возвращались в свою перевернутую вверх дном спальню и питались сном. Жизнь свелась к отправлению лишь этих функций.

Макларен зевнул и перевернулся на бок. Его внимание привлек будильник. Дурацкая штука остановилась, что ли? Он наблюдал некоторое время за секундной стрелкой и пришел к выводу, что она, безусловно, движется. Но тогда он проспал — о зубастые боги морей — целых тринадцать часов!

Он сел, тяжело дыша, и в глазах у него потемнело. От головы, казалось, отхлынула вся кровь. Вцепившись в простыни, он ждал, пока приступ слабости не оставит его. Сколько же времени прошло с тех пор, как его ткани стали поедать самих себя из-за отсутствия всякого другого питания? Он уже давно потерял счет часам. Но выпирающие из него ребра и суставы говорили сами за себя; иногда он даже слышал, как они гремят при ходьбе. Может, так продолжается уже месяц? По крайней мере, все это время он не выходил из корабля и мало двигался. Только благодаря этому он все еще жив.

Медленно, словно тяжелобольной, он поднялся на ноги. Если Дэйв не позвал его, значит, он потерял сознание или умер, или голод подействовал на его рассудок. Обуреваемый «легионом безумных фантазий...», Макларен еле волочил ноги, направляясь к шахте. Нуль-камеры находились ближе к корме, сразу за гироскопами. При ускорении они должны были бы, по идее, находиться «внизу» — по отношению к обсервационному отсеку, но сейчас получилось так, что они находились наверху, над отсеком. К счастью, корабль был сконструирован с учетом того, что большую часть времени они проведут в условиях невесомости. Макларен ухватился за перекладину обеими руками. «А ведь мне, пожалуй, сейчас под силу парить в невесомости», — подумал Макларен, борясь с головокружением. Он встал одной ногой на следующую перекладину, с помощью этой ноги и обеих рук подтянул вторую ногу и встал на перекладину уже обеими ногами. А теперь все сначала; еще раз; один раз за папу, один раз за маму, один раз за няню, один раз за кота и так далее — до победного «вот и мы» с дрожью крайнего изнеможения.

Райерсон сидел за пультом управления рядом с нуль-камерами — приемной и передающей. Рабочее кресло с закрепленной на нем лестницей пришлось в свое время приварить к стене, ну и, конечно, освоить работу на перевернутом вверх ногами

пульте. К нему обратилось бледное, бородатое и осунувшееся лицо, но голос показался Макларену почти бодрым:

— А, проснулся.

— Будильник не сработал, — задыхаясь, проговорил Макларен. — Почему ты не разбудил меня?

— Потому что я, прежде всего, выключил звонок.

— Что? — Макларен сел на то, что раньше было потолком, и устался на Райерсона.

— Тебе сейчас нужно больше отдыхать, иначе окончательно свалишься, — сказал Райерсон. — Ты выглядишь намного хуже меня, и причем уже давно — несколько недель, наверное. То есть даже задолго до того, как... кончилась еда. А чтобы сидеть тут и крутить ручки, вовсе не обязательно делать передышки каждые восемь часов. Мне это нетрудно.

— Что ж, может быть. — Макларен слишком устал, чтобы спорить.

— Ну и как, получается? — спросил он после недолгого молчания.

— Пока нет. Я сейчас пробую новую последовательность. Не волнуйся, скоро мы обязательно добьемся резонанса.

Макларен задумался, размышляя о проблеме настройки. Так же, как его ослабевшие пальцы уже не могли удерживать предметы, его ум в последнее время потерял способность удерживать что-либо в голове. Он мучительно и тяжело восстанавливал в памяти все, связанное с теорией и практикой нуль-переброски материи по гравитационному лучу. Его рассуждения логически основывались на том, что сам факт нуль-переброски вообще возможен. Сигналы, как правило, передаются кодированными импульсами различной продолжительности и с переменной амплитудой. Существуют разные хитроумные способы, чтобы хоть немного увеличить объем пропускаемой информации в одну миллисекунду, меняя количество импульсов при заданном верхнем пределе продолжительности каждого импульса. Все эти процессы происходят так быстро, что без всякого преувеличения инженеры могут даже разговаривать на языке волновых импульсов. Каждый приемопередатчик опознается по особой «несущей» волне. Изменение частоты ее колебаний и является самым что ни на есть сигналом нуль-транспортировки материи. Все это происходит при условии, что установлен контакт. То есть если передающее устройство нуль-передатчика излучает несущую волну работающего приемного устройства — эффект «резонанса» или «отголоска», в прах разбивающий закон обратной пропорциональности. Это как бы развитие великой истины Эйнштейна: космос есть не что иное, как протекающие

на данный момент процессы в каждой из его материальных частей.

Сам нуль-передатчик при сканировании производит сигналы, по которым и воссоздается пересылаемый объект. Но сначала нуль-передатчик необходимо настроить на нужную принимающую станцию. Корабль с ручным управлением может вызвать по кодовому сигналу несущей волны любой действующий приемо-передатчик, но, естественно, на языке стандартного проверенного контура, изначально встроенного в корабль. Таким образом, как утверждает справочник, чтобы достичь Солнца, следует соединить две несущие волны — самого Солнца и звезды Рашида. В данном случае эта звезда является исходной ретрансляционной станцией. Ваш сигнал будет автоматически перебрасываться по нуль-передатчикам через несколько миров, пока не достигнет земной Луны. Сюда соответствующие напряжения, частоты колебаний и т. д. доходят в виде развертки. Их следует сложить и применить равнодействующую.

Самодельный контур Райерсона не был стандартным. С помощью электроники он мог вложить в контур какую-либо известную несущую волну, а их система наведения гравитационного луча наверняка выдаст совершенно неизвестную — например, сигнал вызова некой станции, постройка которой не начнется даже в ближайшее тысячелетие. У Райерсона не было приборов, чтобы замерить зависимость, так что он не мог даже просчитать поправки к соответствующим установкам контура на сигнал. Настройка была произведена вслепую, методом проб и ошибок, и обладала поистине неисчерпаемой многовариантностью выбора. Сделанные наспех расчеты позволили исключить лишь некоторые из возможных вариантов.

Макларен вздохнул. Пока он сидел и размышлял, прошло довольно много времени. Во всяком случае, если судить по его часам. Для него самого время пролетело незаметно.

— Знаешь что, Дэйв? — произнес он.

— Хм? — Повернув ручку, Райерсон плавно передвинул верньер на одно деление и пальцами пробежался по ряду кнопок.

— Мы попали в никуда, в самый дальний его край. Я забыл, сколько отсюда до ближайшей станции, но знаю, что чертовски далеко. Этот наш агрегат из вязальной проволоки может оказаться слишком маломощным, чтобы сигнал дошел до нее.

— Я все время это знал, — отозвался Райерсон, щелкнув сетевым выключателем магистрали. Стрелки на циферблатах заколебались, а осциллографы принялись вычерчивать свои

кривые, замерцавшие призрачным зеленым светом. Помещение заполнил пронзительный вой. — И все же, думаю, наша аппаратура справится. Вспомни, этот звездолет забрался так далеко от Солнца, как ни один другой. Его создатели знали это — и немудрено, ведь курс по прямой, естественно, должен был опередить объемное расширение нашей территории. Поэтому они создали сверхмощный приемопередатчик. Даже в таком потрепанном виде, как сейчас, он способен послать сигнал, который напрямую достигнет Солнца, — если, конечно, соблюсти все условия.

— Думаешь, мы сможем? Было бы забавно посмотреть.

Райерсон пожал плечами:

— Если честно, то я сомневаюсь. Но только из-за статистики. Сейчас пооткрывалось так много разных станций... Эй!

Макларен даже сам не заметил, как вскочил на ноги, дрожа от нетерпения.

— Что это? — вскричал он. — Что это? Бога ради, Дэйв, что это?

Не в силах произнести ни слова, Райерсон только открывал и закрывал рот. Костлявой рукой он молча указал на приборы. Рука его заметно дрожала.

Под ним, словно спустившаяся с небес звезда, горел красный огонек (по идее, он должен был находиться наверху).

— Контакт, — сказал Макларен.

Это слово эхом отозвалось в голове, как будто его произнес сам создатель, чей голос донесся из мрачных глубин все такой же черной и пустынной Вселенной.

По щекам Райерсона катились слезы; губы его беззвучно шевелились.

— Тамара, — произнес он. — Тамара, я возвращаюсь домой.

«Если бы Чанг и Сейки были сейчас рядом, — подумал Макларен, — *в такой поистине знаменательный момент*».

— Давай, Теранги, — прошептал Райерсон. Зубы у него стучали, а руки тряслись так сильно, что они навряд ли смогли бы сейчас работать на пульте. — Давай, Теранги, иди.

Сначала Макларен не понял. Еще не понял. Уж слишком быстро в их жизнь ворвалась реальная возможность спасения. Но в нем заговорила прирученная к осторожности раса, которая эволюционировала среди змей и войн.

— погоди, Дэйв. погоди минуту. Просто чтобы быть уверенным. Пошли туда сигнал. Телетайпограмму, конечно, — у нас ведь нет телефонной связи. Ты можешь сделать это прямо сейчас, за этим пультом.

— Для чего? — закричал Райерсон. — Для чего? Если ты не хочешь идти, то пойду я!

— Ты просто подожди, и все. — В голосе Макларена неожиданно появились умоляющие нотки. В нем проснулось все безумие месяцев, проведенных среди звезд, которые жгли ему глаза. Он смутно понимал, что человек может жить в стесненных обстоятельствах и ходить в страхе, но быть человеком всегда составляет предмет его гордости. Он поднял беспомощную руку и закричал — его крик был ненамного громче шепота...

— Да пойми ты, наконец, может, за этим кроется какое-нибудь искажение сигнала. Пусть и крайне редко, но несчастные случаи все же происходят, а этот контур, сделанный вручную, причем наполовину по памяти... Отправь туда сообщение. Попроси о контрольной нуль-передаче для нас. Это не займет много времени и... Боже мой, Дэйв, что же ты отошлешь Тамаре домой, если сигнал был ошибочный?

Подбородок Райерсона, скрытый бородой, мелко задрожал. Не отвечая, юноша принялся сердито долбить по клавишам печатающего устройства. Учащенно дыша, Макларен снова сел. Итак, их надеждам наконец-то суждено сбыться. Значит, он снова будет ходить под высоким небом Земли, с медленно проплывающими на нем летними облаками.

«Нет, — подумал он. — Я никогда уже не попаду на Землю. Теранги Макларен умер на орбите вокруг черного солнца, на стальной планете, где вечная зима. На Землю может вернуться тот Я, кем я сейчас являюсь; но тот Я, кем я был раньше, уже никогда не вернется».

Райерсон перегнулся так, чтобы видеть экран, который передавал изображение принимающей нуль-камеры.

Макларен ждал. Время тянулось томительно медленно.

— Пусто, — сказал Райерсон. — Они ничего не прислали.

Макларен удрученно молчал.

— Конечно, это станция в какой-нибудь колонии, — произнес Райерсон. — Возможно, одно из самых отдаленных поселений, весь персонал которого — всего лишь два человека... или, о Господи, другой космический корабль. Да, вот это вероятнее всего. Мы в контакте со звездолетом. С единственным вахтенным на борту и...

— И где должен быть звонок для его вызова, не так ли? — очень медленно спросил Макларен.

— Ты ведь знаешь, как у них там со связью в дальних рейсах, — сказал Райерсон. Он стукнул кулаком из одних костяшек по подлокотнику кресла. — Наш вахтенный спит слишком крепко, чтобы услышать какой-то там сигнал. Или же...

— Подожди, — произнес Макларен. — Мы ждали дольше, поэтому можем позволить себе еще несколько минут, чтобы знать наверняка.

Райерсон засверкал на него глазами, словно перед ним стоял враг.

— Подождать? Подождать, черт побери? Ну уж нет!

Он установил на контрольном реле времени пятиминутную готовность к нуль-передаче и сполз со своего сиденья и затем вниз по лестнице. В своей грязной заношенной тунике, из которой торчали худые руки и ноги, да еще желтая копна волос, он казался огромным пауком.

Макларен снова встал и с трудом подковылял к нему.

— Нет, — прохрипел он. — Послушай, я понимаю, что у тебя сейчас на душе, но я также понимаю, что у тебя космический психоз, и я запрещаю тебе, я запрещаю...

Райерсон улыбнулся.

— А каким образом ты собираешься удержать меня? — спросил он.

— Я... но неужели тебе трудно подождать, подождать и увидеть, и...

— Послушай, — сказал Райерсон, — допустим, что в сигнале сбой. Оттуда нам присылают контрольный типовой объект, и он попадает в приемное устройство нашей нуль-камеры. В лучшем случае типовой объект просто деформируется... в худшем его вообще невозможно будет воссоздать, а мы взрываемся. Во втором случае мы погибаем. В первом — у нас больше нет времени, чтобы работать. Сомневаюсь, чтобы я смог снова выйти наружу и вскарабкаться на этот контур. А ты, мой друг, тем более. Кому как не мне знать это, черт возьми! Так что у нас с тобой нет другого выбора, как только пройти через нуль-камеру. Вот!

— Если на другом конце находится корабль, и ты явишься причиной взрыва, — прошептал Макларен, — то ты убьешь еще одного человека.

Словно из какого-то полузабытого далека, он с затаенной печалью узнал это выражение непреклонности, застывшее на лице стоявшего напротив него человека. Надежда преобразила Дэвида Райерсона, снова делая его молодым.

— Он не взорвется, — заявил юноша, не допуская даже мысли, что подобное может произойти.

— Хорошо... Возможно, и нет... но еще остается опасность молекулярного искажения или... — Макларен вздохнул. Словно пробуя свои силы, он толкнул Райерсона в грудь. Высокая

тощая фигура юноши даже не шелохнулась — настолько Макларен ослаб от голода.

— Ну хорошо, — сказал он. — Ты победил. Я пойду в нуль-камеру.

Райерсон покачал головой.

— Нет, я передумал, — ответил он. И, засмеявшись, весело продекламировал: — Свою работу я примерю на себя, Теранги!

— погоди! Позволь мне... я хочу сказать — подумай о жене, по крайней мере... ну пожалуйста...

— До скорого! — крикнул Райерсон. Уже у двери в нуль-камеру он оглянулся, и взгляд его голубых глаз был теплым. Открыв дверь, Райерсон вошел внутрь. Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась за ним. Макларен бессильно подергал ручку. Бесполезно, дверь блокировалась автоматически.

«Кто из нас дурак? Похоже, мне никогда не ответить с уверенностью на этот вопрос, чем бы все ни кончилось. Удача, конечно же, целиком на его стороне... выражаясь человеческим языком, — вычисленная с той точностью, какую нам позволили наши знания... но неужели он так и не смог распознать вместе со мной, насколько велика Вселенная и сколько еще непознанного таится в ее черных глубинах?»

С трудом переставляя ноги, он направился к лестнице, чтобы взобраться по ней на кресло. На него, конечно, обрушится гнев за то, что он вскарабкался наверх и выключил автоматику. Но каких-то несколько неприятных минут он переживет. А за это время странно, ужасно беспечный оператор на другом конце может прочесть их телетайпограмму и прислать им контрольный объект. И тогда Райерсон узнает. Они оба узнают. Макларен начал свое восхождение. Ему предстояло одолеть всего-то два метра, но беспомощные руки отказывались подтягивать его, а ноги на перекладинах тряслись. И все же он понемногу продвигался вперед. Макларен был уже на полпути к пульту, когда услышал щелчок его основной кнопки включения и пронзительный скрежет заработавшего механизма передающей нуль-камеры.

С удвоенной энергией он продолжал ползти вверх. «Вот теперь я понимаю, что значит быть старым», — подумал он.

Когда он наконец добрался до кресла, сердце в его груди неистово трепетало, словно пламя свечи, готовое вот-вот угаснуть. Его глаза застлало черной пеленой, и какое-то время он не видел, что творилось на видеоэкранах. Сердце постепенно успокаивалось, и черная пелена перед глазами понемногу

отступила. В нуль-камере было пусто. Красный огонек все еще горел, подтверждая контакт. Что ж, во всяком случае принимающее устройство на той стороне не разрушилось. Не считая, возможно, Дэйва. Чтобы убить человека, достаточно совсем незначительного молекулярного изменения. «Но я слишком боязлив в своей нерешительности. Мне бы не следовало бояться смерти. Уж ее-то меньше всего. Так что давай-ка я последую его примеру и покончу со всем этим».

Он потянулся к реле времени. Взгляд его упал на часы. Как, полчаса с тех пор, как ушел Дэйв? Уже? Неужели он полз по этой лестнице и предавался своим непродолжительным размышлениям целых полчаса? Но за это время Дэйв, уж конечно, мог поднять на ноги даже самого сонливого оператора. Им следовало уже прислать на «Крест» телетайпограмму: «Иди сюда, Теранги. Иди сюда, чтобы вместе вернуться домой». В чем же дело?

Макларен уставился на окружавшие его со всех сторон глухие стены. Отсюда он мог видеть звезды, но он и без того знал, какое бесчисленное их множество роится в небе за пределами корабля. К нему вдруг пришло прозрение, истинное прозрение, что их скученность — всего лишь иллюзия и каждое из тех солнц пребывает в страшном одиночестве.

«И еще одно я узнал в эту последнюю минуту, — подумал он. — Теперь я понимаю, что значит нуждаться в сострадании».

Макларен принял решение. Он поставил реле времени на десять минут, чтобы успеть добраться до нуль-камеры, и начал медленно спускаться по лестнице.

Раздался звонок.

Сердце в его груди подпрыгнуло. Он пополз обратно, смутно ощущая на своем лице слезы, и уставился в экран.

В приемной нуль-камере стояло существо. На нем было некое подобие скафандра, и поэтому Макларен не смог толком разглядеть чужака. Он лишь заметил, что, хотя существо и опиралось на две ноги, его облик был явно не человеческим. Сквозь прозрачное стекло круглого шлема, заполненного воздухом желтоватого оттенка, Макларен увидел лицо существа. Именно лицо, а не морду. Оно было ни рыбьим, ни лягушачьим, ни какого-либо млекопитающего. Оно просто было другим — настолько другим, что разум Макларена почти не отметил его. Позднее, когда он пытался вспомнить это лицо, в памяти всплывали лишь неясные, расплывчатые черты, странные завитки, похожие на усики растений, и большие красные глаза.

Удивительно, но, наверное, каким-то внутренним чутьем Макларен с первого взгляда прочитал на этом лице выражение сочувствия.

Существо держало в своих руках тело Дэвида Райерсона.

Глава 17

Там, где над Зондским проливом нависали тяжелые тучи, сыпавшие дождь, земля промокла насквозь. Но сквозь серую пелену, затянувшую небо, уже пробился первый солнечный луч и отразился на воде светлой узкой дорожкой. Земля утопала в зелени, в миллионе ее тончайших оттенков; джунгли, плантации и рисовые поля — все полыхало в изумрудном пламени листьев. Вершина вулкана была окутана белесой дымкой. Оттуда доносилось погромыхивание — был ли это гром, сражающийся с ветром, или разговаривала во сне сама гора?

Посадив свой аэрокар на серебристо-бурую воду, Теранги Макларен стал подруливать к берегу Суматры. Хотя с каждым днем его силы прибывали, он порядком измотался, увертываясь от многочисленных проа*, плавучих домиков и подводных лодок.

— Здесь, туан**, — показал пальцем его проводник, и Макларен со вздохом заглушил двигатели. Аэрокар, плавно скользя по воде, пристал к берегу.

— Ты уверен? — спросил Макларен. Он изъездил чуть ли не все побережье и везде встречал такие же хижины из тростника и выброшенного морем на берег пластика. Это был напоенный влагой мир, переполненный смуглыми веселыми людьми. Половину своей радостной жизни они проводили на воде — все эти искатели жемчуга, ловцы губок и палубные матросы, которые продавали свой труд морским фермам, но всегда возвращались домой, в бедность и невежество. Зато здесь было больше жизни и надежды, чем могла предложить им Цитадель.

— Да, туан. О ней каждый знает. Она не похожа на остальных, и ни с кем не сближается. Именно это и выделяет ее.

Макларен решил, что малаец, вероятно, прав. Тамара Суви-то Райерсон не могла бесследно раствориться в безликой массе пролетариата Земли. Если она не поменяла свои планы насчет эмиграции, то в Отделе должен быть, по крайней мере,

* Малайское парусное судно.

** Господин (малайск.) — при обращении к европейцу.

оставленный ею почтовый адрес. Узнав его, Макларен сразу же примчался в Индонезию. Но здесь круг его поисков неожиданно расширился, так как в Нью-Джакарте тем же почтовым отделением, что у нее, пользовались сотни людей, а их места обитания не укладывались в стройную систему телефонных справочников и нумерации домов. Чтобы найти вот это жилище, ему потребовались время и деньги.

Он въехал на берег.

— Оставайся здесь, — приказал он проводнику и вышел из машины. На него обрушился стремительный тропический дождь. Туника тут же промокла, и по коже побежали струйки воды. Это был первый дождь, в который он попал, с тех пор как... сколько времени прошло? Дождь имел привкус утренней зари.

Она ожидала его у двери. Он, конечно, сразу узнал ее по фотографиям, но грация, с которой она держалась, была ему незнакома. На ней был простой саронг и блузка. Дождь оседал на ее волосах цвета воронова крыла мелкими капельками, в которых, дробясь, искрился свет.

— Вы — техн, — произнесла она. Он едва расслышал ее голос, настолько тихо он прозвучал. Ее взгляд не отрывался от его лица. — Добро пожаловать.

— Вы видели меня в новостях? — Вопрос банальный, но он спросил первое, что пришло ему в голову — лишь бы не молчать.

— Нет. Просто слышала. У старого Прабанга, там в деревне, нет видеоприемника, есть только обычный. Но кем же еще вы можете быть? Входите, прошу вас, сэр.

И только позднее Макларен понял, какой серьезный проступок она совершает в глазах общества, открыто пренебрегая правилами приличия. Впрочем, она объявила себя свободной от моральных устоев Протектората много месяцев назад. Он узнал об этом, когда впервые пробовал выступить в роли посредника между ней и ее свекром. Хижина внутри была чисто прибрана и чрезвычайно просто обставлена. Единственным украшением могла считаться ваза с ранними гибридными розами, стоявшая у портрета Дэвида.

Макларен подошел к колыбели и посмотрел на спящего младенца.

— Сын, не так ли? — спросил он.

— Да. Он носит имя отца.

Макларен осторожно погладил малыша по щеке. Никогда еще его пальцы не ощущали ничего более нежного, чем эта щечка.

— Привет, Дэйв, — сказал он.

Тамара присела на корточки у крохотной жаровни и раздула огонь. Макларен сел на пол.

— Я мог бы прийти и раньше, — произнес он, — но так много всего навалилось, и меня еще держали в больнице...

— Понимаю. Вы очень добры.

— У меня... от него кое-что осталось... буквально пара вещей. И я могу организовать похороны — так, как вы пожелаете — и... — У него перехватило горло. Дождь, смеясь, резвился на тростниковой крыше.

Зачерпнув из кувшина, она наполнила чайник.

— Как я понимаю, — сказала она, — от него не было никакого письма?

— Нет. Так уж вышло... даже не знаю почему. Никто из нас не писал ничего подобного. Наверное, мы думали, что если погибнем, то все вместе — а это значит, что никто бы нас не обнаружил раньше, чем через пятьдесят или сотню лет, — или же все вернемся домой. Мы и не подозревали, что может случиться вот так — вернется один-единственный человек. — Макларен вздохнул. — Бесполезно пытаться предугадать будущее. Оно слишком велико.

Он не услышал ее ответа.

— Но почти последнее, что произнес Дэйв, — с усилием продолжил Макларен, — было ваше имя. Он вошел в ту нуль-камеру с мыслью о том, что скоро будет дома, рядом с вами. — Макларен уткнулся взглядом в колени. — Он, по всей вероятности... умер быстро. Очень быстро.

— Я не совсем поняла, что произошло, — сказала она. Чтобы поставить чашки, она грациозно опустилась на колени, как это делают только австралийки. Пытаясь не давать волю чувствам, она говорила каким-то безжизненным, невыразительным голосом. — Я имею в виду, что сообщения по нуль-передаче всегда такие несерьезные и запутанные, а в печатных журналах слишком уж много всяких технических терминов. Среднего больше нет. Это одна из причин, почему мы и хотели покинуть Землю. Я еще не отказалась от этой мысли, вот только Дэйв пусть немного подрастет.

— Я понимаю ваши чувства, — проговорил Макларен. — И сам разделяю их.

Быстро повернувшись, она удивленно вскинула на него глаза, и Макларен невольно залюбовался этим нервным движением головы.

— Но вы же техн! — воскликнула она.

— И человек тоже, моя леди. Но прошу вас, задайте мне свой вопрос, куда бы он ни завел нас. С вашего позволения, я тоже хочу спросить вас, но вы первая.

— А что вы хотите узнать? Пожалуйста.

— Ничего особенного. Я бы не имел права на этот вопрос, но ваш муж был моим другом. Я думаю о том, что вы могли бы сделать ради него. Я не тороплю с ответом. О чем вы хотели спросить?

— Ах да. Мне известно, что вы настроились на приемопередатчик чужаков, сами того не понимая. Но... — Сжав кулаки и невидяще глядя на дождь через светлый проем двери, она в отчаянии вскрикнула: — Но ведь вероятность этого была так ничтожно мала! Такая глупая случайность, и она убила его!

Макларен молчал, тщательно подбирая про себя слова. Затем мягко, как только мог, произнес:

— Нельзя сказать, что подобная встреча была такой уж невероятной. Все это время мы знали, что не можем быть единственной расой, устремляющейся к звездам. Смешно даже подумать, что это не так. Но «Крест» забрался в такие глубины космоса, куда людям до него еще не удавалось проникнуть; а чужой звездолет находился почти у самой кромки той территории, которую они смогли освоить. Целью их экспедиции была также альфа Южного Креста. Странно, но во мне возникает какое-то чувство родства к моему собрату звездоплавателю, пусть и с хлором в легких и кремнием в костях, но который руководствовался той же путеводной звездой. Контакт, несомненно, был случаен, поскольку они и мы вошли в область действия наших сигналов. Дэвид был первым человеком, который замкнул кольцо. У нас не было нужных измерительных приборов, но мы пытались нащупать кодовые сигналы несущих волн, перебирая все возможные варианты. С той же долей вероятности мы могли наткнуться и на один из наших сигналов.

Вода закипела, и она занялась чайником. Длинные локоны, свесившиеся ей на лицо, скрыли его от Макларена, и если она даже и плакала, он не видел ее слез.

— А знаете, моя леди, — добавил он, — мне думается, что мы, наверное, посылали сигналы вызова сотням других рас, освоившим космос. Мы, конечно, находились вне сферы действия их нуль-передатчиков, но я уверен, что мы вызывали их.

— А что об этом подумали чужаки? — глухо прозвучал ее голос.

— Не знаю. Лет через десять мы сможем говорить с ними. Еще через сотню лет мы, возможно, научимся понимать их. А они нас, надеюсь. Конечно, в тот момент, когда Дэвид... появился перед ними... они поняли, что произошло. Один из них пришел ко мне. Можете представить, сколько мужества потребовалось ему, чтобы совершить этот шаг? А каких прекрасных

людей мы узнали благодаря вашему мужу! Они сделали для меня то небольшое, что могли: проверили контур «Креста» и исключили все известные им кодовые сигналы. А дальше я уже продолжал пробовать сам. Через неделю мне посчастливилось попасть на человека. Через свой нуль-передатчик я прошел в его приемную нуль-камеру, вот и все. Наши техники сейчас сооружают на планете черной звезды новую ретрансляционную станцию. Но «Крест» они оставят там, где он есть, и выгравировуют на нем имя Дэвида Райерсона.

— Я подумала, — прошептала она, все еще пряча свое лицо, — что вы... я имею в виду, карантинные правила...

— Ах да. Протекторат пытался сослаться на них. Как будто можно задержать неизбежное. Их попытки оказались напрасными. Наши с чужаками организмы настолько несовместимы, что на их планете нет никого и ничего, что могло бы питаться за счет Земли и ее колоний. Этот факт уже неопровержимо доказан объединенной научной комиссией. И пусть нам пока не под силу передать друг другу свои мысли из-за незнания языка, но мы можем мыслить одинаковыми категориями! Чужаки, конечно же, знают о нас. Человеку просто невозможно спрятаться от всей Вселенной. Поэтому меня и освободили. — Макларен принял у нее из рук предложенную ему чашку и насмешливо добавил: — Мною, разумеется, отныне весьма недовольны в Цитадели.

Она подняла на него свои огромные глаза, и он увидел их мерцание.

— Но почему? — спросила она. — Вы должны быть героем для...

— Для космонавтов, ученых, некоторых колонистов и немногих землян, которые были бы рады концу застоя. И не то чтобы я заслуживал их благодарность. Те трое погибших — вот кто действительно сделали все. Во всяком случае, моя леди, можно предвидеть, какой грядет переворот. Мы неожиданно столкнулись с... Вот послушайте, их цивилизация, очевидно, освоила по меньшей мере такое же по величине пространство, что и человек. И у наших двух цивилизаций совершенно разные типы планет. Объединив наши приемопередаточные сети, мы вдвое увеличиваем свои территории! Ни одно правительство не сможет навязывать свою волю такому огромному количеству миров.

Более того. У них есть такие науки, технологии, философии, религии, искусства, чувства восприятия мира, которые нам и не снились. Иначе и быть не может. А мы, естественно, можем

предложить им наши. Сколько времени, вы думаете, способен продержаться этот ограниченный, ничтожный Протекторат и его узколобые умишки при подобном прорыве новой мысли? — Макларен наклонился вперед. В нем самом появилось ощущение необычайного подъема. — Моя леди, если вы хотите жить во вновь осваиваемом мире и чтобы ваш ребенок вместе с вами находился там, где тяжело и опасно, где требуется напряжение сил и где с ним может случиться все что угодно, — оставайтесь на Земле. Будущая цивилизация начнется здесь, на самой Земле.

Тамара поставила свою чашку. Она уткнулась лицом в ладони, и он растерялся, увидев, что она плачет.

— Может быть, — сказала она ему, — может быть, я не знаю. Но почему именно Дэвид должен был оказаться тем человеком, который выкупил нас на свободу? Почему именно Дэвид? Он вовсе не хотел этого. Он не стал бы, если бы знал. Я не сентиментальная дурочка, Макларен-сан, но я знаю, что он хотел всего лишь вернуться сюда. А он умер! И никакого смысла в этом нет!

Глава 18

Северная Атлантика катила с запада свои грохочущие серо-зеленые волны. С их вершушек ветер срывал белопенные гривы. Далеко на юге светилась узкая полоска угасающего осеннего дня, а на севере собирались огромные свинцовые тучи, готовые вот-вот разразиться дождем и снегом.

— Вон там, — указала Тамара. — Это то самое место.

Макларен повел аэрокар к земле. Небо со свистом расступалось перед ним. Значит, Дэйв родом отсюда. Остров оказался довольно угрюмой скалой, морщившейся острыми складками. Но Дэйв рассказывал, какой у них летом можжевельник, а осенью — вереск, и какие лишайники всевозможных цветов и оттенков.

Девушка ухватила Макларена за руку.

— Я боюсь, Теранги, — шепнула она. — Лучше бы ты не заставлял меня ехать сюда.

— Это все, что мы вообще сможем когда-либо сделать для него.

— Нет. — Несмотря на сгущавшиеся сумерки, он увидел, как она вскинула голову. — Это еще не конец. Его не будет.

Его и мой ребенок, воспитание его и... Во всяком случае, *мы* можем внести в нашу жизнь хоть какой-то смысл.

— Я не знаю, вносим *мы* новое или ищем то, что существовало всегда, — ответил он. — Не это меня волнует. По мне, важно то, что существует цель: порядок, красота, душа — назови ее как хочешь.

— Здесь, на Земле — да, — вздохнула она. — Цветок или ребенок. Но с другой стороны, далеко от нашего солнца умирают три человека, и оказывается так, что наша цивилизация получает от этого пусть небольшую, но выгоду, а я продолжаю думать о тех людях, которые просто умерли далеко отсюда. Или вернулись слепыми, искалеченными, изломанными, словно хворост, и ведь ни одной живой душе от этого не стало лучше. Почему? Я все спрашивала себя и не находила ответа. Не нахожу его и сейчас. И как мне думается — по той простой причине, что никакого объяснения нет вообще.

Макларен посадил машину на берег. Он все еще искал ответ на ее вопрос, но рассуждения его шли по другому руслу. Он прибыл на Скъюлу не для того, чтобы просто предложить отцу Дэвида все, что в его силах: как минимум примирение и возможность время от времени видаться с ребенком Дэвида в свои оставшиеся годы. Смутно Макларен чувствовал, что именно здесь, на Скъюле, он сможет найти решение.

Люди и правда уходят в космос, как когда-то уходили в море, подумал он, и космос губит их, но их сыновья все равно возвращаются туда. Соблазн наживы — лишь часть ответа. Космонавты, как некогда и моряки, не становятся богаче. Любовь к приключениям... что ж, в некоторых, может, и есть что-то от этого чувства, но вообще-то покорители расстояний никогда не были романтиками. Они самые обыкновенные люди, ограниченные мелкими житейскими интересами, и смерть их так же буднична, как их жизнь. Если спросить одного из них, что влечет его к черной звезде, то ответит, что подчиняется приказу, или что ему платят за это, или что ему просто любопытно взглянуть на нее — причин существует сколько угодно. И все они могут отражать истину. Но есть ли все-таки среди них хоть одна истинная?

И почему, спросил себя Макларен, человек, весь род человеческий приносит в жертву морю и звездам свою молодость, кровь, богатство, все свои высокие мечты и надежды? Было ли это только следствием взаимодействия бессмысленных сил — как бы оно ни называлось: экономика, социальный гнет, плохая приспособляемость, миф, — где силы представляют собой

набор векторов случайности с сардонической равнодействующей? Человек сам ломает ее, пытаясь удовлетворить свои потребности, хотя легче и проще было бы угождать себе дома.

«Если бы мне удалось найти ответ получше этого, — подумал Макларен, — я смог бы ответить Тамаре. И себе. А потом мы смогли бы похоронить наших мертвых».

Он помог ей выйти из машины, и они пошли вверх по тропинке по направлению к дому, на вид очень древнему. В сумрак, наполненный тяжелым шумом прибора, из его окон проливался свет. Но не успели они подойти к нему, как открылась дверь и на пороге показалась крупная мужская фигура, четко вырисовывающаяся на светлом фоне дверного проема. Они остановились.

— Это вы, техн Макларен? — окликнул мужчину.

— Да. Капитан Магнус Райерсон? — Шагнув вперед, Макларен поклонился. — Я взял на себя смелость, сэр, привести с собой гостя, о котором я не упомянул, когда звонил вам.

— Нетрудно догадаться, — произнес мужчина. — Все в порядке, девочка. Входите и добро пожаловать.

Проходя по неровному полу к креслу, Тамара легко коснулась Макларена и, воспользовавшись моментом, шепнула:

— Как он постарел!

Магнус закрыл дверь. Руки его, с толстыми, словно веревки, жилами, слегка подрагивали. Тяжело опираясь на трость, он прошел в другой конец комнаты и помешал кочергой угли в камине.

— Присаживайтесь, — обратился он к Макларену. — Когда я узнал, что вы приезжаете, я заказал немного виски с континента. Надеюсь, это хорошая марка. Сам я не пью, но не стесняйтесь и пейте без меня.

Макларен взглянул на бутылку. Фабричное клеймо на ней было ему незнакомо.

— Благодарю вас, — сказал он, — как раз одна из самых моих любимых марок.

— Вы ели? — обеспокоенно спросил старик.

— Да, благодарю вас, сэр. — Макларен взял протянутую ему рюмку. Тяжело прихрамывая, Райерсон подошел к Тамаре и подал ей рюмку.

— Вы можете остаться на ночь? У меня на чердаке есть несколько лишних кроватей — еще с того времени, когда ко мне на огонек заворачивали парни из рыбаков, чтобы переночевать. Они больше не приходят, сейчас это и ни к чему, но кровати так и остались.

Макларен обменялся взглядом с Тамарой.

— Вы оказали бы нам честь, — ответил Макларен.

Шаркая ногами, Магнус Райерсон подошел к каминной полке, снял с нее чайник и, налив себе кружку чая, поднял ее.

— За ваше здоровье. — Райерсон сел в стоявшее у огня потертое кресло. Он коснулся руками книги в кожаном переплете, которая лежала на подлокотнике.

Некоторое время все молчали, словно прислушиваясь к глухому рокоту волн внизу на прибрежной полосе.

Макларен первым нарушил молчание:

— Я... мы, я хочу сказать... мы приехали, чтобы... выразить свое соболезнование. Если что, я мог бы рассказать вам.. Я был там, вы знаете.

— Да. Вы очень добры. — Райерсон нащупал в кармане трубку. — Насколько я понял, он хорошо себя вел.

— Да. Конечно.

— Вот это самое главное. Попозже я обдумаю свои вопросы, если вы дадите мне время. Но этот, что я задал вам, имел для меня принципиальное значение.

Макларен обвел взглядом комнату. В колеблющихся тенях он разглядел справочники штурмана на полках, камни, шкуры и божков, привезенных из странствий по ту сторону неба. А еще он увидел двойную звезду Сириуса — словно два пылающих близнеца, две преисподние на фоне бездонной черноты; вместе с тем они были прекрасны.

— Ваш сын не изменил вашим традициям, — осторожно заметил он.

— Надеюсь, лучшим, — сказал старик. — Жизнь не имела бы смысла, если бы нашим мальчикам не давался шанс стать лучше своих отцов.

Тамара встала.

— Но вы говорите о том, чего нет! — неожиданно закричала она. — Нет никакого смысла! А есть только смерть, смерть и смерть — ради чего? Чтобы мы имели возможность ходить еще по одной планете или узнать еще что-то новенькое? Что нам это дало? Что мы сделали по-настоящему? И зачем? Во имя вашего Господа, что мы такого натворили однажды, что Он сейчас посылает туда наших мужчин?

Она сцепила пальцы. В наступившей тишине было слышно ее прерывистое дыхание.

— Извините меня, — проговорила она наконец и снова села. Ее пальцы непроизвольно подергивались, пока Макларен не взял их в свои руки.

Магнус Райерсон поднял голову. На них смотрели его молодые глаза. Он немного подождал, пока не затихнет ворчание прибоя на старых стенах его дома. А потом он ответил ей:

— *«Ведь это гордость наша и судьба».*

— Что? — Она вздрогнула. — О, это по-английски. Теранги, он хочет сказать... — Она произнесла это на интерлингве.

Макларен не шевелился.

Райерсон открыл свою книгу.

— Люди сейчас совсем забыли Киплинга, — сказал он. — Но однажды они вспомнят. Потому что ни один народ не живет долго, если ему нечего предложить своему молодому поколению, кроме достатка и чувства уверенности в будущем. Тамара, девочка, пусть твой сын послушает это однажды. Это и его песня, ведь он — человек.

Слова были незнакомы Макларену, но он слушал и какими-то таинственными, непостижимыми путями их смысл раскрывался перед ним.

*Уже тысячу лет нам покоя нет —
Море жадное нас зовет;
Мы нашему морю в дань отдаем
Всех лучших своих сынов.
И в зыбучей волне, и на вязком дне
Рвут акулы свой страшный корм.
Господь, если кровь их — плата за риск,
То мы уплатили долг.*

Когда Райерсон закончил, Макларен встал и, сложив вместе ладони, поклонился.

— *Сэнсей*, — сказал он, — дайте мне свое благословение.

— Что? — Старик откинулся на спинку кресла, и лицо его ушло в тень. Теперь он снова казался совсем старым. Его слабый голос был едва слышен в шуме волн осеннего моря. — Тебе не за что благодарить меня, парень.

— Нет, я многим обязан вам, — ответил Макларен. — Вы подсказали мне, почему люди уходят — сначала в море, а теперь в космос — и что их устремления не напрасны. Потому что они — люди.

ПОСЛЕ СУДНОГО ДНЯ

Глава 1

*Ибо человек не знает своего времени.
Как рыбы попадают в пагубную сеть
и как птицы запутываются в силках,
так сыны человеческие уловляются в бед-
ственное время, когда оно неожиданно
находит на них.*

Екклезиаст, IX, 12

— Земля мертва! Они убили нашу Землю!

Карл Доннан ответил не сразу. Он стоял у экрана наблюдая, спиной к остальным. Крик Голдспринга поднялся до вопля и оборвался, после чего Голдспринг хрипло всхлипнул. Услышав, как Голдспринг натолкнулся на стол, Доннан спросил унылым, бесцветным голосом:

— Кто это — «они»?

Но шаги Голдспринга были уже слышны за дверью. Раз или два в коридоре Голдспринг, похоже, натыкался на переборки. Вероятно, скоро он дойдет до кормы, подумал Доннан. И что дальше? Куда он сможет убежать?

Никто из присутствующих не произнес ни слова. Гудели и шипели воздушные регенераторы, вентиляторы, термостаты, электрогенераторы, гравитационные установки — органы чувств корабля — и атомный реактор — его сердце. Но Доннану этот шум казался не громче, чем биение его собственного сердца. И не таким значимым теперь. Вселенная молчала, как всегда. А вот на Земле шума хватало, подумал он. Содрогалась земная кора, раскалывались горы, рождались вулканы и извергали в небо огонь. Кипели океаны. Над черными камнями континентов, еще недавно расплавленными, с воем метался ветер, несший пепел, дым и кислотный дождь из серистых облаков. Молнии с треском раскалывали небо и освещали ночь так, что скалы, выраставшие из земли, четко вырисовывались на горизонте... Но никто не видел и не слышал этого. Города опустели, корабли затоплены, человечество исчезло в потоках лавы.

Люди погибли, думал Доннан, глядя на серп луны, казавшийся серым и мутным на фоне звезд; и погибли деревья, и летняя трава, и сочные яркие ягоды остролиста на снегу, и олень в горах его детства, и кит, которого он однажды видел на фоне пышного тихоокеанского рассвета, и нежные цветы душистого горошка, и песенка черного дрозда, и май, и июнь.

Он повернулся к команде. Боуман, старший помощник, лежал на полу, подняв колени и закрыв руками лицо. Астроном Кунц и планетограф Истерлинг все еще горбились над приборами, словно старались найти ошибку и опровергнуть то, что можно было увидеть невооруженным глазом. Капитан Стратей не отводил взгляда от руин Земли. Его узкое, симпатичное, очень бледное лицо ничего не выражало.

— Капитан! — заставил себя заговорить Доннан. — Капитан! Сэр! — Он подождал. Снова тишина. Стратей не шевельнулся. — Проклятье! — Доннан взорвался. — Что вы тарашитесь на этот ужас?! — Он шагнул к Стратею, схватил его за плечо и развернул к себе. — Прекратите!

Взгляд Стратея снова уперся в экран. И тогда Доннан ударил капитана. Удар прозвучал, как пистолетный выстрел; Кунц вздрогнул и начал всхлипывать.

— Слушайте, — сквозь зубы процедил Доннан. — Люди на обсерваториях-спутниках, на лунных базах, в открытом космосе не пострадали. Мы должны собрать их вместе, выяснить, что случилось, и начать сначала, черт побери! — Его голос дрожал. Он крепко выругался про себя. — Боцман! Сядьте за радио!

Стратей шевельнулся. И, едва двигая непослушным языком, сказал:

— Пока еще я хозяин на корабле, мистер Доннан!

— Отлично. Я так и думал, что это встряхнет вас. — Доннан оставил его и принялся искать в кармане трубку и табак. Его руки дрожали.

— Я... — Стратей прищурился и коснулся пальцами лба. — Радиосигналы могут привлечь... того, кто это сделал... — Его высокая фигура в голубом мундире выпрямилась. — Мы можем рискнуть позже. А сейчас лучше не выходить в эфир. Мистер Кунц, будьте добры, сделайте телескопический обзор земных спутников и Луны. Мистер Боуман... Боуман! Приготовьтесь к старту. Пока мы не узнаем толком, что здесь произошло, я не хочу оставаться на орбите. — В глазах капитана мелькнула тревога. — Мистер Доннан. Ваше присутствие здесь не обязательно.

— Я проходил мимо, кое-что искал, — пояснил инженер. — И случайно услышал, как вы сверили полученные сведения. — Он помолчал. — Боюсь, теперь все уже в курсе. Надо послать людей на аварийные позиции — так будет лучше. И необходимо предпринять кое-что для восстановления порядка. Если позволите, я этим займусь.

Стратей уставился на него, потом резко кивнул:

— Хорошо. Выполняйте.

Доннан покинул капитанский мостик. Что-нибудь сделаю, думал он: кого-то можно напугать, кого-то встряхнуть. Расслабься, приятель, сказал он себе. Игра еще не кончена. Хотя — стоит ли продолжать ее?

Боже! Конечно же, стоит! Пока жив хотя бы один человек и пока можно бороться — стоит. Доннан торопливо пошел по коридору, слегка покачиваясь, — сказывались годы, проведенные в море. Это был коренастый, широкоплечий мужчина немного за тридцать, с волосами песочного цвета, серыми глазами и широким, грубоватым и обветренным лицом. Он носил удобный и практичный голубой костюм на «молниях», как почти все на «ФранкLINE», и плоский потрепанный берет британских ВВС, лихо сдвинутый набок.

В коридоре появился кто-то из членов команды, и Доннан услышал гул голосов — так гудит потревоженный улей — трехсот человек, отсутствовавших на Земле три года, которые вернулись и увидели, что Земля мертва. Не только их дома, их города или Соединенные Штаты Америки. Земля.

Доннан постарался не думать об этом. Дел много. Он зашел в каюту, зарядил пистолет и положил его в кобуру. Потертая рукоятка приятно холодила ладонь. Этот пистолет немало ему послужил, но сейчас он взял оружие лишь для порядка. Не стрелять же в своих!

Доннан открыл ящик стола, задумчиво оглядел содержимое и вынул небольшой металлический цилиндр. Если зажать эту вещьцу в кулаке, можно нанести ощутимый удар, но покалечить — вряд ли. Он положил цилиндр в карман. В те праздные, беспечные дни, когда он служил в дешевом ресторане и время от времени разрешал мелкие конфликты, ему приходилось пользоваться свертком с десятицентовыми монетами.

Доннан шагнул за порог каюты. Мимо шел один из гражданских научных сотрудников. Его рот был широко открыт. Доннан загородил ему дорогу.

— Куда ты, Райт? — спросил он мягко. — Разве ты не слышал сирены?

— Земля... — Райт плакал, не закрывая рта. — Земля погибла. Я видел на экране. Все черное и в дыму. Мертвая, как Луна!

— Но твой аварийный пост находится в противоположной стороне. А все остальное мы обсудим потом.

— Ты не понял! У меня были жена, трое ребятишек! Я должен знать... Пусти меня, ублюдок!

Доннан сбил его с ног одним ударом, а потом помог подняться и стряхнул с одежды пыль.

— Сделай хоть что-нибудь для тех, кто остался от человеческой расы. Ведь к этой расе принадлежала и твоя семья.

Все еще вздрагивая, Райт отправился на свой пост.

Рядом с Доннаном остановился молодой парень и сплюнул на палубу.

— А что такое теперь человеческая раса? Сотни три мужчин?

Снова безумно взвыла сирена.

— Может, и нет, — ответил Доннан. — Мы еще не знаем. В космосе были и женщины. Займись своим делом, сынок.

Он пошел дальше, споря по пути, обманывая; раз или два пришлось применить силу. По внутренней связи Стратей сообщил ему, что остальные палубы находятся под контролем. За них можно не волноваться. Большая часть персонала расходилась по своим постам, словно... Доннан как-то видел, как скот брел по настилу скотопригонного двора... И сейчас лишь немногие сохраняли способность действовать сознательно. Доннан, конечно, мог бы удивиться тому, как люди приспосабливаются к ситуациям: например, Большой Юл, спасший трех человек во время шторма на Убале — или как там называлась эта варварская планета? — или отчаянно рыдающий сейчас добрый лингвист Мюрдок, искавший тогда хоть кого-то, кто мог заменить Юла у торпедной установки... Но Доннан столько удивительно-го повидал в жизни, что уже не поражался ничему.

Ощувив дрожь корпуса и услышав глухой рев — признак того, что торговый корабль США «Бенджамин Франклин» отправляется в путь, — Доннан нерешительно остановился. Его собственный пост согласно расписанию находился рядом с приборами, в отсеке номер четыре. Но...

Движение корабля едва ощущалось. Гравитационная установка поддерживала нормальную силу тяжести на борту в любом случае: когда корабль находился в свободном полете, или шел с десятикратным ускорением, или преодолевал стоячие волны Вселенной на световой скорости. Все, казалось, было нормально. Даже слишком. Доннан предпочел бы, чтоб команда проявила большее волнение. Внезапно решившись, он развернулся на каблуках и направился в ближайший жилой отсек.

Рамри — представитель народа монвенги с планеты Каткину — занимал каюту в офицерских помещениях; это было связано с тем, что ему требовалась особая пища, которую он сам себе и готовил. Доннан толкнул дверь. Открыто. Он вошел, закрыл и запер дверь за собой.

— Несчастный парень! — пробормотал он.

Существо, сидящее на тонкой алюминиевой перекладине, грациозно привстало. В его огромных, золотистых, всегда печальных глазах мелькнуло недоумение.

— Что случилось, Карл-друг-мой?

Его акцент, который невозможно было описать, придавал какое-то очарование английскому языку.

— Только по счастливой случайности этот тип не подумал, что именно ваш народ атаковал Землю, и не расстрелял тебя, — сказал Доннан.

Немного поостыв, он набил трубку, закурил и сквозь дым стал наблюдать за монвенги. Да, без сомнения, они симпатичнее, чем люди, — к ним нужно только присмотреться, понять их. Если коротко, то они напоминают фигурки из мультфильмов. Около пяти футов ростом, короткое птичье тело на двух крепких ногах. (Когтистые лапы могут нанести смертельный удар — Доннан сам видел. Монвенги, возможно, более цивилизованны, чем люди, но не терпят никаких насмешек.) Руки тоньше и слабее, чем у людей, заканчиваются тремя четырехсуставными пальцами, гнущимися в обе стороны, очень ловкими. Голова, венчающая тонкую шею, круглая и большая, с загнутым клювом. Голосовые связки способны воспроизводить целую симфонию звуков. В фигуре и повадках Рамри была грация сирены; греки наверняка запечатлели бы его в скульптуре. (Афины превратились в огненный факел...) И, наконец, яркие голубые перья, белый хохолок на макушке и хвост. Рамри не носил ничего, кроме сумочки на шее, поскольку не нуждался в одежде.

Существо с сочувствием посмотрело на Доннана.

— Я кое-что слышал, — начал Рамри. Его голос был похож на звуки скрипки. — Я так расстроен. — Он облокотился на переборку, совсем как человек. — Что я могу сказать? Я даже не могу понять этого.

Доннан шагал по каюте взад и вперед.

— Так ты не можешь объяснить, что случилось?

— Нет, конечно. Клянусь...

— Ладно, я верю тебе. Но в чем же причина?

Рамри повернул голову и недоумевающе уставился на Доннана:

— Причина? Я не понял, что ты имел в виду.

— Как были разрушены другие планеты?

— Но они не разрушены.

— Что? — Доннан остановился. — Ты хочешь сказать...

Нет. При всех этих военных и политических конфликтах в Галактике должно было произойти нечто подобное.

— Нет. Во всяком случае, я ни о чем таком не знаю. Разве что случайно. Кто может знать обо всем, что происходит? В нашем периоде истории ничего подобного не было. Неужели ты вообразил, Карл-друг-мой, что наше сообщество, сообщество монвенги, могло так рисковать планетой? Целым миром? — Рамри кричал. — Цивилизованными существами? Всеобщей судьбой?

Он откинулся назад на своей жердочке и сник; низкий рыдающий голос вырвался из его горла. Рамри покачался на перекладине, а звук усиливался и скоро заполнил всю каюту. Даже в чужой гамме звуков Доннан услышал такую скорбь, что по коже пробежали мурашки.

— Прекрати!

Но Рамри не слышал его. Может быть, эти звуки заменяли монвенги слезы? Доннан не знал. Чертовски много еще не знали люди.

И, может быть, никогда не узнают.

Доннан ударил кулаком по перегородке. Постепенно, несмотря на все барьеры, которые он сам себе ставил, к нему приходило понимание того, что произошло. Может быть, он держался до сих пор лишь благодаря тому, что побывал во многих переделках и закалился, видел насилие и смерть — от Нью-Мексико до Новой Гвиней, от Марокко до Луны, и еще дальше бы — но сейчас его дух ослаб и легче всего казалось застрелиться.

Однако в глубине души он понимал, что потерял гораздо меньше, чем Голдспринг или Райт. Его не ждали ни жена в домике, который они вдвоем когда-то украшали, ни вихрастые малыши, требующие рассказать сказку, ни даже собака. Конечно, у него были подружки повсюду. И Алисон. Но она дала ему отставку и ушла к Рено. И, оглянувшись назад, Доннан понял, что его боль была в какой-то мере надуманной, что, возвращаясь после трехлетнего скитания среди чужих солнц, он мечтал встретить ту, настоящую, и начать все сначала. Мало-помалу он начал понимать, что этого не будет никогда, и сломался так же, как весь экипаж корабля.

Внезапно он осознал, что жалеет самого себя. А это последнее занятие для мужчины, говорил ему отец. Однако ничего кроме этого разорившийся хозяин ранчо не оставил сыну. (Нет, осталось много больше: лошади и пронзительный солнечный свет, полынь и голубые просторы, и ковбой из Навахо, учивший его подкрадываться к антилопе, — но все это было уже нереальным, существующим лишь в пустых мечтах.) Чубук трубки хрустнул в зубах Доннана. Он аккуратно выбил трубку и заговорил:

— Кто-то сделал это. И даже не очень давно. Допустим, расплавлена только поверхность и океаны не выкипели до дна, — следовательно, потребуется немало месяцев, чтобы планета остыла... Приборы регистрируют сильное излучение. Ну? Так что же затевалось в этом уголке Галактики, пока мы отсутствовали? Подумай, Рамри. Ты должен быть более сведущ в межпланетной политике, чем кто-либо из людей. Могла ли война между Кандемиром и Ворлаком зайти так далеко?

Монвенги внезапно оборвал свое заунывное пение.

— Не знаю, — произнес он голосом обиженного ребенка. (Боже всемогущий, дети ведь так ничего не поняли. Конеч наступил слишком быстро, и они не успели понять, что происходит.) — Я не верю. Но в любом случае — могли кандемирцы быть такими варварами? И почему? Чего бы они добились? Покоряя планету, ее можно обстрелять, но не... — Рамри прыгнул на пол. — Мы, монвенги, не знаем! — Он помолчал и продолжил: — Двадцать лет тому назад мы открыли для себя Землю и начали с вами торговать, а вы — учиться у нас. И... и мы никогда не думали, что может произойти такое!

— Конечно, — мягко произнес Доннан.

Он подошел к Рамри и взял его за руки. Тот положил хохлатую голову ему на грудь, тело его вздрагивало. Доннан почувствовал, что всепоглощающий ужас покинул его. Кто-то на борту этой колымаги должен отвлечься от мыслей о конце света, думал он, хотя бы на минуту. Кажется, я могу. Попробую по крайней мере.

— Слушай, Рамри! — пробормотал он. — Вероятность такого исхода существовала с момента, как люди впервые взорвали атомную бомбу, а это было... когда? Сорок пять, пятьдесят лет назад? Примерно так. Задолго до моего рождения. В конце концов, это произошло. Но благодаря вам у нас к этому времени уже были космические корабли. Немного. И они есть. Они скитаются по Галактике — русские, китайские... Говорят, на каком-то из них смешанный экипаж, там есть женщины. Европейцы заканчивали постройку двух кораблей, когда стартовал «Франклин». Шел разговор о создании чисто женской команды на одном из них. Черт возьми, приятель, если бы не объявились ваши представители, мы бы, наверное, все погибли в одной из междоусобных земных войн. Может, это вы дали нам шанс. В любом случае монвенги не одиноки в космосе. Если бы не вы, кто-нибудь с Кандемира, или Ворлака, или какой-то другой планеты наведалься бы в Солнечную систему в ближайшие годы. Галактическая цивилизация добралась до нас, вот и все. А теперь встряхнись, вытри слезы, пошмыгай носом,

пошевели пальцами — или что вы там делаете в подобных случаях? У нас много работы.

Доннан почувствовал, как в его тело проникает тепло — температура тела монвенги выше, чем у людей, — словно он черпал силу у этого маленького существа. Рамри принадлежал к живородящим и дышал кислородом, но строение белков его тела было иным: они состояли из правоспиральных молекул, тогда как белки человеческого тела — левоспиральные. Рамри мог жить в земных условиях, но только после дюжины различных противоаллергических прививок. Он родился на технологически более развитой планете, и концепции его цивилизации не подходили человеческому обществу. И все же, думал Доннан, кое в чем мы не так уж сильно отличаемся. Или нет?..

Доннан взял себя в руки и какое-то время размышлял, трезво взвешивая перспективы. Внезапно взорвалась воем сирена, и голос Стратея заполнил корабль:

— Оружейные расчеты! Приготовиться к бою! Приближаются три неопознанных объекта. Возможно, это ядерные ракеты. Приготовиться к маневрам и бою!

Глава 2

Назначение будущего — угрожать.

Уайтхед

Не успело объявление прозвучать повторно, как Рамри выскочил за дверь. Хотя специалисты на борту «Франклина» были достаточно компетентными, среди них не было ни одного, кто прожил бы на корабле целых полтора столетия, как Рамри и его предки. Поэтому в случае опасности Рамри брал на себя контроль за управлением кораблем.

Доннан посмотрел ему вслед, борясь с искушением пойти за ним, и остановился. Просто гражданский инженер-механик не имел права находиться на капитанском мостике. Но то, что Доннан наблюдал позднее, заставило его усомниться, имел ли кто-нибудь еще это право. Пожав плечами, Доннан все-таки отправился вслед за монвенги.

Войдя в рубку, Доннан встал в сторонке, чтобы не обращать на себя внимания. Рамри занял место главного пилота, перестроенное по его росту. Капитан Стратей и помощник Голдспринг, очевидно, уже опомнившись от первоначального шока, сидели сбоку. Боуман стоял посередине, готовый подойти в случае надобности. Хорошая команда, подумал Доннан. Угроза для

жизни в данный момент оказалась лучшим лекарством, и неважно, откуда она исходила.

Доннан посмотрел на иллюминаторы. Земля постепенно удалялась, ужасный пейзаж уже не был виден, и мягкий зеленовато-голубой цвет, который он помнил три года назад, сменился грязно-серым. Солнечный свет отражался от штормовых облаков. Луна висела рядом, как жемчужина, неизменная и неизменяемая. Ее сияние смягчал экран, однако солнечные лучи проникали в рубку. А впереди и вокруг лежала Вселенная, черная, необъятная, усыпанная миллионами холодных звезд. Как мало изменилось окружающее пространство, подумал Доннан и содрогнулся.

Но где же ракеты? Склонившись над приборами, Голдспринг нащупывал радаром их атомное излучение и паравитационную пульсацию двигателей. Ракеты шли на большой скорости. Неуклюжий «Франклин» не мог уйти от ракеты, единственным грузом которой была ядерная боеголовка.

— Есть!.. Три. Я их поймал, — бесстрастно произнес Голдспринг. — Когда мы сможем перейти на сверхсветовую?

— Нескоро, — ответил Рамри. — Ближайшая интерференционная полоса должна быть в нескольких астрономических единицах от нас. — Ему не требовались длительные вычисления и сложные формулы; взгляд на Солнце, поправка на флуктуационные периоды — и результат готов. — Я полагаю, мы...

— Не полагай, — прервал Стратей. — Командуй!

— Ладно.

Монвengi пропел несколько чисел. Трехпалые руки заплясали над пультом управления. Несколько специализированных компьютеров выдали запрошенные данные. Рамри построил вектор курса корабля и в нужный момент запустил торпеды на идеально вычисленной скорости.

Доннан ничего не почувствовал; лишь слегка вздрогнули звезды на экране, да со стороны кормы блеснула и тут же погасла яркая вспышка.

— Боже правый! Мы достали ее! — воскликнул Голдспринг.

Но мы не могли попасть, подумал Доннан. Космические ракеты должны уметь уворачиваться от ударов...

Корабль гудел.

— Я думаю, шансы поразить две остальные ракеты увеличатся, если мы дадим им подойти поближе, — сказал Рамри. — Их курс отличается от нашего на пять градусов; относительное ускорение невелико.

— Как они засекли нас? — спросил Боуман.

— Так же, как и мы их, — ответил Голдспринг. — С помощью приборов. Ведь они настроены на любую цель, на любой корабль, попавший в поле обзора.

— Да-да, конечно. Просто я удивился... Я выходил из рубки ненадолго... А молчание в эфире было нарушено? Или... — В холодном свете панелей был виден пот на лбу Боумана. Старший помощник вытер лицо.

— Конечно, нет! — отрезал Стратей.

И тут Доннана осенило. Он откашлялся и шагнул вперед. Помощник открыл было рот, но промолчал.

— Что вы здесь делаете? — рявкнул Стратей. — Я закую вас в кандалы!

— У меня есть идея, сэр, — ответил Доннан. — Раз уж нас обнаружили, мы можем узнать кое-что, не подвергая себя большому риску.

Лицо капитана исказилось. Стратей побледнел от ярости. Потом в нем словно что-то сломалось; он тяжело обвис в кресле и пробормотал:

— Что там еще?

— Пошлите радиосигнал — и посмотрим, ответят ли они.

— Но это же не корабли с командой на борту, — возразил Голдспринг. — Наши приемники включены. Корабли вызвали бы нас.

— Конечно, конечно. Я только хотел узнать, нацелены ли эти изверги на радиоизлучение — так же, как на массу или излучение двигателей.

Голдспринг сердито посмотрел на Доннана. Помощник капитана был высоким человеком, совсем молодым, с выразительным лицом, предполагавшим наличие чувства юмора. Сейчас его глаза были обведены темными кругами. У него тоже на Земле осталась семья...

Внезапно Голдспринг решительно взялся за верньеры передатчика. Блики на экране радара, стрелки индикаторов и трехмерное изображение на экране вздрагивали некоторое время, затем замерли. Подойдя поближе, Доннан кивнул:

— Да, думаю, так будет хорошо.

Получив дополнительный стимул в виде радиосигнала, слепые идиотские мозги, управлявшие ракетами, отреагировали. Ракеты имели мощные двигатели, и изменение курса сразу сказалось на их скорости. Но вскоре компьютеры ракет вычислили, что радиостанция идентичен преследуемому объекту, и возобновили погоню.

— Да, — печально произнес Рамри, — они запрограммированы на разрушение как кораблей, так и передатчиков.

Короче, всех и вся по соседству, кто не подает им определенно-го сигнала... Приготовиться! Стрелять по отсчету... Девять, восемь, семь... — Он быстро определил координаты и задал ускорение. Где-то в глубине корабля торпедные специалисты готовили свои орудия; задача была слишком сложной, чтобы решать ее только в рубке. — Пять, четыре, три, два, один, ноль!..

Торпеды вырвались в космос. Рамри немедленно вернулся к рычагам управления. Даже легкое парагравитационное судно не может маневрировать, как аэроплан, но Рамри добился невозможного, изменив курс корабля на девяносто градусов. Доннану даже послышался жалобный скрип штурманского кресла. Пламя вспыхнуло меньше чем в сотне милях от корабля. От чудовищной перегрузки экраны мгновенно погасли. Когда экраны ожили вновь, третья ракета проходила совсем близко.

Люди успели рассмотреть хищные очертания. Стратей даже вовремя нажал кнопку запуска кинокамеры. Когда ракета исчезла из виду, Доннан перевел дух. Ему не верилось, что все обошлось.

В том месте, где торпеды накрыли вторую ракету, таяло газовое облако. Раскаленные добела обломки мгновенно поглотила окружающая тьма. Голдспринг кивком указал на приборы:

— Третий номер вернется, как только погасит набранную скорость.

— Удивительно, что она не подошла еще ближе, — заметил Доннан.

Запомните это, подумал он, запомните эту загадку баллистики. Если эта штука попадает в цель, думать о последствиях не приходится. Вы их не почувствуете.

— Я тоже удивлен, — заявил Рамри. — Мне не удалось быть полезным в данном случае. Этот корабль не приспособлен для боя. Но и тот, кто программировал ракеты, работал не лучшим образом.

— Зато отлично поработали на Земле, — отрезал Боуман.

— Заткнись! — Голос Стратея был совершенно спокойным.

— Приготовиться! — снова зазвучала трель приказов Рамри.

Последний удар, атомный взрыв в пространстве... так близко, что Доннан ощутил, как под ногами вздрогнул пол. Дрожь пронизала его до мозга. Лязг и грохот постепенно затихли.

— Вот так так! — Он потрянул головой.

— Сколько рентген мы схватили? — спросил Стратей.

— Разве это важно? — хихикнул Боуман. — Все мы теперь холостые.

Голдспринг вздрогнул. Потом прикрыл глаза и сжал руками подлокотники так, что побелели суставы. Экраны наблюдения увенчали его голову звездами.

— Успокойтесь. — Ноздри Стратея раздулись. — Успокойтесь, или я перебью вас всех.

— П-простите! — Боуман стал заикаться. — Я т-только...

— Успокойтесь, я сказал!

Голдспринг осел в кресле, как куль с мукой.

— Забудьте, — пробормотал он. — Неважно, сколько там было. Защитные экраны могут блокировать гораздо больший поток. — И он принялся восстанавливать работу детекторов.

Рамри протянул руку.

— Будьте так любезны, покажите мне снимки, — попросил он.

Похоже, Стратей его не расслышал. Доннан принес автоматически отснятые фотографии. Один из кадров был особенно хорош: просматривались даже детали антенны ракеты.

Рамри долго рассматривал снимки. Напряженность нарастала.

— Ты знаешь, кто ее послал? — не выдержал Доннан.

— Да, — вздрогнул Рамри. — Я думаю, да. — Он пробормотал что-то на своем языке. — Даже от них, — добавил он, — я не ожидал такого.

— Кандемир?

— Да. «Искатель» четвертой модели — Империи Кандемира. Я исследовал такие образцы, захваченные службой контрразведки монвенги. Это стандартные ракеты для уничтожения кораблей.

— Кандемир, — прошептал Стратей. — Черт побери!..

— Подождите, капитан, — сказал Доннан. — Не торопитесь с выводами.

— Но...

— Послушайте, сэр, из того, что я слышал и читал об этих ракетах, следует, что они должны были разнести нас в клочья. Они могли увернуться от всех наших снарядов, а затем нанести ответный удар. Мы не на военном корабле; наше вооружение — только для показухи, установлено по требованию Пентагона на всех кораблях, направляющихся в неизвестные части Галактики. Рамри, ведь ты тоже удивляешься нашему чудесному избавлению, не так ли?

— Что ты имеешь в виду, Карл-друг-мой?

Золотистые глаза с тревогой уставились на Доннана.

Инженер пожал плечами:

— Черт меня возьми, если я знаю. Но кандемирцы могли бы и лучше настроить ракеты. И еще: я хочу сказать вам, парни, —

незачем немедленно мчаться к Кандемиру и пикировать на их столицу, как камикадзе.

— У них нет столицы. — Боуман снова хихикнул.

Голдспринг оглянулся.

— Я только что обнаружил: приближаются еще несколько объектов, — сообщил он. — Пока они слишком далеко, и я не могу идентифицировать их. Но что здесь может быть, кроме ракет?

Доннан кивнул:

— Вся Солнечная система, должно быть, кишмя кишит ими.

— Мы не можем здесь задерживаться, — сказал Рамри. — Только счастливое совпадение начальных векторов позволило нам избежать нападения первых трех, к тому же плохо наведенных. Если они атакуют еще раз или два — нам конец. — Он углубился в показания приборов. — Мы должны добраться до ближайшей интерференционной полосы раньше, чем эта стая. Перейдя на сверхсветовую, мы спасемся.

Спасемся от них, но не от самих себя, подумал Доннан.

— Тогда давайте двигать, — распорядился Стратей.

Рамри занялся вычислениями и взял на себя пилотирование.

Люди слегка расслабились, прикуривали, разминали руки и ноги, пытаясь снять напряжение. Все выглядели ужасно измотанными. «Неужели я тоже похож на покойника?» — подумал Доннан. Однако все еще сохраняли способность разумно беседовать.

— А что разузнал Кунц об искусственных спутниках Земли? — спросил Доннан. — Об обсерваториях на Луне и тому подобном?

— Исчезли, — ответил Стратей и, помолчав, добавил: — Равно как и лунные базы. На месте каждой из них свежий кратер.

— Ну что ж, думаю, этого следовало ожидать, — вздохнул Доннан.

Мак Ги, представитель США на базе в кратере Тихо, был его хорошим другом. Он вспомнил вечер, когда, как следует выпив, они сочинили балладу о суперинтенданте Болле, непристойные стишки из которой распевал потом весь космический флот. А теперь Мак Ги и Болл мертвы, а Доннан приписан к «Летучему Голландцу». Увы!..

— Кунц и я пытались обнаружить какие-нибудь следы жизни, — сказал Голдспринг. — Ни одного человека, ни одного корабля или базы, даже вражеских... никакой надежды... — Голос его пресекся.

— Полная неудача? Не ожидал... — произнес Доннан. — Хотя тем, кто погубил Землю, нет смысла болтаться вокруг. Они оставили ракеты, чтобы уничтожить всякого, кто сунет сюда нос. Возможно, потом они вернуться и завершат то, что задумали.

Рамри повернулся и резко сказал:

— Они не хотели быть узанными. Надо сказать, что никто не совершал подобного зверства до сих пор. Вся Галактика поднимется, чтобы сокрушить Кандемир.

— Если Кандемир виновен... — заметил Доннан и опустил голову. — Однако, как бы там ни было, вся Галактика не сделает этого. Вся Галактика никогда не узнает об этом. Несколько десятков ближайших планет, возможно, будут шокированы — но я не думаю, что они предпримут что-то. Какое им дело до Земли?

— А такое, — сказал Рамри, — что они захотят обезопасить самих себя.

— Как вы думаете, как это произошло? — тихо спросил Боуман.

— Несколько мультимегатонных разрывных бомб, взорванных одновременно, — и достаточно... — Такого мрачного голоса Доннан не слышал ни разу в жизни. — Для операции потребовалось всего несколько бомб — но каждая размером с небольшой астероид; и они постарались проделать все как можно тише. Энергия бомб сначала проявилась как взрывная волна в земной коре и мантии, затем перешла в тепловую энергию. Там должна была сохраниться радиация... Нет, простите, я не могу больше говорить об этом. — Он отвернулся к пульту управления, и вновь зазвучала тихая трагическая мелодия.

Через некоторое время капитан Стратей сказал:

— Мы должны добраться до одной из обитаемых планет в ближайшей системе — ну, хотя бы до тау Кита-2. Остальные уцелевшие корабли смогут найти нас там.

— Но как они узнают, где искать? — спросил Доннан. — В этой области тысяча возможных вариантов. И, кроме того, кто их знает, вдруг они отправятся в противоположный конец Галактики?

— Верно. Я думал, мы можем выбрать направление на определенную звезду и оставить на земной орбите радиомаяк, передающий наши координаты. Но этот вариант теперь невозможен. Если бы даже мы могли задержаться, чтобы соорудить такой спутник, — ракеты уничтожили бы его.

— Эти ракеты также угрожают любому вернувшемуся кораблю, — заметил Голдспринг. — Нам просто повезло. Другие могут оказаться не так удачливы. Мы должны не только

указать, где нас искать, — мы должны прежде всего предостеречь их от возвращения в Солнечную систему.

— Есть ли они?! — выкрикнул Боуман. — Может, уже все вернулись и были уничтожены? Может, мы последние люди, оставшиеся в живых! — Он стиснул челюсти. Его пальцы судорожно подергивались.

— Может быть, — сказал Доннан. — Однако не забывайте, что несколько экспедиций только планировались, когда мы стартовали. Мы и русские первыми построили большие корабли, но Китай и Британское содружество заканчивали постройку, а европейцы собирались закончить в следующем году. Конечно, мы не знаем их маршрутов. Русские и китайцы не открывали своих планов, англичане и европейцы еще не определились; кроме того, некоторые страны, такие, как Индия, могли продвинуться в этом направлении и тоже выйти в космос. Возможно, некоторые из них ограничились короткими экспедициями, вернулись на Землю и погибли. Но я сомневаюсь. Люди уже повидали ближний космос — в качестве пассажиров на чужих межзвездных кораблях. Было бы глупо повторять такие путешествия. Лучше отправиться на поиски неизведанного.

Как мы, подумал Доннан, опрометчиво отправились к Саггитариусу и звездным туманностям в центре Галактики. Без сомнения, мы были не первыми. Среди миллионов путешествующих в космосе народов мы не могли быть первыми к сердцу Галактики. Пройти такое расстояние лишь затем, чтобы полюбоваться красивым зрелищем и собрать достаточно сведений, дабы осчастливить ученых на сто лет вперед? Но никто из наших соседей по космосу не совершал таких путешествий, хотя космические корабли у них появились раньше. Они не так устроены. Они стали путешествовать в космосе, когда пришло их время; они торговали, исследовали, искали приключений — и лишь по прошествии времени решились на такие штучки, как мы. Но человек должен был сначала взглянуть на Бога. И, конечно, потерпел неудачу. Люди всегда были слегка чокнутыми. Галактика много потеряла теперь, когда человечество исчезло... Но люди не исчезли. Я верю, они не исчезли.

— Предположим, другие земные корабли еще болтаются где-то, — сказал Голдспринг с невеселой усмешкой. — Предположим даже, что они вернулись и так же, как мы, избежали гибели. Имеем ли мы представление, куда они направились?

— К соседним обитаемым планетам, — ответил Стратей. — Это имело бы смысл.

— Пф-ф. — Доннан покачал головой. — А как мы убедимся, что там нет врагов или что они не появятся, преследуя таких же беглецов, как мы?

После этих слов все растерянно переглянулись. А Доннан продолжал:

— Но на ближайших планетах уже бывали наши экспедиции... и мы знаем, что ближайшие планеты — имеющие сходные с земными условия — представляют собой довольно убогие миры. В лучшем случае мы окажемся в непроходимых джунглях, в компании неандертальцев. Мы не приспособлены к таким условиям. Три сотни мужчин будут так поглощены проблемами выживания, что им некогда станет думать.

— Что же вы предлагаете? — Никого не удивил вопрос капитана.

— Ну что ж, я бы предложил отправиться дальше, к более цивилизованным мирам. К планетам с благоприятными условиями. Зачем становиться второсортными Робинзонами, если мы первосортные специалисты... и сможем получить хорошую работу и выиграть от этого? Кроме того, там у нас будет больше возможностей услышать новости о земных кораблях.

— Да-а. Верно. Но я думаю, все же следует остановиться на тау Кита, возможно, у одного или двух соседних солнц, и оставить там радиомаяки. Я допускаю, что громадное количество подобных звезд сводит на нет вероятность того, что другие спасшиеся корабли наткнутся на наше послание, но мы потратим немного сил и времени на эту попытку. А потом... Да, я согласен. Можно отправиться в любую область высокоразвитой космической цивилизации.

— Которую из них мы выберем? — спросил Голдспринг. — Я предполагаю, что во всей Галактике около миллиона таких цивилизаций.

— Нашу, конечно. — Рамри обернулся. — Цивилизацию монвенги и их колонии: Ворлак, Яанн, Ксо...

— А Кандемир с его империей? — спросил Стратей.

— Только не Кандемир, — возразил Рамри. — Вы должны лететь к народам монвенги. Куда же еще? Вас благожелательно примут в любом из наших сообществ. На моей родной Тантаи, или Каткину, или...

— Нет, — прервал его Боуман.

— Что? — Рамри сверкнул глазами. Его зоб раздулся.

— Нет, — повторил Боуман. — Ни монвенги, ни их колонии. Нет — пока мы не удостоверимся, что не монвенги погубили Землю!

Глава 3

Самое ужасное в человеческой натуре то, что она может приспособляться к чему угодно.

Сандерс

Тау Кита-2 была планетой, не подходящей для прогулок; кроме редких колючих кустов, цепляющихся за барханы цвета ржавчины под ослепительным красноватым солнцем, глазу не на чем было остановиться. Воздух, горячий и сухой, так насыщала двуокись углерода, что постоянно чувствовалась духота. И это в субантарктической зоне, где десять лет назад исследователи из Австралии, добравшиеся сюда на арендованном у ворлакцев корабле, основали лагерь Джефферса! Остальная часть планеты была еще хуже.

Несмотря на это, после двух суток, проведенных в лагере, Доннан решил сбежать на прогулку, чтобы не сойти с ума. Вместе с Арнольдом Голдспрингом они набили ранцы провизией и отправились в путь. Спрашивать разрешения у капитана было бесполезно. Стратей опустил еще ниже, так же, как и почти вся команда, превращавшаяся в толпу оборванцев...

— Не имело никакого смысла садиться на первую попавшуюся планету, — ворчал Доннан. — Они болтали, что после корабельной тюрьмы необходимо отдохнуть. Черт возьми, в палаточном лагере они заперты куда крепче, а об условиях лучше не вспоминать. Ведь мы хотели соорудить орбитальный спутник и оставить на нем радиомаяк... как только решим, куда нам отсюда двигаться.

— Я не раз говорил то же самое комитету, — отвечал капитан, избегая взгляда Доннана. — Но они настаивают. Я не могу провоцировать бунт.

— Но вы же еще хозяин, верно?

— Я только капитан, мистер Доннан. Персонал на три четверти состоит из гражданских лиц.

— И что теперь делать?

— Все! Хватит! — прорычал Стратей. — Убирайся отсюда!

Доннан убрался. Но прихватил с собой пистолет в плечевой кобуре. Бесконечные истерические дебаты не привели к решению по поводу радиопослания. Стоит ли «Франклину» искать какой-то примитивный мир, безопасное укрытие... безопасное настолько, что никто из оставшихся в живых людей не сможет

обнаружить его? Или лететь к планетам с развитой цивилизацией? Если так, то к какой именно — ведь на каждой из них могли оказаться враги... (Рамри теперь ходил повсюду в сопровождении двух охранников. Они уже охладили пыл нескольких горячих голов, убежденных, что поганая птица не имеет права жить. Но эти солдаты были и его тюремщиками; каждый понимал это, хотя никто не говорил вслух.) Или, может быть, «Франклин» должен преодолеть тысячи световых лет в поисках совершенно новой космической цивилизации? Такой полет было бы нетрудно осуществить, но громадное количество подобных областей и нерегулярность сообщений между ними сделали бы бесконечно малой вероятность того, что находящиеся в космосе люди наткнутся когда-нибудь на послание американцев.

Как только снова поднялись шум и гам, Доннан послал все к дьяволу и покинул лагерь.

Голдспринг всегда был веселым компаньоном. Он оставался таким и в последние три года, в неизученных мирах (включая и ту не отмеченную на карте прекрасную и похожую на Землю планету, какой они и представляли себе будущую колонию). Но так было до возвращения домой. Сейчас им овладело уныние. Все свободное время, а его было немало, Голдспринг проводил за книгами и записями, занимаясь сложными расчетами. Работа была для него спасением. Доннан знал, что семья Голдспрингов всегда была очень дружной. Но когда руки Голдспринга начали дрожать так, что он разливал в столовой половину еды, Доннан решил, что это указывает на нечто другое. И убедил Голдспринга пойти прогуляться по окрестностям.

Однажды ночью, глядя на две быстро несущиеся по небосклону луны, Голдспринг разговорился. Все, что он сказал, относилось к прошлому и не имело ничего общего с сегодняшними проблемами. Доннан не скрывал своего сочувствия. Голдспрингу стало легче, и они отправились обратно в лагерь.

Хорошо, когда есть с кем поговорить...

— А что ты скажешь о своем проекте, Арни? — спросил невзначай Доннан. — Все эти вычисления — для чего они?

— Теоретические выкладки...

Как и большинство членов персонала корабля, Голдспринг был в большей степени ученым, чем астронавтом. Его специальностью была физика поля, а пост помощника капитана оказался скорее случайностью.

Голдспринг сдвинул шапку на затылок и вытер лоб. Низкое солнце немилосердно жгло путешественников — две былинки в бескрайней пустыне. Башмаки нещадно пылили. Воздух дрожал над безжизненными просторами.

— Ну? — Доннан поправил ранец. — Сможешь ты рассказать о нем так, чтобы тебя понял неспециалист?

— Я не знаю, насколько ты знаком с концепцией движения при сверхсветовых скоростях. Математическое отображение пространства имеет структурный эквивалент — стоячие волны в n -мерном континууме.

— Ну, я читал популярную литературу. Посмотрим, что я помню. Когда волны интерферируют, мы можем перескочить с одной волны на другую. А в межзвездном пространстве, где нет гравитационного искажения, интерференционные полосы находятся так близко друг к другу, что, вместо того чтобы двигаться по прямой как луч света, мы можем проскочить большинство волн. Суть в том, чтобы использовать эффект разбега галактик. Галактики удаляются друг от друга, поскольку между ними генерируется пространство. Корабль на сверхсветовой скорости добирается до любой из звезд, используя те зоны, где пространство сжато. Я правильно изложил основную мысль?

Голдспринг поморщился:

— Неважно. Зря я спрашивал.

Некоторое время оба молчали, было слышно только, как скрипит под башмаками песок. Голдспринг пожал плечами:

— Представь себе, что у меня появилась возможность инвертировать этот эффект. Вместо того чтобы посылать материальное тело через интерференционные полосы, оставим объект в состоянии покоя и заставим его генерировать эти полосы. Конечно, не в космическом масштабе. У нас нет такого источника энергии, который действовал бы в радиусе большем, чем несколько сотен километров. Однако результат будет заметен. Развивая эту идею, я не обнаружил никаких слабых мест в своих рассуждениях. Я очень хотел бы проверить идею на практике, и как можно скорее.

— Не спеши, — сказал Доннан. — Посмотри статьи в научных журналах. Уверен, что за тысячи лет существования космических путешествий кто-нибудь додумался до этого.

— Не сомневаюсь, — ответил Голдспринг. — Но не наши ученые. Причем я имею в виду не только ближайшую из цивилизаций, но и любую другую на расстоянии десятков тысяч световых лет. Я изучил массу инопланетных материалов как в переводе, так и на языках танта иуру, в общем — в оригинале. В Массачусетском технологическом институте хранилась громадная подборка такого рода книг и журналов. Но нигде я не встречал даже упоминания о подобном явлении. Кроме того, — добавил он, — открытие его было бы настолько революционно, что, будь известен этот эффект (полагаю, он действительно

существует), мы сумели бы создать множество различных устройств для выполнения разнообразных задач.

— Ха! Подожди-ка, — возразил Доннан. — Это не имеет смысла. Монвенги явились на Землю только двадцать лет назад. Три года назад были построены первые земные межзвездные корабли. О существовании монвенги стало известно примерно полторы сотни лет назад. А корабли, давшие толчок развитию новой цивилизации, прибыли с планеты, жители которой исследовали космос Бог знает сколько столетий. Ты хочешь убедить меня, что такие новички, как мы, могут показать Галактике что-то такое, чего тантаи не знали еще в те времена, когда наши предки охотились на мамонтов?

— Верно, — подтвердил Голдспринг. — Но не путай науку и технологию. Большинство разумных существ, которые известны людям на данный момент, мыслят не по-человечески. Иначе и быть не может. Различается все: биология, социальное устройство общества, культура и история. Вспомни, что произошло на Земле, когда сталкивались два строя. Более отсталое общество пыталось модернизироваться, но так и не стало копией другого. Сравни различные ветви христианства, появившиеся, когда эта религия распространялась по Европе; подумай о принципиально новых шагах в науке и технике, сделанных японцами, когда они пришли к индустриализации. И это коснулось всего человечества. Тенденция к параллельному развитию еще слабее между различными расами. Ты ведь не думаешь, что мы могли бы... могли бы принять концепцию цивилизации монвенги как основу общественного строя для создания принципиально новой цивилизации?

— Хорошо, Арни, хорошо. Но еще...

— Нет, дай мне закончить. На Земле мы довольно медлительны в освоении технологий галактической цивилизации. Это вполне понятно. Мы должны искать пути привлечения инопланетных купцов, развивать производство необходимых им товаров, чтобы в обмен на них купить книги и приборы, обучить способных молодых специалистов для земных нужд. И существование на Земле различных национальных культур также тормозило развитие. И громадная работа по перевооружению производства требовала времени. Вот тебе пример. Представь, что путешественник во времени попал из наших дней, скажем, в год эдак 1930-й... и рассказал бы специалистам из «Дженерал электрик» того времени о транзисторах. Тем ребятам потребовались бы годы, чтобы соорудить вспомогательное оборудование, развить необходимые навыки и усвоить информацию. Они должны были бы шагнуть на двадцать пять лет вперед в разви-

тии смежных областей. И у них не было бы спроса на транзисторы. Ни в одном приборе из существовавших в 1930 году не применялись такие миниатюрные детали. Основной потребитель — рынок — развивался бы еще медленнее.

— Хватит, я знаю все это. Говорят, я инженер.

— Но у меня другой случай, — продолжал Голдспринг. — В этом деле не будет трудностей, сопряженных с транзисторами. Любой грамотный физик научится применять этот феномен за несколько месяцев. Все, что ему потребуется, — это текст и кое-какие приборы. Более того, когда пришли монвенги, земная наука шагнула на тысячу лет вперед буквально за один день. Земная технология отстала. Но ненамного. Рамри часто говорил, что поражен темпами модернизации.

— Ладно-ладно, сдаюсь, — сказал Доннан. — Я допускаю, что ты внес свежую струю в теорию интерференционных полос и действительно наткнулся на что-то такое, о чем никто из наших соседей никогда не задумывался. Но ты не убедишь меня в том, что во всей Вселенной, на протяжении всей ее истории, ты — первый.

— О нет, конечно. Мое открытие (если, я повторяю, это действительно открытие, а не тупик), должно быть, повторилось сотни раз. Только в районе ближайших галактик подобное неизвестно. И в нашу Галактику сведения не дошли. Это также не удивительно. Кто в состоянии поддерживать интеллектуальный обмен с несколькими миллионами цивилизованных планет? Держу пари, существуют миллиарды профессиональных журналов — или их эквивалентов, — публикуемых ежедневно.

— Да. — Доннан горько улыбнулся. — Знаешь, когда я был подростком, еще до прихода монвенги, я увлекался научной фантастикой. Я прочел сотни историй, где рассказывалось о звездных путешествиях в то время, когда земляне еще не покидали пределов Солнечной системы. Но я не могу вспомнить ни одной, в которой было бы угадано то, что случилось на самом деле. Пришельцы в романах являлись или как ангелы-хранители, или как хищные предприниматели, или просто держались в стороне. В некоторых случаях они общались с землянами открыто, как сделали монвенги и остальные. Но, насколько я помню, во всех историях посещение инопланетян было прелюдией к приглашению Земли в Галактическую Федерацию. Но черт возьми! Почему обязательно должна быть федерация? Почему кто-то должен заботиться о нас? Неужели эти писатели не понимали, как велика Вселенная?

— Конечно, велика! Диаметр только нашей Галактики — около сотни тысяч световых лет. В нее входит около сотни миллиардов звезд, почти половина из них имеет хотя бы одну обитаемую планету. И большая часть этих планет несет на себе разумную жизнь. Солнце находится примерно в тридцати тысячах световых лет от центра Галактики. Здесь звезды расположены реже; это окраинная область, до которой не скоро доберутся многие из быстро распространяющихся цивилизаций межзвездных путешественников. И нет такой цивилизации, которая распространялась бы слишком быстро. Звезд много. В каком-то месте, в какой-то момент кто-то построил первый сверхсветовой космический корабль. Или, может быть, такие корабли были созданы независимо друг от друга в нескольких точках. Никто не знает. И, возможно, никто и не узнает: потребовалось бы изучить слишком много архивов на многих языках. Но в любом случае — исследователи шагнули вперед.

Они посещали другие миры, торговали, изучали, составляли карты. Большинство обнаруженных народов были слишком примитивны, а если и цивилизованны — то не представляли интереса для самих первопроходцев. И лишь в отдельных случаях имели место соответствующая степень индустриализации и соответствующее отношение к внешнему миру. Туземцы учились у первых путешественников. А почему бы и нет? Исследователи ничего не скрывали от незнакомцев, которые хорошо платили за знания. Во Вселенной много места. Кроме того, каждая определенная планета вполне самодостаточна как экономически, так и политически.

Из этих пробуждающихся миров вышло второе поколение исследователей. Они пошли дальше; планеты, интересующие их, находились далеко, очень далеко; они затерялись среди чужих солнц, чьи миры были бесполезны, или жестоки, или слишком отличались от их собственных. Но даже в диких новых мирах они находили последователей. Знания распространялись в течение тысячелетий — но не так, как волны света от единственного источника... Скорее, как семена одуванчика, несомые ветром наугад; каждое семечко, пустившее корни, порождало новый виток цивилизации. Каждая новая цивилизованная планета (в то время под цивилизацией подразумевалась способность к межзвездным путешествиям) передавала опыт своим соседям. Случайно происходил контакт с новой астро-политико-экономической группой. Но контакт спорадический. Не было экономической причины углублять связи, а в культурном отношении такие группы слишком отличались друг от друга. И однажды такая отчаянная армада — коммерсанты в поисках прибыли,

исследователи в поисках новых знаний, эмигранты в поисках нового дома или кто-то еще по причинам, непонятным для нас, — преодолела громадные расстояния и положила начало еще одной цивилизации.

Внутри таких групп царило согласие. Развивалась торговля — почему бы одной планете не снабжать другую предметами роскоши, необходимыми материалами, оборудованием или научными данными? Существовал и туризм. В какой-то степени имел место взаимообмен в области культуры, религии. Иногда случались и войны. Но дальше, за пределами такой группы, не было ничего. Даже мысленно нельзя было представить связь со всеми планетами Вселенной. Их слишком много. Народы, входившие в космическое пространство, должны были защищать свои собственные интересы. Дальние вылазки были редки. Крупные гнезда цивилизации никогда не враждовали. Для этого не было повода. Конфликты возникали между близкими соседями, но иногда — между странниками, которые встречались раз в год, в десятилетие или столетие.

Хаотически, бессистемно цивилизация распространялась среди звезд. Миллион групп, включая в себя от одной до сотен планет, представляли единое сообщество. Между замкнутыми группами не существовало большой вероятности обмена. Межзвездный корабль мог пересечь Галактику за несколько месяцев; а новости, если они были достаточно сенсационны, могли путешествовать сотни лет. И внутри отдельно взятой группы невелика была вероятность обмена идеями. Это была не более чем сеть отдельных планет, расположенных не слишком далеко друг от друга, которые поддерживали более или менее регулярные связи между собой. У них могли быть свои колонии, протектораты или вновь открытые сферы влияния, как Земля для планеты монвенги. Но никогда не вставал вопрос о единой культуре или верховном правительстве. И не забывай: каждая планета — это мир, законченный и загадочный на свой лад, имеющий свою историю и противоречия, как и Земля.

Доннан тряхнул головой, возвращаясь к действительности:

— Думаешь, мы могли бы применить на практике твоё предполагаемое изобретение?

— Для целой серии приспособлений, — сказал Голдспринг. — Уверен. Именно поэтому я так упорно занимался вычислениями с тех пор, как... когда мы вернулись и увидели... Если мы не собираемся стать просто бандой наемников, мы должны иметь что-то ценное на продажу. — Он замолчал. Потом схватил себя за бороду и тянул до тех пор, пока не почувствовал боль. — И еще, — продолжил он. — Однажды

мы узнаем, кто уничтожил пять миллиардов человек. Я не думаю, что этот «кто-то» сможет остаться безнаказанным.

— Значит, ты считаешь нужным остаться в этом районе Галактики? Виновники должны находиться где-то здесь. Вряд ли кто-нибудь из другой группы звезд решился бы на такую операцию. Слишком далеко, да и повода нет.

— Это очевидно. — Голдспринг резко кивнул. — И среди планет, знающих о существовании Земли, только трое подозреваемых: Кандемир, Ворлак и собственно монвенги. Впрочем, вряд ли это сделал кто-то из двух последних — не вижу смысла. — Он прикусил губу. — Но кто же, кто в этой Вселенной?

— Я тоже против того, чтобы рыскать вокруг, — согласился Доннан. — Хотя у меня на это свои причины. Видишь ли... Эй, да мы уже пришли!

Они поднялись на высокий холм над долиной, где был разбит лагерь. С такого расстояния скопище палаток вокруг вертикально стоящих запасных шлюпок выглядело неряшливо. В воздухе висело облако пыли. Нужно было здорово постараться, чтобы так напылить... Доннан настроил полевой бинокль. Он смотрел в него так долго, что Голдспринг занервничал. Но вот Доннан, присвистнув, протянул бинокль Голдспрингу.

— Не понимаю, — сказал Голдспринг, взглядевшись. — Они что, собрание затеяли? Толпятся у корабля...

— Они суетятся, как муравьи из разворошенного муравейника, — рывкнул Доннан. — Кажется, мы едва успели вернуться вовремя. Пошли!

Он торопливо зашагал к лагерю. Голдспринг стряхнул оцепенение и поспешил за ним.

Приятели шли молча; были слышны только звук шагов и прерывистое дыхание.

Когда они добрались до лагеря, его обитатели были на грани бунта. Три сотни человек волновались и вопили. Пассажирский люк, находившийся у носа корабля высоко над землей, был открыт. Наполовину выдвинутый трап образовывал нечто вроде трибуны, на которой стояли лейтенант Говард и несколько солдат. Время от времени Говард что-то мямлил в микрофон. Но тот лишь усиливал его заикание, и скоро крики и шум толпы полностью заглушили его голос. Солдаты стояли с винтовками на изготовку. Под защитными шлемами их лица казались бледными и очень юными.

Люди кричали, спорили о чем-то, вопили, яростно топали ногами, а то и начинали потасовки. Кое-где виднелись фигуры с оружием в руках; вокруг счастливчиков собирались группы безоружных. Под навесом лежали двое убитых. Один из них был

застрелен. Второй был покрыт грязью, и Доннан не мог определить, кто погиб. Внезапно шум толпы перекрыли выстрелы. «Надеюсь, стреляют в воздух», — подумал Доннан.

— Что происходит? — проревел Голдспринг. — Что случилось, Карл, черт побери...

Доннан увидел недалеко группу испуганных ученых и техников и отправился к ним. Но планетограф Истерлинг, раздобывший где-то автомат, мгновенно навел ствол на Доннана.

— Убирайся! Мы не хотим неприятностей!

— Я тоже, Сэм. — Доннан поднял руки. — Я только что вернулся. Мы с Арнольдом отсутствовали почти неделю. Что за дьявол вырвался на волю?

Истерлинг опустил оружие. Это был высокий молодой негр; вековой страх, усиленный недавним горем, превратился в неистовство, грозящее взрывом. Толпа у корабля вновь разразилась криками: «Убить свинью! Убить свинью!»

— Ха! Неудивительно, что у вас такие квадратные глаза. Ад — вы правильно сказали. Все дьяволы вырвались на волю сегодня днем. Половина из них требует повесить Юла, а вторая половина требует наградить его медалью... и еще они разошлись во мнениях, куда идти и что делать дальше, да так, что перешли от споров к драке. У нас уже был бунт пару часов назад. Он вспыхнул, когда солдаты отбивали атаку на корабль. А теперь назревает новый. Когда они достаточно заведут друг друга, то снова попытаются линчевать Юла. А потом защитники Юла и его обвинители начнут бить друг друга. Те, кто голосует за полет к Монвенги, и те, кто собирается спрятаться в какой-то другой группе планет, тоже готовы подраться. Я надеюсь, мы сумеем удержаться в стороне, пока остальные колотят друг друга. Поддержите нас, нам нужны уравновешенные люди.

— Вот уж не ожидал... — Голдспринг закрыл глаза. — Лучшие люди Соединенных Штатов могли найти... могли сказать... дошли до такого!

Доннан сплюнул:

— После гибели Земли, после того, как командир развалился на куски, это неудивительно. С чего все началось, Сэм? И где капитан?

— Капитан мертв, — ровным голосом ответил Истерлинг. — Это случилось утром. Симс Боуман, старший помощник, напал на Юла. Так утверждает сам Юл. Боуман был вооружен, но Юл бросился на него с голыми руками и отобрал оружие. Капитан Стратей пытался остановить драку. Раздался выстрел. Несчастный случай, возможно... только потом Юл застрелил и Боумана, уже преднамеренно. Двое солдат пытались

схватить его — но слишком поздно. Сейчас он под арестом, ждет военного суда. Командование принял лейтенант Говард. Но день еще не кончился, а никто в лагере уже не подчиняется ему.

— Я опасался чего-то подобного. — Доннан вздохнул. — Юл не боялся Боумана; держу пари, он мог послать его ко всем чертям и не лезть в драку. Но он боялся самого себя. Так же, как и все те парни, что орут там.

— Лучше бы мы погибли вместе с Землей. — Голдспринг задохнулся от волнения.

— К черту весь этот шум, — сказал Доннан. — Это хорошие парни. Отличные, слышите вы? С ними ничего не случилось, кроме того, что они лишились опоры, палуба выбита у них из-под ног. Единственный, кто ошибался, — это Стратей. Он должен был что-то немедленно предпринять, закрутить гайки и дать ранам затянуться. А Говард лишь накаляет обстановку. Почему, во имя ада, он стоит там и бормочет? Почему? Почему ничего не предпринимает?

— Что? — Истерлинг по-волчьи оскалился.

— Не надо убеждать всю толпу, надо уговаривать поодиночке тех, кто еще не потерял рассудка, — сказал Доннан. — Организовать из них команду по подавлению мятежа. Выдать резиновые дубинки и гранаты со слезоточивым газом. Разбить несколько голов, если потребуется, но восстановить порядок, пока инициатива не потеряна. И еще: перестать спрашивать, чего они хотят. Сказать им, что они должны делать.

— По-моему, — мягко сказал человек, стоявший позади Истерлинга, — Говард собирается жениться по возвращении домой.

— Это не оправдывает его, — ответил Доннан. — И, во всяком случае, нам нужен кто-то покрепче.

Голдспринг уставился на Доннана; и мало-помалу взгляды всех окружающих устремились к нему. Никто не произнес ни слова.

«Я?... — пронеслось в голове Доннана. — Мне взяться за это? Но я никто. Сын фермера, бродяга, моряк торгового флота... затем — диплом инженера и работа по всему свету...

Несколько удачных вложений принесли мне небольшой капитал, обратившийся теперь в дым... друг-сенатор превращен в пепел. Я очень хотел попасть на “Франклин” — как каждый, у кого в жилах текла кровь, а не вода, — и полгода боролся за это место. И я получил направление и задание — изучать внеземную технику... И я занимался этим на дюжине планет в четырех различных группах цивилизаций; но любой человек

моей профессии справился бы с этим. Это было не так уж сложно. Основной целью “Франклина” было найти хотя бы намеки на идею Галактики, ее план и характеристики, кроме тех, что мы узнали от монвенги. И продвинуть вперед американскую космическую технологию. Обе эти цели потеряли значение, когда Америка погибла... Мне взяться за это? Да меня убьют прежде, чем я попробую...»

Доннан облизал губы. Сердце его заколотилось так громко, что заглушило рев толпы, — но Доннан взял себя в руки, откашлялся и сказал:

— Хорошо, давайте начнем.

Глава 4

*О ветер запада, подуй,
Позволь дождю пролиться!
Христос, дай удержать любовь —
И в колыбель вернуться...*

Аноним (XVI в.)

Когда «Европа» выровняла скорость, ракета стала видна более отчетливо. Сидя в кресле пилота, Сигрид Холмен смотрела на хищные очертания удаленного на сотни километров снаряда, увеличенные на экране локатора и четко обозначившиеся на фоне сверкающих в темноте звезд. Палец Сигрид над кнопкой тревоги. Что-то не так, лихорадочно думала она, что-то не так, и никакие человеческие мускулы не могут сравниться с быстрой запрограммированного двигателя и спасти корабль. Так долго путешествовать — и вернуться, чтобы погибнуть!

Но разве это имеет значение? — с горьким отчаянием подумала она. Что теперь имело смысл, когда Земля погибла, когда горы и леса уничтожены, когда исчезли даже следы ее народа, оставленные еще с тех времен, когда после таяния ледников люди впервые появились в этих лесах, охотясь на лося, и до того часа, когда отец и мать попрощались с ней на пороге их дома под красной черепичной крышей... когда все пропало? Один бессмысленный удар чьего-то космического сапога — и вся долгая история завершилась и превратилась в ничто.

Ненависть к убийцам родилась из страха и печали. Ненависть сконцентрировалась на предмете, преследующем корабль, так сильно, что, казалось, металл должен был расплавиться. Сигрид медленно опустила палец. Она наблюдала, как ракета дрейфовала в поле зрения, в то время как менялись курс и

ускорение корабля. Затем ракета снова стала догонять корабль. «Европа» все еще уходила от мертвой Земли на небольшой скорости; офицер-артиллерист Вукович сидела, склонившись над приборами, выверяя их показания. Время тянулось так, что Сигрид показалось — оно вот-вот лопнет.

— Порядок, — сказала Александра Вукович и нажала кнопку.

Снаряды еще не вырвались из орудия номер один, но она уже откинулась назад и сунула руку в карман форменной туники, чуть заметно улыбаясь. Не успела она достать из кармана пачку сигарет, как снаряды взорвались и очередью прошли корпус ракеты. Термит и окислитель превратили ее в белое пламя. Сигрид видела оторвавшиеся куски обшивки, корчившиеся, как в агонии, и торжествовала. Ракета исчезла из виду. Сигрид уменьшила тягу двигателей и затребовала у Катрин Тенброк показания приборов. Молодая датчанка стряхнула оцепенение и доложила, что ракета потеряла ускорение.

— Мы разрушили ее мозг, — сказала Александра Вукович. — Как я и надеялась. Двигатель остановлен. Я старалась не попасть в корму, где он находился. Теперь ракета не опасна. Мы можем подойти ближе.

Александра говорила по-французски — на официальном языке экспедиции, с сильным сербским акцентом, но очень мягко. Ее гибкое тело по-кошачьи расслабилось в кресле, лицо, изуродованное шрамом, ничего не выражало. Она выносливая, подумала Сигрид, ей не впервой. Она бы наверняка сражалась с русскими в Балканском конфликте в восьмидесятих, как сама Сигрид. Но теперь, когда Земля погибла, бесчеловечно оставаться такой хладнокровной. Сигрид еще раз взглянула на Александру и заметила, как та жадно затягивается сигаретой и как ногти впились в ладонь главного канонира.

По внутренней связи донесся голос капитана Эдит Пуссен:

— Нет-нет, мои дорогие. Мы не станем подходить ближе. Ракета может быть заминирована.

— Но, мадам! — Сигрид Холмен взволнованно выпрямилась. — Вы же согласились — когда мы решили, что есть шанс захватить одну ракету для обследования... Хочу сказать, почему бы нам не воспользоваться возможностью хотя бы осмотреть ее?

— Мы осмотрим ее, — сказала капитан Пуссен. — Да, конечно. И, возможно, выясним, чья она.

Сигрид представила ее в капитанской рубке — полную, седую, похожую больше на домохозяйку с юга Франции, чем на ксенолога и антрополога с дипломом астронавта из университе-

та в Оао, что на планете Инья. Но голос капитана был холоден, как зимний ветер, и пилот Сигрид внезапно вспомнила прапрабабушек, занимавшихся вязанием перед казнью на гильотине.

— Не валяй дурака, — продолжала Эдит Пуссен. — Две ракеты мы уничтожили, одну обезвредили; но это не значит, что их здесь всего три. Я думаю, в любой момент мы можем ожидать нового нападения, если попадем в зону обнаружения другой тройки. К счастью, у нас не такой тяжелый корабль, как у русских или американцев. Однако скорость и маневренность не спасут нас от массовой атаки. Нет, первая задача для нас — исчезнуть. Итак, требуется три добровольца, чтобы быстро осмотреть ракету, пока корабль будет разворачиваться к ближайшей интерференционной полосе. Предпочтительно послать офицера-навигатора, эксперта по оружию и электронщика.

Сигрид поднялась. Эта высокая молодая шведка с голубыми глазами и светлыми, коротко стриженными волосами не была слишком красивой, но ее фигуре позавидовали бы многие. По этой причине она предпочитала носить гораздо меньшее количество одежды, чем остальные из ста женщин «Европы». Но тщеславие исчезло вместе с Землей и надеждой. Ощущая, как в висках бьется кровь, она произнесла:

— Нас тут трое.

— Я — за, — сказала Александра.

Катрин Тенброк замотала головой.

— Н-нет, — она заикалась, — пожалуйста...

— Боишься? — усмехнулась югославка.

— Вукович! — вмешался капитан. — Извинись сейчас же.

— Боюсь? — Катрин покачала головой. — Чего мы можем бояться после того, что видели сегодня? Н-но... я должна поплакать... хоть немножко... простите.

Александра уставилась в пол. Шрам на ее щеке стал багровым.

— Мне очень жаль, — прошептала она. — Просто я сама не умею плакать. — И круто повернулась.

— Подожди! — Сигрид удивилась своему хриплому голосу. — Подожди, пока нас не сменят.

Александра остановилась:

— Конечно. Как глупо. Я...

Она отшвырнула окурки и зажгла новую сигарету. Сигрид чуть было не напомнила, что корабельные запасы скоро подойдут к концу и табака больше не будет, но вовремя удержалась.

«Отец, — вспомнила она... — Мать. Нильс. Олаф. Стокгольмский замок в Лапландии, где они проводили последний

отпуск. Целая Земля... Я не должна была учиться на пилота. Я не должна была летать в подобные экспедиции. Это время я могла провести с ними. Я не должна была принимать это назначение. Я потеряла право умереть вместе с ними. О нет, нет-нет, это кошмарный сон, я схожу с ума, такого не может быть. Или Бог впал в старческий маразм и сошел с ума? Почему Солнце не светит? Как оно смеет?»

Вошла ее сменщица, Гертруда Айзнер, вместе с Иаэль Блюм и Мариной Альбергетти. Все три выглядели неестественно спокойными. Сигрид все поняла, когда немка протянула ей коробочку с пилюлями.

— Нет, — сказала Сигрид, — я не хочу зависеть от проклятой химии.

— Прими транквилизатор, — велела капитан Пуссен. — Все примите. Это приказ. Мы не можем позволить себе лишних эмоций.

Сигрид вздохнула и повиновалась. Пока они с Александрой шли по коридору правого борта, она почувствовала действие лекарства: внутреннее оцепенение и одновременно обострение логического мышления; мысли текли свободно, не затрагивая чувств.

Рыжеволосая Гертруда Хедтке, инженер из Швейцарии, встретила их в шлюзовой камере. Она подготовила маленькую шлюпку с парагравитационным двигателем, нагруженную необходимыми инструментами и бухтой троса. Без слов они помогли друг другу облачиться в скафандры и отправились в открытый космос.

Мрак космоса, подчеркнутый сверканием звезд, окружал их. Сияние солнца слепило глаза, Млечный Путь был похож на холодный застывший водопад в пространстве, сквозь которое они летели в свободном падении. После шума, наполнявшего корабль, тишина космоса казалась глубокой и необъятной, и собственное дыхание отдавалось в голове, как чей-то сон. Сигрид представился шум мифической мельницы Гротти, которую великанши Фенья и Менья вертели на дне моря и мололи соль, скот, сокровища, бескрайние земли и богатые урожаи, и весенние рассветы; мельницы, намолотившей войну, окровавленные мечи, смерть и пожары, и Великанскую зиму, вслед за которой наступила гибель богов.

Сигрид решительно отогнала от себя ненужные мысли и сосредоточилась на работе.

Гладкий конусообразный цилиндр «Европы», настолько же красивый, насколько и легкий в управлении, двигался на одной скорости с ракетой на расстоянии около четырех километров.

Этого было бы достаточно даже в случае взрыва ядерного заряда; безвоздушное пространство поглотило бы взрывную волну, а затихшие экраны отразили бы поток радиоактивного излучения. Перелетая с места на место при помощи парагравитационных блоков, девушки прикрепили к скобам в середине корабля двойной трос и стали тянуть его к ракете. Современная технология удивительна, думала Сигрид; эти металлические шнуры, способные выдержать пятьдесят тысяч тонн, были не толще мизинца и весили не больше килограмма на километр длины. Но я предпочла бы исцарапать руки до крови, свивая самую грубую веревку, думала Сигрид, но на зеленой Земле.

Лекарство подавляло эмоции. Сигрид приблизилась к ракете, не думая, что может произойти взрыв. Ее смерть не имела значения; она была бы желанной теперь, когда дети и мужчины Земли были мертвы. Быстро закрепив концы троса, они с Александрой оставили Гертруду снаружи заканчивать сварку, а сами нырнули в отверстие, пробитое снарядом в обшивке.

Темнота внутри была полной. Не успела Сигрид нажать кнопку фонаря на запястье, как в шлемофоне раздался голос капитана Пуссен:

— Приближаются еще ракеты. Думаю, мы сможем уйти от них на полуторном ускорении. Приготовьтесь.

Сигрид напряглась, ожидая резкого увеличения тяжести. Луч фонаря, не рассеиваясь, выхватил из темноты обломки оборудования. Александра пробиралась следом за Сигрид. Наконец они попали в центральное помещение, где хватало места, чтобы стать рядом.

Шкалы измерительных приборов отражали свет фонарей, отбрасывая их на путаницу проводов. Александра, похожая в скафандре на безликого тролля, тихо спросила:

— Ты видишь что-нибудь знакомое?

— Кандемирская?.. — Сигрид колебалась. — Думаю, да. Я не знаю их языков... но однажды видела их алфавит в словаре. По-моему, буквы и цифры выглядят примерно так. — Ее рука в скафандре указала на шкалу прибора. — Посвети мне, я сфотографирую надпись. Пригодится для нашей Старой Леди.

Александра отстегнула камеру, висевшую на поясе.

— Я могу сказать определенно: эта ракета кандемирского изготовления. В офицерской академии в Белграде нам преподавали то немного, что было известно о внеземном вооружении. Я видела на снимках как раз этот тип. Коридор, в котором мы находимся, предназначен для рабочих-ремонтников и программистов... Этих подонков, — добавила она без выражения.

— Кандемир. Планета кочевников. Но почему...

— Империалисты. Они опустошили уже с дюжину миров.
— Но это же сотни световых лет отсюда!
— Мы отсутствовали более двух лет, Сигрид. Многое могло случиться. — Александра рассмеялась; смех эхом отдавался в шлеме. — Многое и случилось. Пойдем, посмотрим на мозг ракеты. Он должен помещаться в носовой части.

В конце коридора они обнаружили то, что оставалось от приборов управления после удара термитных снарядов. Сигрид осветила фонарем вокруг, отыскивая следы — чего?.. Каракули на перегородке привлекли ее внимание. Она подошла ближе.

— Что это? Посмотри сюда. Что-то нацарапано, как будто толстым карандашом.

— Заметки для памяти, по ходу программирования мозга, — предположила Александра. — М-мм... черт побери, клянусь, тут две системы символов. Похоже, одна из них — не кандемирская. Я сфотографирую их для мадам.

Александра занялась делом. Сигрид смотрела в темноту.

Тяжело и неуклюже ступая, вошла Гертруда.

— Заканчивайте быстрее, пожалуйста, — сказала она. — Я только что получила сообщение с корабля. Еще ракеты. Пора бросать эти обломки и удирать.

— Хорошо. Думаю, здесь мы ничего больше не найдем, — произнесла Александра.

Сигрид машинально направилась вслед за подругами и окончательно пришла в себя, лишь вернувшись на «Европу».

Корабль вибрировал, набирая скорость перед переходом на сверхсветовую, чтобы уйти обратно к звездам. Мертвая Земля и чудовища, стерегущие ее, остались за кормой. Действие транквилизаторов закончилось, большинство членов экипажа плакали от полной безнадежности.

Через несколько часов капитан Пуссен пригласила участниц вылазки к ракете в свою каюту. Шагая по коридору, Сигрид чувствовала, как слезы высыхают на глазах. «Я справлюсь с этим, — решила она, — я буду всегда помнить вас — Земля, отец и мать, — но теперь я не хочу умирать. Пока мы живы, есть надежда отомстить; больше того — надежда обрести детей и новый дом на новой Земле, где мы никогда не забудем прошлое».

Каютка капитана представляла собой небольшое уютное помещение, все заставленное книгами. На столе Эдит Пуссен стоял портрет мужа, умершего много лет назад, портреты сыновей и внуков, теперь уже тоже умерших.

Лицо капитана хранило следы недавних слез. Эдит сидела выпрямившись; на столе девушки увидели бутылку хорошего вина.

— Проходите, рассаживайтесь, — как ни в чем не бывало сказала Эдит Пуссен. — Давайте обсудим наше положение.

Но когда она разливала вино, ее рука дрогнула и несколько капель упали на скатерть.

— Капитан, вы изучили снимки? — начала Александра.

Эдит Пуссен кивнула.

— Несомненно, это кандемирские ракеты, — произнесла она. — Но одна вещь меня озадачила. Эти символы, написанные на переборке пилотируемого компьютера... — Пытаясь отвлечься от портретов, она взяла лист бумаги. — Вот, позвольте мне воспроизвести линии. Я не буду точно копировать их. Вам было слишком трудно распознать незнакомые знаки... Я подставляю буквы нашего алфавита. Здесь во многих строчках стоят волнистые линии, но я попробую написать в столбик... Вот, смотрите. — И она быстро начала писать.

Закончив, капитан отложила ручку.

— Вот! Можете что-нибудь сказать об этом?

— Нет, — ответила Александра. — Но ведь это кандемирские цифры.

— Да. Я заменила их буквами от «а» до «л». Другие символы — буквами от «м» до «р». Я не знаю, что это за знаки, какой-то язык или что-то еще... Но вы можете заметить, что они повсюду отделены от кандемирских чисел.

— Я думаю, — заметила Сигрид, — это переводная таблица.

— Это очевидно, я бы сказала, — согласилась капитан. — Но перевода с какого языка? И на какой? — Она помедлила. — И кто это писал?

Александра ударила кулаком по колену:

— Давайте не будем играть в загадки, мадам. Кандемирские захватчики подчинили себе много разноязычных народов с дюжины или более планет. Это, должно быть, заметки какого-то инопланетного рабочего.

— Может быть, — поправила Эдит Пуссен. — Мы не знаем. И давайте не торопиться с выводами. Тем более что мы два года отсутствовали.

Два года, подумала Сигрид. Два волшебных года. Не ради славы, новых солнц, новых знаний, приобретенных, пока «Европа» облетала спиральную туманность Катерины, — хотя все это тоже много стоило. Но еще и ради того, чтобы доказать

скептикам возможность международного сотрудничества, убедить их в том, что объединившиеся народы могут исследовать космос, а женщины способны решать сложные задачи.

Эти годы теперь наполняли горечью рот. Сигрид выпрямилась и спросила:

— Что планирует мадам?

Капитан некоторое время молча потягивала вино.

— Я обсуждала этот вопрос с наиболее здравомыслящими офицерами, — произнесла она наконец. — Готова выслушать и ваши предложения.

— Разрешите мне предложить переход... на Монвенги или к одной из их колоний, — сказала Александра. — Там мы сможем выяснить, что же все-таки произошло. И они нам помогут.

Гертруда вздрогнула.

— Если нам не перережут глотки, — сказала она. — Вы уверены, что не они провели эту операцию? Да-да, коммерсанты и учителя, те, что жили на Земле, были вежливы и обходительны, да. Но они не люди!

— В любом случае, — уныло заговорила Эдит Пуссен, — ни одна планета не действует как единое целое. Обычные, добрейшие обыватели могут иметь лидера-дьявола. — Она хмуро посмотрела на вино в бокале. — Я бы хотела, чтобы мы последовали примеру американцев или британцев и взяли с собой представителя с другой планеты, даже если это ограничит нас в выборе маршрута путешествия. Тогда мы могли бы рассчитывать на большее понимание. Нет, я чувствую, что слишком рискованно искать тех, кто как-то заинтересован в гибели Земли.

— Чем мы рискуем? — проворчала Александра.

Сигрид подняла голову:

— С Земли стартовали и другие корабли. Они должны быть где-то поблизости.

— Если ракеты не уничтожили их, — сказала Гертруда. Она схватила бокал и сделала большой глоток.

— Всеевропейская экспедиция еще не могла вернуться, — заявила Сигрид. — Они планировали по крайней мере три года провести в Магеллановых облаках. Никто не знает, куда отправились русские и китайцы. А китайский экипаж включал и мужчин, и женщин. И русские могли комплектовать женскую команду и отправить ее в космос... Может быть, другие страны тоже снарядили свои корабли? Об этом много говорили. Кое-кто собирался купить корабль, как только найдутся средства. — Сигрид стиснула зубы. — Мы обязательно встретим кого-то из них.

— Но как? — Капитан Пуссен вздернула брови. — Трудности... Ладно, это я уже обсудила с первым и вторым помощниками. Межпланетной радиосвязи нет. Если мы выйдем за пределы этого региона — у нас возникнут трудности с межгалактической связью. Могут ли два, или три, или дюжина кораблей случайно натолкнуться друг на друга во Вселенной, прежде чем мы умрем от старости?

Сигрид устала в пол, скрестив длинные ноги и ощущая приятное тепло от выпитого вина. Должен быть ответ, отчаянно твердила она себе. Ее отец, проницательный и мягкий коммерсант, разбогатевший своим трудом, учил ее, что для мужчины нет ничего невозможного — надо лишь очень хотеть чего-то добиться. И для женщины, добавил он с громким смехом, которого она никогда уже не услышит. Когда женщина намеревается справиться с непреодолимым препятствием, лучше поскорее убраться с ее пути.

— Мы не должны прятаться на какой-нибудь пустой планете, где нас никто не найдет, — заявила Александра. — Мы должны идти к цивилизации. Наши знания будут полезны, мы сможем заработать себе на жизнь.

Сигрид кивнула, вспоминая города и корабли, где могли пригодиться люди. Не потому, что люди обладали исключительными способностями, а потому, что у них были собственные знания. Рептилия с голубым лицом отдала свое энергетическое оружие за один из рисунков Сигрид; и еще Сигрид покорила шестирукого мастера верфи, объяснив ему одно из усовершенствований, которое британский инженер добавил к пульту управления монвенги. А ведь они едва понимали друг друга. Да и стоянки «Европы» на разных планетах были слишком короткими. Несомненно, сто высокообразованных земных женщин будут цениться высоко, куда бы они ни попали.

— Тогда давайте направимся к ближайшей группе цивилизованных планет, — нетерпеливо сказала Гертруда. — Это безопасно. Ни у кого не будет повода... вредить нам. Мы придем как обычные странники.

— Согласна, — сказала капитан. — Ты читаешь мои мысли. Однако проблема остается: если мы улетим слишком далеко, то как сможем известить оставшихся в живых людей о нашем местонахождении? О нашем существовании хотя бы?

Сигрид почудилось, что она слышит смех своего отца. Она вскочила. Ее бокал покотился и упал на пол. Никто этого не заметил.

— У меня идея, мадам!

Глава 5

*В этом мире человек должен быть либо
наковальней, либо молотом.*

Лонгфелло

Зал был отделан потемневшим деревом, на концах балок красовались резные головы морских чудовищ с широко разинутыми пастьми. Искусно гравированные экраны прошлой эры скорее усиливали, а не приглушали грубую силу, олицетворяемую этим залом. Светящиеся шары отражались в полированных чашах, щитах, коронах, оружии, захваченных на дюжине планет, и в настенных бронзовых тарелках с эмблемами полководцев Ворлака. В одном конце зала в камине гудело пламя. В противоположном углу, в тени, стояла статуя Покровителя.

Это символично, отметил про себя Доннан. Всепланетная империя, отсчитавшая восемь тысячелетий, рухнула два века назад, когда первые пришельцы из космоса посетили Ворлак. Она стала призраком, сохраняющим свои призрачные ритуалы в Верхнем дворце Аальстаха. Реальной властью обладал класс драгаров, хозяев военных кораблей и воинов, вспыльчивых, жадных и безрассудно смелых — именно они сидели сейчас на возвышении вдоль стен зала и поверх золотых кубков рассматривали человека.

Хлотт Люэрс, драгар Толбека, наклонился вперед. Деревянные змеи, обвивавшие кресло, отбрасывали тени на украшенную драгоценными камнями многоцветную одежду, но его одутловатое, заросшее шерстью лицо было ярко освещено.

— Эй, — сказал он, — как нам известно, Земля была разрушена меньше нашего года назад. Остальные обстоятельства — тайна для нас.

От звука его голоса, казалось, заколебались боевые знамена, свисавшие с едва видных стропил. Через открытые двери доносились шум прибоя и пронзительные крики ночных птиц; морской ящер поднялся из глубины и ревел за рифом. В воздухе витали неземные ароматы.

Доннан, немало зная об этом народе, тщательно подбирал слова для ответа. Если бы он случайно оскорбил кого-то, его бы убили сразу за порогом священного зала Совета, а находящийся на орбите «Франклин» был бы разнесен в клочья. Но подозрение в уничтожении целой планеты, похоже, ничуть не трогало драгара.

— Мы пришли на Ворлак, мой капитан, — начал Доннан, — так как не могли поверить, что ваш народ виновен в

том, что случилось с Землей. Мы хотим предложить свою помощь в войне против Кандемира. Но прежде, как вы понимаете, мы должны убедиться, что вы не враги нам.

Собеседники говорили на языке уру — модифицированной форме языка первопроходцев космоса в этой области Вселенной. Для своей группы планет было необходимо что-то вроде эсперанто; каждый астронавт обязательно изучал его. Уру — гибкий язык с упрощенной грамматикой — содержал также стандартные единицы измерения. Каждый, кто дышал кислородом, мог произнести эти звуки или, по крайней мере, написать, чтобы быть понятым. Но и другие группы цивилизаций, где появлялись исследователи древней расы уру, также приняли его как вспомогательный язык.

— Даю вам слово, мы не причиняли вреда Земле, — произнес Хлотт Люэрс. — Я уже четыре года президент Совета драгаров и знал бы об этом.

«Но президент может смениться в любой момент, — подумал Доннан. — Его могут низложить коалиции баранов-адмиралов. Но сейчас он справляется с ними и повелевает империей».

Подвергнуть сомнению его слова значило бы смертельно оскорбить повелителя. И, возможно, он говорил правду. Тем не менее Доннан обменялся взглядом с Рамри — единственным, кого он взял с собой на встречу. Этот парень умел быть тактичным.

Сияющая голубая фигура монвенги выдвинулась вперед.

— Мой капитан, я прошу снисхождения, — проворковал Рамри. — Ситуация в команде землян неустойчива. Вы можете понять, каким потрясением для них была гибель родной планеты. Экипаж был на грани восстания. Карл Доннан взял на себя руководство, и его избрали капитаном. Но, несмотря ни на что, его власть безгранична. Вы должны помнить, что у землян не существует традиции абсолютной лояльности к капитану. Многие из них сомневались в целесообразности похода сюда. Некоторые не приемлют обычаев Ворлака. Они не поймут, что честного слова Хлотта Люэрса более чем достаточно. Подозрения могут вызвать новый бунт.

— Убей их, — посоветовал один из драгаров.

— Нет, — жестко ответил Доннан. — Почти вся человеческая раса погибла, и я не могу убить ни одного из оставшихся ни по какой причине.

— И все же, — сказал Хлотт, — вы привели сюда свой корабль и предложили помощь в войне.

— Этот риск обоснован. — Доннан переступил с ноги на ногу.

Ситуация становилась все более безнадежной. Ему не предложили сесть. Это означало, что он был просителем, в лучшем случае — бедным родственником, а может быть, и законной добычей.

Взгляд Доннана скользил по ряду заслуженных капитанов. Ворлакцы были гуманоидами. Двунogie, почти такие же высокие, как Доннан, с мощными руками и обычной пятипалой кистью, они принадлежали к живородящим млекопитающим с близкой человеку биохимией организма. (Это было одной из причин перелета сюда. Земляне могли употреблять местную пищу, что было невозможно на планетах монвенги.) Но торс этих существ был короче и тоньше человеческого, ноги — длиннее и крепче, и заканчивались они перепончатыми лапами. Лица плоские, с нависшими бровями, череп скошен назад. Маленькие уши могли сжиматься так, что в них не попадала вода, а на глазах имелась мигательная перепонка. Лица ворлакцев с черными носами и хищными зубами слегка напоминали собачьи морды. Гладкий коричневый мех покрывал тела. Эта раса приспособилась к жизни на планете, где было не слишком много суши; да и ту сильные приливы, вызываемые близко расположенной луной, превращали в солончатое болото. Когда-то Ворлак был морской империей, но потом его шкиперы и купцы превратились в драгаров — космических полководцев и коммерсантов.

Тишина повисла над залом. Ее нарушил участник Совета, сидевший слева от Хлотта. Его черное одеяние бросалось в глаза среди многоцветия и драгоценностей.

— Уважаемый капитан Доннан, — сказал он так мягко, как только позволяли голосовые связки жителя Ворлака, — я, несмотря на свое ничтожество, уверен, что мы имеем подтверждение, которое может служить убедительным доказательством. Ранее это было государственной тайной, но незабываемое несчастье — гибель вашего прекрасного Отечества — сделало секретность бессмысленной. Мои капитаны знают, о чем я говорю. Могу ли я использовать архивы?

Снова наступило безмолвие. Казалось, притихли даже пламя и прибой. Странно, подумал Доннан. Гер Ненна заседал в Совете как представитель Покорителя, который олицетворял верховную власть. Имперские ученые, к которым принадлежал Гер, еще менее были заинтересованы в переговорах. Хлотт несколько минут потирал лишенное подбородка лицо, размышляя. Но в конце концов сказал:

— Как пожелает уважаемый министр.

Одной из привлекательных черт феодализма для Доннана была легкость, с которой принимались такие решения. Гер Ненна встал, поклонился и прошел к копировальной установке. Пока он нажимал кнопки, драгары пили, а слуги торопились снова наполнить кубки.

— У тебя появилась надежда, Карл-мой-друг? — прошептал по-английски Рамри.

— Еще не знаю, — так же тихо ответил Доннан.

— Если нас постигнет неудача... Надеюсь, ты понимаешь, что неудача возможна? Тогда мы полетим к нашей планете. Я уверен, мы сможем представить лучшие доказательства невиновности, чем эти...

Доннан попытался улыбнуться, глядя на его озабоченное лицо.

— Ты знаешь — я верю, что вы не делали этого, — сказал он.

После выборов на тау Кита-2 Доннан сумел изменить статус Рамри. Птице больше ничто не угрожало. Команда корабля признала монвенги неофициальным первым помощником капитана, хотя он никогда не отдавал никаких приказов. И его больше не стерегли. Но если бы Доннан отправил Рамри домой, люди были бы недовольны. Они не обвиняли монвенги в гибели Земли. Они не знали. Однако факт оставался фактом — планета Монвенги была тесно связана с Землей, и ее жители могли найти причину для войны. Пока не прояснятся подробности, Рамри оставался кем-то вроде заложника. Он воспринимал свое положение без обиды.

Рамри быстро повернулся к Доннану и пожал ему руку. Копировальный аппарат выдал пачку копий документов из архива в Аальстахе. Гер Ненна протянул их Доннану.

— Надеюсь, уважаемый капитан понимает русский, — сказал он.

— Плохо, — ответил Доннан. — Но у нас есть человек, знающий этот язык.

— Итак, здесь торговое соглашение между нашим Советом и Советским Союзом, заключенное почти три года назад. Русский исследовательский корабль, отправившийся в путь почти одновременно с вашим, капитан, доставил сюда официальных представителей, уполномоченных вести переговоры с инопланетным правительством. Они подписали это соглашение, но до сих пор оно оставалось засекреченным. Советский Союз обязался поставить большое количество оружия определенного типа по сходной цене; их военные представители намеревались поступить

к нам на службу, чтобы изучить наше вооружение. Русский корабль снова отправился в космос, и мы о нем ничего не знаем. Но кое-какие военные грузы уже были нам переданы — секретно, при встрече на Венере. Вот копии деклараций. А эти бумаги свидетельствуют о том, что советские офицеры были готовы вскоре прибыть на Ворлак. А затем пришла печальная весть о гибели Земли.

Доннан сосредоточился на бумагах. Да, имеются два параллельных текста — русский и ворлакский. Доннан уловил общий смысл: всеобщая борьба миролюбивых народов против империалистических агрессоров... объединение во имя героической борьбы... Он подумал, что никто, кроме людей, не мог составить такой документ.

Представители Ворлака, конечно, не предполагали, что «Франклин» появится здесь и потребует отчета. Они вряд ли готовили такой отчет на всякий случай; более того, они весьма пренебрежительно относились к силам «Франклина». Да и вообще драгары не были рыцарями плаща и кинжала и не занимались тайными интригами. Если бы они взорвали Землю, они не стали бы так тщательно скрывать это.

Документы вполне соответствовали фактам земной действительности. Коммунисты никогда не скрывали своих амбиций, даже после того, как изменившаяся при появлении монвенги обстановка заставила их несколько поумерить пыл. Но, втайне заключив соглашение с Ворлаком, Советы рассчитывали достичь военного превосходства над другими земными странами, не боясь при этом возмездия Кандемира. Доннан был уверен, что ворлакцы, не слишком разбираясь в земных делах, не сумели бы додуматься до такого.

Доннан поверил драгарам.

Капитан поднял голову. Когда он заговорил, возле его рта обозначились резкие морщины.

— Да, уважаемые капитаны, доказательство более чем достаточное. И оно еще свидетельствует против Кандемира. Если их шпионы разузнали об этом... — он не смог продолжать.

— Все в порядке, — кивнул Хлотт. Казалось, он принял решение, пока человек читал бумаги. — Поскольку вы пришли как гости, ищущие убежища, и между нами нет вражды, для нас долг чести — исполнить ваше желание. Вам будет предоставлено место. Ваши знания будут хорошо оплачены на моих заводах. Кроме того, я думаю, и мои коллеги пригласят кое-кого из вас к себе. Возвращайтесь на корабль; мой адъютант навестит вас завтра утром.

Доннан вскинул голову:

— Спасибо, мой капитан. Но мы не можем принять эти условия.

— Что?

Хлотт уронил руку на легкий топорик, висевший у пояса. Драгары подались вперед. Послышался свист напряженного дыхания.

— Мы пришли как свободный народ и предложили свои услуги, — сказал Доннан. — Мы пришли не для того, чтобы осесть здесь. Дайте нам необходимое, и мы будем сражаться за вас. Если нет — прощайте.

Хлотт закусил губу.

— Вы осмеливаетесь... — начал было кто-то. Хлотт шикнул на него и пожал плечами.

— Прощайте.

— Мой капитан! — Гер Ненна низко поклонился. — Я, недостойный, прошу снисхождения. Исполните просьбу этого народа.

— Дать им военные корабли? С таким трудом собранные сведения о враге? Этим новичкам, не видевшим космических сражений? — Хлотт презрительно фыркнул.

— Мой капитан, — продолжал Гер, — этим новичкам, как вы их назвали, мало прочитать тексты и узнать сведения из третьих рук. Они раскрыли свои намерения. Они бывали в таких местах, где не был ни один шкипер Ворлака. Их планета в течение последнего столетия постоянно переживала внутренние перевороты. Вспомните, мой капитан, что русские рассказывали о партизанской войне, о пограничных конфликтах и грандиозных международных маневрах. Они понимают толк в войне, эти люди, ваши гости. Им нужна небольшая техническая помощь. А потому... Уважаемые капитаны, рискните одним-двумя кораблями. Земляне ставят на карту не только свою жизнь, которая немного стоит, но, предположительно, последних представителей своей расы. Что скажет Ворлак духам предков, глядящим на нас?

Захваченный врасплох, Хлотт задумался.

— Такой ничтожный червь, как я, не может напоминать капитанам об их долге, — продолжал Гер Ненна. — Разве честь драгаров не требует от них гарантии каждому их неотъемлемых прав? Пища и покровительство для нищих, справедливость и руководство для членов команды, уважение коллегам и почитание Покровителя. Этот свободнорожденный народ пришел, чтобы отомстить Кандемиру, погубившему их планету. Преступление это так велико, что последний из драгаров поражен

ужасом. Мщение не только право, но и долг. Могут ли драгары лишиться их этого?

Пламя гудело в камине.

После долгого молчания Хлотт кивнул.

— Да будет так. Ты получишь право мстить, Карл Доннан. — И неожиданно пошутил: — Кто знает, может, вы нанесете Кандемиру решающий удар? Принесите ему стул, презренные! Наполните кубок! Мы выпьем за это!

...Немного позже, уже нетвердо держась на ногах, Доннан возвращался на корабль. Гер Ненна провожал его и Рамри. Шум и свет зала Совета остались позади. Медный щит луны шириной в два градуса медленно опускался за горизонт, но остров еще был заполнен лунным светом, холодным и нереальным, — казалось, иней лежал на джунглях и на пляже, и подводные лодки и аквапланы, стоявшие в доке, качались на волнах ртути. Прибой покрывал риф белой пеной. До самого горизонта сверкала гладь океана. Над головой — непривычное небо... До Земли — почти двести световых лет...

Самой яркой звездой здесь был Антарес, пылавший кроваво-красным огнем.

Сырой и резкий ветер отрезвил Доннана.

— Я еще не имел случая поблагодарить тебя, Гер Ненна, — сказал он. — Прости, но почему ты помог нам? Ваши дружественные не признают мести, не так ли?

— Да, — ответил одетый в черное спутник. — Но мы верим в справедливость. И... я думаю, ваш народ нужен Галактике.

— Спасибо, — поблагодарил Доннан.

Он начал понимать, почему представители Покорителя пользовались таким уважением. Отчасти, конечно, потому, что они олицетворяли собой Золотой Век, Всеобщий Мир, которые с тоской вспоминали ворлакцы. Но также и потому, что они олицетворяли мудрость. А драгары были достаточно благоразумны, чтобы ощущать недостаток мудрости в своей среде.

— Но ты торопишься с выводами, — сказал Доннан. — Я не уверен, что Кандемир виновен.

— Почему же вы пришли сюда и предложили сражаться против них, могу я узнать?

— Ну что ж, нам нужно занятие, и если я помогу остановить агрессию Кандемира — совесть меня не будет мучить.

— Вы могли бы найти более безопасное занятие для своих людей. Вам предлагали работу на заводах.

— Ну да! Чудесная безопасная безвестность. — Доннан набил трубку, раскурил ее, затянулся и продолжил: — Я не верю, что мы — последние земляне в космосе. Если в живых

больше никого не осталось, наша смерть на войне ничего не изменит; но я отказываюсь верить в это. Я думаю, что еще несколько кораблей с людьми скитаются по Галактике. Если они не вернулись в Солнечную систему, их надо предостеречь от этого шага, чтобы ракеты не уничтожили их. Если они уже побывали там и ушли от ракет, как и мы, — возможно, они отправятся на одну из планет этой же группы. Мы должны узнать о них. А еще они могут быть на любой из двухсот миллиардов звезд. Как же передать им весть? Я считаю одним из возможных способов поднять такой шум, что слухи пройдут от одного конца Вселенной до другого. Между группами звезд есть какое-то сообщение. Нерегулярное, но есть. Несомненно, весть об уничтожении целой планеты уже распространяется. Но при таких расстояниях через какое-то время народы забудут об этом и о том, где это случилось.

Что я собираюсь сделать? Произвести сенсацию, которую не забудут и не слишком исказят. Я не знаю точно, что это будет. Что-нибудь вроде слуха о вольной команде двуногих, обнаруживших свою планету разбитой и поднявших скандал по этому поводу в каком-то определенном созвездии. Я надеюсь, другие земные корабли услышат о нас и поймут, в чем дело. — Доннан коротко рассмеялся. — Война — хороший повод поднять шум. А здесь война ждет нас.

Глава 6

*Ад преисподний пришел в движение
ради тебя,
чтобы встретить тебя при входе твоём.*

Исайя, 14, 9

Солнце планеты Кандемир — горячий карлик F6 — находилось на расстоянии 175 световых лет от планеты Ворлак. Его третья планета была несколько тяжелее Земли, а интенсивная радиация разредила и высушила атмосферу. Но даже при таких условиях люди, защитившись от ультрафиолетового излучения, могли жить на Кандемире и питаться местными продуктами.

История здесь развивалась необычно. Кочевники заселили поначалу самый плодородный континент, поработив оседлые народы. Это завоевание не было похоже на завоевания из земной истории, когда, например, орды варваров разрушали цивилизации. На Кандемире общество кочевников обладало высшей культурой: они одомашнили животных, создали письменность,

надплеменное правительство и машинную технологию. Города стали чем-то вроде резерваций, где рабы круглый год трудились в шахтах. Когда кочевники научились пересекать небольшие и неглубокие океаны, их образ жизни распространился на всю планету. Военные стычки и экономическая конкуренция между кланами дали толчок индустриальной революции. Но порох, паровые двигатели и массовое производство нарушили экономический баланс. Общество кочевников не смогло переварить все это — начались трения. Столетие назад Кандемир пребывал в таком же политическом хаосе, как и Земля в последние годы. Тогда-то и появились исследователи с планеты Тсьюда и приобщили Кандемир к галактической торговле.

Многочисленные кандемирцы устремились в космос в качестве студентов, рабочих и наемных солдат, поскольку на Тсьюде, Ксо и в некоторых других системах существовал более развитый империалистический строй и им нужны были люди. Кандемирцы возвращались домой с новыми идеями оживления своей старой культуры. При Ашчизе Великом клан Эржуат объединил Кандемир, открыв дорогу лихорадочной модернизации — но адаптированной к образу жизни кочевников. Киберы заменили роботов, а кланы стали командами отдельных космических флотов. Вскоре коммерсанты и искатели приключений с Кандемира хлынули в космос. Традиции еще привязывали их к материнской планете, когда они возвращались для свершения сезонных обрядов братания, предписанных религией. Таким образом Великий Лорд имел возможность контролировать своих вассалов.

По прошествии времени обычаи (которые соседями по Галактике воспринимались как проявления жестокости, высокомерия и жадности) все чаще втягивали кандемирцев в конфликты с более примитивными расами. Они были легкой добычей. Но эти мелкие стычки привели к столкновению с более развитыми мирами, как, например, Тсьюда, которая отстаивала свои интересы в космосе. Дело дошло до открытого военного столкновения в пространстве. Потерпевший сначала поражение Кандемир так яростно возобновил свои притязания, что его враги запросили пощады. Условия мира были жестокими; недавние учителя кочевников фактически стали их вассалами.

Небольшая империя, более или менее установившаяся при сыне Ашчиза, начала бурно разрастаться при его внуке Фершакане. Децентрализованное и гибкое, правительство кочевников хорошо вписывалось в межзвездные отношения; империя процветала. Ради славы, благополучия и безопасности, а пуще того — для завоевания большего пространства, в котором кандемирская цивилизация испытывала острую нужду, ради раз-

вития космических полетов и завоевания гигантских владений — империя должна была расширять свои границы. Фершакан мечтал о неограниченной власти над всей группой планет этого звездного скопления.

Его политика вскоре вызвала сопротивление другой коалиции. Противодействие исходило от врагов Ворлака, также имевших свои далеко идущие планы. Флот кочевников был остановлен в битве при Греше. Но сражение закончилось вничью. Ни одна из сторон не добила преимущество. Война затянулась на годы рейдов, атак и отступлений; периоды затишья сменялись новыми вспышками на всем пространстве между двумя мирами. Достаточно благополучное государство планеты Монвенги и его дочерние планеты официально хранили вооруженный нейтралитет, практически оказывая поддержку Ворлаку. Остальные независимые планеты этого скопления звезд были слишком слабы, чтобы вмешиваться в конфликт.

Ближайшая база кандемирцев располагалась на расстоянии сорока световых лет от Ворлака, у звезды, известной под названием Майаст. Когда ворлакский истребитель с землянами на борту вышел из очередной интерференционной полосы и продолжил путь на парагравитационной тяге, Доннан увидел Майаст, светившийся голубым светом на экране наблюдателя. Похожая на огненный шар, по правому борту мерцала самая большая планета этой системы в сопровождении мелких пятен лун. Говард, теперь главный навигатор, настроил телескопы и протянул руку к панели компьютера.

— Нет, — возразил Рамри, — отклонение составляет 11,4 градуса... — Он запнулся. — Вы правы. Я ошибся. Извините.

«Надо же, — подумал Доннан, — несмотря на такой богатый опыт, Рамри до сих пор ошибается в системах чисел». Отличались не только символы, сам принцип счисления был иным. Монвенги за базовое число принимали шестерку. Но это был корабль с Ворлака, а его десятипалые строители пользовались десятиричной системой, как и земляне.

Говард проигнорировал замечание птицы, но Олак Фарер, наблюдатель-драгар, нахмурился и проверил координаты. Он не сомневался в компетентности пятидесяти землян, управлявших «Грунном»: они продемонстрировали свое умение после месяца уроков, а также во время этого полета. Но ворлакский аристократ по-прежнему презирал их.

Немногого же мы достигли, отметил Доннан, ведь и наши парни, ожидающие на «Франклине» на орбите Ворлака, тоже не слишком уверены в нас. Все это выглядело как ловкий трюк. Один-единственный истребитель проходит через защитные

заграждения, подбирается к базе так близко, что ракетный удар уже невозможно предотвратить, и уходит неопознанным... А ворлакские астронавты бились над этой операцией уже десяток лет...

Он посмотрел на Голдспринга:

— Что-нибудь обнаружено?

Спросил — и сразу понял глупость своего вопроса. Если бы прибор, над которым склонился ученый, выдал хоть запятую, его известили бы в тот же момент. Но, черт возьми, в такой ситуации глупость простительна. Когда идешь в бой, сердце колотится как сумасшедшее, а глотка так пересыхает, что невольно думаешь о пиве.

— Нет-нет. Я уверен. Погоди... погоди минутку.

За одну минуту при ускорении в сорок g «Грунн» добавил более четырнадцати миль в секунду к своей и без того высокой скорости. Голдспринг кивнул, указывая на экран:

— Вот. Два движущихся объекта в том направлении.

Он продиктовал ряд координат. Доннан повернул несколько ключей на панели управления, разворачивая корабль под прямым углом к первоначальному курсу. Через три-четыре минуты Голдспринг сказал:

— Хорошо, мы вне зоны обнаружения.

Говард изучил полученные данные приборов и отбарабанил новый ряд цифр. Корабль не слишком отклонился от направления на звезду; на такой скорости непросто повернуть, но Доннан начал снова изменять курс, корректируя его так, чтобы точно выйти на Майасту.

Олак Фарер прошелся по рубке и остановился, глядя на светящийся след на экране перед Голдспрингом.

— Что это были за объекты? — спросил он. — Корабли, патрульные ракеты или что-то еще?

— Я не знаю, — ответил Голдспринг. — Эта штукавина работает пока не слишком уверенно. Я только знаю, что это были источники модулированного парагравитационного излучения, и я отметил их удаленность, скорость и ускорение. Другими словами, это что-то, что двигалось с ускорением. — Он сухо добавил: — А мы можем утверждать, что в этой системе любой предмет, движущийся с ускорением, опасен.

— Так же, как и тот, что находится в свободном падении, — проворчал Олак.

— О Боже, — вздохнул Доннан. — Как часто я должен повторять вам — я уверен, мой благородный коллега понимает: для нас опасен лишь тот объект, вектор скорости которого совпадает с нашим.

— Да-да, — сухо сказал Олак. — Мне достаточно часто объясняли принцип действия вашего прибора. Парагравитационный детектор с беспрецедентной чувствительностью. Я верю, это хороший прибор.

— Это лишь первый из целой серии приборов, — сказал Голдспринг. — И оружия. Мои ребята и я только начали исследовать возможности, открытые новой теорией пространственно-энергетически-временного соотношения. Специалисты на «ФранкLINE», возможно, приготовят сюрприз к нашему возвращению.

— Возможно, — нетерпеливо произнес Олак. — Я ничего не говорил до сих пор, чтобы не показаться трусом. Но теперь, когда мы с вами прочно связаны, скажу откровенно, что доверить жизнь единственному, собранному вручную экземпляру не до конца отработанного прибора было верхом глупости.

Доннан вздохнул.

— Я спорил об этом тысячу раз с сотней драгаров, — сказал он. — Я думал, вы тоже слушали. Хорошо, я повторю все снова. Приспособление Арни не просто реагирует на парагравитационные волны, как обычный детектор. Оно само генерирует микроволны и потому способно использовать принципы интерференции. В результате прибор может засечь другие корабли на вдвое большем расстоянии и вдвое точнее, чем обычные приборы. Итак, если мы предупреждены о появлении врага задолго до того, как он обнаружит нас, мы можем уклониться от встречи, не попадая в его зону обнаружения. Ваши прежние рейсы заканчивались неудачей, так как линия обороны наштапкована патрульными кораблями и орбитальными ракетами. Ваши эскадры обнаруживали до того, как они могли приблизиться к базе. Но в этот раз мы подобрались так близко, что им уже бесполезно засекать нас, и при нашей скорости им нас не остановить. То же самое с торпедами, которые мы выпустим. Мы промчимся прямо через линию их обороны, прежде чем они успеют чихнуть.

К концу оскорбительной лекции Доннана на общеизвестную тему Олак кипел от возмущения.

— Я не молокосос, коллега, — прорычал он, оскалившись. — Я уже слышал все это много раз.

— В таком случае, мой благородный коллега, не могли бы вы вести себя так, как если бы вы действительно слышали об этом? — промурлыкал Доннан.

Олак ударил кулаком по подлокотнику. Доннан в упор посмотрел на него. Через несколько очень напряженных секунд драгар уступил; он встал, отошел к экрану левого борта и уставился на звезды.

Доннан позволил себе короткую передышку. Чего-то подобного следовало ожидать. Эти заросшие шерстью самураи имели бешеный темперамент. Но он должен был завоевать моральное превосходство. Возможно, когда-нибудь они станут его союзниками — иначе сказанию о последних людях неостанет красочности, чтобы пересечь Галактику. А наилучший, хотя и опасный, способ справиться с ними — это унижить.

— Вот он! — Голдспринг выпалил серию цифр.

Доннан и Говард изменили курс.

— Это вон тот, впереди? — спросил Доннан.

— Да. — Голдспринг подергал себя за бороду. — Возможно, ищет нас.

— Мне кажется, я засек след несколько минут назад, — сказал Вейлс, сидевший за радаром. — Я не обратил на него внимания, так как объект удалялся. Это могла быть автоматическая следящая станция... Она могла предупредить тот корабль. Тогда бы все остальные корабли начали поиск пришельца.

Однако Доннан надеялся заметить поисковиков вовремя и увернуться. Тем не менее он не хотел, чтобы станция так быстро вступила в игру. Возможно, кандемирцы строили свою оборону более тщательно, чем показала ворлакская разведка.

Доннан достал трубку и потянулся за кисетом. «Впрочем, нет, лучше не надо. Ограничивай себя в табаке, парень, пока не найдешь ему замену». Эта мысль повлекла за собой другие — о вине, лошадях, об Алисон и обо всем, что он любил и потерял навсегда. Доннан сердито пожевал мундштук незажженной трубки.

Истребитель продолжал свой путь. Люди обменивались замечаниями, пытались шутить, разминались и проверяли оружие. На оружейной палубе Большой Юл, которому Доннан простил убийство Боумана, но которому больше никто не доверял, прильнул к торпедной установке, как к родной матери. Наверху, в капитанской рубке, Рамри и дежурный офицер-навигатор играли в шахматы. На экране медленно росло голубое солнце. Постоянно меняя курс, корабль прятался от врага.

До поры до времени.

— Только что замеченный корабль идет совсем рядом, параллельно нашему курсу, примерно с той же скоростью и ускорением, — выпалил Голдспринг. — Скоро мы войдем в зону обнаружения.

— Мы не сможем уклониться, а? — спросил Доннан.

— Нет. Вражеская сеть стала слишком густой. Смотри: если мы повернем сюда, попадем прямоком в это скопище кораблей. — Голдспринг указал на карту, лежащую перед ним. — А если

будем дальше придерживаться курса, будем раскрыты вон той эскадрой. И она не замедлит накрыть нас огнем. Лучшее, что мы можем сделать, — это оставаться на прежнем курсе и попробовать свои силы на корабле, который я только что обнаружил.

— Гм... я не уверен. Если его вектор так схож с нашим...

— Не совсем. Чтобы удержаться рядом с нами, он должен увеличить ускорение на тридцать g. А это крейсер, по крайней мере, судя по мощности излучения. Крейсер не может набрать такое ускорение.

— Зато его торпеды могут.

— Я знаю. Возможно, он обстреляет нас. Но, учитывая чувствительность наших детекторов, у нас будет в запасе секунд десять, не меньше. Наши бортовые орудия ликвидировали все его снаряды на расстоянии в половину киломили.

— Хорошо, — вздохнул Доннан. — Я верю тебе. Это должно было случиться рано или поздно.

Олак прищурил глаза и раздул ноздри.

— Я боялся, что мы не увидим сражения в этом рейде, — сказал он.

— Этот вариант устроил бы меня больше, — ответил Доннан. — Космические войны слишком расшатывают нервы. Хорошая рукопашная драка — почти развлечение, но сидеть здесь и наблюдать за сражением на экране... Чувствуешь себя слишком беспомощным... Внимание, он приближается.

«Он находится слишком близко от своей планеты, — сказал себе Доннан. — И лишь потому не запускает ракеты. Но все равно это может дорого нам обойтись».

Вооружение было вне компетенции Доннана. Он слышал приказы офицеров-канониров, но не обращал на них внимания. Положив руки на панель управления, он думал о Земле. Однажды у него была девушка... не Алисон, хотя губы Алисон тоже не забыты...

Вспышки рождались и умирали среди звезд.

— Один, два, три... — считал Голдспринг. — Пять, шесть!

— Больше нет? — Рамри оторвался от шахматной доски.

— Нет. Больше ничего. Мы перехватили все их снаряды. И еще три торпеды в полете. Они, может быть, догонят корабль.

— Отлично, — сказал Рамри. Он толкнул своего партнера, покрывшегося испариной. — Ваш ход, лейтенант... Лейтенант, с вами все в порядке?

Вейлс вскрикнул. Доннан не повернул головы. Он полностью сосредоточился на управлении. Двигатели ревели. Слишком

поздно! Кормовой экран только что показал тяжелый, неуклюжий объект, пикирующий со стороны левого борта. Корабль встряхнуло... Упавшая стойка снесла голову партнеру Рамри.

Кровь била фонтаном. Звук взрыва ударил, как кулак в скулу. Доннана отбросило на переборку. Олак Фарер, стоявший поодаль, кувыркнулся рядом с ним, ударился о панель и, отскочив назад, смешно шлепнулся. Парагравитационная установка вышла из строя, невесомость заставила все вокруг закружиться в бесконечном танце — среди дыма, криков, гремящего эха и свиста уходящего воздуха. Повсюду летали неправдоподобные капли крови.

Экраны опустели. Огни погасли. Сила тяжести, вызванная вращением корабля, слишком слабая, чтобы быть заметной, все же заставляла обломки кружиться внутри разбитого корпуса. Мало-помалу беспомощный корабль затягивало на гиперболическую орбиту, проходящую мимо голубого солнца.

Глава 7

Потерпи немного и живи ради счастливого дня.

Вергилий

Пленник!

Доннан уже дважды был в плену: в Арканзасской тюрьме, как бродяга, и потом, годы спустя, — у банды китайских «добровольцев», наводнивших Бенгальский залив у берегов Бирмы, где он работал тогда на строительстве дамбы. Но сейчас Доннан просто не ожидал такого. Те тюрьмы, по крайней мере, находились на зеленой и людной Земле.

Небо над головой напоминало раскаленную медь. Щурясь от яркого света, Доннан видел миражи, дрожащие на горизонте. Горячий ветер сушил кожу; его монотонное завывание почти заглушал скрип башмаков по гравию. И это еще не пустыня. Кусты с кожистой коричневой бахромой на змеевидных ветках торчали по обеим сторонам дороги, качаясь и потрескивая под порывами ветра. Над головой парило существо, похожее на кошку, его шкура поблескивала, как слюдяная. Таким же блеском отливала чешуя туземцев, смахивавших на четырехлапых пауков с фасеточными глазами и щупальцами вместо рук. Без сомнения, они считали окружающую обстановку весьма приятной, так же, как и взвод кандемирцев, перед которыми туземцы всячески заискивали.

Доннан давно не чувствовал себя таким одиноким. Мысли о неудаче, смерти десяти человек, доверявших ему, и пленении сорока остальных наполняли его ужасом с того момента, когда вражеский корабль подошел вплотную и абордажная команда вступила на борт «Грунна». Людям не оставалось ничего другого, как сдаться в плен. Их корабль развалился, только скафандры сохраняли им жизнь, и лишь у некоторых было личное оружие. Они перебрались на подошедшее судно и, скованные наручниками, апатично ждали, когда их отправят на Майаст-2.

«А теперь какие-то высокие чины хотят допросить меня, — мрачно думал Доннан. — Как я могу дышать одним воздухом с убийцами Земли?»

Туземные хижины, скучившиеся вокруг укреплений, остались позади; отряд прошел через стальные ворота и попал в величественное бетонное здание. Внутри, в путанице коридоров, кипела активная деятельность. Однако Доннан понимал, что все это — камуфляж. Настоящая база спрятана глубоко в недрах планеты. Но и там ее можно было достать хорошим ударом, если бы...

Высокие фигуры кандемирцев с инструментами, оружием или бумагами в руках сновали по устланном каучуком коридорам и бегали по кабинетам, где перед низенькими конторками под резными листьями незнакомых растений сидели на корточках чиновники. Никто не разговаривал без необходимости. После завывания ветра тишина казалась странной. Острый звериный запах насыщал атмосферу.

Доннан нехотя признал, что кандемирцы выглядят привлекательно. Гуманоиды, семи футов роста, с очень широкими плечами и тонкой талией, они обладали почти безупречными пропорциями тела. И почти совершенными выглядели овал головы, широко расставленные зеленовато-голубые глаза с продолговатыми зрачками, маленький нос, почти человеческие чувственные губы. Пышные волосы, зачесанные за большие острые уши, обрамляли лица. Кожа этих лиц была гладкой и серебристой, только пара подвижных усиков торчала на верхней губе, выполняя роль органа обоняния. Руки тоже походили на человеческие, несмотря на шесть пальцев и черные, как сажа, ногти. Величественная наружность подчеркивалась строгой привлекающей одеждой мягких тонов. На одежде четко выделялись гербы, указывающие на ранг и происхождение.

Их присутствие подавляло, но Доннан расправил плечи. Будь что будет!

Открылась дверь с изображенным на ней огромным глазом. Конвоиры отдали честь, но не шелкнув каблуками, как это

делалось на Земле, а согнувшись в неглубоком поклоне. Каждый прикоснулся к голове стволом своей винтовки. За дверью кто-то свистнул. Старший подтолкнул Доннана вперед. Дверь за ним закрылась.

В углу комнаты стоял часовой. Кроме того, в помещении находился средних лет офицер, чей клановый знак содержал пятиугольник, указывающий на его родовитость. Офицер принадлежал к той из кандемирских рас, чья кожа была бледно-золотистой, а грива — рыжей. На щеке был виден небольшой шрам. Не вставая, хозяин кабинета улыбнулся Доннану.

— Поздравляю, капитан, — произнес офицер на мягком уру. — Я приветствую вас, — продолжил он с почти человеческим сарказмом, — если вы не против моего приветствия.

Доннан коротко кивнул и, согласно обычаю, опустил на пол. Кандемирец нажал кнопку на крышке стола.

— Перед вами — Таркамат из Аскунзоля. Я представляю клан Байкуш и командование Великого флота, — сказал он.

Доннан не удержался, чтобы не свистнуть. Адмирал собственной персоной, руководитель военных операций на всем флоте в войне с Ворлаком!

— Я и не догадывался, что мы вызвали такой интерес, — смог выдавить из себя Доннан.

Серебряная крышка стола скользнула в сторону, и появился поднос с двумя чашками, наполненными горячей жидкостью.

— Согласно нашим архивным данным о землянах, — сказал Таркамат, — этот настой не повредит вам. Более того, многие из вас находят... или находили его вкус приятным.

Доннан машинально потянулся к чашке. Нет! Он отдернул руку, будто обжегся.

Таркамат издал мурлыканье, которое можно было принять за смех...

— Поверьте, если бы я хотел отравить вас, то давно приказал бы сделать это. Но я предлагаю вам вместе с напитком статус... нет, не гостя, но все же и не пленника. Пейте!

Доннана охватила дрожь. Прошло какое-то время, прежде чем, заикаясь, он произнес:

— Я... я... я буду проклят, если приму что-либо... от вас! От любого подонка-убийцы... от Кандемира!

Солдат в углу вскинул винтовку и заворчал. Таркамат остановил его тихим свистом. Загадочный взгляд адмирала надолго остановился на лице пленника. Затем очень спокойно Таркамат сказал:

— Вы верите, что мой народ уничтожил вашу планету? Но вы ошибаетесь. Мы не принимали в этом участия.

— Кто же тогда?! — закричал Доннан. Он чуть было не вскочил, но вовремя опомнился.

Таркамат покачал рыжей головой:

— Я не знаю, капитан. Наша контрразведка пыталась это выяснить, но до сих пор не смогла. Ворлак кажется подходящей кандидатурой.

— Нет. — К Доннану вернулось самообладание. — Я был там. Они представили доказательство своей невиновности.

— Какое доказательство?

— Договор. — Доннан замолчал.

— Ах, это... Между ними и одной из земных наций? Да, мы знаем о нем из различных источников. — Таркамат сделал небрежный жест. — Мы совершенно уверены, что ни одна из малых независимых сил, таких, как Ксо, не могла разрушить Землю. У них нет ни достаточных средств, ни мотива.

— Кто же остался, кроме Кандемира? — хриплый голос Доннана казался странным ему самому. — Земля — ну, одна из наций Земли, по крайней мере, — помогает вашим врагам. Вот вам и мотив. А Солнечная система патрулируется вашими автоматическими ракетами. Я сфотографировал их.

— И мы тоже, — невозмутимо ответил Таркамат. — Мы посылали туда экспедицию — посмотреть, узнать новости. И тоже были атакованы. Но, честно говоря, ракеты «Искатель» четвертой модели — не лучшее оружие такого типа. Сотни их были перехвачены как вражескими, так и нейтральными кораблями, так как их компьютеры давали сбои, а снаряды не взрывались. Кто-то хотел очертить нас (и он добился своего — ведь люди не верят нам), и этот «кто-то» мог накапливать ракеты для своих целей. Заметьте также, что модель обычно не так неуклюжа и беспомощна, как те ракеты, что ведут охоту в Солнечной системе. Разве это не доказывает, что ракеты были намеренно разрегулированы, чтобы дать возможность жертвам ускользнуть и разнести слухи по всему космосу?

— Или дать вам необходимый аргумент в вашей пропаганде, как вы мне только что продемонстрировали, — прорычал Доннан. — Вы не можете отрицать, что договор между Россией и Ворлаком давал повод разрушить Землю.

— Тогда почему мы не сделали такую же попытку на Монвенги? — возразил Таркамат. — Они с их хваленым нейтралитетом гораздо полезнее силам Ворлака, чем одна страна Земли, снабжающая несколько кораблей небольшими партиями оружия. — Таркамат надменно вскинул голову. — Мы отказались от этого не из щепетильности, а из-за того, что затраченные усилия не оправдают результата. Особенно если учесть, что

живая планета намного ценнее для нас в будущем. Чтобы колонизировать Монвенги, нам пришлось бы предварительно стерилизовать их планету; а вот на Земле, несмотря на более холодное солнце, мы могли бы обосноваться... если бы так решили. Биосфера вашей планеты нам подходит. — Его тон стал жестче. — Не воображайте, что ваш мир или любая его страна что-то значат в военном отношении. Если бы эта страна, эта Россия, или как ее там, доставляла нам большие неприятности, знаете, как мы могли поступить? Не сдайся она перед простыми угрозами, мы применили бы метод, уже обеспечивший Кандемиру покорение пяти отсталых миров. Мы организовали бы миссию в стране соперников России на Земле, выяснили бы, насколько она сильна по отношению к ним, и сделали бы их своим орудием. Зачем подвергать риску жизни славных кандемирцев, если жители Земли сами могут сделать за нас половину работы?

Доннан закусил губу. Он не мог не признать, что аргумент удачен. Все, что он помнил из земной истории, подтверждало, что очень часто иностранные захватчики использовали в качестве союзника часть местного населения: римлян в Греции, саксонцев в Британии, англичан в Ирландии и Индии, испанцев в Мексике...

— Очень умно, — сказал Доннан. — У вас есть доказательства?

Таркамат улыбнулся.

— Кто кого допрашивает, капитан? Вы можете верить моим словам или не верить. Честно говоря, нам все равно, что подумают другие. Однако, — добавил он более серьезно, — мы не дьяволы. Посмотрите вокруг беспристрастно. Наше верховное правительство может иногда показаться жестоким. И оно бывает таким, когда затронуты наши интересы. Но наши проконсулы не имеют привычки вмешиваться в чужие дела. Они уважают старые традиции. Подвластные нам народы получают защиту и преимущества расширяющейся торговли. Мы не подрываем их благосостояния. В некоторых случаях покоренные народы живут лучше средних кандемирцев.

Вспоминая все ранее услышанное, Доннан не мог не согласиться с этим. В число спартанских добродетелей кочевников входила и честность на самых высоких уровнях.

— Вы забываете одну вещь, — возразил Доннан. — Они уже не свободны.

— Итак, вы пытаетесь на что-то претендовать, — ответил Таркамат неожиданно грубо. — Но ваш мир мертв. Что толку

в сентиментальности? Постарайтесь как можно лучше воспользоваться ситуацией.

— Я сентиментален настолько, что отказываюсь от сотрудничества с убийцами моего народа, — огрызнулся Доннан.

— Я уже говорил: это не Кандемир. Ваше мнение не имеет значения — и довольно обсуждать этот вопрос. Горстка бездомных наемников не стоит даже того, чтобы держать их в плену. Если бы... если бы не удивительно глубокое проникновение в зону нашей защиты. Я хочу знать, как это случилось.

— Нам повезло. В конце концов вы же схватили нас.

— Только применив новую тактику, разработанную для будущих сражений.

— Могу догадаться, что это было, — произнес Доннан, надеясь оттянуть неприятный разговор. («Зачем? — спрашивал он себя. — Что это могло решить? Что вообще имело значение?») — Чтобы добиться нужного ускорения, нынешние ракеты, как и корабли, снабжены парагравитационными двигателями. Поэтому и поисковые ракеты снабжены парагравитационными детекторами, которые нацелены на двигатели. Если двигатель выключен, используется радар, инфракрасный источник или другое коротковолновое оборудование. Ну что ж, вам удалось уравнивать вектор скорости своего корабля с нашим. Мы легко это обнаружили. Но ваш корабль не пытался обстрелять наш торпедой. Вместо этого он шел параллельно и дал залп — не обычными торпедами, а реактивными снарядами. Такого мы не предвидели: подобное оружие давно не используется. На короткой дистанции поток ионного излучения смог достать нас. Когда мы это поняли, было уже поздно уворачиваться.

— В ваш корабль попал только один снаряд. Но этого было достаточно, — признал Таркамат. — Вас разнесло бы в пыль, если бы желание узнать ваш секрет не заставило нас использовать минимальную мощность взрывного устройства.

— У нас нет секрета.

Доннан почувствовал, как пот собирается под мышками и стекает по ребрам. Он словно увидел перед собой Голдспринга с ошеломленным, залитым кровью лицом. Не обращая внимания на разрушение и смерть вокруг, он при свете аварийной лампочки молотком превращал детектор в нечто бесформенное, пока швартовался вражеский корабль.

— Больше чем уверен — он есть, — решительно возразил Таркамат. — Анализ данных вашего курса убедительно доказывает, что вы обнаружили наши корабли на необычайно больших расстояниях. Наши лучшие парагравитационные детекторы близки к теоретическому пределу чувствительности.

Следовательно, вы применили иной принцип. А это может привести к появлению нового типа оружия. Я не намерен играть с вами, капитан. Я предполагаю, что вы не питаете глубокой привязанности к Ворлаку, но вы должны дорожить каждым членом вашей команды. Мы будем каждый день казнить по одному человеку из экипажа у вас на глазах до тех пор, пока вы не согласитесь с нами сотрудничать. И это будет долгая, мучительная казнь.

«Ну что ж, я ожидал чего-то в этом роде», — подумал Доннан. Холод и туман окутали его мозг. Откуда-то издалека доносился голос Таркамата:

— Если вы согласны сотрудничать, с вами будут хорошо обращаться. Вы поселитесь на подходящей планете. Если найдутся еще люди, они смогут отыскать вас там. Такие способные индивидуумы, как вы, легко могут вписаться в систему жизни, предлагаемую империей. Но я должен предостеречь вас от предательства. Вам будет дозволено собирать и испытывать ваши приборы, но только под пристальным наблюдением наших ученых; и вы начнете с того, что объясните им принцип, лежащий в основе изобретения. Так как на Ворлаке, вероятно, остались люди, работающие в том же направлении, задержки недопустимы. Ну что ж, капитан, я жду ответа.

«Зачем упорствовать, — звенела в мозгу мысль. — Почему не сдаться? Может быть, они действительно не разрушали Землю? Может, и вправду лучше остаться рабом? О Иисус! Я так устал...

В тюрьме бирманского лагеря тоже было несладко, — мрачно вспомнил он. — Я не верил, что когда-нибудь выберусь оттуда, так же как и другие. Колючая проволока, джунгли, неряшливо одетые солдаты с мощными скорострельными ружьями, несчастные крестьяне, которые не осмеливались помочь нам, — но это было на Земле. Тогда еще верилось в будущее, мы могли надеяться... на рассвет, на восход луны, на дождь, ветер, свет; на долгую жизнь после того, как мы выйдем из игры. И мы продолжали жить. Мы строили сотни планов побега. Один из них был достаточно хорош. Он мог бы сработать, если бы дипломаты не добились уже нашего освобождения. А если бы план не сработал?... Ну что ж, мы наверняка были бы мертвы и нас закопали бы в землю, в живую землю...

И сейчас мужество покидает меня, — подумал он. — Теперь во времени и в пространстве нет ничего, кроме моего жалкого “я”.

Черт возьми, это не так!..»

И тут Доннана осенило. Изрыгнув проклятие, он выпрямился.

Таркамат ждал над остывающей чашкой.

— Ну, капитан? — промурлыкал он.

— Мы сделаем то, что вы хотите, — сказал Доннан. — Обязательно.

Глава 8

*Блестят мечи, и гром, и звон,
И варвары воют,
Пытаясь лагерь окружить, —
Но тщетно. Грозный ряд
Британцев, приносящих смерть,
Навстречу им идет.
И в дым и прах разметан враг,
И девица поет:
Клинг-кланг, боевой топор!
Победа! Виктория!
И дьявол навек уйдет.*

Леланд

Из окна высокой башни, известной под названием и-Чула — «Заоблачная», — Сигрид Холмен и Александра Вукович без труда могли разглядеть башню аро-Кито («Ожидающая»). Ее мерцающий шпиль возвышался над стенами и покрытой патиной бронзовой крышей; спиральные аппарели и изогнутые контрфорсы были вполне типичны для архитектуры Айзки. Однако деловые операции, совершаемые внутри башни, не имели ничего общего с деятельностью подобных учреждений на планете Затлокоп и даже во всей группе планет данной цивилизации. Компания «Земная коммерция» арендовала все здание целиком.

Поскольку компания была не настолько велика, чтобы заполнить все помещения, некоторые члены команды «Европы» жили в том же здании. Но кое-кто, как, например, Сигрид и Александра, старались сменить обстановку после работы, чтобы не сойти с ума. Они снимали квартиры в городе.

Хотя иногда, по мере роста компании, работа находила их и дома. Сегодня вечером Александра пригласила потенциального клиента домой на ужин. Жители Айзки были очень похожи на людей в этом отношении; они охотнее решали большинство вопросов за десертом и ликерами, чем за письменным столом. Если бы «Земная коммерция» могла удовлетворить требования Талтлы из Октцу и добиться заказов, это было бы очень выгодно для компании.

Сигрид посмотрела на часы. Она уже привыкла к здешним единицам времени и восьмеричной системе, а вращающиеся циферблаты даже нравились ей. Черт!.. Они появятся через десять минут, а она еще не надушилась.

Сигрид на миг замерла, наслаждаясь свежим ветерком, гладившим кожу. Условия жизни на Затлокопе были похожи на земные. И климат был просто райским. Женщины быстро освоились с местной модой — почти ничего, кроме шорт и сандалий, да и шорты-то надевались только ради карманов. Косые лучи солнца скользили по башням; воздух светился золотом. Как спокойно!

Слишком спокойно, подумалось ей. Над шпилями парил крылатый змей; больше ничего не двигалось — ни наземных авто, ни флаеров, ни лодок на темных водах каналов... В городе имелась подземка; виадукки извивались, подобно виноградным лозам, от одной башни к другой. «Это все-таки не Земля, — подумала Сигрид, — и никогда не станет ею. Ничто не могло стать новой Землей».

Космический корабль на парагравитационных двигателях бесшумно опустился; несмотря на расстояние в несколько километров, можно было видеть блики солнца на его бортах. «Это лайнер Холдара, — подумала девушка, — на борту должна быть партия товаров для компании». Эта мысль вернула Сигрид к действительности. У нее не было времени для жалости к себе. Закрыв окно, Сигрид поспешила на кухню и проверила автоповара. «Все в порядке. Слава Богу, что здесь так хорошо развита роботехника. Никто из людей не смог бы приготовить пищу по вкусу жителей Айзки».

Сигрид вернулась в гостиную, где среди переплетенных сводов и миниатюрных фонтанов так уютно выглядела земная мебель. Сигрид открыла парфюмерную шкатулку и сверилась с таблицей. Обычаи Затлокопа не уделяли внимания одежде, но запахи имели громадное значение. Для приема гостя такого ранга, как Талтла, необходимо было воспользоваться смесью класса пять... Сигрид поморщилась. Все, что принадлежало к классу пять, пахло для нее одинаково — как перепревший силос. Ну что ж, она могла обрызгать себя... конечно, всем обычно нравился одеколон, сохранившийся еще с Земли. Сигрид дотронулась до маленького резного флакона.

Автоматическая дверь подала голос:

— Двое хотят войти.

— Наверное, Александра привела его раньше, хотя я и просила ее не делать этого.

— Впусти их, — сказала Сигрид, не глядя на экран.

Дверь открылась.

Взгляд Сигрид уткнулся в металл. Она ожидала увидеть загорелую кожу жителя Земли или зеленый с золотом мех туземца, но не полированный сплав. Роботы напоминали гуманоидов ростом почти в два метра. Взгляд Сигрид поднимался все выше и выше, к безликим головам с фотоэлементами, которые светились тусклым красным светом, будто внутри их рдели угли.

— Боже мой! — воскликнула она. — Что это?

Один из роботов по-кошачьи тихо скользнул мимо нее.

Второй протянул руку и сомкнул металлические пальцы на плече Сигрид — не сильно, но чувствительно. Она инстинктивно попыталась отступить. Хватка стала крепче. Сигрид открыла рот от изумления.

Второй робот вернулся. Он, должно быть, убедился, что Сигрид дома одна.

— Пойдем, — сказал первый. — Мы не причиним тебе вреда, но не поднимай шума.

Робот говорил на уру, принятом здесь в качестве вспомогательного языка, так же как и на некоторых других группах планет.

— Что, черт побери, все это значит? — Гнев победил в ней страх.

Услышав, что Сигрид разговаривает на местном наречии, робот тоже перешел на этот язык, говоря бегло, но с акцентом. Он положил вторую руку на голову девушки. Пальцы почти целиком обхватили ее череп.

— Идем, пока я не нажал, — приказал он. От такого пожатия череп мог треснуть, как скорлупа ореха.

— Не кричать! — предупредил другой робот. Его акцент был еще сильнее.

Оцепенев, Сигрид последовала за ними. Коридор представлял собой трубу из ниоткуда в никуда; все двери были заперты, только вентиляторы бесшумно нагнетали воздух с запахом овощей. Кожа Сигрид стала холодной и влажной, губы дрожали. Они выбрали удачное время для похищения. Почти все местные жители на работе; а те, кто остался дома, были слишком заняты, чтобы выглядывать за дверь. На улицах нет случайных прохожих, как в земных городах. Это не Земля. Она обратилась в пепел в десятки тысяч лет отсюда.

Сигрид почувствовала боль в руке и с удивлением обнаружила, что все еще сжимает флакон с одеколоном. От острых граней на ладони появились красные полосы.

Робот вырвал флакон, заодно содрав кожу с пальцев девушки. Сигрид постаралась сдержать стон. Она слизнула выступив-

шую кровь, а два гиганта уставились горящими глазами на флакон. Хватка ослабла. Кажется, кости не сломаны...

Роботы совещались на незнакомом ей языке. Потом один из них спросил:

— Попытка самоубийства?

— Жидкость не опасна, — произнес второй робот.

«Бедный идиот», — подумала Сигрид. Она сунула пораненную руку в карман и покорно пошла вслед за роботами.

Вокруг все словно вымерло — не слышно было ни голосов, ни шагов... Роботы и Сигрид спустились по входной шахте в туннель подземки. Городской вагончик остановился по сигналу руки. Они сели в него и плавно покатались.

«Они действуют не самостоятельно, — решила Сигрид. К ней возвращалась способность хладнокровно размышлять. — Это, должно быть, дистанционно управляемые механизмы. Я никогда прежде не видела машин такого типа. Но в этой области Галактики их тысячи видов, а я провела здесь меньше года. Да, вероятно, это киберзомби.

Но чьи? Зачем?

Вряд ли их послали аборигены. Жители Айзки были по-своему гостеприимны к людям: предоставили им свободу на Затлокопе, обучили своему языку, выслушали их историю. А после этого пришельцы были предоставлены самим себе — в условиях раннего капитализма, господствовавшего в этой группе планет. Небольшой синдикат выразил желание арендовать флаер, тем самым положив начало их бизнесу. О коммерческой конкуренции вопрос не вставал. Поведение женщин во многом отличалось от принятого здесь. Торговые агенты и брокеры имелись в Затлокопе в немалом количестве, но они работали совсем по-другому — не обременяя себя ни акционированием прибыли, ни системным анализом, ни изучением перспектив в соседних группах планет. Итак, похитители не могли быть посланы конкурентами с Затлокопа.

Акцент роботов, а также неспособность операторов определить содержимое флакона указывали на...»

Вагон остановился, чтобы забрать еще одного пассажира. Туземец грациозно вскочил в вагон; он обладал немножко дикой красотой, как земной ястреб или дельфин. Стальные пальцы сжали запястье Сигрид так, что кости затрещали. Она еле удержалась от крика.

— Ни слова ему, — прошептал робот на уру.

— Если отпустишь руку, — едва выговорила она.

Хватка несколько ослабла. Сигрид откинулась на спинку скамьи. Новый пассажир странно посмотрел на нее, вытащил

надушенный носовой платок и демонстративно отодвинулся как можно дальше.

Вскоре роботы и Сигрид покинули вагон. Снова спуск в туннель, коридор, поворот, еще спиральный спуск, и они оказались в очередном темном коридоре с сотней одинаковых дверей, одна из которых была открыта. Все трое вошли внутрь. Дверь за ними захлопнулась.

За столом сидело около дюжины существ, похожих на гоблинов. Они были коренастыми, нескладными, с плоскими лицами. Еще двое стояли у пульта управления роботами. Когда эти двое повернулись к Сигрид, роботы замерли, как статуи. Комната была освещена неярким красноватым светом. Из проигрывателя доносились бесконечные визгливые причитания. «Форси, — поняла Сигрид. — Вторая по могуществу раса в этой планетной группе. Могла бы и раньше догадаться».

Один из гоблинов повернулся к ней. Его кожа шелестела при каждом движении.

— Нет смысла терять время, — проговорил он, глотая окончания. — Мы уже убедились, что ты занимаешь высокое положение среди представителей Земли. Самое высокое из тех, до кого мы могли добраться. Ты будешь сотрудничать с нами, или последствия окажутся самыми неприятными. Пойми, коммерческие операции для форси не служат личным целям, как на Затлокопе, но являются частью великого замысла. Ваша корпорация нарушила экономический баланс в этой группе планет. Мы подсчитали, что дисбаланс будет возрастать экспоненциально, если не исправить положения. Для того чтобы противостоять вашей деятельности, мы должны получить детальные сведения о ваших замыслах и психологии. Вы хитроумно использовали тот факт, что две особи не могут думать одинаково; более того, вы сами, явившись из цивилизации, полностью отличной от нашей, вдвойне непредсказуемы. Мы заберем тебя на свою планету и будем изучать твои методы.

Колени Сигрид задрожали. Она была на грани обморока.

— Если ты согласна сотрудничать, мы не причиним тебе большого вреда, — сказал форси. — В конце концов, этот процесс не будет без необходимости болезненным. Мы не хотим причинять лишних страданий. Мы восхищены вашим предприятием и хотели бы, чтобы ты выбрала нашу планету вместо Затлокопа. — Он пожал плечами. — Но я думаю, что местный климат слишком повлиял на тебя.

— И общество. — Несмотря на все усилия Сигрид, голос ее дрожал. — Здешняя культура вполне подходит для нас.

Ее собеседник не обиделся.

— Вы долго искали подходящую планету? — с любопытством спросил другой форси.

— Нам просто повезло, — ответила Сигрид. Все что угодно, лишь бы протянуть время!.. — Мы не слишком четко представляли себе, что ищем... нас интересовала свободная экономика в начальной стадии развития... но разных цивилизаций так много... Мы были только на двух планетах, хотя до нас доходили сведения и о вашей тоже. — Силы частично вернулись к ней. Сигрид выпрямилась. Форси, вероятно, в еще большей мере лишены обоняния, чем люди; это давало некоторую надежду. — Вы уверены, что вам удастся скрыть свое преступление? — взорвалась она. — Отпустите меня сейчас же, и я не буду предъявлять претензий!

Гоблины захихикали.

— Мы поедем прямо сейчас, — сказал старший из них. — Если мы доберемся в космопорт до вечернего часа пик, никто тебя не заметит. Наш корабль в любой момент может получить разрешение на взлет, и в течение часа мы стартуем. В противном случае мы можем подождать до завтра.

В комнате было прохладно, и девушку охватила легкая дрожь.

— Что мы вам сделали плохого? — воскликнула она. — Земляне никому не угрожают. Мы одинокие, бездомные, мы не можем иметь детей...

Главный гоблин сделал знак операторам, и те вернулись к пульту управления.

— Мы надеялись прожить здесь несколько лет, — жалобно произнесла Сигрид. — Неужели вы не можете понять нашего положения? Мы не таим секретов. Наша планета мертва. Несколько кораблей наших соотечественников-мужчин скитаются по Галактике. Мы забрались так далеко от Земли, чтобы скрыться от неизвестных врагов. Не для того, чтобы стать могущественными, даже не для того, чтобы поселиться здесь навсегда, но чтобы почувствовать себя в безопасности. И мы должны были устроить свои жизни...

— Что вы и сделали весьма успешно, опрокинув многие наши расчеты, — сухо заметил старший форси.

— Но... но послушайте! Конечно, мы попытались разбогатеть. Насколько это возможно. Но не это наша конечная цель. Это лишь способ. Когда у нас будет достаточно средств, мы сможем нанять корабли, чтобы отыскать оставшихся людей. Это все, я клянусь!

— Очень ясная схема, — кивнул старший. — Она могла сработать, будь у вас время.

— И потом... мы не останемся здесь. Мы не хотим. Это не наша цивилизация. Мы хотели бы вернуться и отомстить за гибель Земли, остаться среди знакомых планет. Или, может быть, начать с нуля, улететь далеко от всех, освоить совершенно новый мир. Мы не конкуренты вам. По крайней мере, ненадолго. Неужели вы не понимаете?

— Даже ваше кратковременное пребывание здесь доставляет нам большие неприятности, — ответил предводитель. — А что касается дальних перспектив — ты можешь отрицать, но структура нашей корпорации и, что еще более важно, ваши методы и идеи — останутся. Форси не могут победить их. Итак, сейчас мы выйдем через западный ход. Частный гравикар ожидает нас, чтобы доставить в космопорт.

Операторы, управляющие роботами, вставили руки и ноги в ячейки пульта и надели на головы контролирующие колпаки. Робот двинулся к Сигрид.

Она отпрянула. Робот неуклюже двинулся к ней. Сигрид метнулась через всю комнату. «Кричать нет смысла. Все помещения в этом городе звуконепроницаемы». Второй робот подошел с другой стороны. Они загоняли ее в угол.

— Веди себя пристойно! — Старший форси поднялся и стукнул по столу. — Тебе грозит наказание...

Остального она не слышала. Прижавшись к стене, Сигрид сделала вид, что собирается проскочить между роботами. Они придвинулись друг к другу ближе. Сигрид бросилась вправо. Железная рука взметнулась, но лишь задела волосы, не причинив девушке вреда.

Роботы развернулись и бросились за Сигрид. Она схватила стул и бросила в них. Ударившись о металл, стул разлетелся в щепки. «Бесполезно, бесполезно!..» Она побежала к дверям, но робот оказался проворнее. Сигрид бросилась назад. Один из форси схватил ее.

Холодные руки вцепились в ее талию. Сигрид вскрикнула и резко двинула коленом. Уязвимый, как и мужчина, гоблин завопил и отпустил ее. Сигрид перепрыгнула через него и, схватив другой стул, опустила его на лысый череп, возвышающийся над столом. Звук удара заглушил голоса.

Сигрид вспрыгнула на стол. Старший форси обхватил ее колени. Пинок в выпуклый глаз — и гоблин осел, изрыгая проклятия. Наступив ему на плечо, Сигрид соскочила на пол.

Но роботы уже приближались. Тогда Сигрид нагнулась и юркнула под стол. Форси кричали и визжали. Минуту или больше они толпились вокруг стола, натываясь на роботов. Перед носом Сигрид мелькали их короткие серые ноги.

Кто-то громогласно призвал к порядку. Форси отошли в сторону. Один из роботов поднял стол. Сигрид встала. Второй робот приближался. Она напряженно ждала. Когда он попытался схватить ее, Сигрид бросилась вперед, и руки робота сомкнулись над ее головой. Сигрид присела и шмыгнула между широко расставленными ногами робота. Мгновенно выпрямившись, она ринулась к запасному выходу.

Конечно, дверь закрыта... Как долго она уворачивалась и убегала? На сколько еще ее хватит? Дыхание с хрипом вырвалось из ее горла.

Остановившись перед дверью, Сигрид заорала:

— Откройся!

Главное, чтобы никто не успел дать другой приказ... К счастью, дверь не была настроена на определенные голоса и распахнулась.

Четверо местных жителей стояли перед ней. И Александра! С оружием в руках!

Роботы предприняли новую атаку. Пуля гулко ударилась о грудную пластину и отскочила. Александра усмехнулась и, дождавшись, когда великаны подошли поближе, прицелилась куда-то позади них и дважды выстрелила. Операторы упали. Роботы умерли.

Старший форси выкрикнул какую-то команду. Его помощники отчаянно бросились в атаку. Еще двое были застрелены. Остальные накинлись на Александру и ее спутников.

Сигрид выбралась из массы дерущихся. «К пульту управления!» Она спихнула тело оператора с сиденья. Ячейки и колпак не очень шли ей, кроме того, ей никогда прежде не приходилось управлять киберзомби. Однако особого умения и не требовалось. Была бы сила. У робота сил достаточно. С его помощью Сигрид выдергивала из общей свалки серые фигуры и выводила их из игры. Скоро все было кончено.

Местные жители позвонили в полицию, пока остальные стерегли оставшихся в живых форси.

— Назревает грандиозный дипломатический скандал, — заметила Александра. — Который, я думаю, пойдет на пользу нашей корпорации.

Сигрид усмехнулась:

— Каким ты стала заядлым капиталистом!

— У меня не было выбора, не так ли? И ты же первая предложила попробовать силы в коммерции. — Югославка взвесила оружие на руке. — Но если насилие войдет в систему, я, пожалуй, дам тебе несколько советов. Не потому, что ты действовала неверно, конечно. Когда тебя не оказалось дома, а Талт-

ла заявил, что в холле воняет одеколоном, я поняла, что дело нечисто. Ох, сколько одеколона ты вылила на себя! За неделю не отмоешься! Эти парни, которых я позвала на помощь, без труда проследили твой маршрут по запаху.

Александра посмотрела на мрачных пленников. Потом трянула головой и прищелкнула языком:

— Так они вздумали хулиганить? Бедные маленькие твари!

Глава 9

*Король Вольмер, где твой народ?
Пусть ржавые мечи возьмет
И те щиты, что в церквах древних, пыльных
Висели на стенах, где все о них забыли.
И кони сонные, что средь могил пасутся,
Пусть в сбруе золотой воинственно взовьются.
И — к городу, вперед! Пока
Не побледнел златой закат.*

Якобсон

Дождь примчался на крыльях северного ветра, обрушившего на крыши потоки воды; за водяной завесой виднелись неясные очертания домов. Деревья, похожие на змей, окунались в придорожную грязь. В небе сверкали молнии; ослепительные вспышки чередовались с полной темнотой; удары грома перекрывали вой ветра и рев текущей воды. Лохо разбежались по хижинам, прячась от дождя. Никто, даже Высокие Мастера, не смогли бы сейчас заставить их работать. Только стены и башни базы Джугаш и космические корабли, нацеленные в небо, стояли неподвижно посреди этого хаоса.

За последние недели Доннан достаточно узнал кандемирцев, чтобы увидеть знак свыше в том, что Кошча из клана Жанбулак дал согласие на космические испытания парагравитационного детектора, как было намечено ранее. Доннан отсалютовал и выключил интерком.

— Они отправляются, ребята, — сказал он. — Чирик-чирик (он имел в виду туземца, следившего за порядком в помещениях) доложил мне, что дождь льет как из ведра, — можно сказать, что на этой планете разверзлись хляби небесные. Однако наших приятелей это не останавливает.

Доннан увидел, как напряглись собравшиеся вокруг сорок человек. Говард облизнул губы, О'Баньон перекрестился, Райт

что-то прошептал Роджеру, Юл, одиноко стоявший в стороне, сжал кулаки так, что побелели суставы.

— Успокойтесь, — сказал Доннан. — Главное сейчас — не выдать себя. Может быть, никто из кандемирцев не понимает английского и нашей мимики, но они не дураки.

Голдспринг выдвинул на середину лабораторного стола детектор — наскоро собранный образец. «Большая удача, — подумал Доннан, — что Кошча разрешил собрать этот экземпляр здесь, в жилых помещениях, чтобы Голдспрингу и его помощникам было над чем подумать даже тогда, когда они не работали в мастерских на базе». Просьба землян действительно была обоснованна. При современном состоянии науки интерферометрический детектор был не просто головоломкой, а чем-то вроде капризного монстра, который создавался методом проб и ошибок. Таким образом, чем больше Голдспринг ходил вокруг да около своих приспособлений, тем быстрее он добивался успеха, заставив работать хоть один прибор. Это было тем более верно, что детекторы, задуманные Голдспрингом, во многом превосходили тот, что использовался на «Грунне».

Члены экипажа, не обладавшие достаточной квалификацией, чтобы работать в мастерской базы, тоже помогали, как умели. Им необходимо было дело, о котором имело смысл думать и спорить, иначе люди просто сошли бы с ума.

Кандемирцам и в голову не приходило, что пленникам удалось превратить микро-ультра-фильтметр в преобразователь гиперпространства и таким образом подготовить побег. Физики из бригады Кошчи знали точно, что представляет собой тот или иной электронный элемент и какую функцию он выполняет. Никто из землян не смел приступить к работе, пока Голдспринг не разъяснял подробно квалифицированному кандемирскому наблюдателю основы своей теории и целесообразность применения той или иной электронной схемы. Кроме того, все помещения тюрьмы находились под постоянным наблюдением.

Несмотря на все меры предосторожности, Кошча мог и запретить людям работать в жилых помещениях. Если бы так случилось, побег всей команды стал бы неосуществимым. Но это не значило, что побег вообще был легким делом.

Лицо Голдспринга блестело от пота.

— Все готово, пора начинать... — произнес он.

Его помощники, допущенные кандемирцами к полету, собрались вокруг. Доннан тоже подошел к ним. Он натянуто усмехался, хотя во рту у него пересохло; он не чувствовал запаха их пота, потому что сам насквозь пропотел. Неуверенность охватила его.

Но Доннан не мог позволить, чтобы другие заметили его нерешительность: команда слишком верила своему капитану. Стоящие вокруг техники загородили его от телеглаза. Голдспринг снял крышку с корпуса прибора. Доннан запустил внутрь руку.

Через минуту он кивнул и отступил назад. Голдспринг поставил крышку на место. Рамри подошел к Доннану, взял его под руку и придвинулся вплотную, чтобы скрыть спрятанный под одеждой капитана предмет.

— Ты и вправду веришь, что у нас получится? — пропел монвенги по-английски.

— Спроси меня об этом через час, — ответил Доннан. Глупо, ведь они уже много раз все обсудили. — Ты уверен, что справишься с управлением? Ведь корабль не только построен для других существ, но и все оборудование полностью отличается... Все надписи сделаны на чужом языке. Даже шкалы приборов... ведь кандемирская система счисления двенадцатеричная, не так ли?

— Я верю, мы сможем, — мягко сказал Рамри. — Космические корабли схожих планет не могут слишком отличаться друг от друга. А что до навигационных карт и всего подобного, так я немного знаком с языком эршаут. — Перья Рамри встопорщились. — Карл-друг-мой, ты не должен бояться. Это час славы.

— Скажи мне об этом попозже, — Доннан попытался рассмеяться, но не смог.

— Неужели ты не понимаешь? Если бы не было никакой надежды, я бы покончил с собой еще несколько недель назад. Сегодня нам нечего терять. За все годы, что я провел на Земле в качестве торгового агента Тантаи, я так и не смог понять, почему луч надежды ужасает людей больше, чем безысходность.

— Ну, наверное, потому, что мы не монвенги.

— Да. И это к лучшему. Какой изумительный мир исчез, когда погибла Земля! Я не думаю, что где-нибудь еще возникала такая благородная концепция, как конституция вашей страны. А шахматы, а квартеты Бетховена, а... — Рамри сжал руку Доннана. — Нет, прости, мой друг, ваш мир не умер. Он возродится... на новой Земле!

Они умолкли. Тишина заполнила комнату.

После мучительно долгого ожидания входная дверь распахнулась. Вошли четверо солдат и встали по двое с каждой стороны входа, направив оружие на людей. Следом появился Кошча с дюжиной ученых-физиков. Старший из физиков повелительно взмахнул рукой.

— Группа Голдспринга, на выход! — раздраженно проворчал он. — Остальным оставаться на местах.

Доннан и Рамри вышли вперед. Кандемирцы казались неизмеримо высокими. «Они только на тринадцать или четырнадцать дюймов выше нас, — твердил себе Доннан, пытаясь привести мысли в порядок. — Это несущественно. Нет, черт побери! Более длинных четырнадцати дюймов я еще не видел». Доннан откашлялся.

— Я бы хотел пойти с вами, — сказал он. — И взять с собой всех остальных.

— Что за чепуха? — рявкнул Кошча.

— Мы все технически подкованы, — сказал Доннан. — Мы работали как одна команда. Мы все занимались этим детектором, который вы сами разрешили здесь собрать. Мы создали его все вместе. Вы должны признать полезной всю группу.

— Набиться до отказа в лабораторию истребителя вместе с моим персоналом? — Кошча явно издевался. — Не валяя дурака, Доннан!

— Но тогда, черт побери, мы выходим из игры. Мы забыли о гордости и работали на вас. Мы собрали несколько детекторов в мастерских и один здесь. Их наземные испытания прошли успешно. Так когда же вы будете относиться к нам как к союзникам, а не как к заключенным?

— Позже, я сказал, и никаких возражений!..

Доннан выхватил из-под одежды пистолет и приставил его к животу Кошчи.

— Не двигаться! — произнес он почти шепотом. — Не дергать даже усиками! Никому!

Глаза Кошчи почернели от бешенства. Один из солдат сделал попытку выстрелить в Доннана, но Рамри ударил его ногой. Эта нога со шпорой способна была переломать кости. Винтовка грохнулась на пол, а солдат скорчился от боли.

Доннан мог лишь надеяться, что его товарищи, столпившиеся вокруг, заслонили эту неожиданную сцену от телеглаза и что надзиратели, сидящие в кабинете начальника тюрьмы, слишком уверены в себе, чтобы наблюдать за землянами постоянно.

— Бросьте оружие, или Кошча умрет, — сказал он.

Кочевники, как правило, повсюду использовали клановый принцип, и этот отряд не был исключением. Ученые и их телохранители состояли в кровном родстве. А руководитель подразделения был также сеньором Жанбулака. Своим выстрелом Доннан мог положить начало продолжительной кровавой бойне.

До того, как его убьют, он мог перестрелять немало кандемирцев. Трое солдат, до сих пор державшие людей на прицеле, вполне могли перебить их. Но солдаты были слишком ошеломлены. Доннан услышал, как винтовки упали на пол.

— Всех, кроме Кошчи, связать и запереть на складе, — распорядился Доннан.

Эта операция заняла несколько минут.

— А теперь — к ангару.

Люди потянулись по длинному, пустому, тускло освещенному коридору. Доннан следовал за Кошчей с пистолетом в руке. Остальные шли позади.

В голову Кошчи билась одна-единственная мысль: «Как земляне раздобыли оружие? Неужели предал кто-то из этих непокорных лохо? Или (о, это немыслимо!) чужаки подкупили кого-нибудь из моего клана?» Может быть, через минуту или две он догадался бы. Но было слишком поздно. Четверо людей, шедшие позади Доннана, держали винтовки, брошенные стражей.

Четыре настоящие винтовки.

— Соберите вручную совершенно новый прибор. Потом усложняйте его, улучшайте его характеристики. Электрические схемы его останутся почти неизменными. Ваши стражи будут выдавать вам те конденсаторы, резисторы, усилители и прочие узлы, необходимость которых вы докажете. Но кто обращает внимание на шасси? Это только каркас, поддерживающий и защищающий важные детали. Вы должны регулировать тот или иной электронный узел, изменяя его свойства. Шасси не имеет значения.

Итак, если кто-нибудь спросит, почему вы вытачиваете на токарном станке полый гладкий цилиндр и сверлите в нем отверстия, спокойно объясните, что это требуется для усиления каркаса и фиксации пучка проводов. Если вам нужны угловые скобы строго определенных профилей, это должно быть продиктовано геометрией прибора. Если дырка, случайно просверленная в крышке стола, латается с помощью куска металла из отходов — кто обратит внимание на форму этого куска? И так далее, и тому подобное.

При необходимости вы быстро откручиваете эти детали от шасси, собираете их вместе и получаете отличную имитацию пистолета.

Доннан не знал, что бы он сделал, провались его затея с оружием. Возможно, он бы окончательно сдался и продал свою душу Кандемиру. Пока он избавлен хотя бы от этого. А если бы

план провалился сейчас, лучшим для него было бы умереть в бою.

«Да, смерть в бою была бы большой удачей», — подумал Доннан.

Люди приближались к ангару. Два сержанта, проходя мимо, отсалютовали, не скрывая удивления при виде толпы людей, сопровождаемой одним-единственным офицером.

— Выдайте им, ребята, — скомандовал Доннан. — Но будьте осторожны.

Винтовки изрыгнули пламя. Сержанты упали, как большие картонные куклы. Их кровь оказалась темнее человеческой. Доннан на миг задумался о их женах и детях.

— Нет, убийца! — выкрикнул Кошча, остановившись.

Доннан подтолкнул его фальшивым пистолетом:

— Марш!

Они торопливо пошли дальше. Маловероятно, особенно сегодня, что кто-то находится в ангаре. Но у входа...

Двое часовых снаружи взяли винтовки на изготовку:

— Стоять! По чьему приказу...

Залп из-за спины Доннана буквально разорвал их на части, размазал по стальным стенам.

Кандемир-пленник зарычал, повернулся и бросился на Доннана. Доннан ударил его рукояткой пистолета в лицо. Кандемир упал на одно колено, протянул руку и вцепился в лодыжку противника. Враги, схватившись, упали на землю. Над ними пролаяли винтовки. Завыла сирена тревоги.

— Дверь заперта, — крикнул Рамри. — Дайте оружие, я попытаюсь отстрелить замок.

Разбитое лицо кандемирца искажала ненависть к Доннану. Гигант одерживал верх, сомкнув двенадцать пальцев на горле капитана. Тот почувствовал, что проваливается в темноту, и, схватив противника за руки, попытался оторвать их от себя. Черные ногти оставляли кровавые следы на коже, но хватка постепенно слабела. Доннан сильно ударил врага под ребра. Но тщетно. У кандемирцев не было солнечного сплетения. Ухватившись за тунику Кошчи, Доннан сумел приподняться. Неимоверно длинные руки удерживали его. Пальцы Кошчи тянулись к глазам капитана. Доннан откинул голову и ударил противника ногой.

Рамри одним прыжком отскочил от разбитой двери и одним ударом шпоры прикончил Кошчу. Доннан выбрался из-под тела противника.

— Поспешите! — закричал Говард. — Я слышу, они подходят!

Люди бросились в ангар. Выстроенные рядами, там стояли множество небольших кораблей. Один из них был почти готов к старту. Входной люк открыт. Люди атаковали кандемирцев, суевившихся возле него.

— Мне нужно время, чтобы освоиться с управлением, — сказал Рамри Доннани, опиравшемуся на руку Голдспринга. — Я знаю, что в аварийном случае истребителем можно управлять в одиночку, но как именно — надо разобраться.

— Время будет, — сказал лейтенант Говард.

«Хороший он парень, — подумал Доннан, — чертовски хороший средний офицер. Вот только не стоило ему лезть в капитаны. Но и я на этом посту, кажется, выгляжу ненамного лучше, не так ли?»

Позади Говарда образовался живой клин. У Говарда было оружие. Но в целом земляне взяли верх лишь от отчаяния. Они пробились по сходням и устремились в люк. Кандемирцы уступили — у них не было выхода, — но все же попытались пробиться на корабль. Земляне снова атаковали их. Вокруг свистели пули.

— Пошли на борт, капитан, — сказал Голдспринг. — Все на борт! У нас мало времени.

— У нас совсем нет времени, — уточнил Юл. — Гарнизон подходит.

В проеме разбитой двери показались несколько гигантов. И были встречены огнем. Один из кандемирцев упал, остальные скрылись из виду.

— Они вернутся, — пробормотал Доннан. — Здесь не один вход. Кому-то нужно остаться внизу и задержать их, пока мы готовимся к старту... можно скрыться за сходнями. Дайте мне оружие. Добровольцы есть?

— Есть, — ответил Юл. Странное умиротворенное выражение появилось на его лице. Он схватил винтовку, которую протянул ему О'Баньон.

— Отдыхай, — задышавшись, сказал Доннан.

— Тащите его наверх, мистер Голдспринг, — приказал Юл. — Он нам еще понадобится.

Доннан ухватился за Голдспринга, чувствуя себя слишком скверно, чтобы сопротивляться.

— Тот, кто останется внизу, скорее всего погибнет, — медленно произнес Голдспринг, обращаясь к Юлу.

Юл сплюнул:

— Я знаю. Ну и что? Я не герой, черт побери, но я — человек.

— Я назову новое оружие в твою честь, — сказал Голдспринг. — Я придумал кое-что, пока мы были в тюрьме.

— Отлично. — Юл подтолкнул его к люку.

Еще трое остались внизу. Каждый выбрал себе укрытие, и какое-то время они ждали... может быть, смерти?

Затем сразу с нескольких сторон ринулись кандемирцы. Под крышей ангара эхом отдавались взрывы. Ярko пылал термит, пожирая все, к чему прикасался. Голдспринг, рискуя жизнью, приоткрыл люк и замаха! рукой:

— Мы можем уходить!

— Дьявол! Вы отлично знаете, что моя команда не уйдет! — крикнул Юл. — Закрой люк, идиот, и дай нам заняться делом!

Он не был уверен, что Голдспринг услышит его в этом шуме. Но через несколько секунд люк закрылся. Истребитель оторвался от опор. Автоматически открылся люк в крыше ангара. Дождь на мгновение ослепил людей.

— Мы в безопасности, — вздохнул Рамри.

— Да, если не учитывать ракет линии обороны и доброй половины Великого флота... Наша задача сейчас — достичь интерференционной полосы, — хмуро ответил Доннан.

— Но что они могут? Всего лишь уничтожить нас?

— Да... да, конечно.

Рамри уставился на экран. Вспышки молний уступили место звездам.

— Мой друг... — начал он и умолк.

— Что? — спросил Доннан.

— Я думаю... — Голос плохо повиновался Рамри. — Я думаю, нам надо вновь изменить курс.

Монвенги тронул клавиши на панели управления. Все зависело от выбранных им векторов скорости. В конце концов, космос велик, а кандемирская защита настроена на предметы, движущиеся к планете, а не от нее.

— Это не то, что ты хотел сказать, — заметил Доннан.

— Да. — Рамри решил. Он выпрямился, его профиль четко обрисовался на фоне созвездий. — Карл-друг-мой, я приношу извинения. Но уже много лет прошло с тех пор, как я покинул родину. На корабле лишь я могу читать надписи на языке эршаут, и только я могу справиться с управлением. Я беру курс на Каткину.

— Все в порядке, приятель, — ответил Доннан. — Я ожидал этого. Вперед. — Его тон стал жестче: — Я все равно хотел перемолвиться парой слов с вашими правителями.

Глава 10

Ради своего благополучия нация должна изменять свое поведение каждые десять лет.

Наполеон

На какое-то мгновение, задержавшись взглядом на горизонте, Доннан представил, что он снова дома. Снежные вершины над морем, тысячи оттенков зелени долины, свет золотого солнца и тени облаков развеяли кошмар, в котором Земля превратилась в пепел. Доннан ощутил себя беспечным юнцом в Аппалачах; он ночевал на сеновале, и дочка фермера целовала его на прощание у почтового ящика... Но обман рассеялся, и вернулся кошмар.

Рамри глянул на Доннана и снова сосредоточился на дороге. После многих лет, проведенных на Земле и в космосе, монвенги впервые освоился с креслоподобным горбатым восьминогим существом двадцати футов в длину; приходилось нажимать на его нервные окончания, чтобы заставить слушаться. Такое средство передвижения считалось устарелым еще тогда, когда Рамри покидал родную планету. Парагравитационные аппараты, порхающие над головой, уже прочно вошли в обиход на Каткину. Но сегодня Рамри и Доннан направлялись к Резиденту, принадлежавшему к обществу лаотанги. Прибыть на неживой машине по официальному приглашению для представителей этой цивилизации считалось оскорблением.

Наконец Доннан взял себя в руки и раскурил трубку. Черт бы побрал эту нехватку табака... особенно сейчас, когда Рамри заверил его, что получение идентичных листьев — пустяковая задача для любого из генетиков Монвенги. Но Доннан попробовал их зелье и понял, что ему далеко до настоящего табака. Каткину — не Земля, и этот факт следовало твердо усвоить.

Даже невооруженным глазом было видно, что сходство травы и деревьев с земными лишь поверхностное. Биохимический анализ подтверждал, что их состав заметно отличался от земных растений. Прежде чем выйти из космического корабля, Доннану пришлось принять некоторые меры предосторожности. Запахи, окружающие его, пряные и приятные, не имели ничего общего с земными. По дороге (вымощенной, если можно так выразиться, густым зеленым лишайником) шли похожие на голубых попугаев существа, держа в руках незнакомые ему инструменты. Далеко отстоящие друг от друга дома, окруженные прекрасными садами, представляли собой не что иное, как очень

толстые деревья; это были гигантские бочкообразные растения, в дуплах которых и размещались квартиры с нарядными перламутровыми стенами. Поля и сады вокруг находились под присмотром неуклюжих восьминогих существ, выведенных для одной-единственной работы, — как и то, на котором ехали Доннан и Рамри.

«Конечно, — думал Доннан, — это не люди. Даже Рамри, напевавший мелодию Моцарта и награжденный орденом Почетного легиона за героизм, — Рамри, самый симпатичный парень из всех, кого я знаю, — тоже не человек. Он вернулся к своей жене и детям через восемь лет — или какой там у них счет времени — и у него есть тут друзья, к которым он может зайти выпить пива...»

Мысли Доннана беспорядочно перескакивали с одного на другое. «Цивилизация тангаи на первое место ставит индивидуализм. Но, наверное, не во всех обществах монвенги так равнодушно относятся к семьям. И ни один человек не был бы так холоден с женой после долгой разлуки. Однако, помнится, Рамри говорил, что у них нет таких отношений между полами, как у землян? Значит, с глаз долой — из сердца вон? Невероятно!..

Или я что-то упустил. Может, крепкое объятие и несколько слов для Рамри и его жены равнозначны медовому месяцу для меня и Алисон?..

Если бы я дал шанс Алисон...»

Доннан выбросил эти мысли из головы.

— Ты не посвятил меня в детали. Я совершенно незнаком с вашими обычаями. Насколько я понимаю, на каждой планете, колонизированной вашим народом, правит представитель Монвенги. Правильно?

Рамри встопорщил хохолок.

— Нет, — ответил он. — Или да. Спорный вопрос. На него нельзя дать определенный ответ. В конце концов, так как Резидент Вандвей принадлежит к народу лаотанги, он разговаривает на своем языке, живет по своим законам и обычаям, его привычки кажутся странными для меня. И то, что он понимает под термином «резидент», и что подразумеваете вы, произнося это слово, не совпадает с тем, что имеют в виду жители планеты Каткину. Такие различия иногда несущественны, иногда значительны, но они всегда есть. Он даже использует другие фонетические символы.

— Вот как? Я думал, что в вопросах алфавита и системы цифр вы пришли к единому мнению.

— Нет-нет. Лишь часть нашего сообщества. Но для лаотанги, к примеру, каллиграфия — это большое искусство, они на-

ходят нашу письменность ужасной. Все монвенги пишут слева направо, как жители Англии или Эршута, а не справа налево, как в Японии или на Ворлаке. Но, кроме этого, существует еще множество отличий между социумами. То же самое с математическими символами. Естественно, образованные представители нашего мира изучают языки и обычаи наиболее значительных социумов. Но, боюсь, я мало знаком с культурой лаотанги. Я почти не знаю их искусства. В этом я типичный представитель Каткину. Мы отдаем предпочтение физике и технологии, а не искусству; этим мы отличаемся от других народов сообщества монвенги. Некоторые из них считают такое увлечение низменным. Но на Каткину другой взгляд на вещи.

— Но, — возразил Доннан, — в вашем обществе наука была на высоком уровне еще до того, как пришельцы из Галактики посетили вас. Иначе вы не достигли бы таких успехов в генетике, не смогли бы так быстро перейти к космической технологии.

— Конечно. До появления на Монвенги исследователей народа уру мы уже достигли многого в области теоретической физики. И эти достижения широко применялись на практике. Однако основные усилия направлялись в другую сторону. История последних лет Земли почти зеркально отражает образ Монвенги двухсотлетней давности. У вас были огромные успехи в теоретической биологии, но лишь немного применялось на практике, так как все силы и средства были брошены на развитие физики. У нас наблюдалась как раз обратная ситуация.

— Все это слишком сложно для меня, — сказал Доннан. — Я никогда не мог постичь структуру вашего общества. Особенно докосмический период. Я вижу, как ваша цивилизация распространяется на новые планеты, совершенно не затрагивая столь отличной от вашей культуры туземцев. Но как могут сосуществовать различные культуры в одной и той же местности?

— Конечно, в этом есть свои сложности, — ответил Рамри. — Именно поэтому соседние общества образовали свои колонии на Каткину. Тантаи составляют большинство. — Он указал на группу строений — высоких, ярко раскрашенных цилиндров из стали и пластика в полумиле от дороги. Между цилиндрами то и дело мелькали птицы, одетые в камзолы. — Это поселение народа кодау. Я полагаю, ты назвал бы их религиозными коммунистами. Они не трогают нас, и мы их не беспокоим. Думаю, мы долго и мучительно шли к такому миру. У нас, в сообществе монвенги, не было великих войн, но местные стычки случались гораздо чаще, чем у людей. Постепенно был выработан метод мирного разрешения конфликтов. Именно поэтому

государство поддержало повсеместно ряд общественных технологических служб. Поддержание мира — это тоже технология, не более загадочная, чем агрономия или медицина. Потом появилась необходимость и было создано межпланетное правительство.

Рамри покосился на Доннана и, решив, видимо, что человек не успевает за ходом его мысли, продолжил более медленно:

— Честно говоря, по мере увеличения плотности населения и усиления взаимовлияния некоторые культуры теряли свою индивидуальность. Выход в космос стал для нас спасением. Мы нашли достаточно свободных территорий. Теперь можно экспериментировать, не нарушая баланса между нашей и соседними культурами. Свежие идеи, пришедшие с других планет, укрепляют нашу цивилизацию. Несмотря на все наши с тобой беседы, Карл-друг-мой, ты вряд ли осознаешь, какое огромное влияние оказали на монвенги идеи землян. Вы помогали нам, не только посылая редкие ископаемые и запчасти для машин, — ваши инженеры обходились нам дешевле, так как они взамен обучались нашей технологии... но вы еще преподнесли нам и целую философию. Тантани, к примеру, ранее были реакционны и не признавали новых научных достижений. Вы заставили их признать, что технология сама по себе не противоречит нашему мировоззрению... а вот биотехнология, небрежность в манипулировании жизнями живых существ... — Он выразительным жестом указал на горбатое существо, на котором они ехали. — Подобная небрежность затронула и область психологии. В некоторых обществах велись разговоры о контроле над индивидуумом на основе генной инженерии. Такие концепции встревожили нас. Если бы тантани и дальше продолжали в том же направлении, мы бы сейчас были близки к полному вырождению. Неожиданно для себя на Земле, особенно в Америке, мы обнаружили социально-экономическую систему, основанную более на физике, чем на биологии. Эта система не совсем соответствовала представлениям монвенги; она страдала большей жестокостью, но обладала и большим потенциалом и большей гуманностью. Мы были рады изучить и применить увиденное. Знаешь, я даже удивился, насколько изменилась планета в мое отсутствие. Говорю тебе, земляне сильно повлияли на наше общество!

— Спасибо, — буркнул Доннан.

Да, история монвенги разительно отличалась от земной истории. Может быть, система вилайетов Османской империи отдаленно напоминала такое общество, да и то вряд ли. Человечество слишком дорого платило за любые социальные изменения. Подумать только, какое множество психоаналитиков

практиковали в США, — а много ли нашлось бы довольных жизнью людей на улицах американских городов? А для монвенги перемены в общественном устройстве естественны. Птицы не нуждаются в корнях так, как люди. Возможно, их почти первобытные обряды, их музыка и танцы дают им ощущение безопасности и значимости, которые люди черпают в своих традициях.

«Вряд ли здесь нам помогут, — подумал Доннан. — Мы должны найти свободную планету и начать жить сначала. Если у нас будут дети, они помогут нам. Если нет — к черту все. Слишком много хлопот».

Рамри смущенно хихикнул.

— Э... мы несколько отвлеклись от темы, — произнес он. — Ты спрашивал о Резиденте Вандвее. Он представляет верховную власть, то есть целую коалицию планет и обществ. Он возглавляет арбитражный суд. А в данный момент он еще и член генштаба. Опасность, исходящая от Кандемира, заставляет каждое общество держать наготове вооруженные силы. Центральное правительство в лице резидентов координирует их действия.

«А еще, — подумал Доннан, — центральное правительство управляет чудовищным аппаратом дипломатии холодной войны и шпионажа. Наверное, нам надо посетить одну из окраинных планет и попытаться разузнать что-нибудь там».

— Я знаю, что каждое общество имеет представителей на Монвенги, — сказал он вслух. — Но значит ли это, что все они имеют одинаковый вес в правительстве?

— Нет, конечно, — ответил Рамри. — Подумай сам, как могли бы примитивные маудви или ультрапацифисты воданта помешать Кандемиру захватить некоторые из наших планет? Тяжесть управления внешней политикой и обороной ложится на представителей наиболее развитых миров, таких, как Лаотанг или Теза. Тантаи тоже не стоят в стороне; хотя мы остаемся более исследователями и коммерсантами, чем адмиралами или послами... Тебе незачем беспокоиться об этике сегодня. Резидент Вандвей вряд ли ожидает от тебя соблюдения всех формальностей. Говори, как сможешь. Он так быстро дал согласие на встречу, что вряд ли его беспокоят условности.

Доннан кивнул, молча попыхивая трубкой. Он не мог думать ни о чем, кроме того, что его люди теряют терпение. По пути в сектор Либра, отстоящий сравнительно недалеко от Земли, они сделали крюк в несколько сот световых лет и застряли на этой планете. Неужели только для того, чтобы доставить домой голубого попугая?

Тем не менее это время нельзя считать потраченным впустую. По крайней мере Голдспринг со своими помощниками дорабатывают новые приборы.

Рано или поздно, если он будет жив, Доннан надеялся найти виновников гибели Земли и отомстить. Но торопиться нельзя. Доннан курил, рассматривал окрестности и размышлял. Временами его еще охватывало отчаяние, но он понемногу привыкал вспоминать Землю с любовью, не испытывая при этом острой боли.

Голос Рамри вернул его к действительности:

— Мы приближаемся.

Доннан огляделся. Они уже ехали по бульвару с причудливо подстриженными деревьями, смешно менявшими очертания под порывами ветра. С другой стороны террасами спускались сказочно прекрасные сады. Прямо перед глазами поднималось здание... нет, целая роща домов-деревьев, переплетенных лианами, каскадами стекавшими с крыши на портик. Тихая незнакомая музыка, казалось, рождалась в этих живых стенах. Доннан еще не встречал ничего похожего на Каткину. Конечно, ведь Резидент принадлежал к другой цивилизации...

Их встретил карлик, взявший на себя заботу о животном, доставившем их сюда. Взгляд карлика был абсолютно бессмысленным, он едва смог понять простейшие команды. Еще одна ограниченная машина. Доннан с изумлением наблюдал за «достижением» науки монвенги. Планируемое вырождение зашло намного дальше, чем рабство на Земле. Неудивительно, что тантаи решили отказаться от биотехнологии.

Доннан и Рамри спустились с живого экипажа и вошли в портик. Трое солдат, стоявших на страже, были вооружены автоматами земного образца и гранатами. Рамри обменялся с ними замысловатым приветствием. Один из часовых проводил их через шелестящую листвой, покрытую солнечными бликами арку — в приемный зал.

Обстановка этой комнаты была более знакома Доннану: перламутровые стены, отделанные деревом, стол, перекладыны для сиденья — все это напоминало мебель в жилище Рамри. Но Доннану были непонятны каллиграфические символы, светящиеся на потолке. Резидент Вандвей приветствовал входящих величественным жестом, а Рамри в ответ исполнил замысловатый танец. Доннан наблюдал за ними, стоя в сторонке. Вандвей принадлежал к другой цивилизации и другой расе. Его оперение было почти черным, глаза — зелеными, клюв — более изогнутым; и он обладал более крепким сложением по сравнению с

Рамри. Кроме сумочки на шее он носил золотистые ленты, соединяющие голени.

Формальности закончились, Резидент предложил Рамри сигару и закурил сам. Доннан сел на столешницу, в то время как Вандвей и Рамри устроились на перекладинах.

— Я хотел бы предложить вам что-нибудь освежающее, капитан, — заговорил Вандвей на беглом уру. — Но, боюсь, наши напитки не пойдут вам на пользу.

— Все равно, спасибо, — ответил Доннан.

— С того момента как вести о вашем появлении дошли до меня, я жаждал встречи, — продолжал Вандвей. — Но обычно лаотанги предписывают дожидаться просьбы об аудиенции. Для тантаи, наоборот, было бы невежливым не послать приглашения. Я решил придерживаться обычаев лаотанги.

— Я полагаю, военные проблемы важнее, чем придворные манеры, — сказал Доннан.

— Военные? Почему? Земля никогда не занимала ведущего места в военном деле.

Доннан проглотил боль и обиду. Тантаи не стали бы так грубить. Несомненно, лаотанги этого не понимали — увлекаясь биотехникой, они стали более бесчувственными, чем их соседи.

— Мы сумели вырваться с главной базы Кандемира, — заметил Доннан. — Мы можем о многом вам рассказать. — Он помолчал, ожидая ответа, и, не дождавшись, продолжил: — Кроме того, есть доказательства, что Земля все-таки вступила в войну.

— Я могу предположить, что вы говорите о договоре между Ворлаком и одной из наций на Земле. Конечно, капитан, мы знали о нем еще до подписания. Агенты монвенги были повсюду, если вы помните. — Вандвей помолчал, как бы желая придать больше веса своим словам. Доннану очень хотелось понять выражение его глаз и оттенки интонации. — Мы не одобряли этот договор, — продолжил Резидент. — Возможные последствия такой провокации могли затронуть наши отдаленные планеты, не имеющие собственных сил обороны. Мы также отзывали своих представителей с Земли.

— Я слышал об этом от друзей Рамри, — мрачно заметил Доннан.

— Не то чтобы мы ожидали какого-то несчастья, — сказал Вандвей. — Но хотелось обезопасить своих соотечественников... особенно учитывая возможность внутренних войн вследствие нарушения баланса сил на Земле. Я сожалею, что не все тантаи прислушались к предупреждению центрального правительства и не успели уехать до гибели Земли. Другие общества

также имели там своих представителей, но те оказались мудрее и вовремя покинули вашу планету.

«Самонадеянный ублюдок!» — молча выругался Доннан.

Но Вандвей обезоружил его; забыв про тлеющую сигару, низким негромким голосом он произнес соболезнования:

— Простите, если я, хотя и ненамеренно, оскорбил вас, капитан. Я лишь в малой степени могу понять вашу боль и страдания. Если мы, монвенги, сумеем помочь вам или хотя бы утешить, обращайтесь к нам как к своим лучшим друзьям. Весть о гибели Земли повергла нас в ужас. Никто не верил в непричастность Кандемира. С тех пор коалиция монвенги увеличила объем помощи Ворлаку. Независимые планеты Инья и Ианн вот-вот объявят войну Кандемиру — одна обнадеживающая победа над силами Кандемира поможет им решиться. Вассальные миры также волнуются, и там возможен открытый мятеж. Вы понимаете, чем это грозит Кандемиру. Таким образом, приведя в возбуждение целую группу миров, Земля погибла не напрасно.

Что-то в этой речи привлекло особое внимание Доннана. Постепенно он понял. Мускулы его напряглись, по спине пробежал холодок.

— Вы сами не верите в то, что это сделали кочевники, — выдохнул он.

— Да, — ответил Вандвей. — Конечно, когда Земля уже была разрушена, они ухватились за возможность застолбить Солнечную систему, наводнив ее орбитальными ракетами, контрольный код которых известен только им. Ведь это их ракеты, верно?

— Но почему они решились на это, если не они убили жизнь на Земле?

— Когда несколько лет спустя планета остынет, на ней еще сохранятся вода, кислород, приемлемый температурный режим. Биосфера может быть восстановлена. Я уверен, Кандемир попытается колонизировать Землю. Но в поле зрения монвенги попало еще одно свидетельство, доказывающее, что Кандемир не причастен к убийству Земли, а только пользуется возможностью захватить ее. Естественно, мы не публиковали эту информацию, чтобы не ослабить общего настроения против Кандемира. Но вы — человек — имеете право знать.

Доннан спрыгнул со стола. Он стоял, широко расставив ноги, сжав кулаки и сдерживая дыхание.

— Вы догадываетесь... вы знаете, кто сделал это?!

Рамри подошел и встал рядом, в недоумении уставившись на Резидента. Вандвей кивнул.

— Да, — сказал он. — Я знаю.

Глава 11

*Корова помрет, и телята,
И сам я тоже помру,
И только дела великие
В памяти вечно живут.*

Старшая Эдда

— Давайте, — хрипло произнес Доннан. — Выкладывайте. Некоторое время Резидент молча смотрел на него немигающими глазами.

— А вы выдержите? — спросил Вандвей почти неслышно. — Предупреждаю, вас ожидает сильное потрясение.

— Бога ради! Перестаньте увливать!.. Извините... продолжайте, пожалуйста.

Вандвей нагнулся и открыл ящик стола.

— Хорошо, — согласился он. — Но вместо того чтобы объяснять что-либо... боюсь, не зная земных обычаев, я могу задеть ваши чувства... Я просто покажу вам документ. Вы сами сделаете выводы. Когда я узнал о вашем появлении в сообществе Монвенги, я получил эту пленку из секретного архива. — Резидент достал из ящика катушку пленки. Стук когтей по полу и щелчок вставляемой в проектор катушки прозвучали неестественно громко. — Это запись разговора между Каунта с Тезы, эксперта-следователя военной разведки при центральном правительстве, и неким коммерсантом с планеты Ксо, которая, как вы помните, до сих пор сохраняет нейтралитет в войне.

— Минуточку, уважаемый Резидент, — прервал его Рамри. — Могу я спросить: если секрет настолько важен — почему у вас находится копия?

— Зная, что несколько земных кораблей не пострадали при катастрофе, монвенги предположили, что хотя бы один из них разыщет нашу планету, — ответил Вандвей. — Мы — единственный народ, в чьей дружбе земляне не могут сомневаться. Не зная точно, на какой из наших планет высадутся люди, правительство снабдило доказательствами каждого Резидента. Иначе, не поверив голословным утверждениям, люди могут покинуть пределы нашей системы. — Вандвей вздохнул. — Может быть, вы так и поступите, капитан. Вам выбирать. Но мы предоставим вам всю имеющуюся у нас информацию.

Рамри нервно затянулся сигарой и выпустил облако дыма. Доннан закашлялся, но ни на секунду не отрывал глаз от проектора. С легким жужжанием появился куб света, превратившийся в трехмерную сцену.

... Через открытое окно виднелось мерцающее звездное небо, два растущих месяца, кольцо постоянной радуги вокруг Монвенги. Хрустальные шары со светящимися насекомыми внутри свисали с потолка. За столом сидел представитель монвенги с зеленовато-голубым оперением и золотым трезубцем на груди. Он нетерпеливо перебирал лежащие перед ним бумаги, хотя и не смотрел в них.

Существо, стоящее рядом, относилось к народу ксоан. Доннан прежде видел ксоан лишь на фотографиях: редко кто из представителей этой расы посещал Землю, находящуюся вне сферы их деятельности. Ксоан напоминал кентавра: четвероногое туловище, ростом с шотландского пони, и торс с головой и руками. Переливающаяся кожа, упругий гребень на голове, лицо с хоботком смутно напоминали что-то земное. Ксоан, казалось, нервничал; он вздрагивал, дергал хоботком, переступал с ноги на ногу.

Голос за кадром произнес несколько фраз на языке монвенги. Рамри тихо перевел:

— Встреча следователя Каунта и Хорделин-Барьята, председателя навигационного комитета корабля «Зеньан-12», с планеты Ксо; номер по каталогу... не имеет значения. Дата встречи — около шести месяцев назад.

Из светового куба раздался голос Каунта, говорившего на уру:

— Расслабьтесь, навигатор. Мы не причиним вам вреда. Это интервью необходимо лишь для того, чтобы официально зафиксировать сделанные вами ранее заявления.

— Нам грозит арест! — Голос ксоана оказался неожиданно писклявым. — Я протестую против незаконного задержания корабля и команды на этой планете, против издевательств и морального давления...

— Успокойтесь, навигатор, прошу вас. Ваше задержание вполне соответствует обычаям межпланетных отношений и законам Монвенги. Если подозревается заражение корабля, мы обязаны объявить карантин.

— Вы прекрасно знаете, что... — Хорделин-Барьят осекся. — Понимаю. Если я соглашусь сотрудничать, вы выдадите сертификат о состоянии корабля и разрешите продолжить путь. Итак... я согласен. Но это останется в секрете? Вы должны обещать. Если узнает мое начальство...

Каунта зашелестел бумагами.

— Да-да, уверяю вас. Поверьте — монвенги так же, как и вы, заинтересованы в сохранении тайны. Вы опасаетесь неприятностей, поскольку принимали в этом участие. Мы предпочита-

таем оградить репутацию и материальные интересы Ксо от нежелательных последствий; и нам бы не хотелось, чтобы в обществе ослабли антикандемирские настроения. Но, заботясь о собственной безопасности, мы хотим иметь более точную информацию.

Хорделин-Барьят:

— Но как вы могли заподозрить, что мы...

Каунта (мягко):

— Источники первоначальных сведений, так же как и вы, заслуживают сохранения тайны, не так ли? Давайте продолжим. Ваше судно входит в состав торгового флота Ксо, верно?

Хорделин-Барьят:

— Да. Задача нашего экипажа — установить первоначальные контакты с перспективными рынками сбыта, заключить предварительные соглашения. Наш рынок, то есть планеты, где Ксо имела влияние в последнее время, стал затовариваться; окрестные планеты развивают собственное производство и уменьшают объем импорта. Нам потребовались новые рынки. Земля...

Каунта:

— Верно. Изучив доступную информацию о Земле, вы отправились туда... секретно... на «Зеньане-12». Это было приблизительно два года назад, правильно? (Внезапный окрик.) Почему секретно?

Хорделин-Барьят (дрожащим голосом):

— Ну... это... мы не хотели обидеть других — у монвенги свой интерес на Земле...

— Чепуха! Никакой договор не запрещал конкуренцию на рынках Земли. Конфедерация монвенги не берет на себя обязательств по защите отдельных обществ, занимающихся торговлей. Секретность была необходима для других целей. Объясните своими словами, что вы собирались предпринять.

Хорделин-Барьят:

— Я... я имею в виду... Эти смешные племена... только вышли из каменного века и до сих пор не способны договориться... перед лицом галактической культуры... договориться о всеобщем мире...

Каунта:

— Вы надеялись продать высокоэффективное оружие, тем самым нарушив хрупкий баланс между силами Земли. Если бы замысел стал известен другим нациям, то или началась бы война, или было бы достигнуто соглашение, запрещающее подобное оружие. В любом случае наша сделка сорвалась бы. Отсюда необходимость секретности.

Хорделин-Барьят:

— Я бы не стал утверждать этого, офицер. У нас не было намерения... мы не могли предвидеть... говорю вам, они сумасшедшие. Весь народ. Их гибель — лучший выход, не то они могли бы заразить других.

Каунта (вздыхая):

— Избавьте меня от комментариев.

Хорделин-Барьят:

— Но... но... вы должны понять... Мы не убийцы! Несмотря на то что их психология чужда нам, мы чувствовали, что... Поверьте, мы даже читали их теоретические труды, анализировали ситуацию. Подобное обсуждалось мыслителями Земли в различных книгах и журналах. Они понимали, что постоянная угроза может сдерживать агрессоров и гарантировать мир... Ну, если жители Земли верили в полезный эффект такого оружия, как мы могли предполагать обратное?

Каунта:

— Некоторые из них верили. Большинство — нет. За два десятка лет знакомства с людьми монвенги в какой-то мере научились понимать ход их мыслей. Они... были... гораздо более индивидуальны, чем народ ксоан, даже чем представители различных обществ монвенги. (Наклонившись над бумагами, содержащими колонки цифр.) Вы собрали те сведения, которые вас устраивают, и проигнорировали все остальное.

Хорделин-Барьят:

— Я... мы...

Каунта:

— Продолжайте. Какой стране вы продали оружие?

Хорделин-Барьят:

— Ну, если быть точным... двум странам. Даже не двум странам. Двум союзам. Силowym блокам. Так, кажется, они назывались. Мы не связывались с основными силами на Земле. Среди других причин...

Каунта:

— У них были сильно развиты внеземные контакты. Одно лишь слово о вашем проекте, достигшее цивилизованных миров, могло нарушить ваши планы; оружие было бы запрещено. Кроме того, развитые страны были лучше вооружены и меньше боялись угроз со стороны соседей. Короче, могли отказаться от сделки. Продолжайте!

Хорделин-Барьят:

— Я возражаю против такого циничного истолкования наших мотивов.

Каунта:

— Продолжай, говорят тебе!

Хорделин-Барьят:

— Э-э... наши клиенты должны были обладать каким-то военным потенциалом — ракетами и тому подобным — и, таким образом, могли опасаться встречного удара. Мы выбрали Арабско-Североафриканский союз. Они чувствовали себя в окружении врагов, так как связи между Израилем и южными государствами Африки все более усиливались. Вторым клиентом был Балканский союз под руководством Югославии, опасавшейся восточных соседей, а больше всего — России, от чьей опеки они недавно освободились. Кроме того, Балканские страны могли стать полем битвы в возможной войне между восточными и западными странами.

Каунта:

— Давайте уточним географическое положение. Вы так и не назвали отчетливо эти страны, навигатор. (Указывая на политический глобус Земли.) Здесь и здесь. Я правильно понял?

Хорделин-Барьят:

— Да. (Поспешно.) Вы видите, это были второстепенные государства. Они нуждались в защите и не помышляли об агрессии. Мы продали им...

Каунта:

— Расскажите-ка поподробнее.

Хорделин-Барьят:

— Комплект разрывных бомб. Скрытые глубоко в земной коре, под дном океанов... в стратегических точках... вы ведь знакомы с этой технологией? Бомбы взрывались автоматически в случае более чем трех ядерных взрывов определенной мощности на территории страны, купившей это оружие. Все заряды срабатывали одновременно.

Каунта (мягко):

— И опустошали планету. В считанные секунды.

Хорделин-Барьят:

— Да, быстро и гуманно. Конечно же, не это было нашей целью. Наши клиенты должны были в условиях строжайшей секретности довести до сведения остальных правительств следующее: в случае всеобщей войны мы погибали все вместе. Поэтому вы должны отказаться от военных действий. Уверю вас, нашей целью было сохранение мира.

Каунта:

— Вы были свидетелем установки этих зарядов?

Хорделин-Барьят:

— Нет. Наша команда всего лишь вела предварительные переговоры. Однажды я случайно услышал, что сделка состо-

ялась. Но я ничего не видел... Поверьте, я ужаснулся, когда узнал... Кто мог помыслить, что род землян настолько безумен?

Каунта:

— Вы можете предположить, что там произошло?

Хорделин-Барят:

— Нет. Возможно... Без сомнения, неожиданно началась война. Они всегда были на грани войны, напряженность все возрастала... Возможно, они посчитали предупреждение блефом... Возможно, произошел несчастный случай. Я не знаю, говорю вам, я не знаю! Оставьте меня!

Каунта:

— Этого достаточно, навигатор. Давайте закончим.

Свет проектора погас.

Доннан услышал свой собственный голос, как будто со стороны:

— Я не верю! Никогда не поверю! Прекратите этот обман!..

Рамри пришлось прижать Доннана к стене, пока тот не успокоился. Вандвей рассматривал надписи на потолке, как будто старался постичь скрытую в них истину.

— По всей видимости, это не было убийством, — сказал Резидент. — Самоубийство.

— Они не могли!

— Ваше право не верить доказательствам, — произнес Вандвей мягким, сочувствующим тоном. — По-моему, они небесспорны. Ксоан мог лгать. Или, даже если он сказал правду, кандемирцы могли предпринять атаку. Особенно если они как-то узнали про эти бомбы. При таких условиях уничтожение жизни на Земле было очень простым делом. Несколько ракет средней мощности, взорванные в тщательно выбранном регионе, вызвали бы катастрофу на всей планете. Но земляне так или иначе сами обеспечили необходимые условия.

Доннан закрыл лицо руками и опустил на стол.

Когда он открыл глаза, Вандвей убирал проектор и пленку.

— Ради спасения человеческих жизней, а также в интересах политики Монвенги, — произнес Резидент, — я попрошу вас, капитан, сохранить все увиденное и услышанное в строжайшем секрете. Может быть, теперь мы обсудим ваши планы на будущее? Несмотря на различия наших систем, я уверен, вы выберете одну из планет сообщества для дальнейшего проживания.

— Нет, — ответил Доннан.

— Что? — Вандвей прищурился.

— Нет. Мы возвращаемся на Ворлак. Наш корабль, остальная команда...

— О, они могут прибыть сюда. Монвенги обсудят этот вопрос с Ворлаком.

— Я сказал — нет. Мы должны довести войну до конца.

— Даже после доказательств невиновности Кандемира?

— Я не верю этому доказательству. Вы должны предоставить что-нибудь более существенное, чем катушка пленки. Я буду продолжать наблюдать... по своему усмотрению... В любом случае Кандемир виновен в смерти нескольких моих людей. И должен быть наказан. Есть еще одна идея: мы хотим устроить сенсацию в Галактике. Я уйду. Спасибо за гостеприимство, губернатор. До встречи.

Доннан, пошатываясь, покинул зал.

Рамри некоторое время смотрел ему вслед, потом направился за ним.

Вандвей, попыхивая сигарой, окликнул его:

— Ты думаешь, его надо остановить?

— Нет, уважаемый Резидент, — ответил Рамри. — Он должен уйти. И я уйду с ним.

— В самом деле? Ты так давно не был дома.

— Я ему нужен, — сказал Рамри и вышел.

Глава 12

*Ты в юдоли сей слезы льешь и льешь,
И наполнишь заводь свою,
И от силы в силу тогда пойдешь...*

Сборник псалмов

Мрачный, массивный родовой замок Хлотта Люэrsa занимал весь остров и уходил в глубь скалы. Над отвесными стенами, построенными из гладкого камня, возвышались смотровые башни, господствующие над рыбацкими деревушками двух соседних островков; торпедные установки на стенах контролировали небесное пространство. Сегодня, почти как и всегда, над Ворлаком низко нависали плотные облака, слегка окрашенные бронзовыми лучами заходящего солнца, а ветер превращал море в бесконечные серо-зеленые холмы. Встав на ноги, Доннан почувствовал на лице холодную пену и брызги. Было тепло, но дул сильный ветер и угрожающе ревел прибой.

Доннан покачнулся и покрепче уперся ногами в палубу, пока Гер Ненна менял курс.

— Мы должны идти к западным воротам, — прокричал ученый. — Никто, кроме драгаров и Покорителя, не должен входить в северный канал.

Гер Ненна перед поездкой снял с себя одежду, и его мех блеснул от соленой воды. Доннан пытался укрыться от брызг, кутаясь в потрепанный плащ.

«Этот Хлотт — типичный представитель своей планеты, — думал Доннан. — Конечно, он важная персона — президент Совета и все прочее. И в такое время нельзя упрекнуть его за то, что он не разрешает ни одному флаеру появиться поблизости... и его отказ принять меня — тоже его право. Но если собрать все факты вместе, получается, что он обращается с человеком как с половой тряпкой. Этому пора положить конец».

Доннан подбоchenился. Ему не хватало старого маузера. Но, как и следовало ожидать, наличие оружия не допускалось при таких визитах. Доннан вообще добился согласия на встречу лишь благодаря настойчивым просьбам Гера Ненна.

Катер Ненна прошел мимо рыбацких суденышек, с которых ныряли похожие на тюленей рыбаки, загоняющие в сети косяки рыб, обнаруженные при помощи эхолота в глубоких впадинах.

Подошел патрульный катер, и офицер окликнул посетителей. Гер Ненна назвал себя, и патруль оставил их. Перед катером выросла похожая на утес стена. Как только судно приблизилось, заградительная решетка поднялась. Во внутренней бухте стояло несколько ботов. Гер Ненна пришвартовался рядом.

— Вы пересмотрели план разговора, как я просил? — спросил Ненна.

— Угу, — ответил Доннан, — но я все же предпочитаю первоначальный вариант.

— Вы представляете себе, насколько это опасно? Любой драгар обладает абсолютной властью в своих владениях. Хлотт имеет право убить вас, и никто не спросит у него ответа, будь он даже самым мелким и бедным аристократом.

— Но он не мелкий аристократ, — заметил Доннан. — Он Повелитель всей планеты. На этом и построен мой план. — Он пожал плечами. Горечь, замеченная Гером в глазах тех, кто вернулся после полета на «Грунне», прозвучала и в голосе Доннана. — Нам нечего терять. Это тоже надо принять во внимание.

Гер вытерся досуха и натянул свою черную мантию.

— В книге Семи Мудрецов Войена, — произнес он с тревогой, — говорится: «Многократное отчаяние не заменит одной надежды». Капитан, вы знаете, что я на вашей стороне. Не из

милосердия, а из расчета, что вы поможете прекратить эту проклятую войну. Только при стабильной обстановке можно надеяться... нет, не на вечный мир — об этом нечего и мечтать, — но на возрождение ворлакской цивилизации. Вы не должны думать, что эти чванные драгары представляют лицо нашего народа.

— Бог мой, конечно, нет, — Доннан сбросил плащ и помог Геру завязать вышитый шарф. — Правду сказать, если падение вашего старого государства не повлечет за собой удержания власти военных, вам уготована незавидная участь. Но нам пора идти. Часовые уже подозрительно поглядывают на нас.

Ненна и Доннан вышли на берег, где подверглись обыску. Гера осмотрели чисто условно, с положенными извинениями. Доннана — как злодея, схваченного на месте преступления. Он подчинился, не обращая внимания на грубость. Доннан был слишком занят своими мыслями. Он не мог сосредоточиться на предстоящем разговоре. Текст заранее составленного заявления постоянно ускользал от него, но это не беспокоило Доннана, факты оставались фактами, к тому же он не мог предугадать реакцию Хлотта. Доннан готовился пройти по канату над пропастью.

Слуга провел гостей по сырым, узким коридорам, вверх по стершимся от времени ступеням, в небольшую комнату с прозрачным куполообразным потолком и ярко раскрашенными стенами. Солярый, понял Доннан. Проводник низко поклонился и вышел. Толстая тяжелая дверь захлопнулась за ним.

Хлотт Люэрс лежал на низкой кушетке, обнаженный. Лучи света играли в его золотистой шерсти. Он приподнялся, опершись на локоть, и холодно посмотрел на вошедших. Кроме них в комнате находилось еще одно существо: животное с перепончатыми лапами, длинным туловищем, размером с тигра лежало в ногах Хлотта. Доннан узнал буррену. Она зарычала на вошедших, но Хлотт щелкнул языком и заставил ее замолчать.

Гер Ненна вышел вперед и склонил голову.

— Мой капитан! — обратился он к Хлотту. — Позвольте ли вы ничтожному просителю выразить свою благодарность за ваше благожелательное отношение, или он должен в безмолвии ожидать ваших слов, как заснеженные равнины ждут весенних лучей?

— Если уважаемый коллега желает выразить свою благодарность, он может избавить меня от дальнейших глупых проволочек.

— Я хочу заверить президента, что капитан землян принес важные известия.

— Да, знаю. — Взгляд Хлотта остановился на Доннانه. Внезапно блеснули волчьи зубы. — Но я уже слышал эти новости. Отличный истребитель пропал на Майасте, так же как и драгар Олак Фарер, мой родственник. Кандемир получил секрет нового парагравитационного детектора, сохранив жизнь остатку человеческой расы. Таковы новости. И этот ничтожный не только набрался наглости и вернулся на Ворлак. Он требует, чтобы его допустили к участию в следующих операциях! Благодарите Гера Ненна! Если бы не он, я давно бы уничтожил всю твою банду.

Доннан изобразил на лице почтительное уважение.

— Мой капитан, — сказал он, — вы дали нам возможность осуществить тот рейд, хотя были предупреждены, что успех не гарантирован. А теперь сваливаете всю вину на нас... Это нечестно.

— Что?! — взревел Хлотт.

Он сел на кушетке, шерсть его вздыбилась от ярости. Буррена, почувствовав настроение хозяина, тоже поднялась, подергивая хвостом.

Доннан преодолел страх. Он не имел права бояться.

— Спасибо, что согласились выслушать нашу точку зрения, если вы действительно намерены слушать. Вам стоит узнать, что эта неудача не ослабила нас, как вы думаете. Мы стали сильнее, чем прежде. Под словом «мы» я подразумеваю людей с «Франклина»; но если вы захотите, мы примем Ворлак в свою компанию.

Буррена направилась было к Доннану, но Хлотт отозвал ее.

«Кажется, я раскусил его, — подумал Доннан, не обращая внимания на сильное сердцебиение и выступивший пот. — Хлотт не настолько разъярен, чтобы не прислушаться к фактам. И он не так глуп, как его окружение. Он не убьет меня просто в припадке бешенства, нужны более веские причины».

Голос Хлотта дрожал от ярости.

— Продолжай, — сказал он. — Расскажи, каким образом рассекречивание детектора поможет кому-то, кроме Таркамата.

— Это только пробные образцы, мой капитан, — произнес Доннан мягче. — В крайнем случае лишь несколько вражеских кораблей будут оснащены ими. Чтобы запустить производство таких приборов, понадобится уйма времени. Если мы не упустим шанс, мы сумеем выиграть. Кандемирцы имеют слабое представление о теории, лежащей в основе этих детекторов. Им потребуются месяцы, чтобы усвоить эти знания, осознать и ис-

пользовать на практике возможности нового устройства. Арнольд Голдспринг и его помощники занимались этой проблемой в течение трех лет, с тех пор, как идея впервые возникла в голове Голдспринга. Помощники Голдспринга не сидели сложа руки и во время нашего отсутствия. Благодаря Геру Ненна они получили доступ к компьютерам и другому новейшему оборудованию, разработали новые модификации прибора, наделив его новыми возможностями. Это громадное научное достижение. Изобретение Голдспринга в скором времени найдет применение повсюду. Но сейчас мы имеем преимущество первооткрывателей.

— Я наслышан о теоретических разработках и лабораторных испытаниях, — неприязненно произнес Хлотт. — Сколько времени потребуется, чтобы получить работающие приборы?

— Не так уж много, мой капитан, — ответил Доннан, — если уделить работе достаточно сил и внимания. Если лучшие умы Ворлака и подвластных ему планет объединят свои усилия. Феодальное общество Ворлака, так же, как союз кочевников Кандемира и коалиция монвенги, не способны объединять научные силы. Мы — люди — можем помочь вам организовать работу. Меньше чем за год мы сможем вооружить ваш флот до зубов и вырваться вперед в этой гонке.

— В это трудно поверить, ты обещаешь невыполнимое, — проворчал Хлотт.

— Досточтимый капитан, — вступил в разговор Гер Ненна, — я наблюдал за работой людей. Моих скудных способностей недостаточно, чтобы понять все их замыслы. Я мог только восхищаться при демонстрации некоторых приборов. Но ученые из общества физиков, более глубоко изучившие вопрос, заверили меня...

— Мне плевать на их заверения, уважаемый, — ответил Хлотт. — Если им хочется поиграть с новой идеей — пусть играют. Может быть, получится что-то стоящее, а может, и нет. Но я отвечаю за жизнь и независимость Ворлака и не намерен бросать большую часть сил на претворение в жизнь проектов этих бездомных сумасшедших. Уходите!

Гер заломил руки:

— Благородный Мастер...

Хлотт встал во весь рост.

— Вон! — закричал он. — Вон! Пока я не разорвал вас в клочья!

Буррена снова зарычала и приготовилась к прыжку.

— Но благородный президент Совета не понимает...

Доннан подтолкнул Гера к двери.

— Не трудитесь, приятель, — сказал он. — Я знаю, вам очень не хочется, но придется сказать ему.

Доннан подошел поближе к Хлотту и заговорил:

— Я должен предупредить, что разговаривал с несколькими членами Совета. Им понравилась моя идея.

— Да. — Хлотт злобно рассмеялся. — Я слышал. Пралан, Зива, Урлант. Самые слабые и самые впечатлительные представители класса драгаров. Что это меняет?

— А вот что, мой капитан... — Губы Доннана изобразили подобие улыбки. Он начал перечислять, загибая пальцы: — Во-первых, они согласны, что при нынешнем состоянии вооружения кандемирцы имеют шанс победить. При затяжной войне империя кочевников в лучшем положении. Во-вторых, вооружившись новыми приборами, имея возможность заняться перспективными разработками, — вспомните, среди вассалов Кандемира есть индустриально развитые миры, способные организовать новое военное производство, — Кандемир может первым нанести решающий удар. Так что времени на раздумье у вас немного. В-третьих, в случае создания антикандемирского альянса без длительных проволочек мы имеем шанс опередить Кандемир и нанести удар первыми. В-четвертых, понимая значение этой проблемы, Пралан и компания не собираются больше поддерживать президента Совета, настолько бестолкового, что он не может оценить сложившуюся обстановку.

Мускулы так и перекатывались под кожей президента. Буррена прыгнула, но не достала до горла Доннана. Хлотт схватил ее за загривок и потратил немало усилий, чтобы утихомирить эту тварь. Борьба слегка охладила его пыл. Он заговорил почти спокойно:

— А, так вы интриговали за моей спиной? Вы поплатитесь за это.

— Я не мог действовать иначе, — огрызнулся Доннан. — Ведь вы повернулись ко мне спиной и не хотели выслушать.

— Пралан, Зива и Урлант! Что они могут сделать? Пусть попробуют назначить выборы! Пусть только попытаются!

— Нет, на это они не пойдут, мой капитан. Я отговорил их. Убедил, что они не продержатся и недели, выступив против президента. Однако... у них есть кое-какие козыри. В случае объединения их влияние не будет таким уж ничтожным. А если они договорятся с Вента Сазтором, который почти так же силен, как вы...

— Что?!

— Поняли, в чем дело? Трое моих сторонников поддержат Саэтора. Саэтор не придает особого значения моим проектам, но согласен поддержать нас, надеясь получить президентское кресло.

Хлотт выругался и попытался ударить Доннана, но тот уклонился от удара. Буррена бросилась вперед. Доннан не собирался драться, однако крепко обхватил и прижал к себе Хлотта. Стальные мышцы напряглись под его руками, противник пытался вырваться. Доннана швыряло из стороны в сторону, острые зубы буррены полоснули по плечу.

— Легче, мой друг, легче, — задыхаясь, произнес Доннан. Он загораживался от клыков зверя Хлоттом, как щитом. Челюсти буррены почти сомкнулись на ноге хозяина. — Давайте не будем драться, капитан. — Доннан стиснул зубы, удерживаясь от проклятий. — Если... постойте, остановите свою любимицу... Если бы я хотел уничтожить вас, разве я стал бы рассказывать вам все это?

В этот момент буррена бросилась на Гера, который попытался укрыться кушеткой.

— Ворлак! — заорал Хлотт.

Животное прижало уши и угрожающе зарычало.

Доннан отпустил противника и присел на кушетку, пытаясь отдышаться.

— Мой... мой капитан, вы сильны, как дьявол... — Доннан дышал чуточку тяжелее, чем требовалось. — Я бы... я бы не смог... продержаться еще минуту.

Тень улыбки смягчила яростное выражение лица Хлотта.

— За вашу наглость вы заслуживаете очень медленной смерти.

— Простите, мой капитан, — сказал Доннан. — Знаете, я не силен в ваших обычаях. В моей стране люди равны. Я не могу знать правил хорошего тона для ворлакского общества — оно так сильно отличается от нашего. — Доннан снова встал. — Я пришел не для того, чтобы угрожать, — продолжил он, чувствуя себя последним лжецом. — Попросту говоря, я хотел предупредить вас... о чувствах ваших коллег. Я бы не хотел, чтобы ваше общество лишилось такого блестящего лидера. Если вы решите эту проблему — Зива, Урлант и Пралан снова перейдут на вашу сторону. А... — Он потер пальцами лоб и подмигнул. — Если хорошо все рассчитать, уважаемый Вента останется в полном одиночестве на краю пропасти, а у вас будет возможность подтолкнуть его.

Хлотт молча обдумывал услышанное. Доннан почти видел работу мозгов в его черепе. Постепенно, мускул за мускулом, Доннан расслабился. Дело было почти выиграно.

Ловкость в политике — это еще одна область, в которой земляне сильнее многих...

Глава 13

Битва при Брандобаре

Для историка-литератора эта баллада примечательна как первое значительное произведение искусства (в отличие от документальных записей, научных трудов или переводов с планетарных языков), написанное на языке уру. Однако курсант военного училища смог бы лучше описать некоторые эпизоды, которые, будучи изложены в эпических выражениях, передают общее представление, но не подробности событий.

Описываемое сражение разыгралось недалеко от звездного скопления Брандобар — необитаемой группы звезд между Ворлаком и Майастом. С одной стороны в битве участвовали объединенные силы Ворлака, Монвенги и нескольких более мелких народов. Секретная демонстрация нового оружия, созданного на развалинах Земли, привлекла к борьбе против Кандемира несколько ранее нейтральных планет. Объединенным силам противостоял Великий флот кочевников, включающий в себя не только клановые подразделения, но и несколько вспомогательных отрядов, призванных с подвластных Кандемирской империи планет. Этот флот в численном отношении намного превосходил союзные силы.

*Путь войны избрали три короля
(Горек, пронзителен звезд свет);
Таркамата, властителя Кандемира,
Победить они дали обет.*

*Тот гордец, что имел в Ворлаке власть
(В шторма вое печаль слышна),
Сохранив лишь имя, себя командир
Буйных бродяг отдал.*

*Второй — бескрылою птицей был.
(В звоне трубы — презренье богов!)
Когда изгнанники объединились,
Явился к Ворлаку он.*

Но первым — король без имени был
(Рожденье времен — словно боли крик);
Капитан одинокого корабля
Ускользнул с убитой Земли.

Жестоко и тайно убита Земля
(Горек, пронзителен звезд свет);
А стражи трупа планеты — в плену,
На Кандемире, на много лет.

Но земляне бежали — в поисках мести
(В шторма вое печаль слышна)
За пепел и прах, за надежд крушенье,
За то, что мертва она.

И Ворлак надменный им говорил
(В звоне трубы — презренье богов!):
«Кандемир подбирается к нашим пределам;
Прилив остановит кто?»

А мудрый Монвенги изрек свое
(Рожденье времен — словно боли крик):
«Дайте оружие, и мы вам поможем,
Люди с мертвой Земли».

Капитан, бродяг предводитель, сказал
(Горек, пронзителен звезд свет):
«Пространство, Сила и Страх покорны
Воле земной навек».

Таркамат, Кандемира властитель злой
(В шторма вое печаль слышна),
Расхохотался: «Они разлетятся,
Как под ветром сухая листва».

Корабли свои собрал Таркамат
(В звоне трубы — презренье богов!) —
Будто множество стрел набил в колчан
Спесивейший из стрелков.

Из тайных берлог, мимо факелов звезд
(Рожденье времен — словно боли крик),
Чтоб бездомных землян-бродяг проглотить,
Кочевников рой проник.

И возле скопления юных солнц
(Горек, пронзителен звезд свет) —

*Все знают, зовется оно Брандобар —
Врага появился след.*

*И три корабля увидали тогда
(В шторма вое печаль слышна),
Что сил у них меньше ровно в два раза,
Что стрел у них — половина.*

*«Назад, кочевники! Лучше уйдите!
(В звоне трубы — презренье богов!)
Иначе — один звенящий удар,
И ваши миры — наш улов!*

*Не уснул ли ты, предводитель бродяг?
(Рожденье времен — словно боли крик)
Ведь близко Землю убивший враг,
Он рядом с нами возник!»*

Военные специалисты могут понять из написанного, не обращаясь к комментариям, что союзный флот должен был двигаться на высоких скоростях — в свободном падении — в тесном строю. Такой порядок представлял для кандемирцев соблазнительную цель. Корабли кандемирцев постарались не набирать высокой скорости и поэтому были более маневренны. Таркамат рвался окружить объединенный флот и обстрелять его со всех сторон.

*«Все готово, мои друзья
(Горек, пронзителен свет звезд).
Все винтики-гвоздики вижу насквозь
В пылающем том копье.*

*Пусть подходят убившие мой народ
(В шторма вое печаль слышна).
Мы ждем затаясь, — как ждет корабли
В море тайного рифа сталь».*

В этом случае автор, конечно, ссылаясь на прекрасно разработанные интерференционные детекторы парagravitации, которыми были оснащены все корабли союзного флота; и эти приборы на компьютере флагманского корабля создавали детальную картину диспозиции противника. У кочевников имелись подобные приборы, но в небольшом количестве и менее эффективные.

*И вот Кандемир рванулся вперед.
(В звоне трубы — презрение богов!)
Залп за залпом — ракеты летят дождем
На королевский флот.*

*Капитан изгнанников лишь усмехнулся
(Рожденье времен — словно боли крик)
И бросил чары — первые чары,
Рожденные смертью Земли.*

*Вздыбился космос волной штормовую
(Горек, пронзителен звезд свет),
Гремело пространство, дымясь и грозя,
И взвыли враги в ответ.*

*И злобные пчелы-кочевники вихрем
(В шторма вое печаль слышна)
Метнулись назад, за Брандобар,
Как высохшая листва.*

Здесь записан первый случай применения деформатора пространства. Искусственно созданное явление интерференции позволило союзникам навести мощные отражающие поля вокруг кораблей; другими словами, изменить привязку пространственных линий для находящейся вне защитного поля материи — два эквивалентных толкования открытия Голдспринга. Фактически летящие вражеские ракеты были внезапно отброшены на огромное расстояние, как если бы они были снабжены собственными сверхсветовыми двигателями.

Таркамат ужаснулся. Он допустил взаимопроникновение двух флотов. Корабли противников замедлили ход и сошлись вплотную. Таркамат также приказал снизить скорость.

За эти несколько часов его ученые обдумали ситуацию. Обладая уже некоторыми знаниями физических принципов, лежащих в основе этой тактики, они убедили Таркамата руководствоваться законом сохранения энергии. Энергетическая установка на корабле могла отбросить ракету, но не судно, имеющее гораздо большие размеры. И электромагнитные воздействия также не давали бы эффекта.

Таким образом, Таркамат решил выровнять скорости и расстрелять союзный флот с короткой дистанции из своих неповоротливых, но мощных бортовых орудий. Это грозило ему большими потерями, но — с его точки зрения — обеспечивало бесспорную победу.

*Но Таркамат, Кандемира властитель
(В звоне трубы — презренье богов!),
От удара оправившись, крикнул: «Вперед!
Бейте! Сожгите врагов!»*

*Вернулись кочевники к месту боя
(Рожденье времен — словно боли крик),
Но снова брошены чары — вторые
Из тех, что родились в смерти Земли.*

*И вырвалась Сила из стальной скорлупы
(Горек, пронзителен звезд свет),
Беспощадные молнии с треском пронзили
Флот Кандемира в ответ.*

*Корабли взорвались, как сверхновые звезды
(В шторма вое печаль слышна),
И разломались — и врагов разметала
Паники дикой волна.*

На небольших расстояниях корабли союзников, имевших время на подготовку, могли использовать еще и экспериментальные, но тем не менее ужасные для противника пространственно-интерференционные термоядерные излучатели. Принцип действия заключался в создании таких узких пучков энергии, что внутри ядра частицы входили в соприкосновение. Атомы, таким образом, взрывались. Хотя лишь незначительная часть массы корабля была разрушена, это приводило, естественно, к гибели всего судна. В эти несколько минут была погублена почти половина кандемирского флота.

Таркамат, бесспорно, один из самых гениальных флотоводцев в истории Галактики, сумел вывести из боя оставшиеся корабли и собрать их вне досягаемости союзного флота. Он понял, что — увы! — его флот слишком ограничен в выборе дистанции, чтобы продолжать борьбу, и отдал приказ отступить на Майаст-2.

*Таркамат, повелитель Кандемира
(В звоне трубы — презренье богов!),
Сказал своим людям: «Мы проиграли,
Но завтра возьмем свое.*

*Вожди кочевые, не падайте духом
(Рожденье времен — словно боли крик)
И, в наши пределы со мной отступая,
Наденьте достоинства лик!»*

*И снова — чары, смертью рожденные
(Горек, пронзителен звезд свет),
Голос имели они гремящий
И страх рождали в ответ.*

*Как смерть от молнии, был внезапен
(В шторма вое печаль слышна)
Капитана голос в чужих кораблях,
И звенела звука его волна.*

*Таркамат, повелитель Кандемира
(Рожденье времен — словно боли крик),
С остатками армии слушал голос,
Что из пепла Земли возник.*

На молекулярном уровне пространственно-интерференционный излучатель был также эффективен и обладал большим радиусом действия. Карл Доннан просто вызвал небольшую вибрацию в корпусах вражеских кораблей, модулированную через микрофон его голосом, и наполнил каждый кандемирский корабль звуком своей речи.

*«Мы разбили вас здесь, под Брандобаром
(Горек, пронзителен звезд свет).
Не сдадитесь — тогда мы помчимся дальше,
К Кандемиру — за вами вслед.*

*Но нам совсем не нужны пепелища
(В шторма вое печаль слышна),
Пусть никто никогда не владеет нами,
Пусть вам будет свобода дана.*

*Встаньте — и небо на вас мы обрушим
(В звоне трубы — презренье богов!),
Сдадитесь — увидите возле порога
Свободу, невесту ваших снов».*

*Свершилось! Войне конец, и тиранам
(Рожденье времен — словно боли крик),
Скорби конец, и пред нами сияет
Земли оживающий лик*.*

Таркамат достиг интерференционной полосы и отступил со сверхсветовой скоростью. Союзный флот, хотя и превосходящий

* Стихи в переводе Т. Лебедевой.

теперь по численности, не преследовал его. Они не были уверены в возможности захватить Майаст-2. Вместо этого они отправились к небольшим кандемирским аванпостам, захватывая их без особого труда. Таким образом Майаст был изолирован и лишен влияния.

Слова Доннана произвели огромное впечатление. Не только его голос, неожиданно послышавшийся ниоткуда, сломил и без того пошатнувшийся дух кандемирцев; он предложил вассалам путь к свободе. Помогли они свержению ига кочевников, и они не только были бы приняты победившей стороной, но и получили бы независимость, даже поддержку. Немедленного окончательного ответа не последовало, но первый шаг был сделан. В скором времени агенты союзников внедрились на их планеты, чтобы вести пропаганду и организовывать подпольное движение в лучших традициях истории Земли.

И это все для военных комментаторов. Но ученые-литераторы найдут в этой балладе много больше. На первый взгляд она кажется грубоватой и незаконченной. Более тщательное изучение опровергает это. Тот простой факт, что до сих пор не существовало ни одного произведения на уру, достойного упоминания, говорит о многом. И структура баллады также наводит на размышления. Архаическая и преувеличенная образность, часто банальные описания вызывают не к утонченным раздумьям, но к чувствам, простым и понятным любой расе космических путешественников. Песня могла доставить удовольствие любому грубоватому астронавту — представителю рода человеческого, ворлаку, монвенги, ксоану, ианнту, и более того — всем обитателям планет, где известен язык уру. И хотя движение между отдельными группами планет не было ни оживленным, ни регулярным, все же оно имело место. Несколько кораблей в год рисковали отправиться в дальние путешествия.

Кроме того, хотя форма баллады происходит от древних европейских произведений, она гораздо более сложна, чем можно показать в современных переводах. Слова и образы просты, а размер, ритм, созвучия и аллитерация — нет. Они на самом деле составляют головоломку, из которой нельзя изъять ни одной части, чтобы не разрушить общую картину.

Таким образом, песнь передавалась из уст в уста, при этом почти не искажаясь. Астронавты, которые никогда не слышали о Кандемире или Земле, запоминали эти названия, поскольку для них это была просто хорошая застольная песня. И точные вокабулы баллады звучали правильно.

Итак, хотя автор баллады неизвестен, «Битва при Брандобаре», очевидно, не была создана каким-то народным менестре-

лем. Она была тщательно подготовлена, и поэт трудился над вполне определенной задачей. Фактически это было послание «Бенджамина Франклина» к людям через всю Галактику.

Глава 14

*И я увидел, что дорога в Ад
начинается прямо от врат Рая.*

Баньян

«Нет, — говорила себе Сигрид Холмен. — Перестань дрожать, дуручка, чего бояться? Или это потому, что за пять лет... я впервые была наедине с мужчиной? О Боже! Как одинока я была все это время!»

Он не сделал первого шага. Только не он — с обветренным лицом и веселыми морщинками у глаз, с легкой сединой на висках. А если бы первый шаг сделала она? Даже мысль о прикосновении к теплему, мускулистому телу заставляла ее сердце останавливаться. Они не могли больше ждать — люди экипажей «Европы» и «Франклина». Полурелигиозное впечатление от первой встречи ослабевало, завязывались знакомства, свадьбы были не за горами. Даже после всех невзгод кандемирской войны мужчин было больше, чем женщин. Соотношение полов будет еще более неравным, если — нет, когда! — другие корабли землян присоединятся к ним. Женщины Земли могли выбирать.

«Неважно, — думала Сигрид. — Мне лучше поторопиться, пока другая не увела его. И он хочет видеть меня сегодня...» Приятное тепло охватило ее. Сигрид не могла ошибиться; она заметила, что взгляд Карла следил за каждым ее движением. Но что-то мешало ему — иначе почему его голос был таким мрачным? Они встретились на корабле, когда офицеры обеих команд обсуждали эпизод с кандемирской ракетой, на которой побывали Сигрид и ее подруги; при упоминании о непонятной записи на переборке его лицо стало странно неподвижным. В конце встречи Доннан отвел Сигрид в сторону и тихо, почти шепотом, попросил прийти к нему на следующий день.

«Но почему я боюсь, — снова и снова спрашивала себя Сигрид. — Мы — две частицы человеческой расы. Мы знаем теперь, что человечество будет жить, появятся дети и домашние очаги на другой Земле, на тысячах или миллионах других планет.

Кандемир побежден. Это еще не признано официально, но его колонии освобождены, его провинции охвачены восстаниями, и представители Кандемира запросили перемирия. Таркамат на переговорах вел себя, как всегда, — жестко и хитро, но все знают, что ему не на что надеяться. Он добьется уступок для своего народа, но с империей Кандемира покончено.

А мы, последние представители гомо сапиенс, заседаем в Совете победителей. Ворлак и Монвенги имеют многочисленные флотилии и миллионные армии, но с большим уважением прислушиваются к мнению Карла Доннана. Его превосходство — не только моральное. Только что освобожденные планеты, чьи правительства еще слабо разбираются в межгалактических отношениях, объединились в коалицию свободных, но достаточно сплоченных миров. Эта коалиция представляет собой значительную силу, а главой ее был избран... человек.

Почему я боюсь?»

Сигрид выбросила эти мысли из головы, когда вела свой аэрокар на посадку. Но она так и не смогла избавиться от противной сухости во рту и заставить сердце биться ровнее.

Длинные строения из нетесаных бревен под гонтовыми крышами образовали квадрат. С трех сторон его росли деревья, неумолимо шелестящие на ветру. Четвертая сторона оставалась открытой и выходила на штаб Доннана, расположенный по другую сторону долины, за блестящей на солнце рекой. Дальше, у горизонта, поднимались голубые горные вершины. Конечно, это была не Земля, эта планета называлась Варг; а территория, предоставленная Доннану и его людям благодарными пушистыми туземцами, была слишком мала, чтобы обосноваться здесь надолго. Но пока люди не нашли подходящего места для создания колонии, они решили остановиться на Варге, очень напоминавшем Землю. Ветер доносил до Сигрид весенние ароматы.

Доннан спешил ей навстречу. Сигрид тоже побежала, но остановилась на полпути и запрокинула голову. Доннан подошел, не отводя глаз от ее светлых волос, и робко протянул руку. Сигрид положила руку на его ладонь, чувствуя, как краска заливает ее лицо.

— Спасибо, что пришли, мисс Холмен, — промямлил Карл Доннан.

— Не стоит, я рада.

Они говорили по-английски, потому что французским Доннан владел очень плохо. Но ни один из них не возвращался к языку уру. Сигрид нравилось протяжное произношение Доннана.

— Надеюсь, дома, предоставленные женщинам, вполне удобны?

— О да, да! — засмеялась Сигрид. — Каждый мужчина при встрече спрашивает одно и то же.

— У вас все в порядке? Знаете, некоторые из нас слишком нетерпеливы. Они не хотят вас обидеть, но...

— Среди нас тоже есть нетерпеливые.

Наконец-то Сигрид и Доннан разняли руки. Она смущенно отвела взгляд от его серых глаз и оглянулась.

— Какой чудесный вид! — сказала она. — Это мне напоминает родные места. Вы живете здесь?

— Я ночую здесь, когда прилетаю на Варг, мисс Холмен. И здесь же живут моя команда и те, кто приезжает на переговоры. Да, вид прекрасный. Но... гм... вам, наверное, нравилось на Затлокопе, так вы ее называли? Капитан Пуссен говорила, что там был отличный климат.

— Не стану возражать. Но, слава Богу, у нас хватало дел, и мы не создавали, как одиноки мы были там.

— Я... я слышал, вы преуспевали?

— Да. После того как изучили, как говорится, все ходы и выходы, мы быстро разбогатели. Еще несколько лет, и наша корпорация стала бы самой сильной в экономике той группы планет. Мы смогли бы послать сотни кораблей на поиски оставшихся в живых землян. — Сигрид пожала плечами. — Я не хвастаюсь. Необходимость вынудила нас.

— Да, интересная идея. — Доннан восхищенно посмотрел на нее. — Мы решали одну и ту же задачу: отыскать затерявшихся в космосе людей. Но, черт возьми, насколько более элегантным было ваше решение!

— Это медленный путь, — ответила Сигрид. — Мы не могли надеяться на результат раньше, чем через несколько лет. Когда Иаэль Блюм вернулась с Йотля и привезла балладу астронавтов, воспевающую подвиги людей; когда мы узнали, что герои-земляне находятся поблизости, — это был замечательный день. Второй в моей жизни.

— А когда был первый?

Не поднимая глаз, Сигрид тихо произнесла:

— Когда я взяла в руки своего первенца...

Некоторое время оба молчали; ветер шелестел листвою деревьев над их головами.

— Да, — наконец произнес Доннан. — Я говорил вам, что ночую здесь. Но это не дом. До сих пор у меня не могло быть дома.

Опасаясь дальнейших откровений, Сигрид необдуманно задала еще один вопрос:

— Наши трудности еще не закончились... и что же будет с теми мужчинами, которые... которые не смогут найти себе жен?

— Мы думали об этом, — нехотя ответил Доннан. — Мы... мы должны передать следующему поколению как можно больше хромосом. Это... гм... будет...

Лицо Сигрид залил румянец; она не отводила глаз от голубых вершин. С большим трудом девушка смогла заговорить:

— Значит, женщины нашего поколения будут рожать детей от разных мужчин?

— Ну...

— Мы тоже обсуждали этот вопрос на борту «Европы», пока добирались сюда. Некоторые из нас... моя подруга Александра... согласны жить с несколькими мужчинами. Полигамия... так это называется? Это решило бы проблему. Но другие женщины, я, например... мы согласны выполнить свой долг перед человеческой расой, но мы хотели бы жить с одним мужчиной. Он... ему придется смириться с тем, что было невозможно на Земле...

Доннан взял Сигрид за руку. Его крепкое пожатие причинило ей боль, но Сигрид и не подумала освободиться. Внезапно Доннан выпустил ее руку, почти отбросил. Сигрид повернула голову и увидела, что он ссутулился и опустил глаза, крепко сжав кулаки.

— Карл, — воскликнула Сигрид, — Карл! Что случилось?

— Мы надеемся, — с трудом заговорил Доннан, — что человечество будет жить...

Сигрид молчала. Карл поднял голову; его лицо окаменело, взгляд стал почти враждебным.

— Я пригласил вас для разговора... Боюсь, я сыграл с вами злую шутку. Вам лучше уйти.

Сигрид отступила на шаг. Внезапно осмелев, она выпрямилась.

— Первое, что вы, мужчины, должны понять, — резко сказала она, — это то, что женщина — не кукла и не ребенок. Я смогу преодолеть все трудности, так же как и вы.

— Думаю, сможете, — пробормотал он, глядя на носки ботинок. — Вы уже многое пережили. Но за последние три года я привык к трудностям. Иногда я делал вид, что их не существует. Но иногда, бессонными ночами... Почему я должен делить их с кем-то?

Ее глаза широко распахнулись. Сигрид шагнула к Доннану, обняла его и положила голову ему на плечо.

— Карл, ты большой, сильный и глупый. Не старайся удерживать Вселенную на своих плечах. Я хочу помочь тебе. Для этого я здесь, дурачок!

Через минуту он освободился из ее объятий и достал трубку.

— Я благодарен, — сказал он. — Я благодарен больше, чем могу выразить словами.

Сигрид попыталась улыбнуться.

— Самая большая благодарность — это честность по отношению ко мне. А я очень любопытна.

— Ну... — Он набил трубку суррогатом табака, выпустил облако дыма и зашагал к дому. Сигрид пошла следом за ним. — Может быть, твоя помощь избавит меня от ночных кошмаров. Надеюсь, ты не сломаешься, разделив со мной бремя забот. — Он помолчал. — Если нет — мы вместе решим, что нам делать. Рассказать всем или похоронить тайну навсегда.

Они вошли в дом. Просторная комната, отделанная панелями из светлого дерева, служила Доннану и приемной, и спальней. Комната была обставлена очень просто, но повсюду виднелись необычные сувениры с разных планет. А в углу Сигрид заметила походную кровать. Сигрид почувствовала, как кровь бросилась ей в голову.

Внезапно вошел Рамри и грациозно склонился перед ней. Сигрид не знала, благодарить ей монвенги или проклинать его.

— Мисс Холмен, познакомьтесь с Рамри, жителем планеты Тантаи, — произнес Доннан. — Он был моим другом, когда мы стартовали с Земли, и он стал опорой и поддержкой с тех пор, как мы увидели погибшую планету. Я думаю, Рамри должен присутствовать при нашем разговоре. В межпланетных делах он разбирается лучше, чем кто-либо.

Холодная птичья лапа коснулась руки Сигрид.

— Добро пожаловать, — сказал Рамри по-английски. — Я не могу выразить свою радость по поводу вашего прибытия. Я рад за своих друзей, рад за ваш народ.

— Приятно познакомиться, — заикаясь, ответила Сигрид.

Доннан предложил ей стул и сам занял место за столом. Рамри уселся на своей перекладине. Прежде чем начать разговор, Доннан тяжело вздохнул.

— Существует вопрос, который мы обязаны решить, иначе мы не сможем жить спокойно где бы то ни было. Кто разрушил Землю?

— Но ведь это Кандемир, — сказала Сигрид. — Разве кто-то сомневается?

— Кандемир решительно отрицает это. Мы два года исследовали захваченные архивы, допрашивали пленных, но не нашли никаких доказательств их вины. Конечно, можно допустить, что кандемирцы тщательно уничтожили все следы: уничтожили записи, подобрали исполнителей, способных унести тайну в могилу... Мы знаем, как сильна преданность интересам клана среди кандемирской аристократии. Из всего этого следует, что Кандемир мог быть виновен, а мог быть и невиновен.

— Но Солнечная система наводнена их ракетами! — возразила Сигрид.

— Да, — согласился Доннан. — Но, может быть, это только очередная хитрость? Ведь в этих ракетах сбита программа, они уже не так опасны, как могли бы быть... Это не предположения; кроме счастливого спасения «Европы» и «Франклина» есть еще и другие факты. Три месяца назад я отправил экспедицию в Солнечную систему. Арни Голдспринг со своими приборами побывал там, и то, чего он не смог найти, не сможет найти никто другой. Он и его помощники отловили несколько ракет и разобрали их до последнего винтика. Да, это стандартные кандемирские ракеты, тут нет сомнений. Но все они перепрограммированы. Не значит ли это, что кто-то пытался подставить Кандемир?

— Подставить? — Сигрид прищурилась. — О да! Я понимаю. Кто-то пытался свалить вину на Кандемир. Но записи, которые попались нам на одной из ракет... — Сигрид задыхнулась от волнения.

— Это как раз то, о чем я хотел поговорить, — сказал Доннан. — Ваша находка уникальна. Такой улики не посчастливилось найти даже Голдспрингу. Вы принесли снимки?

Сигрид протянула Доннану конверт. Капитан долго рассматривал фотографии. Рамри подошел ближе и заглянул через плечо Доннана.

— Что ты думаешь об этом? — спросил наконец Доннан.

— Часть символов — без сомнения, кандемирские цифры, — сказал Рамри. — Остальные... Не знаю, мог ли я видеть их раньше. Кажется, очень давно... Но даже в нашей системе так много разных языков, разных алфавитов, разных цифр... — Рамри надолго замолчал. Потом легко коснулся лапой лба Доннана. — Не мучайся, Карл-друг-мой, — пропел он. — Снова и снова я говорю тебе: то, что ты узнал на Каткину, не является окончательной истиной. Даже целый народ может ошибаться, не говоря уж об отдельных сбитых с толку предста-

вителях. Когда ты будешь слушать меня? Пора забыть то, что ты видел.

Доннан отстранил птицу и пристально посмотрел на Сигрид.

— А что вы, женщины, думаете обо всем этом? — спросил Карл. — У вас было три года на размышления.

— Мы не очень-то задумывались, — ответила Сигрид. — Кроме этих снимков у нас хватало забот. Мы старались вновь обрести надежду, которая погибла вместе с Землей. Мы распознали кандемирские цифры; предположили, что остальные символы обозначают буквы. Вы знаете, что некоторые планеты Кандемирской империи кроме официального языка используют свои наречия. Так же, как разные земные народы говорят на разных языках, но используют одну систему цифр. Возможно, это заметки какого-то рабочего по наладке ракеты, который не очень-то знал кандемирский язык.

— Здесь только шесть незнакомых символов, — проворчал Доннан. — Маловато для буквенных записей. — И он снова склонился над символами.

— Эти символы могут быть и цифрами, — предположил Рамри. — Их, должно быть, написал рабочий с одной из колонизированных планет. Кандемирцы имели возможность подбирать персонал среди вассалов, не открывая им своего замысла. Таким образом обеспечивалась секретность.

— Но сами ракеты, болван! — огрызнулся Доннан. — Сами ракеты являются визитной карточкой! Что ему в этой сверхсекретности, если «Искатель» четвертой модели известен всей Галактике как образец кандемирского производства?

Рамри отошел от стола, опустил голову и удрученно сказал:

— Ты удивляешь меня, Карл! То же самое говорили тебе на Каткину.

Сигрид уткнулась в бумаги, как будто пытаясь найти разгадку.

— Мы почти не задумывались над этими записями, — виновато сказала она. — Никто из нас не знает кандемирского языка, даже капитан Пуссен. Мы о них почти не вспоминали до вчерашнего дня.

Внезапно Сигрид решила. Она глубоко вздохнула, выпрямилась и громко спросила:

— Что же такое вам показали на Каткину? Может, хватит ходить вокруг да около?

Доннан никак не отреагировал на ее слова.

— У меня еще один вопрос, — сказал он ровным голосом. — Я слышал, у вас на борту были представительницы Югославии и Израиля, не так ли? Может, кто-то из них слышал о планах

эмиграции с Земли? Может быть, в Балканских странах или среди арабов — евреи должны были знать, что происходит у арабов, — может быть, хоть кто-то слышал о постройке кораблей или наборе колонистов?

— Нет, — ответила Сигрид.

— Ты уверена?

— Да, уверена. Вспомни, я принимала участие в разработке всеевропейского проекта. Я видела верфи, читала журналы, была в курсе всех новостей. Ну, какой-нибудь небольшой корабль, наверное, можно было построить втайне. Но огромный, способный взять на борт много пассажиров для перелета на другую планету... нет, это не прошло бы незамеченным. И я не думаю, чтобы им хватило времени для постройки после нашего старта.

— Ты права, времени не оставалось. — Доннан покачал головой. — Что ж, ты даешь нам уже вторую улику. Хотя я надеялся, что спаслось гораздо большее число людей, я был почти уверен в твоём ответе. Жаль... Теперь о Каткину. Там мы видели фильм, снятый разведкой монвенги. Это допрос коммерсанта с планеты Ксо, который утверждал, что его концерн продал Балканскому и Арабскому союзам нечто такое, что военные теоретически называли оружием Страшного Суда. Абсолютное оружие. — Голос Доннана зазвенел. — Несколько бомб, способных уничтожить жизнь на целой планете. В случае нападения на страны, купившие их, эти бомбы взрываются все сразу, автоматически. Понимаешь? Монвенги убеждены, что никто не нападал на Землю. Что это было самоубийство.

Сигрид съехала на стуле. Она не могла произнести ни звука. Доннан ударил кулаком по столу.

— Ты понимаешь?! — почти закричал он. — Я не хотел рассказывать об этом. Монвенги пытались сохранить тайну. Я тоже. Зачем рассказывать друзьям о безумстве их народа? Зачем оставшимся в живых переживать весь этот ужас? — Доннан взял себя в руки и продолжал более спокойно: — Я пытался еще и еще расследовать это дело. Но, несмотря на подкуп и шпионаж, не удалось найти никаких улик на планете Ксо. Конечно, они могли уничтожить все записи об этой сделке. Если ты продал ружье человеку, который потом оказался маньяком-убийцей, ты не будешь рассказывать об этом, иначе больше никто не купит у тебя оружие. Не так ли? Но как тогда объяснить появление кандемирских ракет? Монвенги уверены, что ракеты запустили именно кандемирцы, но уже после катастрофы, чтобы застолбить участок. Солнечная система выгодно расположена — она близка к окраинам сообщества монвенги. А когда Земля остынет, ее легко будет колонизировать. Ракеты

были запрограммированы так, чтобы пресекать попытки всякого, кто сунется к Земле. Заметь, Кандемир никогда и не отрицал этого. Они не скрывали своих намерений воспользоваться добычей: между тем кандемирцы не хотели уничтожить тех, кто подходил близко к Земле.

Доннан резко встал и опрокинул стул. Он шагнул к Сигрид, присел у ее ног и взял за руки.

— Ну, вот и все, — неожиданно мягко произнес он. — Ты знаешь самое страшное. Я думаю, мы трое собрали все имеющиеся улики. Мы найдем врага. Выше голову, девочка! Мы попробуем!

Глава 15

*Я не пытался утешать,
Желаньям потакая;
Я лишь сказал, что тьма пришла,
Волну морей вздымая.*

Честертон

Сигрид Холмен вскочила.

Доннан, присевший у ее ног, упал на спину.

— О! — воскликнула Сигрид. — Извини!

Она наклонилась и протянула ему руку, чтобы помочь подняться. Доннану не требовалась помощь, но он взял ее за руку. Их лица сблизились. Совсем рядом Доннан увидел губы Сигрид. Неожиданно он усмехнулся.

— Нам только комических ситуаций не хватало, — сказал Карл. — Теперь мне кажется, я выдержу все, что бы мы ни узнали, — тихо добавил он.

Легкая краска появилась на щеках Сигрид, но она заговорила вполне спокойно:

— Давай разбираться дальше. Мы подозреваем Кандемир и жителей Земли. Кого еще? Ворлак? Не хочу обвинять союзников, но не мог ли — как его? — драгар Хлотт по какой-то причине...

— Нет, — возразил Доннан и рассказал о договоре между Ворлаком и Россией. — Кроме того, — добавил Карл, — во время войны у меня появилось много связей в правительстве. Гер Ненна, один из ведущих ученых, особенно помог. Драгары не сильны в искусстве интриги. Не то чтобы у них не было причин нападать на Землю, скорее наоборот, но если бы они решились, то не стали бы этого скрывать. Они не смогли бы долго сохранять тайну. Нет, я давно раскусил драгаров!

— Также можно исключить второстепенные космические державы, такие, как Йанн и Инья, — сказал Рамри. — Все они боялись Кандемира. Поскольку договор между Ворлаком и Советами был опубликован, Землю считали потенциальной приманкой для кочевников; многие считали, что рано или поздно Земля ввяжется в эту войну, и никто не исключал Землю из числа возможных союзников.

— Наши разведчики пришли к такому же выводу, — вздохнул Доннан. — Эти миры непричастны к трагедии. Остаются только Кандемир и сами земляне.

Сигрид нервно взмахнула рукой.

— Но самоубийство невозможно! Хотя это решение было бы в некотором смысле желательным.

— Что ты говоришь? — Доннан и Рамри уставились на Сигрид.

— А почему бы и нет? Тогда мы были бы уверены, что убийцы мертвы и нам нечего больше бояться.

Доннан пожал плечами.

— Я забыл, что женщины — хладнокровные практичные существа, — пробормотал он.

— Но, Карл! Предположим, что страшное оружие действительно было установлено. Тогда почему ни одна из стран Земли не попыталась перевезти своих людей на другую планету? Даже если у правительства этой страны имелся такой козырь? Даже если они были уверены, что никто не осмелится напасть на них, они оказались бы в более выгодном положении, разместив часть людей вне Земли. И любое другое правительство, пронюхав о таком оружии, попыталось бы обеспечить себе сходную страховку — против несчастного случая, или... против шантажа, если бы в той же Югославии пришел к власти диктатор вроде Гитлера. В любом случае должна была иметь место хоть какая-нибудь эмиграция с Земли. Но ее не было. Астронавты других миров, хотя бы монвенги, знали бы о беглецах.

Доннан внимательно выслушал речь Сигрид. Он и сам не раз задумывался над этим вопросом, но не мог прийти к какому-то решению; его слишком занимали война и другие проблемы.

— Остается еще один вариант, — сказал Доннан. — Кандемир мог узнать об этом оружии, и тогда разрушение Земли стало бы соблазнительно легкой задачей. Югославии и остальным странам просто не хватило бы времени на эвакуацию.

Сигрид покачала головой.

— Вряд ли, — возразила она. — Возможно, правители Земли и были жестокими, но им требовалась еще и хитрость, иначе многие страны, особенно небольшие, не смогли бы вы-

жить в нашем мире. Политики должны были предвидеть такой вариант. Не только Кандемир, а любой пиратский корабль мог шантажировать целую планету. Я полагаю, никто не осмелился бы купить эти бомбы, не подготовив достаточное количество кораблей для эвакуации.

Внезапно Доннана осенило. Он с размаху ударил кулаком по столу.

— Черт побери, конечно! — рявкнул капитан. — Ты говоришь о том, что проглядели и Рамри, и я. Монвенги не могли додуматься до этого, не зная досконально нашей психологии. Но я-то должен был увидеть... Вся эта идея с бомбами была сумасшедшей. Но эти сумасшедшие рассуждали на редкость логично.

Сигрид выпрямилась. Ее звенящий голос заполнил всю комнату:

— Карл, я не верю, что подобное оружие было куплено кем-то на Земле. Его не было. Не спорю, некоторые страны относились друг к другу с подозрением. Но эти старые дразги постепенно сходили на нет. Случались какие-то стычки, но ядерная война так и не была развязана, несмотря на то что многие страны имели возможность ее начать. Разве это не доказывает, что ситуация стабилизировалась, что возможность мировой войны практически свелась к нулю? Земля все больше сближалась с внешними мирами. Старые споры утрачивали свою остроту. Оружие Страшного Суда уподобилось Китайской стене, построенной для защиты от несуществующих врагов. За ту же цену можно было купить новые технологии, корабли, послать молодежь учиться, обеспечить себе таким образом и могущество, и безопасность. Земля просто не могла совершить самоубийство.

Собеседники Сигрид еще долго молчали. Они не могли произнести ни слова. Рамри очнулся первым. Его перья взъерошились, зоб раздулся.

— Но наша разведка... ксоан признался в этой сделке!

— Он солгал, — прервала его Сигрид. — Разве ваша разведка никогда не ошибалась?

— Но почему? Зачем? — Рамри метался по комнате, смешно подпрыгивая. — Что могли выгадать правители Ксо от этой лжи? Даже тот торговец не получил ничего, кроме разрешения на вылет. Абсурд!

Доннан следил за своим другом.

— Тебе лучше согласиться, Рамри. Ваш генеральный штаб уже признал эту ошибку. Давайте разбираться дальше.

Доннан снова склонился над бумагами, уставившись на них как на послание оракула. Неземные символы сплетались перед

его глазами, как клубок змей. Доннан попытался сосредоточиться на колонках символов, записанных капитаном Пуссен. Транслитерация одного из дельфийских языков? Нет, это глупо. Символы от «А» до «Л» заменяют двенадцать цифр кандемирской системы, а «Л» означает ноль. Итак...

Доннана как током ударило. На мгновение сердце его остановилось. Капитану показалось, что он падает в бездну; в ушах у него зазвенело.

Словно издалека до него донесся голос Рамри:

— Путем исключений мы пришли к выводу, что все-таки Кандемир был убийцей. Возможно, это они сфабриковали версию с ксоанским коммерсантом — просто как приманку. И все же я никогда не считал их вину доказанной. Именно поэтому я с сожалением, но принял версию о самоубийстве.

— Ну что ж, — согласилась Сигрид. — Насколько я поняла, кандемирцы всегда были жестокими завоевателями. И Земля стала очередной жертвой. Кроме того, Россия активно помогала Ворлаку.

— Да, но Таркамат сам доказал Карлу, и вполне убедительно, что советская помощь была незначительной. В самом деле, что могут изменить несколько кораблей или горстка офицеров в масштабах межзвездной войны? Если бы потребовалось, Кандемир мог заявить протест, остановить советское правительство с помощью угроз. Русские наверняка бы отступили. Ведь даже небольшой рейд кандемирских военных кораблей нанес бы им чувствительный удар, тем самым ослабив их по сравнению с западными противниками. Таркамат был хорошо осведомлен о положении дел на Земле. По мнению Кандемира, можно было легко расправиться с Советами, используя земные силы. По принципу «Разделяй и властвуй». При всей своей осведомленности и военной силе Таркамат никогда даже не упоминал о том, что ему известно об этом договоре. И зачем ему опустошать Землю? Условия жизни на Земле подходили кандемирцам. Живая планета была бы выгодней для них, чем куча камня и пепла; возрождение жизни — дорогая затея и занимает уйму времени. Кочевники грубы, но их нельзя считать дураками. Единственной возможной причиной уничтожения могло быть желание устрашить своих врагов. Но тогда Кандемир кричал бы о содеянном, ничего не скрывая.

Доннан заставил себя снова взять бумаги и нажал несколько клавишей на панели компьютера. На капитана словно навалилась огромная тяжесть.

— Да, ваши доводы убедительны, — продолжала спор Сигрид. — Но если бы кандемирцы собирались удержать Сол-

нечную систему за собой, они могли использовать более эффективные патрули, нежели устаревшие ракеты, к тому же плохо запрограммированные. И зачем вообще оставлять патрули? Кандемир был уверен в победе в этой войне; Земля и остальные планеты достались бы ему как законная добыча. А до сих пор никто, даже случайные странники, не смогли бы использовать Землю.

Доннан окаменел перед экраном компьютера.

— Вы хотите сказать, что не Кандемир запустил ракеты. Но кто же? — спросил Рамри.

Вычисления были закончены. На экране появился результат.

Доннан повернулся к спорящим. Голос капитана прозвучал уныло и безжизненно:

— Я знаю, кто...

— Что?! — Рамри и Сигрид посмотрели на лицо Доннана и умолкли.

Карл Доннан заговорил абсолютно спокойно:

— Эти каракули, найденные в одной из ракет... Давно следовало понять, что это такое. Женщины не думали об этом, так как у них была масса других проблем. Они просто отложили решение загадки. Но я должен был догадаться сразу. Ты тоже, Рамри. Я полагаю, мы просто не хотели понять.

Золотистые глаза птицы расширились.

— Да? И что же это, Карл?

— Переводная таблица. Составленная каким-то техником, привыкшим считать в одной цифровой системе, но обязанным калибровать приборы в другой. Кандемирцы используют двенадцатеричное исчисление. Вторая группа символов — это шестеричная система.

Сигрид прикусила губу, не понимая, почему лицо Доннана стало мертвенно-бледным. Рамри застыл, словно окаменев.

— Все совпадает, — продолжал Доннан. — Первая запись — цифры от 1 до 6 — это ключ. Здесь же есть числа, записанные в той и другой системах. Волнистые линии между ними, которые Эдит Пуссен заменила графами колонок, — знаки равенства. Посмотрите сами. Все ясно.

Рамри хрипло откашлялся.

— Колонизированные планеты. Я... я думаю, Леньяр или Друн... кочевники покорили их очень давно... когда-то там пользовались...

Доннан покачал головой:

— Нет, не пойдет. Ты сам назвал причины, по которым Кандемир не мог совершить этого.

Сигрид все поняла. Она отпрянула назад, вытянув руки, словно защищаясь.

— Монвенги? — выдохнула девушка.

— Да, — сказал Доннан.

— Нет! — закричал Рамри. — Клянусь своим народом, это неправда!

— Я не говорил, что ты принимал в этом участие, — попытался утешить его Доннан. Ему хотелось взять Рамри на руки, как в тот день, когда они впервые увидели мертвую Землю. Но ноги Доннана будто приросли к полу. — Если предположить, что монвенги уничтожили Землю, все встает на свои места. Я вижу только одно возражение: монвенги вряд ли стали бы уничтожать потенциального партнера по торговле или союзника в войне; и к тому же они очень славный народ. Но, Рамри, монвенги — не единая цивилизация. Ты даже не узнал эти символы. На вашей планете они неизвестны. Но ведь в вашем сообществе есть планеты, которых ты никогда и не видел. И иные из них населены очень жестокими народами, сторонниками биотехнической ориентации. Если для них допустимо манипулировать жизнью отдельных существ, то почему бы не изменить принцип жизни на целой планете? Представители Тантаи не поступили бы так; но, к примеру, для Лаотанги это допустимо. А в центральном правительстве доминируют представители Лаотанги и им подобные. Жители этих планет даже не занимались торговлей с Землей. Рынок Земли не имел для них никакого значения. С военной точки зрения Земля представлялась бочкой пороха, так как, будучи слабо развитой в военном отношении, могла стать легкой добычей для Кандемира; тогда война подошла бы вплотную к окраинам сообщества монвенги. Политики Лаотанги не испытывали ненависти к землянам. Уверен, остановись мы на их планете, мы нашли бы самый теплый прием и помощь. Но и любви к нам они не испытывали. Мы, как всякие живые существа, были для них просто объектом, который можно использовать в своих целях. Разрушив Землю, эти деятели могли свалить вину на Кандемир, запустив ранее захваченные ракеты. Причем они ослабили их боевые свойства так, чтобы всякий мог распознать в них кандемирское оружие. Точно рассчитанный ход. Всеобщее возмущение против кандемирцев ускорило конец войны. Для пущей безопасности дальновидные политики заготовили стройную легенду. Не знаю, как они заставили ксоана солгать, — может быть, подкупом или угрозами. Знаю только, что история об оружии Страшного Суда была легко сфабрикована. Избыток точных деталей указывает на близкое знакомство с земными делами.

Единственное, что показалось мне странным тогда, — это что Вандвей располагал копией сверхсекретного фильма, будучи всего лишь губернатором одного из окраинных обществ. Что еще выгадывали монвенги? Конечно, саму планету. Они рассчитывали на военную добычу. Но из-за различия биохимии организмов монвенги могли использовать Землю не такой, какой она была, а лишь после стерилизации. В обществе монвенги множество обществ, каждое из которых стремится обзавестись собственной планетой. Это-то и делает монвенги еще большими империалистами, чем Кандемир; правда, до сих пор они действовали не так грубо. Да, у меня больше нет никаких сомнений. Монвенги убили Землю. Расчет был точен. Монвенги не учли одного: беспомощная, бездомная кучка людей все-таки выжила. Этот просчет нельзя ставить в вину... кто из нас надеялся выжить?..

Доннан умолк.

— У вас нет доказательств! — пронзительно выкрикнул Рамри.

— Пока нет, — ответил Доннан. — Но теперь мы знаем, где их искать, и наверняка найдем.

— Что... что ты задумал, Карл?

— Я не знаю, — тяжело вздохнул Доннан. — Думаю, не стоит раскрывать карты, пока не закончится кандемирская война. А тем временем мы соберем факты и будем готовы действовать.

— О нет! — воскликнула Сигрид. — Еще одна война, и так скоро!

Рамри вздрогнул. Потом выпрямился, высоко вскинув голову. Его оперение переливалось на солнце. Его слова прозвучали мрачно и торжественно:

— Вам не стоит опасаться новой галактической войны. Это наше внутреннее дело.

Доннан ощутил холодок, пробежавший по спине. Он неуверенно шагнул к тому, кто еще недавно был его другом.

— Я никогда не говорил, что ты... — Доннан задохнулся. — Только небольшая горстка твоего народа...

Рамри отошел назад.

— Конечно, — сказал он. — Большая часть моего народа постарается восстановить свою честь. Но это нелегко. Пострадают не только несколько личностей. Не только одно-два сообщества. Вам, людям, не стоит в это вмешиваться. Это наша задача. Я надеюсь, очищение и расплата не потребуют гибели многих наших миров.

Рамри резко повернулся и пошел к двери.

— Я сам организую поиски доказательств, — сказал он, не оборачиваясь. — Когда материал будет подготовлен, я представлю его на собрании всех планет. Вот тогда и придет пора действовать. Я думаю, наша гражданская война начнется примерно через год.

— Нет, Рамри! Ведь ваш народ достиг вершин развития, это ведущая сила в данном регионе...

— Вы будете нашими преемниками.

Монвенги вышел. Доннан вдруг понял, что никогда по-настоящему не знал Рамри.

Сигрид подошла к Карлу и обняла его. Вскоре они услышали шум стремительно взлетавшего аэрокара. Как будто вновь рванулись в пространство боевые звездолеты...

— Что же мы наделали?..

УШЕЛЕЦ

Глава 1

Как всегда неожиданно, звездолет, прибывший с сигмы Дракона, перешел на другую орбиту. Он снизился до предела и теперь почти касался атмосферы Земли. Угляди его кто-нибудь, вставший еще до рассвета, он подумал бы, что это сверхновая. Многие, наверное, удивились бы, кое-кто посмотрел бы в небо с надеждой, кое-кто со страхом, но мало кто, видимо, принял бы это зрелище близко к сердцу. За три года все опасения как-то притупились.

Однако для жителей поселка Вэ все это было важно. Прибытие звездолета стало для них, теонтологов, явлением, выходящим за рамки обычных духовных событий. По сути дела, это разрешило давным-давно назревший кризис духовности. В конце концов они ввели звездолет в свою обрядовую культуру и единственный в поселке телевизор включали лишь с той целью, чтобы не пропустить каких-либо сообщений о звездолете.

Один из тех, кто не спал этой ночью, затрубил в раковину и разбудил своих товарищей, в том числе Скипа, который лежал на тюфяке в комнате малышей Урании. Проснувшись, он замычал спросонья, зевнул, чертыхнулся и стал выкарабкиваться из-под одеял. Вообще-то глинобитные стены хорошо держали тепло, но окно осталось открытым, а ночи на северо-западе Нью-Мексико были прохладными. Слип поежился и глубоко вдохнул носом сухой воздух, слабо отдававший полынью. Он включил лампу дневного света и подумал, что, слава Богу, не нужно возиться со свечами. Сколь строго местные жители ни придерживались принципов примитивной жизни, им хватало здравого смысла понимать, что весь этот примитивизм весьма зависит от разумного использования сложной техники.

«Ну прямо янки при дворе короля Артура», — подумал Слип, когда впервые прибыл сюда.

Комната озарилась светом: мебель ручной работы, большой Зрак Божий, висящий на белой стене. Урания была духовнопочвенницей. То ли она сама, то ли кто другой сделали для малышек смешных игрушечных человечков. На другой стене красовалась еще не законченная Скипом фреска со сказочными персонажами. В этой небольшой колонии народ оказался славным, и, когда Слип приехал сюда, его приняли вполне радушно.

В рюкзаке его лежали только приличный костюм, темносиняя рубашка и брюки неопределенного покроя. Он не прихватил с собой модных ботинок с загнутыми вверх носами, ограничившись парой кроссовок. Войдя в общую гостиную, Слип обнаружил там Сандалфона и Уранию. Сандалфон был высок и носил пышную бороду; он служил культу Христа, а посему был облачен в черную рясу, поверх которой красовался отделанный бирюзой серебряный наперсный крест. Изящную фигуру Урании скрывало накинутое на плечи индейское одеяло.

— Явился не запыхавшись! — приветствовал его Сандалфон. — Сожалею, что сигнал сбора нарушил твой сон.

«Это что, намек?» — подумал Слип.

— Похоже, я опоздал, — заметил он. — Впрочем, если вы предпочитаете обойтись без посторонних... Или, скажем, нужно посидеть с мальчиками...

— Да брось ты! — сказала Урания и взяла Слива за руку. — Не о чем беспокоиться. Мальчики спят и до нашего возвращения не проснутся. Что же до формальностей, то это общий ритуал, никаких культовых тайн. Так что оставайся. — Ее красивое лицо тронула улыбка. — Глядишь, и обратишься в нашу веру.

«Вот уж фигурки!» — подумал Слип и юркнул в ванную комнату. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы причесаться. Короткая стрижка, чуть ниже уха — никаких хлопот, по крайней мере минимум. Его каштановые кудри жили, казалось, своей собственной жизнью, и через пять минут от его прически обычно не оставалось и следа. Свою индивидуальность Слип проявлял тем, что был всегда чисто выбрит, хотя на самом деле причина этого заключалась в том, что в свои двадцать два года он был не в состоянии отрастить усы, которые не напоминали бы собой поле, подвергшееся нашествию саранчи.

«А это хорошая идея для карикатуры», — подумал Слип.

Впрочем, внешность у него была самая обыкновенная: среднего роста, коренастый, хотя довольно подвижный, курносый, лицо в веснушках, большие зеленые глаза.

Вернувшись, он нашел Сандалфона и Уранию в кухне. Они сидели на лавке за дощатым столом. Подле чайника и трех чашек курились благовония. К трубному зову раковины присоединились удары гонга откуда-то снаружи. Скип сначала усомнился, что дети спят, но потом решил, что, наверное, они привыкли к песнопениям и шуму, которыми сопровождалось обычно местные обряды. Урания приложила палец к губам и жестом велела Скипу сесть. Сандалфон осенил стол крестным знаменем, Урания уставилась в свою чашку. Все трое чинно пили чай: горячий, ароматный, немного дурманящий.

«Похоже, с травкой», — подумал Скип.

Закончив чаепитие, Урания встала, взяла ожерелье из пестрых ракушек и надела его на шею Скипу. Тут все было неспроста. Поначалу Скип удивлялся тому, с какой тщательностью у вэйцев отработана символика ритуалов. Ведь этот поселок появился всего лет десять назад, и, стало быть, возраст первоисточника богослужений, откуда происходила вся теонтология, не превышал тридцати лет. Правда, вскоре Скип сообразил, что практически все было позаимствовано из древней традиции.

«Восприятие реальности есть главным образом продукт нашего разума, — пишет Джозвик. — Поэтому все воображаемое обретает истинность, хотя не целиком и в искаженном виде, и это лишний раз указывает нам на существование того космического единства, которое мы именуем Богом. Посредством медитации, посредством традиционной и нетрадиционной религии, с помощью мифов, науки, философии, искусства, посредством всего нашего опыта мы проникаем в наше бытие и, в конце концов, приближаемся к непосредственному восприятию божественного».

Воздержание, тяжелый труд и бесконечные молитвы вэйцы сочетали с разнузданными языческими обрядами, сопровождавшимися экстатическими состояниями. Отгородившись от современного мира, вэйцы с равным успехом занимались обычным земледелием и пользовались достижениями генов инженерии, у них были развиты ремесла, их товары за хорошую цену шли на городских рынках. И вообще вэйцам, похоже, не было никакого дела до того, что творится вне поселка.

«Ну и вляпался! — думал Скип. — Слишком строго тут для меня. Долго я здесь не задержусь, разве что девчонка какая-нибудь зацепит. И все же я не жалею, что приехал сюда».

Урания взяла его за руку, и сердце у него екнуло. Скип, похоже, опять влюбился. Впрочем, он постоянно был в кого-нибудь влюблен.

Они вышли на немощеную улицу, единственную в поселке. Горбатые глинобитные домики чернели на фоне еще темного неба, на котором сияли хрустальные звезды и Млечный Путь. В дальнем конце улицы старосты собирали своих людей подле костра. Там и сям покачивались фонари, развевались хоругви, слышались молитвы, мелькали возбужденные лица взрослых и подростков. Холодные сумерки наполнились громким топотом и паром, исходившим из человеческих глоток.

Сандалфон направился к людям, чья религиозная атрибутика выдавала в них христиан. Урания повела Скипа прямо к трем танцорам, на головах у которых были уборы из птичьих перьев. Лица их были закрыты масками. Те плясали перед толпой духовопоклонников. Глухо забили тамтамы. По дороге Скип видел различные группы верующих, которые предпочитали видеть Бога в Бrame, в Амида Буцу, в Змее и Оракуле. Раздались звуки флейты и лиры, слышались григорианские гимны. Фонари погасли, и люди семью колоннами, послушники в хвосте, потянулись на Назонову гору.

Луна уже почти села, но и при звездном свете были видны многочисленные серо-белые поля, которые тянулись к берегу реки, поросшему пирамидальными тополями. Камни, полынь, призрачная сова, величественные горы... Скип чувствовал в себе некое просветление: огромная, священная ночь.

Через полчаса они добрались до вершины. Там лежал большой жертвенный камень, на котором были выбиты слова: «Неведомому Богу». Вэйцы расположились подле камня и молча обратили лица к западу.

Над горизонтом появился светящийся звездолет, и округа огласилась протяжным воем: «О-о-о-о!..»

Скипу уже приходилось видеть приближение звездолета к Земле. Это зрелище было безмерно прекрасно и радостно. Подумать только, ведь эти существа со звезд доказывают нам, что космос обитаем! И они отправили на Землю своего представителя, причем при его, Скипа, жизни! Но этот представитель был столь непостижим, что три года тщетных попыток войти с ним в контакт лишь усугубили недоумение, в котором пребывали лучшие умы человечества. Однако у Скипа оставалась надежда, что, быть может, когда-нибудь и он...

В этот предрассветный час Скип стоял в толпе людей, которые были уверены, что существо, прилетевшее с сигмы Дракона, является посланцем самого Бога. Холодный горный воздух пробирал до костей.

Мерцающая точка быстро перемещалась по звездному небу. Скип не был до конца уверен, что видит посадочный модуль, и

хотя заметил кое у кого бинокли, не осмелился попросить. Ведь эти люди ждали появления высшего существа.

В толпе послышалось: «Приветствуем... Аве... Ом Мани Падме Хум...» Люди запели, заплясали, кто становился на колени, кто падал ниц. Звездолет уже исчез на бледнеющем востоке, а обряд все продолжался. Скип стоял и смотрел во все глаза.

Обряд совершался последовательно — одно вероисповедание за другим. Затем толпа смешалась, и все направились обратно в поселок, завтракать. Кто переговаривался, кто шел молча. Восток светлел, округа просыпалась.

— А где Сандалфон? — спросил Скип Уранию.

Та взглянула на него, и он снова отметил про себя, какие длинные у нее ресницы. Ветерок трепал волосы, выбившиеся из рыжих кос.

— Ты что, не знаешь? — удивилась она. — Извини. Наверное, нам с Сандалфоном следовало бы ставить друг друга в известность, кто из нас о чем тебе уже рассказал. В общем, он надумал уйти на месяц в отшельники, и ему нужно подготовить убежище, вот он и решил воспользоваться удобным случаем.

— Убежище от кого? — поинтересовался Скип, улыбаясь.

Урания тоже улыбнулась в ответ. Если отвлечься от ее религиозности, она была бы простой и искренней женщиной. Никакие перемены имени и образа жизни не могли вытравить из нее той Мэри Петерсон, которой было так одиноко в Чикаго.

— Убежище от разного рода субчиков, — сказала она. — Таких, как ты, например. А ты меня интересуешь. Наверное, еще больше, чем я тебя.

Скип пожал плечами:

— Мои анкетные данные тебе известны. Добавить мне нечего.

При первом знакомстве на просьбу рассказать о себе он ответил ей:

— Томас Джон Вэйберн, а попросту Скип — уж не знаю, почему меня так прозвали. Родился и вырос в Беркли, штат Калифорния, средний класс, отец электронщик, мать программист, брат и сестра так и остались «соломой». Конечно, невелика радость иметь в семье «кузнечика», но мы не отдалились друг от друга и время от времени встречаемся.

— Как ты сказал?

— «Солома». Простые налогоплательщики... Или ты насчет «кузнечика»? Это сленг. Нечто вроде бродяги-шарманщика. — Он быстро добавил: — Но не обманщика! У «кузнечиков»

свой кодекс чести, кровное родство не в счет. Просто мы одинаково думаем, одинаково живем, собираемся иногда — мы не попрошайничаем и не воруем. А если кто и учудит что-нибудь этакое, так все «кузнечики» отвернутся от него, чтобы цеха не порочил. Мы обычные наемные рабочие и хотим, чтобы нам доверяли.

— Конечно, я слыхала о таких. Но ты говоришь так, словно с тех пор как я живу здесь, их стало намного больше. Неужели они не могут найти нормальную работу?

— Разумеется, нынче в сельском хозяйстве и в промышленности почти все автоматизировано. Но ты не представляешь, какой нынче спрос на индивидуальное обслуживание, на нестандартные развлечения. А мозгами шевелить мы умеем. У многих «кузнечиков» за плечами колледж. Мне вот предлагали место учителя, но как-то нет охоты связывать себе руки, во всяком случае прежде, чем успею посмотреть на мир. Поэтому я и ушел из дома. Если ты не хочешь, чтобы я расписал комнату, о которой мы говорили, то, может, я пригожусь как плотник, механик, монтер или, скажем, садовник, а еще я умею петь песенки и рассказывать сказки.

Урания задумчиво кивнула, ее взор блуждал где-то далеко-далеко, она вспомнила свою прежнюю жизнь.

— Мне кажется, — сказала она, — что современное производство способно дать средства к существованию любому человеку, независимо от образа его жизни.

— Деньги-то гуляют, само собой, но использовать свое право на общественные работы меня как-то не тянет. Хотя, проработав полгода каким-нибудь уборщиком, можно при скромных запросах обеспечить себе свободу месяцев на шесть.

— Хорошо бы тебе понять, что наша община никоим образом не отказывается от использования механизмов и достижений кибернетики. Иначе плакали бы наши доходы. Без высоких технологий не было бы низких цен на наши товары, и я сомневаюсь, что нам удалось бы раскрутить тут все наше хозяйство.

— Ты и правда приехал сюда для того, чтобы просто посмотреть, на что это похоже?

— Я же говорил тебе, Урания, что коллекционирую ушельцев, а ушельцы растут как грибы. — Скип нахмурился. — Бывает, вырастет бледная поганка, но чаще-то попадаются грибочки съедобные, как, например, здесь.

— Как мило! — усмехнулась Урания. — Ты сравниваешь меня с поганкой.

Смутившись, Скип покраснел.

— А не будь злокой! — Урания взяла Скипа за руку. — Просто я хочу узнать тебя ближе, еще ближе... Именно поэтому Сандалфон и поспешил удалиться.

— Ты имеешь в виду... — Сердце у Скипа заколотилось.

— Да, — просто сказала Урания. — Мы тут не признаем браки. Могут возникнуть всякие сложности, ревность там и всякое томление духа. Но ведь безбрачие куда хуже, правда?

Они поцеловались. Ослепительное солнце вставало над вершиной горы, зазвенел жаворонок. Несколько человек, проходя мимо, весело их приветствовали.

Через некоторое время Урания отстранилась, тяжело дыша и раскрасневшись.

— Как выясняется, ты и тут неплох, — улыбаясь, сказала она.

— Ты тоже.

Урания показала Скипу несколько наивной, но, может, это только на людях? Как бы то ни было, он снова влюбился, и у него была чудесная работа. И хотя вокруг все еще лежали длинные синие тени, воздух уже прогрелся так, что Слип почувствовал слабый запах шалфея.

Держась за руки, смеясь и приплясывая, они пошли вниз, но уже быстрее, чем прежде. Когда они добрались до дома Урании, та первым делом принялась собирать малышей в школу. Вэйцы отказались от услуг министерства образования и держали своих собственных педагогов по всем предметам. Особое внимание в школьной программе уделялось, естественно, теонтологии.

Урания шепнула Скипу, что все свои дела сделала еще вчера и сегодня у нее выходной, так что спешить некуда, разве что с завтраком.

— Хочу смотреть на звездолет! — канючил Мика.

— Тебе еще рано, маленький, — сказала Урания, причесывая сына. — Он ничем не отличается от обычного спутника.

— А я хочу, — настаивал малыш.

— Так нельзя говорить. Это противно Богу.

— Ему же всего шесть! — вмешался Слип. — Майку, я имею в виду, не Богу. Малыш, я думаю, ты успеешь посмотреть на него в субботу. Ладно? А сейчас идем-ка умываться и одеваться, а пока жарятся оладьи, я расскажу какую-нибудь историю.

— Давай про воздушный шар! — скомандовал Джоэль, потому что Слип неизменно приплетал туда самого Джоэля.

— Нет! Давай про планету Ивинку! — потребовал Мика, из тех же соображений.

— Сейчас мало времени, — заметил Слип, — так что я, пожалуй, расскажу вам историю про дракона.

Покуда малыши плескались и приводили себя в мало-мальски приличный вид, Скин сидел за кухонным столом и внимание его раздваивалось: одна половина отвлекалась на более чем соблазнительные движения Урании, другая же была занята блоком, в котором он обычно рисовал, когда было время.

«Значит, дракон... А что дракон? — Скин нарисовал пузатого сияющего дракона с нимбом вокруг головы. — Да-да, святой дракон! Под правой передней лапой лежит Библия. Нет! Лучше не надо. Зачем портить ей настроение». Вместо Библии он нарисовал лист с нотами и прямо на нимбе написал: «О соле мио», и получилась история про дракона Филиберта Фиредрейка, который всю жизнь мечтал петь на сцене, но всякий раз устраивал на сцене пожар, а два умных мальчика, Джоэль и Мика, придумали для него специальный шлем с трубой, которая шла прямо к голландской печке, на которой дракону готовили обед. Рассказывая эту историю, пока братья собирались в школу, Скин и подумать не мог о том, чтобы позавтракать самому.

Он потянулся рукой к Урании, но та ловко увернулась и сказала:

— Поспешешь, людей насмешишь! Сперва я хочу тебя покормить. У нас впереди еще целый день и целая ночь.

Она уже говорила ему, что мальчиков приведут домой только на следующее утро. Скин подумал, что, наверное, это тоже не случайно и что в отказе от семьи как ячейки общества есть свои прелести, хотя он прекрасно понимал, что во всем этом есть что-то угнетающее.

Пока Скин потягивал кофе, Урания готовила ему завтрак. В открытое окно лился солнечный свет, нагревая рыхлые глинобитные стены. От плиты вкусно пахло, и Скин в душе признал, что Урания была права насчет «покормить», потому что в животе у него так и бурчало. Впрочем, прогулка придала ему сил, и от счастья он чувствовал себя чуть ли не половым гигантом.

— Ну и горазд ты сочинять! — восхищалась Урания. — Как ты это делаешь, почти не задумываясь? Жалко будет мальчиков, когда ты уйдешь.

— Тут ничего особенного нет, — попытался замять дело Скин, чувствуя некоторую неловкость.

— И меня жалко, — сказала она тихо, не отрываясь от плиты. — Может, ты останешься?

— Не место мне тут. Я неверующий.

— В душе все верят. Из-за этого общество и раскололось... Да, из-за этого. Ортодоксы становятся все более нетерпимыми, они отрицают радости жизни, обрушиваются на любые проявления чувства, способные притупить боль человеческого существа.

вования. Прежде я сама примыкала к ортодоксам и знаю, о чем говорю. Не потому ли люди отказываются от веры? Не потому ли пытаются найти какие-нибудь новые способы жить или отыскать такие способы в прошлом? Пытаются обрести смысл жизни? Да и «кузнечики» твои, и сам ты.

— Не думаю — я ведь простой художник. И надеюсь когда-нибудь стать хорошим художником. На этом мои амбиции исчерпываются. — Слип потер подбородок. Он не был склонен к самоанализу. — Полагаю, бродячая жизнь для меня самое то. Сидя в мастерской, читая книжки и глядя в телевизор, вряд ли я найду подходящую тему для своей картины.

— А мне кажется, сегодня утром ты был очень близок к Богу, — сказала Урания, внимательно посмотрев на него.

— Кто его знает... Подобное чувство посетило меня как-то в горах, когда я лежал в спальном мешке и смотрел на звездное небо. Что наша планета? Крутящийся шарик, и мы на нем — жалкие копошащиеся козявки. Жуткое и величественное чувство... — Слип решил, что пора спускаться на землю. — Да ладно, девочка, для меня полминуты такого состояния — уже много!

— Тут таинство, Слип, — продолжала Урания. — Это существо не какой-нибудь там иностранец в национальном костюме, это... это некое бытие, которое мы не умеем воспринимать. Разве ты не понимаешь, что наука дает нам только крохи знания, лишь то, что можно увидеть или потрогать.

Олады наконец поджарились. Урания выложила их на тарелку и села напротив Слива.

«Если так и дальше пойдет, — думал он, поливая олады вареньем, — она и до вечера не кончит своей проповеди. А может, и до утра, если ее не остановить».

— М-м! Пища богов! — промычал он с набитым ртом.

— погоди! — Урания взяла его за руку. — Я хочу, чтобы на тебя снизошло озарение, — ты его заслуживаешь.

— Вряд ли, милая. Давай смотреть правде в глаза. Я уважаю твои религиозные чувства, но никоим образом не разделяю их. Просто меня интересует этот сигманец и проблема контакта. Наверняка он думает иначе, чем мы: он же не гуманоид. Я уверен, найдется какой-нибудь умник — и ларчик откроется, держу пари, очень скоро.

— Если сигманец не улетит прежде. И навсегда.

Слип кивнул, помрачнев. Подобные опасения высказывались не раз по мере того, как месяцы неудач складывались в годы. Может, звездолет совершает полеты от одной планеты к другой просто так. Со скоростью, которая недоступна кораблям землян, которые всего-то полвека назад вышли в космос. Звездолет

способен облететь Солнце, причем может подойти к нему настолько близко, что на таком расстоянии радиация наверняка убила бы экипаж любого нашего корабля. Может, через пару недель звездолет покинет окрестности Земли и обоснуется возле какого-нибудь Гинунгагапа?

И если все его технологические чудеса улетучатся вместе с ним, так и не доставшись людям, это, возможно, будет еще не худшее из зол. Сама возможность межзвездных перелетов теперь уже доказана, но нынешнее поколение едва ли признает это, а возможно, человечество просто не успеет этого признать. Слип постоянно читал книги, причем в самых неподходящих для этого местах, и мог назвать имена многих серьезных ученых, которые полагали, что технически развитая цивилизация, ограниченная одной-единственной пригодной для жизни планетой, через несколько столетий неизбежно должна прийти к своей гибели.

— Боюсь, это очень возможно, — сказал Слип. — Сколько мы будем дожидаться, покуда этот тип, неважно кто — он, она или оно! — соизволит приступить к разработке общего языка? Сколько можно биться лбом о стену?

— Беда в том, что они сами себя ограничивают, — горячо подхватила Урания. — Помимо нескольких чиновников да журналистов, туда допускают только ученых. Больше никого. Неужели никому не приходит в голову, что сигманец ищет не столько общения, сколько общества?

— Как ты представляешь себе общество без общения? — Слип решил продолжить эту тему, хотя это не входило в его ближайшие планы. Однако беседа его увлекла. — Мне, к примеру, приходила мысль, что мы сигманца вовсе не интересуем. Как это ни печально, нам, возможно, придется принять это как факт. Может, его устремления, его чувства не имеют ничего общего с нашими. Но черт побери! Ведь зачем-то они строят звездолеты, о каких нам приходится только мечтать! Значит, должны быть и сходные мотивы к перемене мест...

И тут Слип разинул рот, уронил вилку на стол и испустил такой вопль, что Урания в испуге вскочила.

Глава 2

Неделю спустя звездолет вернулся на свою прежнюю орбиту. С обитаемых орбитальных станций сообщили, что в течение часа корабль пребывал в состоянии светящегося шара, перели-

вавшего всеми цветами радуги. Это означало, что сигманец готов принять гостей: один из немногих сигналов, которые люди научились идентифицировать достаточно точно. Так как подобные приглашения имели силу в течение нескольких дней, космический корабль и команда были постоянно готовы действовать согласно схеме, которая предварительно прошла горнило жарких дебатов между учеными и политиками. На этот раз задание было разработано вроде бы более рационально.

Ивонна Кантер размышляла о том, что ситуация складывается отнюдь не в пользу гомо сапиенс. (Меж тем она натянула комбинезон, схватила заранее собранную сумку, закрыла свой номер, спустилась с пятидесятого этажа в подземный гараж, установила автопилот машины курсом на базу Армстронг, закурила сигарету и попыталась расслабиться — впрочем, тщетно.) Три года разочарований привели к тому, что посещение звездолета перестало считаться престижным. Ведь все, что там происходило, скрупулезно записывалось всевозможной аппаратурой и передавалось по каналам связи. Зачем в поте лица своего добывать исходную информацию, если с равным успехом можно было подготовить научную статью, с полным комфортом работая в своем кабинете?

«Вот что они себе думают, — размышляла Ивонна. — Конечно, пока что они оказывались правы, но на этот раз, на этот раз...» Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди.

Улицы Денвера в пять утра были почти пусты. Дорожные компьютеры кратчайшим путем направляли машину к черте города. Выйдя из зоны их управления, автопилот прибавил газу и со скрежетом выжимал из машины километров двести в час. Ивонна почти не смотрела по сторонам — ни на придорожные поля, ни на широко раскинувшийся взлетный комплекс, до окраин которого она наконец добралась.

Ей пришла в голову мысль, что не только космодром Армстронг, но и Исследовательский центр Кеннеди потеряли в ее глазах все свое прежнее очарование, равно как вся астронавтика Земли вообще. Можно продолжать челночные полеты на лунные и марсианские станции, можно готовить экспедицию на Юпитер, обсуждать перспективы полета к Сатурну, но когда сигманский звездолет висит у тебя над головой, понимаешь, что все это детские игрушки.

Ивонна пришла в себя, только оказавшись перед полковником Алмейдой. Запуск был назначен на 9.45, она прибыла первой, за два часа до старта.

— Напомните мне, полковник, кто еще должен быть. Я что-то забыла, — обратилась Ивонна к Алмейде.

— Только Ван, — ответил тот. — Вы же знаете, европейцы еще не очухались после аварии с «Коперником». Мы предложили им услуги Дуклоса, но те отказались. Сильно подозреваю, что они просто экономят деньги. А русские... Эти и вовсе сообщили в Центр, что Серов заболел, а замены ему сейчас нет. Так что они — «пас». Думаю, последний финансовый кризис потрепал их куда сильнее, чем они хотят показать.

— Значит, Ван и я? Отлично... По крайней мере, никто не будет путаться под ногами.

Алмейда с интересом разглядывал Ивонну. Высокая, стройная, почти худая. Всегда опрятная и тщательно подобранная одежда подчеркивала ее прелестные черты: удлиненное худощавое лицо, узкие скулы, нос с горбинкой, острый подбородок. Все это было привлекательно само по себе, и вдобавок — пухлые губы, живые глаза, брови вразлет, цвет лица, которым едва ли могла похвастаться женщина в ее возрасте, а ей было тридцать. Однако комбинезон и черные волосы, обычно распущенные по плечам, а теперь собранные в строгий пучок, ставили отчасти все на свои места.

— Не думаю, что Ван будет сильно докучать вам, — с расстановкой произнес начальник контрразведки.

Ивонна улыбнулась:

— Да уж, вы целый день за камерой: кто, чего, с кем... Впрочем, Ван точен, как робот. — Она стала серьезной и поспешно добавила: — Извините, не надо было мне так говорить. Просто Ван не самая приятная компания. За его непроницаемой внешностью есть какая-то натянутость. Чувствуешь, что он постоянно следит за тобой, просчитывает каждый твой шаг. Это действует на нервы.

Алмейда воздержался от комментариев. Слова Ивонны лишь раз подтвердили его впечатления от ее собственной персоны. Ее сдержанность и почти фанатичная концентрация на том, что она делает сию минуту, заставляли полковника усомниться, имела ли она когда-либо, так сказать, близкого друга... Родители и прочие родственники на востоке, Бердт — фамилия еврейская, может, у нее там теплое гнездышко? А может, наоборот — профессор Бердт с супругой гордились своей выдающейся дочерью, но не очень-то жаловали ее у себя, мол, пусть лучше добивается еще более блестящих успехов?... Алмейда был почти уверен, что Ивонна ни с кем не спала, помимо своего мужа, брак с которым распался через пять лет после свадьбы... как раз два

года назад... А незадолго до этого Ивонна присоединилась к проекту «Сигма».

Полковник поднял взгляд на Ивонну.

— Не беспокойтесь, Энди. На этот раз у меня столько дел, что будет не до Вана.

— Да ну? Что-нибудь нащупали?

— Может, и так. На последней сессии у меня возникла одна идея, я сейчас ее отрабатываю. Похоже, вырисовывается нечто обнадеживающее. — Она говорила горячо и убежденно, что лишь придавало ей прелести, но вдруг сжала губы и покачала головой: — Не хочу распространяться, пока не попробую.

Алмейда пощипывал свою армейского образца бородку «под Ван Дейка».

— А у вас все предусмотрено насчет, ну... несчастного случая?

— Разумеется. Все мои разработки находятся дома вместе с прочими документами. — Ивонна встала. — Если мы закончили, я бы чего-нибудь перекусила.

Покуда корабль маневрировал на подходе к звездолету, Ивонна размышляла о том, что она не могла себе и представить, что когда-либо ей может надоесть это зрелище.

В левом иллюминаторе, на расстоянии 75 000 километров, на фоне черного неба сияла Земля. Дневная сторона была иссечена синими тенями вперемешку с белыми завихрениями, которые создавали облака. Зелено-бурые кляксы суши были почти не видны, словно Ивонна уже отрешилась от всего земного и была готова ступить на неведомый берег. Ночная сторона была черной, лишь кое-где что-то мерцало — то ли грозные разряды, то ли огни городов.

Отвернувшись на некоторое время, чтобы после яркого света дать зрачкам расшириться, Ивонна посмотрела на звезды. Из-за внутреннего освещения звезды были не такими красивыми, какими выглядели бы, скажем, с вершины Пайка. Они мерцали холодно, по-зимнему. На их фоне двигался звездолет.

Он был виден как бы по частям. Казалось, это не корабль, а некое порождение неизвестной природы силового поля огромной мощности — нечто не из металла, кристаллов или синтетики. Два светящихся сфероида, отливавшие медью. Большой сфероид, несколько сот метров в диаметре, был сплошным. Торчащие каркасные башни, антенны, колеса, рамы, купола, всевозможные провода и другие не поддающиеся описанию

штуковины, о назначении которых оставалось только гадать. Трудно себе представить что-либо более хаотичное. Помимо всего прочего, все это нагромождение двигалось, словно дышало — прямо на глазах вырастали новые выступы, в мозгу оживали новые ассоциации; ни Парфенон, ни Шартрский собор, ни Тадж-Махал не могли бы соперничать с этой изысканной простотой, с этим безмятежным динамизмом.

Второй, меньший сфероид, оборудованный уже не так экстравагантно — нечто вроде арматурной конструкции, сквозь которую просвечивали звезды, — находился примерно в двух километрах от большого и удерживался, видимо, посредством гидромагнитного поля. Ивонна не верила своим глазам: открывшееся в телескоп зрелище было увлекательно, словно театральное представление. Как бы то ни было, все это, наверное, находится в энергетическом поле, мощность которого сравнима с энергией звезд. Когда на расстоянии светового года звездолет начал торможение при подходе к Солнечной системе, астрономы зарегистрировали излучение чудовищной силы. Эта несущаяся звезда сбрасывала скорость год и девять месяцев, и все это время беспокойство на Земле то и дело переходило в панику, доходило даже до случаев нарушения общественного порядка. Ивонне вспомнилось, как бесстрастные слова знаменитого телекомментатора Сигурдсена переменили ее настроение — от тревоги к надежде. Просто фантастика!

...несомненно, космический корабль из другой планетарной системы. Р. В. Буссард еще в прошлом веке говорил о возможности использования этого принципа. Межзвездное пространство вовсе не абсолютный вакуум. В окрестностях нашей Галактики концентрация межзвездного газа равна примерно одному атому водорода на кубический сантиметр. Разумеется, это ничтожно мало, но если вы перемещаетесь со скоростью, сравнимой со скоростью света, а скорость света есть недостижимый предел, допускаемый релятивистской физикой, так вот, если вы перемещаетесь столь быстро, эти самые атомы, ударяясь в обшивку вашего корабля, испускают рентгеновские лучи и прочие элементарные частицы, причем таких энергий и концентраций, что от мгновенной смерти вас не защитит никакая обшивка, никакой материал. Я говорю, никакой материал, но нам с вами кое-что известно об электромагнитных и ядерных силах. Реактор, который снабжает электроэнергией, возможно, и ваш дом, использует эти силы для удерживания водородной плазмы, где атомы имеют

такую огромную энергию, что способны образовывать атомы гелия и таким образом высвобождать энергию. Буссард предположил, что подобные силы, но на много порядков более мощные, когда-нибудь удастся использовать для отталкивания межзвездного газа от звездолета. Далее Буссард предположил, что хаотичные потоки газа могут быть направлены в корму и таким образом служить двигателем космического корабля.

Другими словами, корабль Буссарда имеет практически неограниченный источник энергии. Топливо ему необходимо лишь для того, чтобы развить соответствующую начальную скорость, а далее он может увеличивать скорость до бесконечно близкой к световой. А это значит, что полет до ближайших звезд займет не многие тысячелетия, а всего-навсего несколько лет. Ворота Вселенной распахнутся перед человечеством!

Очевидно, более развитая цивилизация опередила нас и построила космический корабль по принципу Буссарда. Трудно предложить иное объяснение. Звездолет приближается с отрицательным ускорением порядка одной трети g . Это позволяет нам предположить, что он прибыл с планеты, которая меньше Земли. Не исключено, что звездолет отправился из ближайшей к нам звездной системы в ответ на радиосигналы, которые мы отправили еще в прошлом столетии. Если это так, то, судя по нынешнему курсу корабля, точкой отправления является сигма Дракона. Эта звезда не сильно отличается от нашего Солнца, до нее чуть больше восемнадцати световых лет. Впрочем, посмотрим... Но нам нечего бояться. Напротив, нам открывается космос!

Правда, некоторые из моих коллег опасаются того, что двигатель у звездолета все-таки фотонный, хотя, как мы видели, тут возможны варианты. Строить фотонные двигатели мы пока не умеем. В основе такого двигателя лежит огромной мощности газовый лазер, создающий поток фотонов. Это самый эффективный двигатель из всех, какие мы себе можем представить. Если поток фотонов такой интенсивности прошьет Землю, то катастрофические последствия трудно вообразить... Но этого не случится!!!

Я согласен с теми, кто считает, что вышедшая в космос цивилизация должна иметь мирные цели, так как в противном случае она уничтожила бы сама себя задолго до того, как достигла бы соответствующего уровня технологии. Ведь и нам, при всей нашей сравнительно примитивной технологии, пришлось, хоть и не сразу, но подчиняясь железной необходимости, создать систему международной безопасности и контроля

над вооружениями. Я не верю, что мы можем снова окунуться в этот кошмар, когда в любую минуту следует ожидать ядерной атаки противника. Я уверен, что наши дети и внуки не будут знать опасностей века нынешнего и что сдержанное сотрудничество перерастет в истинно добрые отношения.

Однако мы не должны заблуждаться насчет наших, так сказать, гостей. Может, они и не святые, но наверняка не безумцы. Межзвездное пространство — это бесконечность, которую мы в состоянии измерить, но пока не в состоянии осознать. Как бы то ни было, перед нами отнюдь не космический флот, а один-единственный звездолет — по нашим прикидкам даже меньший по размерам, чем многие из наших кораблей. Тем не менее этот корабль так напичкан технологическими чудесами, что способен посрамить египетские пирамиды, Великую Китайскую стену и все наши достижения в области исследования Солнечной системы. Но зачем им вредить нам? Чего они добьются, какие проблемы своего народа решат, чем потешат свое самолюбие, атаковав беззащитных землян? Ведь они победили бездну! Нет! Ими движет одно стремление — жажда познания. Конечно, жажда славы и приключений, возможно, тоже, но главное — знания.

Исходя из этого, я полагаю, что мы далеко не безнадежны в этом смысле. У нас накоплена огромная информация — планетология, биология, история, антропология, информация обо всем, чем мы были и есть. Мы можем обменять ее на то, что нам предложат пришельцы.

И все-таки я готов признаться, что весьма озадачен. Зачем прибыл звездолет? Ведь куда проще и дешевле обмениваться информацией с помощью лазерных пучков или как-нибудь в этом роде. Видимо, строители звездолета уже посылали нам свои сигналы. А может, жажда знаний у них такова, что они не хотят ждать? Прошло бы несколько столетий, прежде чем нам удалось бы разработать язык взаимного общения. Ведь ответ на заданный вопрос придет лишь спустя тридцать шесть лет! Экспедиция же, так сказать, явочным порядком решит задачу значительно быстрее. Возможно, мы подключимся к межзвездной системе коммуникаций, а возможно, у сигманцев, если они и впрямь с сигмы Дракона, только один такой звездолет, который курсирует от одной звезды к другой.

Разумеется, это только догадки. Как хочется узнать истину! Во всяком случае, можно не сомневаться, что наши гости примут все меры предосторожности, то есть еще на окраине Солнечной системы выключат свой смертоносный фотон-

ный двигатель и далее пойдут на безопасной тяге — что-нибудь вроде наших ионных двигателей, разумеется, на порядок более совершенных, чем наши. Думаю, они явятся к нам с миром, подобно тому как ангелы спустились на Вифлеем. Дети Земли, готовьтесь к приему гостей!

«Он оказался прав насчет того, что они нам не повредят, — подумала Ивонна. — Но что дальше? Какое жестокое разочарование для нашего несчастного, больного человечества!.. Быть может, мне, именно мне, прямо сейчас, удастся пробить эту стену и помочь людям?»

— Тихий ход!.. Еще три градуса... Еще шесть ньютонів тяги... Держать десять, ноль и два с половиной, уровень четыре-ноль... Стоп!

Тишина, невесомость, в иллюминаторе звезды.

— Приехали, доктор Кантер. — Пилот зевнул и потянулся. — Передохнем?

— Спасибо, нет. — Ивонна поежилась. — Подождите. — Секунду спустя она добавила: — Пожалуйста.

— Я провожу вас, — откликнулся второй пилот и вслед за Ивонной отстегнул привязные ремни.

Будучи уже в скафандрах, они проверили снаряжение и реактивные ранцы, опустили шлемофоны и включили откачку воздуха.

Ивонна думала, что отправится к звездолету одна и в одиночку насладится ничем теперь не замутненным звездным великолепием. Но не тут-то было. Сколько она ни тренировалась в центре подготовки, когда включилась в проект «Сигма», этого оказалось явно недостаточно для встречи с открытым космосом. Пристегнутая к лодыжке второго пилота, она беспомощно зависла на длинном шнуре вместе с ящиком, где находился запас продовольствия и прочее снаряжение. Ивонна позволила буксировать себя второму пилоту. Тот двигался неторопливо, осторожно и постоянно сверялся с показаниями приборов, чтобы не проскочить мимо «туннеля» в энергетическом поле, который сигманец временно открыл для гостей. Тем не менее вход они отыскали далеко не с первой попытки. В «туннеле» у людей возникло ощущение, будто они двигались навстречу сильному потоку горячей воды. Стоит чуть увеличить напор, и незванный гость вылетит как пробка.

Они остановились перед колыхавшейся полупрозрачной завесой, видимо, энергетической, которая отгораживала вход в звездолет. Второй пилот отстегнул страховочный шнур, но другой

рукой все еще держал Ивонну. Свечение Земли, отражавшееся от шлемофона, не давало видеть его лицо. До Ивонны дошел лишь бесстрастный радиоголос: «Порядок?»

— Порядок.

— Не забудьте, мы будем ожидать вас на орбите. Когда он вас отпустит и подаст световой сигнал, будьте готовы и ждите. Мы сделаем тот же маневр и заберем вас.

— Я не новичок, не беспокойтесь! — отрезала Ивонна, но, сообразив, что была резка, добавила: — Извините, я не хотела вас обидеть. Просто пора работать, время на вес золота!

— Ладно, — сказал второй пилот и отпустил ее.

Ивонна включила реактивный ранец и двинулась в звездолет, за завесу, которая легко пропустила ее.

Глава 3

Голова Скипа была готова лопнуть от переполнявших ее мыслей, но он старательно, как и обещал мальчикам, заканчивал фреску. Он жил по принципу — никогда не оставлять долгов. Урания и малыши предпринимали последние безнадежные попытки удержать его, но, когда он стал прощаться, все трое разрыдались. Слип не принимал эти слезы близко к сердцу, тем более что время было дорого.

— Я постараюсь вернуться, — сказал он на прощание, подумав про себя, что, может, он еще и правда вернется.

До города его подбросили на попутке. «Город» представлял собой дюжину домов с парой лавок, автостоянкой и баром. Слип двинул прямо в бар. В Вэ не было алкоголя — только травы, используемые в обрядовых целях. Отдышавшись после первой кружки пива, он заговорил с хозяином, а после второй — занялся подсчетом предстоящих дорожных издержек.

Обычно Слип путешествовал автостопом. Народу в этих местах было мало, и люди не шарахались друг от друга, как это приходится делать тем беднягам, что живут в перенаселенных районах семимиллиардной старушки Земли. Слип болтал с людьми, расспрашивал их о жизни, останавливался где хотел и часто вовсе менял первоначально выбранный маршрут. Однако на этот раз он спешил. Дело в том, что многоликий Бог вэйцев знал, когда сигманцу все это надоест и он улетит! Так что Скипу нужно было как можно быстрее добраться до президента Соединенных Штатов Америки или верховного комиссара по безопасности, или хотя бы до кого-нибудь из тех, кто вхож к ним.

Значит, так, подобьем бабки. Урания заплатила ему совсем немного. В поселке Вэ наличных денег на душу населения было немногим больше, чем в кармане у какого-нибудь «кузнечика». Впрочем, это было неважно. Добавив это к тому, с чем он прибыл в Вэ (Черт! Эти сто баксов старыми! Значит, делим на тысячу, получается десять центов), Скип получил в итоге двести тридцать три с половиной доллара. А ведь ему нужно есть, пить, покупать билеты, да и эта пара кружек пива уже минус четыре бакса... Может, звякнуть в Беркли, одолжить у отца? Он будет только рад помочь... Скип скорчил гримасу. Нет. Не любил он одалживаться, а долги нравственные и вовсе неоплатны. Не становится же «соломой»?!

Скип решил потратить деньги на информацию. В этой мрачной архаичной таверне о современной технологии свидетельствовал разве что телефон-автомат: чтобы позвонить, нужно было воспользоваться не монеткой, а кредитной карточкой. Сунь Скип в щель автомата свою кредитную карточку, наверняка противно замигала бы лампочка «Счет пуст». Поэтому, предъявив свои наличные хозяину бара, Скип получил в распоряжение его кредитную карточку. По экрану пробежали надписи, появилось изображение девушки с дежурной улыбкой.

«СЛУЖБА ИНФОРМАЦИИ. ЧЕМ МЫ МОЖЕМ ВАМ ПОМОЧЬ?»

Скип набрал на клавиатуре кодовое слово, чтобы избежать слишком дорогого общения с живым оператором. По компьютерной сети все запросы направлялись в специализированный банк данных, расположенный где-то в глубине страны. Электронные лучи сканировали молекулярную память, считывая информацию с деформаций огромных молекул. Через минуту ожидания (канал связи был, очевидно, перегружен) на экране появилась надпись: **«ОТВЕТ НА ВАШ ЗАПРОС ГОТОВ. ОТПЕЧАТАТЬ?»**

«Нет, благодарю», — ответил Скип. Дешевле запомнить. Он усмехнулся: зачем он благодарит эту железяку? По экрану побежали строчки. Скип нажал кнопку: «Помедленнее».

Где работают экспедиции хранителей и какие? Ответ: экспедиция Моргана в Коннектикуте, зона эрозии; «Друзья Земли» восстанавливают леса в Висконсине; группа «Терра» с миссией в Египте (с ними несколько коллег из других стран) под эгидой комитета охраны окружающей среды; комиссия «Общего Богатства» осуществляет текущий контроль в Алабаме...

Экран погас. Скип, расплатившись с хозяином, вернулся к своему пиву и своим подсчетам. В группе «Терра» он работал в прошлом году, с ним там считались, он даже чуть не пошел на

повышение с легкой руки тамошнего шефа. Однако в Египет просто так не доберешься, да и оттуда — тоже намаешься.

«Нет, неохота мне тащиться туда, — думал Скип. — Хватит с меня теленовостей об экологических катастрофах!»

Ближе всех была экспедиция Туата-де-Данаан, на озере Тахо. Но там не знают его... Придется полгода вживаться и утверждать себя, пока заработаешь подходящие рекомендации, чтобы добиться приема у какой-нибудь шишки...

Стоп. Вообще-то он с удовольствием поработал бы на озере Тахо. Там занимались не только очисткой воды в озере и восстановлением прилегающего к нему леса; в их ведении находился весь этот район Сьерры. Так что помимо решения рекреационных задач на водосборах и в лесу, там занимались и сельским хозяйством. Небольшие фермы, устроенные в тщательно выбранных местах и использующие самые новые технологические достижения работы в горной местности, могли бы не только подбросить лишний кусок хлеба в пасть вечно голодного мира, но и оказать положительное влияние на процесс восстановления природного баланса, превращая собственников земли по сути дела в смотрителей и охранников природы. В ограниченном объеме этот проект был разработан специально для поселенцев, и власти обещали предоставить права собственности на землю наиболее квалифицированным из них. А ведь в поселенцы на Тахо готовили парней из округа Мендочино, среди которых у Скипа были друзья...

— Эй, хозяин! Нет ли сегодня транспорта на север?

Народу в автобусе набилось довольно много, в основном местные. Мозья недолго просуществовала как отдельный городок: Солт-Лейк-Сити задушил ее, словно осьминог. Автобус шел экспрессом через Рино. Скип приготовился поскучать, не имея особых надежд разговорить своего пожилого соседа.

— Варварство какое-то! — проворчал тот. — Не упадок, а самое настоящее варварство! И вы вот тоже, извините за выражение, варвар. И не ваша вина, что кругом заводы, а не школы, не говоря уже о колледжах. А все почему? — Он ударил ладонью по колену соседа. — Никому нет дела до образования и воспитания, остается удивляться, что этот феномен еще существует!

Скип вздохнул и отвернулся к окну. Автобус громыхал по совершенно опустошенной земле. Сквозь облако пыли Скип видел голые солончаки, кое-где поросшие полынью, синеющие вдали горы да пару канюков, кружащих в поднебесье. Духота,

спящее солнце... Он подумал, что не худо бы открыть окно или хотя бы занавесить его... На синем небе там и сям белели конверсионные следы реактивных самолетов. Вот было бы хорошо, если бы денег хватило на билет первого класса. Или хотя бы на какую-нибудь чартерную колымагу, которая, небось, ничем не лучше этого чертова рыдвана — по крайней мере не придется долго мучиться.

— У вас нет образования, вы просто прошли обработку, — не унимался сосед.

Скип сперва хотел показать ему книжку Робинсона Джефферса, которая лежала у него в кармане куртки, но раздумал. Только раззадоришь его.

«А может, врезать ему правду-матку? — подумал он. — Как-нибудь так: “Мои родители, сэр, в свое время объяснили мне положение дел, и я вполне разделяю их мнение. Люди они интеллигентные, эрудированные и знают, что говорят. Разумеется, я не всегда согласен с ними, но в моих глазах это нисколько не умаляет их интеллекта. Еще в детстве они были свидетелями вошедшего тогда в моду радикализма и многие годы потом слушали жалобы старших на неблагодарную молодежь, которая не желает прислушиваться. Однако поколению моих родителей было не до того, нужно было выживать в мире наживы: выживать духовно, а подчас и физически, выживать в переполненных школах, год за годом. Сэр, как могут дети бедняков, это раньше, а теперь почти все дети, за редким исключением самых богатых, как могут они научиться хоть чему-нибудь, если нет свежего взгляда на вещи, если вся философия образования, от Платона до Скиннера, направлена в научную плоскость, если пресловутый инженерный подход оставляет за бортом все то, что мы именуем “психологией”, если использовать результаты изучения человека как такового, не рассматривая его как единое целое. Обучающие машины — это лишь начало, далее нужно привлекать психофизиологию. Методы подсознательного воздействия вызвали много споров, но возможны куда более простые и эффективные способы. К примеру, уровень успеваемости резко повысился, когда была усовершенствована поощрительная методика обучения. Так что современная система образования, вплоть до окончания колледжа, это совсем другая штука! И я страшно рад, что несколько лет из тех немногих лет, что отпущены мне в этой жизни, мне не пришлось попусту просиживать штаны. Ваша беда, сэр, что вы родились слишком поздно. Вы являетесь профессором в эпоху, когда никакая академия не рассматривается всерьез. Все настоящие исследователи давно

соблазнились производством и властью. А настоящий, прирожденный педагог вынужден ограничивать круг своих учеников. У вас есть ученая степень, вы окружены толпой бездарей, и никто, кроме горстки вам подобных ворчунов, не слушает вас. В глазах общества педагоги низведены до уровня технической интеллигенции, наравне с квалифицированными рабочими, полицейскими, врачами, астронавтами..." Нет! Это было бы слишком жестоко», — подумал Слип и сказал, повернувшись к соседу:

— Что вы от меня хотите, я простой бродяга.

— Но вы даже не пытаетесь бороться!

— Что значит бороться?

Профессор плотно сжал губы:

— Как сказано у Тойнби, можно плыть по течению. Зачем барахтаться, если течение все равно несет нас в пропасть? — Он придвинулся поближе. Его взгляд и интонации поразили Слива. — Мы еще разделаемся с этими машинами! — выпалил он. — Мы еще возродимся! После смутного времени наступит золотой век, но не сейчас, когда этот чертов звездолет оскверняет наше небо!

— Да-а?

— Чертов пришелец, сигманец! Разве вы не понимаете, что при всей своей нечеловечности машины — все-таки творения рук человеческих. А эта тварь, это чудовище?.. Нечто отвратительное! Его тело — просто насмешка над человеком... Невообразимая мощь, сатанинское высокомерие, нет, хуже, чем сатанинское! Сатана был хотя бы похож на человека... А мы творим из него бога, в буквальном смысле слова... Мы ломаем себе голову и, вместо того чтобы накормить голодных детей, тратим миллиарды долларов на этого молоха, пытаемся извернуться и научиться мыслить не по-человечески, чтобы побеседовать с этим молохом на его родном наречии! — Профессор почти задохнулся. Он отодвинулся от Слива и, переведя дух, произнес уже более спокойно: — Только не надо приводить мне доводы в пользу миролюбивых целей сигманца! Я в них далеко не уверен. Это пока они смиреннькие. Как вы не понимаете, что не в этом дело! Сигманец — это итог дегуманизации. Мы либо умрем, либо станем рабами роботов во плоти. Либо двуногим подобием сигманцев! Какая разница! Ведь человека не будет во Вселенной.

— Что вы предлагаете? — спросил Слип. — Не обращать на звездолет внимания и дожидаться, пока он уберется восвояси?

— Нужно уничтожить его! — твердо и спокойно сказал профессор. — Я был бы горд и даже счастлив, если бы мне доверили войти туда с атомной бомбой и взорвать ее.

«Безысходность рождает фанатизм», — заключил Скип про себя. Он подумал, что услышал сейчас значительно больше бредней о звездолете, нежели можно было ожидать, особенно от столь невысокопоставленного представителя ортодоксов, как этот субъект. Его излияния не произвели на Скипа особого впечатления, он попросту избегал общения с людьми, которые казались ему занудами. А что может быть более занудным, чем господа подобного типа?

У них явно не хватило таланта стать высокооплачиваемыми менеджерами, инженерами, учеными, политиками, вообще профессионалами, которые худо-бедно, на соплях, не дают развалиться механизму, называемому цивилизацией. Они не сумели стать и обслугой, которая смазывает этот механизм. Это рутинеры, которые не в состоянии предложить больше, чем может выдать мало-мальски приличный компьютер.

Очевидно, моральные устои и природная застенчивость удержали их от падения на «дно», но недостаток оригинальности и душевная тупость не дали им присоединиться к каким-либо ушеляцам или создать свою общину ушельцев. Со всем своим пафосом, по мнению Скипа, пафосом ужасным, эти лавочники, клерки, мелкие чиновники, обладатели ученых степеней, отменить которые ортодоксы как-то не додумались, они продолжали подражать своим хозяевам и убеждать друг друга, что они тоже соль земли.

Оставалось только удивляться, что ненависть не ослепила их всех до единого. Опросы общественного мнения показывали, что подавляющее большинство американцев настроено просигмански.

«Хм, — думал Скип, — можно ли положиться на эти опросы в столь пестрой и многоликой стране? А как в других странах? Сколько людей переменили свое отношение за три года неудач? И каких бед еще могут натворить господа-демагоги? Да, нужно торопиться».

Экспедиция Туата-де-Данаан расположилась на южном берегу озера Тахо, которое нужно было срочно спасать. Все предыдущие экспедиции по спасению озера окончились ничем. Бывшие их участники расселились по новым поселкам, а некогда возведенные ими постройки обветшали и развалились. С тех пор как Большая Калифорнийская долина превратилась в вонючую

пустошь, охотников жить здесь осталось совсем немного, и власти не чинили препятствий для поселенцев. Плодородный слой почвы был практически уничтожен, вся долина была завалена гниющим мусором. Здесь предстояло собрать и распределить гумус, удобрить землю, подвести воду и засадить местность подходящей растительностью. Когда первые посадки быстрорастущих деревьев и кустарников превратятся в подобие леса, можно будет устраивать здесь лесные поселения. А пока что — вкалывай на берегу озера! Пройдут годы и годы, прежде чем тут установится приемлемый уровень химического и биологического загрязнения.

В лагере не жаловали туристов, но желающих поработать встречали вполне радушно. Около часу Слип рассказывал дежурные анекдоты и вскоре добился позволения «пройтись и поглядеть, где ты можешь тут пригодиться». Еще два часа прогулки, болтовни и расспросов потребовались ему, чтобы разыскать Роджера Нила, его старого приятеля еще по Мендочино.

Роджер Нил, простой поселенец, трудился на своем собственном участке земли. Его делянка имела далеко не такой пасторальный вид, как участки ближе к изгороди, где еще оставались деревья и где несколько энтомологов расселяли жуков, которые поедали вредителей. На крутом красноватом склоне тарахтели бульдозеры, пыхтели грейдеры и установки, разбрасывающие гумус, копошились сотни людей, чьи голоса то и дело прорывались сквозь весь этот грохот. Но самый шум шел от воды, что рычала в трубах установленного на барже земснаряда и сверкала хрусталем на ярком солнце. Однако чуть поодаль вода была вновь небесно-голубой. Вдали, по берегам, шрамы земли скрадывались расстоянием, и при взгляде на это в душе крепла надежда, что когда-нибудь все здесь наладится и вернется на круги своя.

«Когда-нибудь... — думал Слип. — Не знаю. Индия, Египет, половина Китая... огромные пространства... Разве Северная Америка не зашла почти столь же далеко по этой опасной дорожке? И все-таки если кто-то из нас, пусть немногие, наберется сил и приступит к обновлению мира...»

В перепачканном комбинезоне, загорелый, мускулистый Роджер крепко пожал Скипу руку.

— Здорово, дружище! Ты что, к нам? Боюсь, тут не развернешься, как тогда, на празднике урожая. Девочек-то нет... Но и уик-энд в здешнем Хангтауне тоже, знаешь, кое-что. Ну и какой ты там хреновей без меня занимался? Наврешь, небось, с три короба? А кое-что было, да?

Скип усмехнулся. С Роджером он познакомился, будучи еще пятнадцатилетним, неугомонным юношей. На лето он приехал поработать на ферме в Мендочино. Нравы поселенцев показались тогда Скипу чересчур строгими. Это было и впрямь некое утопическое движение, они хотели вернуться к былой независимости и патриархальному укладу старых йоменов, не отказываясь при этом от достижений современной агрономии, всевозможного оборудования, а также достижений энергетики и средств электронной связи. А тот праздник урожая заставил Скипа выложиться на всю катушку. Однако взрослые о нем так и не узнали, поэтому мендочинские колонисты по-прежнему привлекали Скипа и давали ему кое-какую работенку.

— Да уж, всякое бывало, — сказал Скип. — А вы тут, похоже, совсем одичали! Что значит, нет девочек? Дикие, дивные женщины хранителей! Где твоя инициатива, Роджер?

— Тут слишком велика конкуренция. В Хангтауне с этим проще. Но должен тебе признаться, здешние ночные гулянья и танцующие у костра девочки тоже ничего себе. Стоит остаться в лагере и полюбоваться.

Скип кивал, вспоминая времена, проведенные в группе «Терра». Хранители, занятые тяжелым трудом по сохранению и восстановлению природного баланса, жили в передвижных домиках. Мужчины отрывались от своих семей на месяцы, а то и на годы. Дети же получали обязательное образование, сидя за дисплеем обучающей системы с обратной связью. Такая кочевая община обрекала себя на самоизоляцию. Можно было усматривать в этом романтику, почти религию, относиться к своей работе как к самой важной на свете, можно было торить свой, истинно народный, естественный путь, но Скипа не оставляло чувство, что весь этот цыганский антураж, совместные церемонии и увеселения, заунывные песни, цветные наряды — все это ничем не вызвано, все необязательно. Может, это просто призыв о помощи?

Но тогда Скип радовался сам себе.

— Вообще-то, Роджер, на этот раз я к вам не на постой, — сказал Скип. — Надо бы потолковать с тобой, когда освободишься.

— Надо так надо. Вечер впереди, жратвы полно. Я напишу записку, можешь бросить вещи у меня в палатке, а можешь и рядом, если нравится. Мои ребята будут в восторге.

Скип постарался никому не мешать, пока в половине шестого не прозвучал гудок. Хранители не возражали против

сорокачасовой рабочей недели и были не прочь подработать сверхурочно, тем более что делать в лагере было особенно нечего.

Наконец Скип изложил свой план Роджеру. Сам Роджер не общался напрямую с шефом Киу, но его десятник был к нему вхож. Весь вечер Скип обхаживал десятника, что оказалось не так уж трудно. Этот парень недавно приехал с Аляски, а в тех местах редко встретишь сноба. Пары шуток вполне хватило, чтобы добиться его расположения. Он сразу согласился переговорить с шефом «об одном деле, которое может очень пригодиться».

Совершенно таков был Даниэль Киу, к которому Скип явился в полдень. Подобных посетителей тот перевидал сотни и сотни. Скипа он встретил несколько грубовато:

— Садитесь, мистер Вэйберн. Правда, у меня мало времени.

Скип опустился в складное кресло, напоминавшее ему могучий скелет самого шефа Киу. Дома и на работе тот носил брюки с бахромой, вышитую куртку, красный пояс и красный берет, на шее и на запястьях серебряные украшения. Жена и дочери шефа Киу, то и дело сновавшие туда-сюда, были еще более цветасты. Одна из дочерей так посмотрела на Скипа, что тот подумал, а не остаться ли ему тут подольше. Вокруг, вздымаясь к синему небу, стояли могучие сосны. На фоне терпко пахнувшей, пронизанной солнцем зелени порхали бабочки, свистела какая-то птица, вверх по стволу пробежала белка. Издалека доносился шум машины, который тут был слышен повсюду.

— Значит, я постараюсь убедить вас побыстрее, сэр.

Киу молча раскуривал трубку и ждал.

— Я хочу встретиться с президентом Бреверманом, — твердо сказал Скип. — Или, скажем, с комиссаром Учидой. В крайнем случае, с каким-нибудь другим представителем верховной власти.

— Я-то тут при чем? — спросил Киу.

— Помогите попасть к нужным людям, сэр. Видите ли, любой житель этой страны находится не более чем в десяти ступенях от вершины власти. Обычно этих ступеней даже меньше. Вот смотрите. Я знаю своего отца, который знаком с одним из крупных деятелей народной партии в нашем штате, а тот наверняка накоротке с нашим сенатором, а тот, без сомнения, бывает на приеме у президента. Все просто, не так ли?

— Отчего тебе не обратиться к своему отцу? — мрачно спросил Киу, переходя на «ты».

— Можно, конечно, но это лишь в крайнем случае и в конечной стадии. Политики будут избегать встречи со мной, как с

маньяком, а уж избавляться от маньяков они умеют — просто естественный отбор.

Киу кашлянул, что Скип воспринял как знак одобрения. Тем не менее он так разволновался, что и сам не заметил, как вытащил свой блокнот и карандаш, принялся в нем что-то чиркать, не переставая говорить:

— Они выслушают какого-нибудь солидного ученого или инженера. А те, пожалуй, выслушают меня. Вам, сэр, наверняка знакомы многие такие господа. Помогите, это очень срочно. Это не для меня лично. Мне неважно, кто именно передаст мое сообщение, лишь бы передал точно по адресу. Это необходимо во имя человечества!

Киу прикрыл глаза.

— Я понимаю, сэр, — не унимался Скип. — Безусый мальчишка собирается спасти человечество. Но ведь настоящие маньяки, как правило, много старше! Ведь я хочу всего-навсего подать властям идею, которая просто не приходит им в голову. Вы же понимаете, что если я напишу в Вашингтон, то получу в ответ вежливое послание с благодарностью за рвение, проявленное мною на благо демократии. А вот если вы скажете кому-нибудь из уважаемых людей, которые уважают и вас, дескать, вы полагаете, что тут что-то есть, то меня выслушают. Ну и так далее.

— Чего ты там все чиркаешь? — строго спросил Киу.

— Да так... Ничего особенного. Просто я размышлял о том, чем вы тут занимаетесь...

Скип показал свой рисунок. Несколькими штрихами на листке бумаги была набросана степь, пылающий вдалеке город, на переднем плане несколько спешенных монгольских воинов времен Чингиз-хана с удивлением смотрели на своего предводителя, который, указывая перстом на одиноко стоящую былинку, гневно вопрошал: «Кто в ответе за это?»

Скип никак не ожидал, что столь скромная шутка приведет к взрыву гомерического хохота.

— О'кей! — выдохнул Киу. — Ты заработал свои пять минут. Выкладывай.

Через час шеф Киу вскочил на ноги и прорывал:

— Может, ты и бревно, Дэн Киу, но что ты теряешь? Разрази гром эту Галактику! Ладно, парень, подсоблю я тебе. И с транспортом помогу. Даже если ты врешь. Даже если лучшее, что ты оставил в этом мире, — твоя отрывка, знай, бродяга, ты подарил старине Дэну час надежды на счастливую жизнь его внуков!

За энергетической завесой открылся трубообразный коридор, по бокам которого располагались неясного назначения выступы, возможно, поручни. Во всяком случае, передвигаясь по коридору, Ивонна пользовалась ими именно в этом качестве. Коридор, равно как и помещение, куда он вел, был отделан каким-то неизвестным материалом — гладким, слегка податливым, переливающимися цветными вихрями. Этаким медленный, замысловатый, почти гипнотизирующий танец. Покрытие было слегка подсвечено изнутри.

По коридору Ивонна выбралась в полусферическое помещение, радиусом около тридцати метров. Здесь также были всевозможные поручни и подставки, на которых предприимчивые «гости» разместили свои спальные принадлежности, камеры, комплекты портативных анализаторов и прочее оборудование. Причем всего этого было столько, что от первозданной гармонии, царившей в полусфере, не осталось и следа. Снизу в полусферу вдавался параболоид, по периметру до стен полусферы он не доходил метра четыре.

Это напоминало веранду, как бы пристроенную к помещениям, которые находились за параболоидом. Он был прозрачным и казался сплошным. Правда, случалось, что он раскрывался, а именно когда сигманец просовывал через силовой экран нечто вроде биологических проб в небольших прозрачных контейнерах. Однако сигманец напрочь отвергал все предлагаемые ему образцы земного происхождения — просто игнорировал их, и уже года два как и сам перестал предлагать свои.

Освещение внутри веранды было желто-оранжевым и значительно более интенсивным, чем нормальный дневной свет. Атмосфера внутри была, очевидно, тоже иная, нежели в отсеке для «гостей». Сигманцу приходилось закупориваться. Атмосферный состав напоминал сильно увлажненный воздух Земли, только вдвое плотнее. Болومتر показывал температуру, как в тропиках — около тридцати трех градусов по Цельсию, с небольшими колебаниями. Насколько все эти параметры согласуются с гипотезой о том, что планета сигманцев меньше Земли, никто не знал, но попытки объяснить это не прекращались по сию пору.

Было столь же неясно, зачем весь купол загромождали какие-то объемные конструкции (похоже, большинство управляемые, они перемещались и меняли форму как бы сами по себе, необъяснимо, но всегда приятно для глаз), причем не только конструкции, но и какие-то растения всевозможных видов и

расцветок (с сине-зелеными пальмовыми листьями, если и не особенно пышными, то весьма изящными), росшие, казалось, прямо из самих конструкций. Зачем? Пополнять запасы кислорода? Но даже люди овладели куда более эффективными методами. Нечто вроде симбиоза? Нечто культовое? Ломая голову над этими вопросами, ученые Земли проклинали на чем свет стоит всю эту красоту. Тем более что все эти конструкции и растения не давали возможности видеть, что находится за ними, оставляя взору наблюдателя лишь несколько метров на переднем плане.

Сигманец редко появлялся прежде, чем «гости» снимут скафандры и разложат свой багаж. Ивонна управилась быстро. Работать в невесомости оказалось для нее не так уж и трудно. Может, она и «синий чулок», но в любом случае она хорошо плавала и недурно играла в теннис.

Было тепло, уютно, пахло чем-то пряным. Абсолютная тишина (бесшумная работа системы вентиляции оставалась для людей загадкой) лишь усиливала сверхъестественное ощущение полета. Ивонна подавила невольное желание поупражняться в акробатике, равно как и желание выкурить сигарету. Нужно было работать. Она проверила камеру и записывающую аппаратуру, которая была установлена здесь еще до нее и работала в непрерывном режиме. На кассете оставалось еще довольно много ленты. Впрочем, записана там наверняка такая же ерунда, как и на всех предыдущих.

«К черту кассеты! — подумала Ивонна. — Не может же сигманец вечно торчать под прицелом нашей аппаратуры! Звездолет, видимо, целиком самоуправляем, не то что наши корабли. Я, пожалуй, могу себе представить, что этому существу надоело заниматься планетологическими исследованиями и захотелось просто развлечься. Я даже готова понять его желание делать перерывы и ограничивать время нашего пребывания у него “в гостях”. Но почему он не подходит к камере, чтобы попытаться найти общий язык? Укажи на рисунок или на фотографию, или на что угодно, просвисти что-нибудь, напиши слово. Чего только не перепробовали! Тыкали себя в грудь и говорили: “Человек”, показывали схему Солнечной системы, периодическую таблицу элементов, модель молекулы воды. Все без толку! Похоже, сигманец отказывается брать земные образцы, потому что ему и так все ясно.

А может, они опасны для него? Но мы ведь приняли все меры предосторожности, никакой опасности нет! Ведь организм, функционирующий на левых аминокислотах и на правых сахарах, не может ни съесть нас, ни заразить. Равно как и мы его! Куда приятней гипотеза о том, что сигманский звездолет здесь

не впервые. Ведь чтобы построить такой совершенный корабль, необходимо пройти длинный путь технического развития. Быть может, поскольку наше Солнце — одна из ближайших к ним звезд, все необходимые сигманцам научные исследования Земли они произвели десять тысяч лет назад. Или тысячу. Тогда мы не могли их обнаружить. Быть может, радиоизлучение Земли вновь привлекло их внимание? Может, этот сигманец просто антрополог или культуролог? Тогда почему он не ведет себя соответствующим образом? С другой стороны, если, скажем, люди его не интересуют вовсе, зачем ему вообще принимать нас?»

Все эти рассуждения, отшлифованные от бесконечного повторения, промелькнули в голове Ивонны, словно мелодия, от которой невозможно отвязаться. Ей нужно было сосредоточиться на своей работе. Однако когда с помощью присосок ей наконец удалось укрепить на куполе свою аппаратуру и пристегнуть себя к алюминиевой раме, тоже укрепленной на присосках, нахлынули новые мысли, и Ивонну охватило нетерпение.

Появился сигманец!

Даже усилием воли было трудно подавить приступ легкой тошноты, который вызывало это зрелище. Многим телезрителям, впервые увидевшим его на экране, пришлось совсем худо. Стало принято говорить, что мы в глазах сигманца столь же отвратительны, как и он в наших, равно как и то, что такое зрелище лишний раз показывает нам, сколь по сути невелики отличия между человеческими расами. Но это обстоятельство мало кого убеждало.

Один шутник назвал сигманца помесью слизняка и сосновой шишки. Это еще слабо сказано! Около трех метров высотой, метр тридцать шириной. Тело сигманца представляло собой гибкий эллипсоид, обшитый прямоугольными пластинами бронзового цвета. Эти пластины крепились независимо друг от друга, в три уровня, с перекрытием. Когда сигманец вытягивался, камера фиксировала проблески, которые исходили от защищенного чешуей тела сигманца — губчатой черной массы.

Симметрия была полной: посредине четыре покрытые чешуей ноги, дисковидные, перепончатые ступни, по паре рук с каждого конца. Таким образом, у сигманца не было ни переда, ни зада — одинаково успешно он двигался и «вперед» и «назад», равно как и «работал». Каждая рука имела плечевой сустав, локоть и запястье, на этом сходство с рукой человека заканчивалось. Словно клешни краба, его руки были покрыты твердым бурым панцирем. Сходство с ракообразным подчеркивали две пары челюстей с каждого конца. Ими можно было

перекусывать и перетирать пищу. Однажды зафиксировали, как сигманец ест. Клешни разминали то, что, видимо, служило пищей, затем помещали размельченную массу на губчатое тело, где та подвергалась воздействию чего-то вроде сильной желудочной кислоты, после чего масса всасывалась прямо через руки. Кроме того, на клешнях имелось по шесть коротких щупальцев, которые прекрасно служили пальцами, но, на взгляд человека — ни дать ни взять змеи!

А еще по всему телу между чешуйками торчали тонкие усики, которые могли втягиваться. Вероятно, это были органы чувств не вполне ясного назначения, если не считать четырех из них, несомненно являвшихся глазами.

Пластины постоянно поблескивали, но не просто влагой, а густой сочащейся слизью, наводившей на мысль об испражнениях.

Свое отвращение Ивонна держала при себе.

— Привет! — бодро сказала она и улыбнулась, хотя прекрасно знала, сколь бесполезна ее улыбка.

Существо неуклюже протиснулось между двумя растениями, и два немигающих черных глаза на тонких усиках усталились на Ивонну. Позади него закружилась парочка, на листьях образовались капельки воды и скатились вниз, сверкая, словно маленькие звездочки.

Сигманец что-то прогудел, так что слышно было снаружи. Автоматически сработал фонограф. Ивонна подумала, какая уйма времени была потрачена впустую на изучение этих фонограмм. Над ними бились сотни ученых, в том числе и сама Ивонна.

Перед ней стоял микрофон, от которого шел провод к укрепленному на стене звукоинтегратору. Этот прибор мог воспроизводить элементы сигманской речи — если, конечно, то была речь — и комбинировать эти элементы.

Для верности Ивонна краем глаза взглянула на записи, набросанные в планшетке, и отчеканила первую из приготовленных фраз. Синтезатор выдал мешанину звуков, напоминавших совместное звучание баса и дисканта, поддержанное дружным чириканьем и свистом.

«Сработает ли?» — подумала Ивонна, еле сдерживая сердцебиение.

Глаза сигманца поднялись вертикально и застыли.

Ивонна проиграла вторую фразу. Сигманец широко расставил клешни. На сей раз его реакция превзошла все результаты, полученные ранее. Ивонна подождала, пока звуки стихнут, затем достала из планшетки пачку фотографий и рисунков. На

первой картинке был изображен обнаженный мужчина. Ивонна вновь проиграла последнюю фразу.

Та же фраза с легкими вариациями сопровождала картинку с женщиной. Третья версия — картинку с изображением смешанной группы людей. Сигманец выпрастывал из-под чешуи один усик за другим. Может, ее идея наконец сработала? Может, он сообразил, что она предлагает ему слова, означающие «человек-самец», «человек-самка», «люди»?

Сигманец вдруг зашевелился и исчез из виду. Ивонна ждала, вне себя от радости. Вскоре сигманец вернулся, волоча некий шаровидный предмет.

«Проектор! — вспомнила Ивонна. — Господи! Он же года два его не вытаскивал!»

Перед ее глазами прямо в пространстве замелькали цветные объемные формы, кривые, зигзаги. Картинка постоянно менялась, переливаясь, словно бегущая вода. Тем временем сигманец верещал, урчал, водил усиками, словно дирижировал, и наконец выпустил довольно сильную струю желтой жидкости.

Ивонна помотала головой. Полный провал! Удар ниже пояса! — Я не понимаю! — произнесла она пересохшими губами.

Сигманец застыл, стало тихо. Затем, убрав почти все усики, он показал с помощью проектора красную полосу, которая своим острым концом указывала на него. Он ждал. Ивонна запустила фонограмму. Тот повторил ее. Полоса переместилась, указывая на Ивонну. Та пустила фонограмму «женщина» и услышала, как сигманец повторил ее.

На мгновение в глазах Ивонны потемнело. Она едва не расплакалась — от счастья! Три года спустя пришел наконец пошел навстречу и готов приступить к поиску общего языка!

Повернув голову, Ивонна увидела, как в отсек wpłyвает ее коллега, облаченный в скафандр, и чертыхнулась про себя. На радостях она совсем забыла про Вана Ли. Тут же у нее мелькнула мысль, что от напряжения она вся взмокла и пахнет сейчас так, как не подобает пахнуть женщине.

Видимо, сигманец тоже был не против сделать перерыв. Он переместил проектор, воткнув его между двумя отростками, отходящими от какого-то изящного завитка, и уполз в гущу растений. Листья стали колебаться и шелестеть — видимо, сигманец, как обычно, включил вентиляцию.

Ивонна не стала задумываться, почему сигманец удалился. Дрожащими руками она собрала свои записи, затем подошла к

магнитофону и, поработав на клавиатуре, вывела на экран дисплея сработавшие фонограммы.

— Здравствуйте, доктор Кантер.

От ее раздражения не осталось и следа. Ивонна не могла сдерживать радости даже перед этим мужчиной, которого недолюбливала. Тот уже снял скафандр и висел теперь рядом с ней, слегка пожимая ей руку. Ивонна неловко обняла его, так что тот едва не отлетел к другой стене, и крикнула ему прямо в ухо:

— У меня получилось! Мы победили! Мы нашли ключ!

— Что? — Обычно бесстрастный, Ван открыл рот и посмотрел на Ивонну большими глазами. — Вы уверены?

— Десять слов за час! — выпалила она, отпустив его. — Мы повторили их много раз, ошибки быть не может. Смотрите. Нет, лучше послушайте, я промотаю ленту назад. Смотрите на мои записи и слушайте. Вот изображения разных мужчин: цвет кожи, одежда, телосложение... Сигманец не может их перепутать... А я каждый раз называла одно и то же слово: «человек-самец...»

Планшетка вывалилась из рук Ивонны и поплыла в сторону. Ван поймал планшетку и, морща лоб, принялся листать записи.

«Может, и хорошо, что он холоден как рыба, — подумала Ивонна. — Будь на его месте кто-нибудь другой, кто способен радоваться по-настоящему, я бы... я бы такое натворила! А нам еще работать и работать. Нужна полная концентрация».

Ивонна изучала Вана. Тот был родом из Северного Китая, несколько выше ее ростом, худощав. Всегда чисто выбрит, как это принято у китайцев, довольно тяжелый подбородок, широкий нос, высокий лоб, короткие седые волосы. По собственному почину или нет, он всегда носил грязно-коричневую униформу, какую обычно носят служащие в Китайской Народной Республике. Ведь он был не просто профессором Пекинского университета. Китайские власти поддерживали его исследования в области так называемой лингвотерапии не столько из-за того, что результаты могли бы оказаться полезными при лечении душевнобольных, сколько из-за того, что они усматривали в них инструмент ассимиляции тибетцев, монголов и прочих национальных меньшинств. Однако Ивонна была убеждена, что сам Ван преследует только научные цели.

— Чудесно, если правда, — вымолвил наконец Ван. По-английски он говорил довольно сносно, с легким акцентом. — Извините, конечно, но сколько у нас было неоправдавшихся надежд. Сигманец поначалу всегда вроде бы готов сотрудничать,

но не проходит и часу, как он надолго исчезает, а потом и вовсе не желает видеть нас несколько дней.

— Точно, — поддержала Ивонна. — У меня был целый час. И впервые, как я уже сказала, результаты обнадеживают. Он воспринимает слово в ассоциации с картинкой и повторяет его, если ему эту картинку показать. Такое впечатление, что раньше он пытался научить нас словам своего языка, но быстро отказался от этой идеи, когда мы проиграли ему эти фонемы на своем звукосинтезаторе. А наши попытки предложить звуковой или визуальный код оказались еще более печальными. Я же... — Ивонна оборвала себя на полуслове. — Погодите! Он возвращается! Вы все увидите сами.

Сигманец притащил какой-то переливающийся яйцевидный предмет и укрепил его на стойке у стены купола.

— Я уже видел эту штуку, — заметил Ван. — Но очень недолго. Полагаю, это записывающая аппаратура.

— Похоже, он намерен установить с нами обратную связь. Ведь теперь, когда мы вплотную подошли к разработке общего языка, ему тоже нужно что-то записывать.

Ивонна с сигманцем снова принялись за работу. Ван Ли не двигался и просто завис, наблюдая за происходящим. Вообще говоря, ничего особо драматического не происходило: обмен звуками, женщина показывает картинки, сигманец проецирует нечто похожее (так живопись Давида можно было узнать в полотнах Ван Гога) — и при всем при том происходящее было воистину достойно высокой драмы!

Часа через два сигманец, видимо, устал и сделал перерыв. Ивонна не возражала. Она была как выжатый лимон. Забравшись в санитарную кабинку, она разделась, обтерла тело губкой и переменяла белье. Выйдя из кабинки, она увидела, что Ван уже раскрыл ящик со съестными припасами и разогревает пищу. Он протянул Ивонне фляжку с горячим кофе.

— Спасибо.

Несколько глотков согрели ее и сняли напряжение. Она широко потянулась.

— Жаль, что тут нет шампанского, — мягко улыбнувшись, заметил Ван.

— О, я почти не пью. Предпочитаю курить, табак, конечно, не марихуану.

— В этом мы похожи, — сказал Ван и пристально посмотрел на Ивонну. — Быть может, вы объясните мне, как вам удалось добиться такого успеха? А это и впрямь выглядит как полный успех. С чем я вас от всего сердца и поздравляю.

«По крайней мере, он человек», — подумала Ивонна.

Быть может, эта мысль в сочетании с триумфальным настроением и желанием разрядиться побудили ее отнестись к Вану несколько дружелюбнее, чем она позволила бы себе при других обстоятельствах. В конце концов, их тут всего двое, в этом чужом безмолвном отсеке.

— Разумеется, — сказала она, прихлебывая кофе. — Правда... я сейчас устала, и мысли скачут. Можно я изложу это как-нибудь попроще, чтобы и ребенку было понятно?

— Это было бы прекрасно. Такое изложение дает перспективу и при нашем избытке информации вычленяет главное. Кроме того, ваш будущий отчет вряд ли окажется для меня легким чтением.

Ивонна заговорила быстро, словно ее прорвало.

— Да уж как-нибудь разберетесь. Вы же знаете, что до проекта «Сигма» я занималась математической семантикой, правда, моя диссертация была посвящена сравнительной лингвистике. Там много формул... В чем собственно дело? Сигманец не может воспроизводить звуки типа человеческой речи, но потчует нас своей ударно-свистковой симфонией. В свою очередь, мы не в состоянии воспроизвести сигманские вокабулы. Правда, у нас есть звукосинтезатор, но работать с ним почти невозможно. Десятки сердечников, перемещаясь в электромагнитном поле, создают версию языка, который использует одновременно сотни различных частот и амплитуд. Не имея соответствующего инструментария — и теперь, мне кажется, я знаю почему, — сигманец сперва попытался научить людей своему языку. Все его звуки, все его странные, хоть и красивые, картинки и прочее... Мы зашли в тупик. То есть ни у одной из исследовательских групп не было конструктивных идей. Правда, я здесь не с самого начала... Мы тоже пытались показывать сигманцу разные картинки и предметы, а тот при этом издавал звуки. Мы сделали фонограммы, заложили их в синтезатор и пытались комбинировать их так и сяк, чтобы обозначить более абстрактные понятия. Скажем, «человек» и «сигманец» означает «разумные существа». Однако сигманец вскоре вернулся к своим прежним загадочным звукам. Мы предположили, что, видимо, сигманский язык настолько отличается от человеческого, что все наши комбинации для него просто бессмысленны.

Я всегда полагала, что Фуэнтес был прав. Сигманский язык лишь частично использует звуковую основу. Возможно, не менее важны поза, жест, даже запах. Поэтому для установления контакта необходимы, видимо, весьма тонкие и сложные методы.

Может, нелинейные, может, методы, основанные на совмещении концепций, которые мы, люди, привыкли рассматривать раздельно, а может, методы, тотально задействующие все аспекты бытия. Во всяком случае, исследования цитологов свидетельствуют о чрезвычайной важности именно этой стороны дела. Значит, если мы не можем освоить сигманский язык, может, попробовать иначе? Мы пытались построить искусственный язык, с нуля, такой язык, чтобы сигманец смог произносить его конструкции, а мы могли бы синтезировать фразы, понятные обеим сторонам. В результате — полный провал. А ведь за эти три года люди провели на борту звездолета в общей сложности целых девяносто восемь суток.

— Я слежу за вашей мыслью, — сказал Ван. — Но вообще-то еда уже готова.

— Вы же сами просили рассказать, — поперхнулась Ивонна. — Формулируя главное, я только подгоняю себя. Может, больше не надо? Просто я сейчас слишком довольна.

— Что вам положить? — Ван протянул ей судок с едой.

Чтобы упростить дело, пища была стандартизована. «Ужин» — рыбное филе, жареный рис с луком (в пакетиках), бок-чой (на запакованных блюдечках) и печенье — шел как бы между делом.

— Я проделала работу, которая не поддается описанию, — продолжала Ивонна. — Я подвергла свои данные всем видам статистического анализа. Не имея я приоритета в использовании компьютерного времени, далеко бы я не ушла. Конечно, многие делали то же самое, но никто не сумел получить правдоподобных функций. Вы же знаете, что, имея конечную выборку, можно построить бесконечное множество аппроксимирующих ее функций. Используя результаты моих старых исследований в области лингвистики, в частности одну теорему, которой я очень горжусь, мне удалось просчитать общие направления некоторых моих гипотез.

Ивонна остановилась, чтобы положить в рот кусок рыбного филе. Ван невозмутимо жевал.

— И вот что получилось, — продолжила Ивонна. — В первых, я готова доказать, что мы слишком торопимся. Дело в том, что частота, с которой повторяются различные комбинации сигманской речи, в среднем вдвое меньше, чем в человеческих языках. Может, он просто думает медленнее, чем мы? Или глубже? Даже если я ошибаюсь насчет частоты, в любом случае верещание нашего замечательного синтезатора должно его смущать и надоедать ему. Смущение еще можно побороть, но

скуку — никогда. Я даже подозреваю, что ему это крайне неприятно, даже больно.

Вилка Вана застыла на полпути ко рту.

— Именно больно! — Ивонна кивнула. — На слух китайца, к примеру, английская речь звучит грубо и отрывисто, а на мой слух речь китайца слишком высока в тональности и слишком монотонна. Слушать не очень-то приятно. А музыка — еще более яркий пример. Мне, скажем, нравится кое-какая китайская музыка, равно как вам, наверное, нравится мой любимый Бетховен. Но я знаю многих американцев, для которых концерт классической музыки — сущая пытка. Не нужно даже выходить за пределы одной культуры. Современная американская музыка представляется мне просто банальной. Правда, я слушала записи пятидесятилетней давности. Но просидеть целый вечер, слушая такую белиберду, для меня было бы ужасно. Я пришла к выводу, что сигманцу стало просто нестерпимо смотреть на наши жалкие попытки воспроизвести звуки его речи. Поэтому, я думаю, он и не принес свой звукосинтезатор. Ему невыносимо непрерывно слушать человеческую речь. Попытки установления контакта на уровне визуальных символов провалились по той же причине. Наши рисунки и наш алфавит, наверное, слишком корявы для него. Может, имеет смысл попробовать китайские иероглифы?

Пережевывая пищу, Ван слушал и хмурился. Наконец он мрачно произнес:

— Как же такое чувствительное существо отважилось на межзвездный перелет?

— Мы не знаем его психологии. Положим, при попытках говорить с нами ему приходится выслушивать звуки типа скрежета ногтей по классной доске или звуки, которые вызывают у него инстинктивный страх. Многие люди в таких ситуациях бессильны. Профессор Ван, я понимаю, что на этот счет у вас есть свои идеи, и я пытаюсь заронить в ваши мысли зерно сомнения. Но ведь дело может идти не о собственно физической боли. Я же говорила, что беда может быть в том, что ему надоело. Может, его просто раздражает наша какофония. Поэтому я снова взялась за фонограммы и проанализировала их, исходя из законов музыки.

— Интонация? — спросил Ван.

— Не уверена, — с улыбкой сказала Ивонна. — Главное, что мне удалось обнаружить соответствия, вроде тех, что существуют между нашими гаммами и тональностями. Более того, существуют соответствия между окраской тональностей и

интервалами между ними. Все это чрезвычайно запутано, и я полагаю, что мне удалось разобраться далеко не во всем. Зато теперь мне ясно, в чем была наша ошибка. Мы можем, конечно, записать фразу и довольно прилично воспроизвести ее, но сигманская грамматика не оперирует фразами, соединяя их воедино. Сигманский язык еще жестче, чем такой грамматически жесткий язык, как латынь. Кроме того, такой метод безнадежно медлителен и нелеп. Мы пытались воспроизводить сигманскую речь с помощью синтезатора, используя вокабулы сигманского типа. Только все связки мы делали совершенно неправильно. В результате — неприятность и боль. Вокальные номера человека, не имеющего музыкального слуха. А может, и хуже... Я начала с самого начала. Компьютер помогал мне разрабатывать разговорный язык, звучание которого подчиняется основным законам гармонии. Причем вокабулы должны были быть не очень сложными для воспроизведения их на синтезаторе. Думаю, тут не будет провала, потому что... потому что сигманец уже согласился учиться!

— И в самом деле прекрасно, — вымолвил Ван после продолжительной паузы. Он улыбнулся, лишь слегка приоткрыв губы. Похоже, он немного завидовал, что успеха добились американцы, а не китайцы.

— Ну, тут еще работать и работать, — скромно заметила Ивонна. — Все только начинается. Все, чего я добилась, — это около сотни существительных, глаголов и прилагательных. Я использовала основы грамматики англо-китайского «пиджин-инглиш», самые простые и наименее двусмысленные. Язык позиционный, так же как английский и китайский. Разница лишь в способе образования множественного числа. Надеюсь, нам хватит этого и для образования времен. Впрочем, посмотрим. А может, у сигманцев есть концепты времени, как у индейцев хопи. Двигаться придется на ощупь, но мы дойдем до конца!

Вскоре был существенно расширен словарный запас, и было составлено несколько простейших предложений. И тут дело пошло хуже. Возможно, сигманцы не производят действия, непосредственно связанные с этими предложениями. Однако в конце концов сигманец довольно бодро принялся выдавать свои изображения, соответствующие действиям, описанным словами. «Человек идет. Люди идут. Сигманец идет. Люди и сигманцы идут. Планета вращается. Голубая планета вращается. Зеленая планета вращается. Голубая и зеленая планеты вращаются».

Ван наблюдал, просматривая записи Ивонны, время от времени подавал советы, а вообще держался в тени.

На третий день сигманец отпустил землян. Своим верещанием он дал понять, что «гостям» пора домой. После повторного, плавно нарастающего по силе, но неумолимого приказа, люди соображали, что и впрямь пора.

— Признаться, жалко уходить, — сказала Ивонна. — Наверное, ему надо отдохнуть и подумать. Да и мне тоже нужен отдых.

— Вы его заслужили, — бесстрастно заметил Ван.

Космический корабль, три дня назад высадивший «гостей», вернулся за ними в ответ на красную сигнальную ракету. Все записи — пленки, пластинки, рулоны, — собранные с оставленной аппаратуры, Ивонна взяла себе, так как на сей раз забирать их должна была американская сторона. Такой порядок казался Ивонне глупым, поскольку вся информация немедленно передавалась в общие банки данных, однако он строго соблюдался.

«То ли это слово “глупый”? — промелькнула у нее в голове мысль, мешаясь с радостным настроением. — Эти меры сами по себе ничего не значат. Но такой анахронизм в эпоху, когда люди способны уничтожить весь мир, наводит на размышления и весьма опасен».

Глава 5

Прямой как палка, генерал Чу Юань восседал за письменным столом, который своими размерами и блеском напомнил Вану Ли оплавленный бомбовый кратер.

— Вы даже не потребовали, чтобы ее расчеты были немедленно переданы по каналам связи? — грозно спросил он.

— Нет, товарищ генерал, — покорно склонив голову, доложил Ван. — Как-то не подумал... Она обещала не задерживать материалы. Все находится у нее в номере, где она работала, и... наверное, начальство немного задержит ее на базе... Ну и журналисты, проникнувшие о сенсации...

— Вот именно, — мрачно заметил генерал.

Эмоции отчетливо проявлялись на его скуластом лице, а на сей раз он был крайне недоволен и нервно барабанил пальцами по крышке стола. Он был крайне недоволен этим профессором Ваном, который стоял в своей униформе у самого окна, заслоняя его почти целиком. Синее летнее небо, ярко-зеленая листва,

парящая крыша китайского храма. Легкий ветерок доносил в открытое окно остатки своей былой свежести и непрерывный шум пекинской улицы.

Шум уличного движения нисколько не нарушал установившейся в кабинете гнетущей тишины. Кабинет был гол и пуст, несмотря на присутствие хозяина — и особенно в его присутствии! На правой стене висел портрет Ленина, на левой — портрет Мао. Ван кожей ощущал, что эти двое, да еще председатель Сун, чей портрет висел у него за спиной, так и сверлят его взглядом.

«Чего я боюсь? Я предан своей стране, всем это известно, мне доверяют... Публичной самокритики? Унижения? Нет! Я не должен называть унижением процедуру признания своих ошибок перед своими товарищами. Может, я слишком долго пробыл на Западе? Может, какой-нибудь западный вирус попал мне в кровь и теперь требуется чистка...» — Так думал Ван, размышляя о причинах своего страха. Но ведь его могут снять с проекта «Сигма» в тот самый момент, когда начинается самое интересное!

— Ужасно, что случившееся попадет в средства массовой информации в интерпретации этой Кантер, — сказал генерал Чу. — Вы что, не могли предупредить ее, чтобы она действовала осторожней? Чтобы подождала, пока не выяснятся все положительные и отрицательные аспекты?

— Товарищ генерал, я никогда не думал, что прорыв в этом деле может привести к чему-нибудь плохому, — вежливо возразил Ван и, воодушевившись, добавил: — Председатель Сун неоднократно говорил, что столь развитая цивилизация, как сигманцы, может иметь только антиимпериалистический характер и у них не может быть дурных намерений.

— Да-да. — Генерал на минуту задумался. — Ну хорошо, когда вы рассчитываете получить материалы Кантер?

— Боюсь, в лучшем случае через несколько дней. Она говорила, что все пока в беспорядке, значительная часть записей сделана ее личной скорописью и еще нужно подготовить официальный отчет.

— Опять задержка! Когда еще американцы позволят ей отправить отчет нам и опубликовать его! Если вообще позволят! И будет ли это полный отчет?

— Почему же нет? — удивился Ван.

— Товарищ профессор! Вы были за границей много больше других, вы имеете корреспондентов по всему миру, пользуетесь свободным доступом к зарубежным публикациям и программ-

ным продуктам! — Генерал перешел почти на крик. — Как же вы не понимаете!!! Этот звездолет абсолютно неуязвим для любого известного нам оружия, его скорость на порядок выше скорости наших кораблей, его маневренность нам и не снилась, он целиком самоуправляем и автономен. Его фотонный двигатель, или что там у него, с точностью хирургического скальпеля способен выжечь все, что захочет уничтожить пилот! Кто обладает такой мощью, тот владеет миром! Вы думаете, империалисты этого не понимают?

— Но ведь сигманец... — начал было Ван, но осекся под каменным взглядом генерала.

К его величайшему удивлению, генерал откинулся на спинку стула, улыбаясь вытащил сигарету, закурил и ласково заговорил, одновременно выпуская изо рта клубы табачного дыма:

— Товарищ профессор, вы, похоже, недостаточно глубоко задумываетесь о последствиях, но я полагаю, что такому человеку, как вы, человеку, занимающемуся чистой наукой, мы не будем ставить это в вину. Мы ценим ваш труд. Но на этот раз у вас будет задание особой важности. Такое задание, что, возможно, и через тысячу лет люди будут с благодарностью вспоминать ваше имя.

Ван Ли разжал кулаки и расслабился.

— Я слушаю вас, товарищ генерал, — тихо произнес он.

— Дело в том, что председатель Сун и его советники проанализировали открывающиеся перспективы, связанные с сигманским звездолетом. Они весьма и весьма значительны, но, прежде чем принять решение, нам нужно получить ответы на целый ряд исключительно важных вопросов. А именно вы, профессор, наш самый опытный и талантливый ученый в этой области. Вы наша главная надежда. — Генерал перевел дыхание. — Кое-кто полагает, что, когда контакт с сигманцем наладится настолько, что тот сможет разобраться в обстановке, сложившейся на нашей планете, он непременно обратит свои достижения на благо народов. Конечно, возможно, так и будет. Хочется надеяться. Но оборвать ход рассуждений на этом — значит показать свое невежество и нежелание думать. — Генерал вновь напрягся, и на Вана снова повеяло холодком. — Может ли образованный человек хоть на одну минуту поверить, что господа империалисты и ревизионисты будут сидеть сложа руки? Разве они откажутся от своей выгоды? Сами знаете!

— Да, отлично знаю, — запинаясь, вымолвил Ван.

Он вспомнил своего отца, еще юношей получившего ранение на корейской войне с американцами, а потом сгинувшего у

русских в сибирском лагере, куда тот попал как офицер. Вспомнил советские штурмовики, которые с воем распарывали небо над головой маленького мальчика, плакавшего о своем отце и зажимавшего уши от страха...

«Я все еще надеюсь... — думал он. — Я помню Токийский договор о военном управлении, страшный голод... Все это казалось мне испытаниями, пролагающими путь к светлому будущему, когда Китай не будет больше находиться в окружении демонов. Ведь они были, эти демоны! Хотя я не сомневаюсь, что подавляющее большинство живущих на земле — честные люди доброй воли... Да, прав генерал Чу. Преждевременный рассвет может пробудить демонов ночи и довести их до безумия».

Ван наконец разжал губы.

— Я все понял, товарищ генерал. Мы должны действовать с предельной осторожностью.

— И не нужно забывать, — сказал генерал Чу, — что американцы могут, скажем, обмануть сигманца, и, введенный в заблуждение, тот обратит оружие против нас. Но более вероятно, что он даст им решение многих технических проблем, не зная, что раскрывается перед империалистами. Как сказал председатель Сун, мы не можем слепо полагаться на мнение, что на столь отличной от Земли планете цивилизация шла тем же путем, что и наша. Нам известно лишь то, что сигманцы всегда были настоящими коммунистами, стремящимися к миру, или долго были таковыми, прежде чем переросли коммунистическое устройство общества.

— Я не пропущу ни единого слова на звездолете, — пообещал Ван. — Может, нужно добиваться моратория на выуживание технической информации?

— Это решат, — твердо сказал генерал и ткнул перед собой сигаретой, словно штыком: — Еще неизвестно, какие у сигманца намерения и как он начнет действовать. И вообще, учению Маркса—Ленина—Мао нужно следовать с умом, а не как догме. Может, звездолет построили вовсе не сигманцы. Может, они, как пираты, захватили чужой корабль, обманув прежних хозяев и выудив у них секреты управления. И разве не подозрительно само это существо, отважившееся в одиночку на многолетний космический перелет?

— Если в одиночку.

— А если нет, то почему его товарищи не показываются?

— Трудно понять существо, которое мыслит совершенно иначе, чем мы, — мрачно заметил Ван. — Я и сам не раз задавался этим вопросом и говорил, что меня ставит в тупик это одиночное путешествие. Разум, чувства, как ни назови, под-

разумевают необходимость контакта, хотя бы на самом общем уровне, подразумевают необходимость общения. Что есть мышление, как не процесс создания символов и манипуляция ими? Примитивные существа без подсознательной тяги к общению, то есть без инстинкта, который подчас сильнее инстинктов размножения и самосохранения, как, скажем, у настоящих коммунистов, которые готовы жертвовать собой ради идеи, — такая примитивная раса вряд ли могла достичь человеческого уровня мышления. Они просто не вышли бы из животного состояния. Поэтому, я думаю, сигманец просто обязан искать общения, чтобы поговорить с кем-нибудь и получить моральную поддержку, как вы и я. Боюсь, мы с вами от столь продолжительного одиночества, наверное, сошли бы с ума, товарищ генерал.

— Сейчас не время для лекций, — остановил его генерал Чу. — Полагаю, вы уяснили, что, во-первых, вам следует приложить все усилия, чтобы отвести любую опасность, и, естественно, использовать всякую возможность для скорейшего осуществления наших планов, которые в сложившейся ситуации позволяют надеяться на многое.

— Во имя народа! — произнес Ван, торжественно подняв руку. Формула клятвы мгновенно пришла ему на ум, но тут же несколько смутила его. Объясняя себе свое смущение, он решил, что повинен в этом груз ответственности, который он возложил на свои плечи.

— Действуйте со всей вашей энергией! Добейтесь разработки общего языка, — продолжал наставления генерал. — Если мы не отстанем от американцев, а еще лучше, если обойдем их, они не смогут одурачить ни нас, ни сигманца.

— Язык-то искусственный, — заметил Ван. — То есть сильно усеченный.

— Значит, вы должны занять лидирующие позиции в его доработке.

— Ну... — замаялся Ван. — Я постараюсь. Моя скрытность сыграет, наверное, нам на руку. Доктор Кантер блестящий специалист, но она, главным образом, теоретик. У нее нет моего опыта практической работы со множеством языков. Правда, есть еще Серов, Дуклос и другие...

— Вот именно! — взволнованно произнес генерал. — Я думаю, рано или поздно вам удастся переговорить с сигманцем с глазу на глаз, когда никто не подслушивает. И тогда вы объясните ему что и как. Конечно, нужно дождаться удобного случая. А сейчас следует добиться хотя бы частичного отчета. Можете ли вы позвонить Кантер и попросить, чтобы она выслала свои материалы, пусть и не систематизированные?

— Попробую, — с сомнением произнес Ван. — Но возможно, ее начальство уже запретило ей. Даже если нет, ее просто так не возьмешь. Она вообще не любит показывать свои материалы, пока не приведет их в порядок. — Ван запнулся. — А не насторожит ли ее мой звонок?

Генерал затанулся сигаретой и, помедлив, согласился.

— Да, насторожит, — процедил он и раздавил окурки в переполненной пепельнице.

— Послушайте, товарищ генерал, — продолжил Ван уже более уверенно. Погруженный в размышления о предстоящих научных изысканиях, он на миг забыл о всеобщем человеческом безумии. — Я думаю, это уже не имеет значения. Доктор Кантер фактически дала мне всю информацию. Мои записи — точная копия ее записей. На моем рабочем столе уже лежат последние данные, полученные в соответствии с соглашением. Доктор Кантер ничего не скрывала от меня, причем я вовсе не вынуждал ее открывенничать со мной. У нас есть все, кроме ее математических выкладок и конечных формул, но теперь, когда нам точно известно, что именно нужно искать, я уверен, недели через три мы получим те же результаты. Любой аналитик с помощью компьютера...

— Отлично, профессор! — перебил его генерал, просветлев лицом. — За дело! Рабочий кабинет и помещение для отдыха вам будут предоставлены прямо в этом здании. Требуйте все необходимое и любых помощников.

— Что? — удивился Ван. — Я могу работать и дома. А если потребуются помощники, то в университете...

— Товарищ Ван, — мягко, но решительно остановил его генерал. — Я понимаю, что вы хотите повидаться с женой и ребятишками, но благо нации превыше всего. Нужно соблюдать строжайшую секретность — и вы сами знаете почему. И, наверное, догадываетесь, что наш с вами разговор обусловлен распоряжением, исходящим из высших инстанций нашего правительства. Вашей жене сообщать, что в интересах дела вы задерживаетесь. — Генерал сделал паузу. — А если вы считаете, что биологическая необходимость, хм... может помешать вашей работе...

— Нет-нет, — поспешил заверить Ван.

«Не того я боюсь, — подумал он. — Сказать по совести, вы, мои души... (а я верю, что многие примитивные племена, даже такие образованные и могучие, как древние египтяне, говорили чистую правду, утверждая, что человек имеет несколько душ) — моя Яо, которая была лунным светом и горной вершиной, превратилась теперь в суровую фанатичку, с которой я не

расстался, главным образом, потому, что ее незапятнанная репутация гарантирует мне свободу зарубежных поездок и научной переписки, открытый доступ к литературе и прочей информации, позволяя наслаждаться этим прекрасным миром. Покуда же наша система в целях общественной безопасности не может позволить такую свободу всем гражданам, соблюдение режима секретности есть печальная необходимость... Нет, как всегда, есть и другие причины. Я знаю, я чувствую, что, несмотря на этот ее командный голос и плотно сжатые губы, она все помнит и сама удивляется и мучается из-за случившихся с ней перемен. Я помню ту конференцию в Англии (каллиграфическая стройность шпилей Оксфорда на фоне свинцовых облаков, гонимых сильным влажным ветром) и книгу, которую читал тогда перед сном. Как там фамилия автора? Да, Честертон! Станный, причудливый, безнадежно архаичный... там он дает определение аскетизма как желание того, что не нравится... Мы сохраняем в себе элементы аскетизма, не так ли, души мои?»

Ван давно уже рассматривал свой дом просто как место пребывания. Как сказали бы американцы, он высоко котировал дом в пригороде, с садом, выстроенный для давным-давно забытого маньчжурского мандарина. Корявые ветки дерева на фоне полной луны; красные скаты старинной черепичной крыши; на стене тени цветов, покачивающихся на ветру, и росчерки ивовых прутьев; мостик, гора, схваченные несколькими штрихами восемь веков назад кистью самого Ма Юаня; книги да старина Ли Бо, который при жизни выпил вина куда больше, нежели воспел в своих стихах...

Но главное, Ван не увидит своих детей. Пинь... Конечно, Тай и Чен славные мальчишки. Можно гордиться отличной успеваемостью Тая и его рвением в пионерской организации, можно радоваться тому, что Чен скоро выйдет из возраста шумного подростка. Но Пинь, малышка Пинь (эти звуки служат для обозначения маньчжурской яблони, что озаряет красным и белым цветом оживающую землю и воистину означает мир и покой), которая щебеча выбегала ему навстречу, протягивала ручонки и восторженно попискивала, когда он брал ее на руки и подбрасывал в воздух. Она гуляла с ним за ручку по саду и называла его «сумкой, полной любви».

«Ну, недельки две-три, не больше, — думал Ван. — Я готов работать во имя того, чтобы никогда термоядерный ужас не обрушился на голову малышки Пинь, чтобы никогда ее выжженные глаза не вытекли из глазниц, чтобы во веки веков она была наследницей звезд!»

Тут Ван сообразил, что все это время генерал Чу внимательно смотрит на него. Прошло не менее минуты. Ван принужденно улыбнулся и сказал:

— Простите, товарищ генерал, я что-то задумался... Разумеется, я немедленно приступаю к работе.

— Вот и отлично, — одобрил генерал. — Нам повезло, что вы работаете на нас. Скажите, есть ли у американцев специалисты класса Кантер?

— Трудно сказать, — задумался несколько удивленный вопросом Ван. — Там много весьма компетентных ученых. Левинсон, Хиллман, Вонсберг... Все они способны и талантливы. Правда, Хиллмана в космос не пошлют, у него слабое сердце. Во всяком случае, в интересующей нас области он является главным партнером доктора Кантер. Почему вы спрашиваете об этом?

— Видите ли, профессор, развивая свою тему, Кантер работает на империалистов. Мы уже говорили с вами о необходимости растолковать сигманцу истину. Как вы считаете, не проще ли будет сделать это без помех, в отсутствие Кантер?

— Почему?.. Возможно... Трудно сказать... — Ван внутренне колебался, вспомнив, как Ивонна Кантер радовалась, рассказывая ему о своем успехе. — Наверное, было бы полезно временно отстранить ее от работы над проектом. Предположим, я... Нет, я уже, кажется, говорил, что лично меня она недолюбливает, так что я, наверное, не подойду... Но... Быть может, кто-нибудь другой, представитель другой страны, скажем, затеет с ней ссору... Но это не моего ума дело, товарищ генерал.

— Понимаю. Я только хотел узнать ваше мнение, стоит ли отстранять ее.

Беседа продолжалась еще некоторое время, после чего генерал Чу вызвал своих людей и приказал проводить Вана в его новый кабинет. Оставшись в одиночестве, генерал Чу позвонил одному очень важному человеку и отчитался. Получив дальнейшие указания, он нажал на кнопку спутниковой связи с Америкой и набрал номер на клавиатуре. Этот канал связи, абсолютно защищенный от прослушивания и обычных радиопомех, был совершенно секретным и использовался лишь в исключительных случаях.

Человек, представившийся как Сэм Джонс, протянул руку через стол.

— Вы не понимаете, как мы тут себя чувствуем, — сказал он. — Мы не можем доверять сигманскому чудовищу. В срав-

нении с ним китаезы нам просто родные братья! Господи, он же испражняется всем своим телом!

— Э, нашли чему удивляться, — проворчал Ник Уоллер.

— А тут еще эта женщина, Кантер! По телевизору, в газетах, всюду! Она вот-вот начнет с ним разговаривать!

— Да, я слышал.

В комнате стало темнеть. Несмотря на поздний час, сюда проникала вибрация, вызванная нестихающим шумом мегаполиса. Свет верхней лампы отбрасывал тяжелые тени на мрачное лицо Джонса, который держал на коленях большой портфель.

— Тут то, что покончит с этим, — твердо сказал он. — Можете взглянуть. Если мы прекратим попытки разговаривать с этой тварью, она отстанет от нас. Каковы бы ни были намерения сигманца, сперва ему нужно научиться разговаривать с нами. Верно? Иначе он давным-давно сжег бы всю планету. Но ему нужны достижения человеческой цивилизации!

Уоллер затакнул сигаретой и, прикрыв глаза, медленно выпустил дым изо рта.

— Возможно, — сказал он. — Что вы предлагаете?

— Я не думаю, что без миссис Кантер проект совсем остановится, — продолжал Джонс. — Но мы выиграем время, а там, глядишь, что-нибудь и придумаем.

Уоллер принялся расхаживать по комнате.

— Вы сами-то кто такой? Луиджи сказал, что мне будет интересно побеседовать с вами. Как вы вышли на Луиджи?

— Какая разница, — отмахнулся Джонс. — Не бойтесь своего Луиджи. Я мог бы выйти на вас, скажем, через вашу матушку, если бы к тому была особая необходимость. Она ведь знакома с одной служанкой, которая работает у одного банкира, который дружит с моей двоюродной сестрой. Не так ли?

Уоллер хмыкнул, ничего не ответив.

— Мне просто нужна профессиональная помощь, — продолжал Джонс. — У меня большие связи, но не в рабочем движении. О неприятностях с ФБР не беспокойтесь. У меня для вас есть работа, и работа несложная. Если согласитесь, в этом портфеле деньги. Аванс. Остальное после дела. Надеюсь, вы не откажетесь.

Уоллер снова сел. Он не казался взволнованным и не выказывал признаков любопытства. Он нисколько не сомневался, что этот Джонс, каково бы ни было его настоящее имя, не подослан полицией. Тут ему все ясно. Замести следы будет нетрудно. Даже если Джонс проболтается, фараонам не удастся пришить это дело компании Ника Уоллера.

О'кей, положим, Джонс псих. Что с того, раз он готов платить за свои чудачества? С катушек у нас слетают сплошь и рядом, а вот богатеньких среди этих психов не так уж и много.

Уоллер никогда не брался за дело, не пообщавшись со своим астрологом. Впрочем, лишь исключительно плохой гороскоп мог заставить отказаться от дела, ведь Уоллер носил амулет, который Главный оракул сделал специально для него.

— Уходите первым, — вежливо велел Уоллер. — Имейте в виду, я не думаю, что возьмусь за это дело сам, но, быть может, подыщу кого-нибудь.

Обычная конспиративная процедура. Революционеры не одолели ортодоксов, лишь измотали их силы в многолетней партизанской войне, но затем выучились владеть новым оружием, освоили конспирацию и разработали ячеистую структуру организации.

Кто-кто, а Ник Уоллер в своем деле был настоящий профессор.

Глава 6

Ивонна не считала себя застенчивой — просто замкнута, просто любит побыть одна и в то же время не прочь при случае разделить с друзьями хорошую трапезу и поболтать. Она предвкушала свой триумф. Поздравления от персонала базы Армстронг, по видеотелефону от отца с матерью и от всего семейства, от президента и от коллег со всего мира были ей, разумеется, весьма приятны. Но все это держало ее в постоянном напряжении — официальные отчеты, беседы с высокопоставленными лицами, научные дискуссии, целый шквал просьб об интервью, заказы на статьи и лекции, просьбы об использовании ее имени в благотворительных целях — и, наконец, телеконференция, когда дюжина журналистов, каждый со своего экрана, обрушили на ее бедную голову лавину вопросов, в том числе и частного характера, и нужно было учитывать, что лишь в Соединенных Штатах на нее смотрят сто миллионов телезрителей...

— Пожалуйста, — взмолилась она к вечеру пятого дня, — отпустите меня домой.

— Хорошо, Ивонна, — согласился полковник Алмейда. — Вы выглядите сейчас не лучше покойника. Я как раз отрабатываю ваше расписание, чтобы у вас получилось окошко и вы могли устроить себе каникулы. Переоденьтесь в спортивный костюм, и я лично на своем вертолете доставлю вас в Денвер.

— У меня есть машина.

— Оставьте ее, если не хотите оказаться в толпе поклонников, охотников за автографами, газетчиков и прочего сброда. Вы что, не знаете, что ваш дом практически на осадном положении? Уж лучше на вертолете. Завтра мой человек перегонит вашу машину. — Тут Алмейда вытащил из кармана клочок бумаги. — Да, чуть не забыл. Вот ваш новый номер телефона. Он не зарегистрирован. Я позволил себе позаботиться об этом.

— Очень мило с вашей стороны, Энди! — пробормотала Ивонна заплетающимся от усталости языком.

Римские черты Алмейды искажила горькая усмешка.

— Просто разумная предосторожность. Я не хочу, чтобы вы разделили судьбу первых астронавтов, которым пришлось провести остаток жизни на ферме. Вы нам нужны позарез.

В вертолете полковник не надоедал Ивонне разговорами. Полет проходил спокойно — лишь стрекот лопастей винта да свист ветра, легкая дрожь сиденья и во всем теле, безмятежность... Вертолет летел на большой высоте. Кругом звезды, мириады светочей на почти чистом небе — Денеб в Лебеде, Вега в Лире, Пегас, Большая Медведица и Дракон, своим царственным хвостом взявший Полярную звезду в полукольцо. Внизу раскинулась огромная, таинственная Земля, на поверхности которой там и сям мерцали некие созвездия — города, где жителям едва ли приходило в голову посмотреть в небо и восхищаться.

Когда на горизонте показались огни Денвера, Ивонна почувствовала себя достаточно отдохнувшей, чтобы поговорить. Она потянулась было за сигаретой, но передумала — она и так перекурила, во рту было кисло, и вообще было бы не худо принять какой-нибудь антиканцероген.

— Энди, — позвала она.

— Да, — откликнулся полковник, не поворачивая головы. Его строгий профиль четко вырисовывался на фоне Млечного Пути.

— Почему вы сказали, что я нужна позарез? Не такая уж я важная птица. Многие из моих коллег могли бы продолжить эту работу, может, даже лучше моего.

— Вы что, отказываетесь? — ровным голосом спросил Алмейда.

— Да нет... Все в порядке. Просто я пробила брешь, а мог это сделать и кто-то другой. Так что едва ли именно я добьюсь следующего большого прорыва.

— А он возможен? То есть вы считаете, что это еще не все? То есть существуют еще проблемы и мы не сможем развить язык, чтобы поговорить о конкретных вещах?

Ивонна кивнула, волосы ее рассыпались по плечам, прикрыв щеки.

— Думается, мы упустили что-то очень важное. Почему, скажем, сигманец не приглашает новых «гостей»?

— Он всегда так. Скоро, наверное, позовет.

— Но теперь же совсем другая ситуация! Стоя на пороге реального обмена информацией... — Ивонна услышала тихое покашливание полковника и почувствовала, что краснеет. — Разве мы с вами не погнались бы во весь опор? Что-то тут не так. Похоже, сигманец ждет чего-то еще. А пока мы не додумаемся до этого, он будет общаться с нами время от времени, когда не занят своими делами.

— Может, вы и правы, — сказал полковник. — Вам виднее. — Он сделал паузу и мрачно продолжил: — Я не хотел поднимать этот вопрос прямо сейчас, вы так вымотаны. Но, похоже, вы приходите в себя. Мое начальство и я, мы хотим, чтобы вы обдумали наше предложение. — Снова пауза. — Поймите, никто не намерен вам пенять. Однако поверьте, Ивонна, нам бы очень не хотелось, чтобы вы в подробностях рассказывали о своих успехах на широкой публике, когда вас слышит весь мир. И чтобы этот чертов китаец отвязался от вас... Соблюдая секретность, мы могли бы в одностороннем порядке добиться расположения сигманской цивилизации. Полагаю, вы понятия не имеете, как невероятно трудно находить политический и военный компромисс, когда все открыто как на ладони.

— О чем вы, Энди? — удивилась Ивонна. — Вы это серьезно?

— Куда уж серьезней. Сами посудите, Ивонна, вы интеллеktуал с либеральными взглядами и считаете себя вполне приличным и здравомыслящим человеком. И вы полагаете, что таковы все люди. Но почему вы никак не желаете применить свой строгий научный подход к реальной жизни! Вот смотрите. То, что известно сигманцу, — даже если просто захватить его звездолет — может дать господство над миром всякому, кто добьется исключительного права на информацию. Если же такую мощь получают несколько сторон, мы рискуем вернуться в эпоху ядерного противостояния, только куда страшнее. Я и представить себе не могу, какие перед нами встанут проблемы с освоением неземных технологий, свалившихся нам как снег на голову. Этого нам просто так не переварить.

Ивонна решила все-таки закурить.

— Энди, как можно говорить о возврате к холодной войне, которая осталась далеко в прошлом задолго до вашего рождения? С чего бы это? Я из конца в конец проехала весь Советский Союз и собственными глазами видела, что это такое. Тысячи американцев ежегодно ездят в Китай. А переговоры о контроле над вооружениями... Вы же, наверное, читали, видели по телевизору, вам наверняка говорили о тех усилиях, которые предпринимают русские, равно как и мы, преодолевая взаимные противоречия. Что Западная Европа и Япония... да и китайцы тоже... Энди, ведь еще лет за семьдесят до прилета сигманца земляне общими усилиями избежали вооруженного столкновения. Если и возникали вооруженные конфликты, то ни одна из великих держав не стремилась к тотальной победе. Они же не сошли с ума! За последние десять лет нигде на Земле не случилось ни одного такого конфликта, который можно было бы назвать войной. Неужели вы хотите сказать, что в правительстве Соединенных Штатов есть люди, все еще занимающиеся охотой на ведьм?

Тяжело дыша, Ивонна откинулась на спинку кресла.

— Как ни печально, милочка, эти ведьмы — реальность, — сказал Алмейда. — Вот послушайте. Вы мне нравитесь, и я вас уважаю, так что, поверьте, я не хотел обидеть вас, сказав, что ваши взгляды на жизнь устарели. Они просто не имеют отношения к реальности. Китайцы становятся гибче, как в свое время и русские. В любом случае вместе с настоящими революционерами уходит и эпоха религиозного фанатизма. Кроме того, практика доказала, что доморощенный терроризм никоим образом не работает на имперские амбиции. Ведь тем, кто жил в эпоху ядерного противостояния, в конце концов удалось успокоить даже самых ярых фанатиков. Победить в ядерной войне невозможно. Поэтому нет оснований считать, что нынешние лидеры наших прежних противников взялись за старое. К примеру, Англия — случай не самого оголтелого фанатизма. В английской истории был кромвелевский период, но англичане благополучно пережили его. Проповедь Евангелия была тогда не единственной движущей силой революции. Тем не менее они перевернули почти весь мир и вымели из страны почти всю неанглийскую культуру.

— А теперь мы стоим перед «желтой угрозой»? — съязвила Ивонна.

— Вот-вот, японцы, монголоиды, они сильны. Индонезия тоже. Правда, африканцев можно пока сбросить со счетов, но не

более чем лет на тридцать. Есть еще и «белая» угроза, и это не только русские. Западная Европа, Латинская Америка... Ну и янки тоже хороши... Для китайцев мы по-прежнему враг номер один. Они считают Китай последним бастионом, защищающим человечество от ненасытной американской империи. Разве вы не слышали о речи председателя Суна?

— Риторика, — устало сказала Ивонна.

— Допустим... — Алмейда глубоко вздохнул. — Ивонна, позвольте мне немного поменторствовать. Вы бывали в СССР, вы бывали в Европе, в Мексике и прочая и прочая. Не сомневаюсь, что скоро доберетесь и до Китая. Позволю себе заметить, не желая обидеть вас, что вы не какой-нибудь там агент спецслужб и не «кузнечик», вы, извините, просто дама, путешествующая первым классом. Разумеется, вы видите лишь прекрасные пейзажи и встречаетесь с очаровательными людьми. Я даже готов поверить, что ваш замечательный коллега Ван Ли восхищается вами и не опасается вас. Но доверяет ли он президенту Бреверману? Или генералу Нигарду? Или таким, как я? Нет, черт возьми, не доверяет! Мы собрали досье на него. Член партии, возможно, и не фанатик, но женат на яркой фанатичке. Капитан запаса, патриот, любит китайскую культуру, которая, кстати, пронизана духом ксенофобии...

Я не намерен проповедовать достоинства западной цивилизации и американского государственного устройства и утверждать, что именно в них заключена вся надежда человечества. Но, поверьте, многие мужчины и женщины разделяют со мной это застарелое предубеждение. А многие другие разделяют предубеждения мистера Вана Ли, и так далее. Равновесие, обеспечивающее ныне всем мир, оказывается, является куда более хрупким, чем хотелось бы мне думать. Старые страхи и обиды далеко не забыты. Разве вы не видите, что каждая из сторон пытается использовать малейший шанс хоть на время добиться перевеса или хотя бы паритета, что любая мелочь может привести к взрыву, к вооруженному конфликту? Помимо интересов страны, Ивонна, я ведь пекусь и о своей жене и детях. И я сделаю все, чтобы они не попали в ядерную топку!

Ивонна смотрела прямо перед собой. Пригороды Денвера, словно многоцветные знаки неведомой письменности, лежали на земле, изрытой и замощенной. Яркое сияние центра было видно издали, словно город был облит пожаром.

— Чего вы хотите? — спросила наконец Ивонна.

— Если мне развяжут руки, Америка добьется монополии, — спокойно сказал Алмейда. — Думаю, нам можно доверять больше, чем кому-либо другому. Может, потому, что американцев я

знаю все-таки лучше. Если не выйдет, мы попытаемся... А если нет, попробуем договориться с другими. В общем, будем действовать по обстановке. Дело в том, Ивонна, что отныне, кого бы мы ни послали наверх, он должен будет работать на нас, соблюдать меры безопасности, исполнять приказы, имея в виду безусловный приоритет интересов Соединенных Штатов. — Полковник замаялся. — А эти интересы отнюдь не расходятся с интересами большей части человечества. И в ваших интересах быть с нами, а не с какими-нибудь шовинистами. В моих же интересах привлекать к нам лучших ученых, то есть в данном случае вас. Подумайте, Ивонна.

Полковник принял маневрировать перед посадкой, вырывая в свободный воздушный коридор. Ивонна сидела молча. Огни центральных районов Денвера засияли, замигали, поползли в сторону, запрыгали и затмили звезды. Впереди мигал огнями комплекс Эйзенхауэра, громада, мерцающая огнями. Алмейда опустил вертолет на посадочную площадку, выскочил из кабины и помог выбраться Ивонне. Здесь, наверху, звуки лежащего внизу города казались приглушенным гулом. Порывистый свежий ветер трепал волосы Ивонны.

Алмейда направился было к охранникам, но те, узнав Ивонну, не стали проверять ее документы и уточнять, с кем именно она прилетела. На прощание Алмейда пожал Ивонне руку, его улыбка была едва заметна и суха.

— Я не хотел вас расстраивать, — сказал он. — Отдыхайте. Если понадобится, звоните в любое время, на службу и домой.

— Ладно. Спасибо, Энди.

Полковник залез в кабину, а Ивонна пошла к выходу. К ней подскочил охранник и, взяв под козырек, поприветствовал ее:

— Добрый вечер, доктор Кантер! Добро пожаловать домой!

— А, сержант Бэскомб! Как дела?

— Отлично. Вы не беспокойтесь. Тут целые толпы пытаются застать вас дома, но мы их не пускаем. Все наши до единого занимаются обеспечением вашей безопасности и вашего покоя.

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарила Ивонна, поеживаясь на ветру.

— М-м... Извините... У меня сынишка, двенадцать лет, суший сорванец. Он просто бредит вами, после всего, что вы сделали... Быть может, вы согласитесь... — заикаясь произнес сержант, протягивая блокнот.

— Конечно, — сказала Ивонна, улыбнувшись краешком рта.

Сержант протянул ручку.

— Его зовут Эрнст. Эрнст Бэскомб.

Миновав охрану, Ивонна глубоко вздохнула. Она снова чувствовала себя совершенно разбитой и была не способна размышлять над словами Алмейды. В голове билась одна мысль: «Теперь я могу побыть одна!»

Покидать комплекс Эйзенхауэра ей не было никакой нужды. Не хватало еще, чтобы на нее глазели в ресторанах, школах, театрах, церквях, аудиториях... Все, что ей было нужно, она могла заказать себе прямо в квартиру. Информация же поступала как на экран дисплея, так и по факсу.

«Соберу-ка я друзей дня через два-три, — подумала она. — Обед, тихая беседа и... хорошо бы партия в скрэббл».

В конце ей пришлось прибегнуть к сослагательному наклонению, так как друзья давно уже отказывались играть с ней в скрэббл, утверждая, что всегда проигрывают.

Эскалатор, бегущая дорожка, снова эскалатор, коридор, дверь. Все двери управлялись тут специальной системой охраны с магнитными ключами. Ивонна положила ладонь на пластину сканера. Система определила, что Ивонна принадлежит к кругу лиц, имеющих право входа (в это помещение могла войти только она), и дверь отъехала в сторону.

Когда дверь закрылась за ней, Ивонна немедленно разделась и бросила всю свою одежду в приемную воронку очистителя. Раскрыв свой чемоданчик, она принялась разбирать вещи.

«Ох уж эта чистоплотность! — думала она про себя. — Вывалить бы все прямо на пол!»

Ивонна набрала программу для кухонного комбайна. Вообще-то она обожала стряпать и делала это прекрасно, но нынче вечером у нее не было никакого настроения. Затем она приняла горячий душ и, завернувшись в теплый халат, почувствовала себя гораздо лучше. Ощущение времени не покинуло ее: еда будет готова через полчаса. Чувствуя, что в горле и так першит, Ивонна решила расслабиться не сигаретой с травкой, а бокалом мартини. Возможно, горячая вода побудила ее переменить планы: вместо Девятой симфонии Бетховена она включила ласковый, искрометный квинтет Шуберта «Форель».

Развалившись в кресле и глядя на знакомую обстановку — мебель, ковер, шторы, картины (среди них морской пейзаж побережья мыса Кейп-Код, смотреть на который она могла бесконечно), окно с видом на изящные башни, льющаяся музыка, мягкое сиденье, до малейших деталей повторяющее формы ее тела, — Ивонна пребывала в полузабытии.

«А все-таки жизнь хороша! Даже те наши последние два года с Си, когда мы понимали, что нас разносит в разные стороны, и

не могли ничего изменить... Постоянные ссоры... И наконец разрыв... Невесело было, конечно. Но эти два года были и уже не вернуться... Мы, наверное, не смогли бы остаться даже просто друзьями... А Энди Алмейда озадачил меня. Если вдуматься, не так уж он и не прав. Во всяком случае, возразить особенно нечего. Значит, я в команде, так сказать, "адвокатов ангелов"... А может, в моей жизни еще будет мужчина, более чуткий, чем Си, может, и я к тому времени поумнею, научусь не только брать, но и давать... М-м-м, как запахло соусом...

У входа прозвенел звонок.

Но ведь охранная система настроена на режим недопуска посторонних!

Пусть так, но им не удастся диктовать ей режим допуска! Друзья есть друзья. Проживающие здесь подчеркнуто старались держаться друг от друга подальше, но Ивонна была знакома кое с кем из соседей и приглашала кое-кого на обед и просто так. Если это очередной охотник за автографами, она с наслаждением пошлет его к черту! Ивонна плотно сжала губы. Но как она откажется принять Сью Роббинс? Или, скажем, Джона и Эдит Ломбарди?

Звонок звенел, не переставая.

«Может, что-нибудь срочное? — подумала Ивонна. — Если нет, сошлюсь на мигрень».

Она с сожалением встала, подошла к сканеру и нажала клавишу видео.

На экране показался незнакомец — худощавый, скуластый, в униформе внутренней службы комплекса Эйзенхауэра.

— Что вам угодно? — спросила Ивонна. — Я же просила не беспокоить.

— Я знаю, доктор Кантер, — последовал несколько грубый ответ. — Я видел табличку, извините. Тут такое дело... Несколько человек из охраны, мы тут живем и работаем вместе с вами и хотели бы выразить вам свою признательность. Ничего такого, мы знаем, что вы устали и вам не до компаний. Но мы не можем послать это официальной почтой или по служебному пневмопроводу. У нас тут... — Он показал в камеру блок сигарет с травкой. — Ваша любимая марка, не так ли? «Золотая Гавана». Я не задержу вас, спешу домой.

— Ну зачем вы... Это очень мило...

«Сколько все это будет продолжаться? Год? — подумала Ивонна. — Но не обижать же их?»

Она нажала на кнопку, и дверь отъехала в сторону. Мужчина вошел и, едва дверь закрылась, отбросил коробку и вытащил пистолет. Это был не газовый пистолет, а весьма внушительного

вида настоящая автоматическая пушка тридцать восьмого калибра. Ивонна отступила от двери, тихо вскрикнув.

— Простите, леди, — небрежно бросил незнакомец. — Не помолиться ли вам?

— Нет, нет... уходите... — Ивонна отступила еще дальше, не находя сил, чтобы шептать слова, и выставив руки перед собой, словно они могли защитить ее от пули.

Мужчина наступал, его ледяное спокойствие внушало ужас.

— Лично я против вас ничего не имею, — сказал он. — Но заказ есть заказ. Не знаю даже чей. Может, кого-нибудь из тех психов, кому колет глаза чужая слава. Впрочем, у меня мало времени.

Ивонна стояла посреди комнаты, незнакомец рядом. Космос, который она так любила, вдруг превратился для нее в бесконечность. Какая-то серая пелена упала на них обоих, стены словно исчезли, раздвинулись, открывая далекие галактики. Ивонна тяжело дышала, музыка отступила — и больше никаких звуков, никакой жизни, ничего. Помощи ждать неоткуда. Охраняемая, звуконепроницаемая, автоматизированная крепость отрезала ее от всего мира.

На мгновение Ивонна потеряла способность соображать, но вскоре к ней вернулась ясность мысли.

«Этого не может быть со мной... — билось в ее мозгу. — Я, Ивонна Филиппа Бердт Кантер, которую любит семья, которая говорила с существом со звезд... Настанет день, да, настанет день, не скоро, конечно, не здесь... не теперь, когда все так хорошо, когда в нос бьет чудесный аромат лапши с соусом и запах моего холодного пота...»

С механическим спокойствием она понимала, что терять уже нечего, и услышала свой собственный голос:

— Чем я могу купить свою жизнь?

— Ничем, — ответил мужчина в синей форме. — Иначе я подписал бы себе смертный приговор.

— Дайте десять минут... Пять?

— Я же сказал, молитесь, если хотите.

— Не хочу! Я хочу жить! Слишком долго я жила умом, отвергая желания тела. — Ивонна сбросила халат на пол и протянула руки к незнакомцу. — Ну, бери меня, бери! Пока не надоем.

— Э-э... — Пистолет дрогнул в его руке. — Тронулась, что ли?

— Нет. Просто убиваю сразу двух зайцев. Выгадываю еще несколько минут жизни и заполняю их удовольствием. Спальня здесь.

Ивонна быстро повернулась и пошла, напрягшись, каждую секунду ожидая пули в спину. Шаги убийцы слышались позади. Озадаченный, он все же отлично знал, что запасного выхода нет.

Ивонна прошла на кухню, открыла окошко перегородки между комнатой и кухней и сняла с плиты горшочек с кипящим соусом. Скуластый мужчина стоял прямо напротив окошка. Ивонна резко выплеснула соус в лицо убийце и рухнула на пол.

Пистолет с грохотом упал, но крик убийцы был громче. Закрыв лицо руками, он орал: «Сука! У-у, сука!..» Ивонна вскочила, бросилась к нему и схватила упавший пистолет. Мужчина стоял и покачивался, его обожженное лицо было покрыто лапшой, которая медленно сползала по щекам. Наконец ему удалось открыть один глаз. «Сука! Сука!» — простонал он и потянулся за пистолетом. Ивонна понимала, что стреляет она плохо и из такого тяжелого оружия запросто может промахнуться. Поэтому она подскочила к мужчине, присела, приставила дуло к его животу и, держа пистолет обеими руками, нажала на курок. От выстрела она почти оглохла. Мужчину отбросило в сторону, но она все нажимала и нажимала на курок. Лишь после того, как мужчина рухнул на пол и лишь дергался от каждой новой пули, лишь после того, как курок щелкнул впустую, свидетельствуя, что обойма пуста, — лишь после этого Ивонна смогла закричать при виде крови.

Глава 7

Алмейда сел на стул. В открытую дверь соседней палаты он видел, как сновали туда-сюда медсестры этого закрытого госпиталя.

— Жаль, что вы убили его, — посетовал он.

— Теперь всю жизнь мне будут сниться кошмары, — отрешенно произнесла Ивонна.

Полковник успокаивающе погладил ее по руке, которая безжизненно лежала поверх больничного одеяла.

— Не берите в голову, — сказал он. — Вы слишком чувствительны. Вы потеряли сознание, и теперь вам нужен покой и транквилизаторы. Однако я уверен, через недельку-другую вас отпустят домой. Во всяком случае, врачи не предупреждали меня, что вам нельзя волноваться. К тому же этот гад был наемным убийцей. Так что вряд ли стоит терзать себя из-за того, что у него могли остаться дети-сиротки. Лучше подумайте о тех, кто

и впрямь нуждается в вашем сочувствии и заслуживает его. О неприятностях с полицией не беспокойтесь. Ваше дело закрыто. Да оно, собственно, и не открывалось. Законопослушная женщина сумела дать отпор наемному убийце — дело ясное ясного. Так что власти не имеют к вам никаких претензий. Они еще не забыли эпоху революции.

— Да, мне говорили. Спасибо, Энди. — Ивонна пошевелилась. — Мне уже лучше. До полного счастья, конечно, еще далеко. Я вся какая-то вялая, тупая. Наркотики, наверное. Лежу вот и думаю, каково мне будет, когда действие наркотика пройдет.

— Относитесь к этому просто как к несчастному случаю и наслаждайтесь жизнью, как прежде. Ваш врач поклялся мне головой, что так оно и будет. У него бывали случаи много хуже вашего. Вы для него — чистая рутина, просто чувствительный свидетель несчастного случая.

— Может, и так. Я хочу куда-нибудь уехать. Не то чтобы я боялась, но эта квартира постоянно будет напоминать мне о случившемся.

— Конечно, мы не против. Мы поможем вам подыскать квартиру, о которой никто не будет знать, пока все не уляжется. Я уже говорил, жаль, что вы убили его. Мы не можем накачать его наркотиками и допросить с пристрастием и, значит, не можем предотвратить подобные покушения в будущем. Но больше всего нас интересует вопрос — кто его нанял и зачем?

— Неужели никаких зацепок? — спросила Ивонна с живым интересом.

— Личность его установлена, но имя его вам знать не обязательно. Известный бандит. Правда, ему удалось избежать наказания за убийство, но он сидел за менее тяжкие преступления. Полиция изучает его связи. Военная разведка совместно с ФБР отрабатывают свои версии. Потому-то я и говорю вам «мы».

— Неужели все из-за меня? — Ивонна покачала головой и снова упала на подушку. — Тот, кто нанял его, наверное, просто сумасшедший. Может, он вообразил, что сигманец угрожает человечеству?

— Хочется верить, что так, — с сомнением произнес Алмейда, и голос его стал суров. — Но и это не сахар. Наемники со «дна» дорого стоят. Напавший на вас был вовсе не случайно нанятый убийца. Это профессиональный гангстер, член преступной банды, считайте, настоящий солдат. Мы выяснили все это по своим каналам.

— А как он пробрался в наш комплекс?

— Трудно сказать точно. Он мог пройти в общую секцию, как бы за покупками, и познакомиться с кем-нибудь из администрации, скажем, в ресторане, в магазине, в круглосуточном баре — где-нибудь там. А тот мог проболтаться о вашем прибытии. Переодеться в униформу он мог в туалете. Если быть осторожным, можно добраться на эскалаторе до жилых этажей. Скрываться он мог и в номере напротив, который кто-то заранее забронировал. Мы сейчас проверяем всех, кто поселился тут недавно, и особенно тех, кого вечером не было дома. Но на все это нужно время, народу много, и никто не сидит на месте. — Лицо полковника потемнело. — Однако нам представляется, что дело обстоит намного хуже. Мы считаем, что кое-кто за рубежом пытается устранить вас, стремясь помешать нашему полноценному контакту с сигманцем. У них есть агенты среди наших людей, равно как и у нас есть свои агенты в их рядах. Я бы крайне удивился, если бы это было не так. Видимо, они внимательно следят за всеми нашими действиями.

— Ах, Энди! — воскликнула Ивонна. — Это же чистая паранойя! Какое дело великим державам до моей скромной персоны?

— Похоже, вы приходите в себя, — проворчал полковник. — В правительстве любой страны, куда ни плюнь, сидят хронические параноики.

— Да кому я мешаю? — Ивонна закашлялась.

— Давайте не будем спорить, — вздохнул Алмейда. — Вы не против, если мы возьмем обеспечение вашей безопасности на себя?

— Не могу же я вечно жить под охраной! Знаете, мне всегда было жаль семью президента.

— Могу себе представить. — Алмейда чуть расслабился и заговорил с легкой улыбкой: — В наши планы не входит доводить вас до нервного срыва. Считайте, что это был просто маньяк-одиночка. Как вы относитесь к идее отдохнуть недельки три-четыре где-нибудь в безопасном месте? А мы пока проведем свои розыски. Даже если мы ничего не найдем, по крайней мере у нас будет время, чтобы отработать меры безопасности, которые не будут стеснять вашу частную жизнь.

Спустя несколько секунд Ивонна согласно кивнула:

— Хорошо. Врач рекомендует мне путешествие. Только чур, чтобы ни один ваш агент не таскался за мной и не глазел на меня. Одна мысль о том, что это не так, заставит меня вернуться.

— Я знал, что вы так и скажете.

— Быть может, когда меня оставят в покое, я изменю свои взгляды. У вас есть какие-нибудь предложения?

— Есть, — быстро ответил Алмейда. — На самом деле я уже все устроил. Дело только за вами. Если вы будете соблюдать некоторые разумные меры предосторожности, я буду уверен, что вы в безопасности, а вы будете знать, что я не навязываю вам никаких телохранителей. В узком кругу это практически невозможно. Я имею в виду «Длинного Сержанта».

— Как вы сказали?

— Это флагманский корабль морских цыган. Сейчас он в Тихом океане. Условия великолепные, пассажиров почти не бывает — только те, кого согласится принять адмирал. Но что до вас, так он прямо лез вон из кожи, лично приглашая вас, едва я заикнулся об этом. Мы можем доставить вас туда на вертолете, абсолютно секретно.

— Морские цыгане? — Ивонна нахмурилась. — Боюсь, я буду неуютно чувствовать себя среди ушельцев.

— Помимо вычурного самоназвания, в «викингах» нет ничего особенного, — заверил Алмейда. — Самым эксцентричным из них далеко до таких ушельцев, как амазонки или анахронисты, даже до кое-каких чокнутых ортодоксов. Не очень-то там развернешься. Море не терпит разного рода выходок, не то что суша. Кроме того, необходим солидный капитал, без которого не построишь приличное судно, не говоря уже о целом флоте. У «викингов» нет своей религии, нет общественной идеологии. Главным образом это вполне здравомыслящие норвежцы, которые пришли к выводу, что в море у них будет больше свободы и жизненного пространства, а возможно, и больше доходов. Уверен, они вам понравятся. И там куда безопаснее, чем где бы то ни было.

— Энди! За столь длинную и проникновенную речь вы заслуживаете награды, — сказала Ивонна, сдаваясь.

Потрясающие новости дошли до Скипа на следующее утро после его разговора с шефом Киу.

— Это меняет дело, — сказал тот. — Наберись терпения. Возможно, мне удастся свести тебя с доктором Кантер.

После того как стали известны ее основные идеи, доктор Кантер стала для Скипа главной целью. Ее идеи были напрямую связаны с его гипотезой и лишний раз подтверждали его правоту. Тем более что все прочие маститые ученые не снисходили

даже до краткой беседы по видеотелефону. Плевать им было на двадцатидвухлетнего бродягу!

— Терпи, сынок, — успокаивал Скипа Киу. — Я уже полмира обзвонил по твоему делу. Не касаясь сути, конечно. Это твоя идея, и ты заслужил право первой ночи, да и сделаешь это куда толковей, чем я. А я только говорю, что тебя стоит выслушать на предмет сигманца. Сам знаешь, я не сижу сложа руки. Скольких я уже обзвонил. Поверь, мое имя не пустой звук в научных кругах, да и в деловых тоже. Меня уважают. Все не так уж плохо. В общем, как я посоветовал бы японцу, собирающемуся сделать себе харакири, — сдерживайте страсти.

Скип и сдерживал. Всю эту первую ужасную неделю он с головой уходил в изнурительную работу на озере и к вечеру с ног валился от усталости и засыпал. Вынести еще несколько дней и еще несколько вариантов отказа оказалось куда тяжелее. Наконец, когда пришло известие о том, что после покушения на Ивонну Кантер она изолирована, Скип никак не мог заснуть и всю ночь ворочался с боку на бок. Утром, с красными глазами, всклокоченный, он, пробившись через секретарей, добрался до шефа Киу.

Тот находился в своем домике, являвшемся в то же время и штаб-квартирой. На фоне голых пластиковых стен с окнами, за которыми открывалась панорама гор, нагромождение аппаратуры и компьютеров показалось Скипу каким-то диким и неестественным. Задувал ветер, пахло хвоей, издали доносился рокот работающей техники.

Киу поднял глаза.

— Привет, — бросил он. — Рановато ты. Садись.

Скип рухнул на стул.

— Вы слышали, сэр?

— Да. Почти сразу после покушения. Сам понимаешь, теперь они придержат информацию, пока не разберутся. Но у меня есть свои ребята в полиции Денвера.

— Что же дальше? — У Скипа уже не было сил искать вежливые формулировки. — Ведь это отсекает нам прямой путь. Может, вы попытаетесь выйти на кого-нибудь другого?

— Наоборот, — бодро сказал Киу. — Считаю, нам крупно повезло. Даже не верится!

— Повезло?

— Я знаю, где она. И могу тебя отправить туда!

Это прозвучало, словно удар грома. Скип только рот раскрыл.

— Я поручился за тебя, — строго сказал Киу. — Если подведешь, тебе живо намотают кишки на шею и вышвырнут вон. А я прикажу поджарить тебя на радиоактивной горелке! Этой женщине пришлось несладко. Она, должно быть, потрясена. Так что докучать ей нельзя. Пусть решит сама. А не захочет, возвращайся сюда и начнем все сначала.

Скип сглотнул слюну. Усталости как не бывало, сердце его колотилось.

— Да, сэр! Я отбываю.

— Я так и сказал, — мягко произнес Киу. — И еще я сказал, что тебе можно доверять. О тебе я разузнал. О'кей. Кучу лет назад, еще до того, как я стал главой этого племени, мы пахали на Большом барьерном рифе, у Австралии. Может, помнишь, там работала международная спасательная экспедиция. Среди участников был и флот норвежских морских цыган, для работ по корабельной части. Я был дружен с одним их шкипером — сейчас он уже адмирал. Мы и теперь дружны. Я рассказывал ему о твоих проблемах. Шансов было мало, но, черт возьми, почему было не потратить пару минут на звонок! И вот сработало! Он звякнул мне вчера вечером. Трудно поверить, но ему-то я верю на слово, что, когда американская контрразведка попыталась сунуть ему на борт своего агента, он послал их к черту. Те еще ублюдки! А про меня он знает, что я осторожен и без особых на то причин не стал бы хлопотать... Так вот, Скип, она там, в Тихом океане, где-то между Маури и Лос-Анджелесом.

— И вы доставите меня на вертолете? — тихо спросил Скип.

— Угу. Правда, когда адмирал позвонил мне, он еще не решил, брать тебя или нет. Но я пообещал, что будет покатуха для всей команды. Веселые пассажиры бывают у них редко. Это и решило дело — так что не подкачай. А дам я тебе всего-навсего авиабилет до Гавайских островов и денежки, чтобы нанять там частную вертушку, ну и кое-что на прокорм.

— Я... не знаю, как и благодарить вас, сэр.

— К чему эти пустые фразы, — проворчал Киу. — Лучше вспомни обо мне, когда разбогатеешь и станешь знаменитостью. Да-да, я верю, что ты станешь какой-нибудь шишкой. И чем раньше о тебе узнают, тем лучше.

Некоторое время Скип сидел молча и наконец сказал:

— Вот не думал не гадал, что она станет искать убежища у ушельцев. По моим сведениям, она нечто вроде старой девы, даром что была замужем. Не потому ли они выбрали именно этот флот, что никому и в голову не придет искать ее там?

— С чего ты взял, что морские цыгане все сплошь ушельцы?

— Как с чего? Просто по определению. Ведь ушельцы — это люди, которым претит следовать проторенными путями ортодоксов и которые не скатились на преступное «дно». Сам-то я не примкнул ни к одной ушельской общине, но читал о них и слышал. Одни подаются к мормонам-возрожденцам, другие — к «вольным баскам»...

Скип погрузился в свои мысли.

«Ты построил свои корабли на ядерной тяге, напичканные подержанным оборудованием, которое было разработано для марсианских и лунных станций; твои корабли способны находиться в открытом море неограниченное время; ты ловишь рыбу, собираешь планктон, добываешь из воды минеральные вещества, водоросли для еды и переработки; исследуешь морское дно в поисках золота и нефти, может, даже по контракту; перевозишь грузы и прочая и прочая. Твои брокеры отвозят на берег и продают произведенный тобой товар, покупают и везут тебе все, что надо. Ты приписал свои суда к порту какой-нибудь слаборазвитой страны с коррумпированными властями; ты формально принял ее гражданство; властям плевать на законы, что позволяет тебе со товарищи являться государством в государстве и творить все что угодно; обеспечив себя, ты не выходишь из нейтральных вод, соблюдая лишь морское право... Вот это удача! Я доберусь до Ивонны Кантер, а заодно увижу морских цыган!»

Слова шефа Киу несколько остудили его пыл.

— «Викинги», они очень разные. Они ходят под пасалонским флагом, чтобы не платить больших налогов. Они считают себя хранителями древних норвежских добродетелей.

— И поэтому все они олухи! — захохотал Скип и вскочил. — У-у-у! Неужели получилось! Йо-хо-хо!

Он распахнул дверь и прошелся колесом через порог. Минуту спустя он вернулся в дом, наигрывая на губной гармошке «Крошку Бетси».

Глава 8

Массивный, медлительный адмирал Гранстад пригласил пассажиров на семейный обед в свои апартаменты. Ивонна Кантер была представлена как Иоланда Коэн. Скип не возражал. Бедняжка выглядела совершенно опустошенной, лишь глубоко в глазах горели огоньки.

— Вы студент, мистер Вэйберн?

Скип с трудом сдерживался, выслушивая ее пустые вежливые фразы.

— Нет, я просто смотрю вокруг.

— О! — откликнулась та.

Весь вечер она говорила мало, лишь когда к ней обращались. Потом целых три дня Скип ее не встречал, видел разве что издали, и то очень недолго. Пассажиров оказалось всего двое, так что избегать встреч оказалось нетрудно. «Длинный Сержант» был огромен. Помимо корабельных постов и служб здесь были устроены просторные каюты-квартиры для тысячи мужчин, женщин и детей. Тут же были школа, больница, культурный и спортивный комплексы и великое множество мелких частных предприятий.

Но Скип не отчаивался и выжидал случая, проводя время самым приятным образом. В его холостяцкой каюте, впрочем, вполне удобной и мило обставленной, можно было поспать и умыться. Так что все остальное время Скип осматривал судно и шесть других судов, которые входили в эскадру адмирала Гранстада. Эти шесть судов представляли особый интерес с точки зрения техники, потому что это были рабочие суда. А «Сержант» являл собой нечто вроде плавучего жилого комплекса, который был связан с континентальным миром средствами электронной связи. Кроме того, на флагмане были спортивные площадки, восхитительные рестораны и таверны, а также театр. Но главное — люди.

Здесьние «викинги» выше всего ставили честный труд (точнее, умение обращаться со сложной техникой, которая, собственно, и работала) и человеческое достоинство. Однако они вовсе не были замкнуты и угрюмы. Наоборот, расшевелить их не составило для Скипа никакого труда. Средний старшекласник с континента был, конечно, куда как более образован, натаскан по всем предметам, включая новые духовные дисциплины, которые позволяют довести обычный талант до поистине гениальных способностей, но зато такой старшекласник был замкнут, хронически испуган и внутренне одинок — здравомыслящий логик, эмоционально задержанный, как ночная сова.

Даже у глубоких стариков здесь были молодые глаза, а те, что помоложе, и вовсе не отставали от Скипа. Они прекрасно говорили по-английски, а Скип был первый увиденный ими настоящий «кузнечик». Они с восхищением принимали его шутки и в свою очередь развлекали его самого. Первые три ночи после натянутого адмиральского обеда Скип провел, пьянствуя почти до рассвета. Утром четвертого дня одна из местных воспитательниц, шикарная блондинка, пригласила его поужинать с

ней в ее каюте после работы. Ее приглашение было столь открытым, что Скипу стало совершенно ясно, что он приглашен не просто поужинать.

«Скоро солнце и морской воздух вытащат бедняжку Кантер из ее раковины. Ей бы мужика... Но я тут вряд ли подойду. Не потому ли она наотрез отказывается от телохранителей? Гипертрофированное желание побыть в покое обусловлено, видимо, состоянием ее нервной системы. Но если американское правительство все-таки обязано этим заниматься, почему бы этим не заняться мне? Далее, она должна познакомиться со мной поближе. Правда, моего личного обаяния будет, пожалуй, недостаточно».

Намереваясь вечером как следует оттянуться, Слип взял с собой на верхнюю прогулочную палубу блокнот и цветные карандаши. На палубе он был один, взрослые работали, дети учились.

«Хватит гнать волну, теперь волну порисуй», — подумал он.

А картина, открывшаяся взору, играла сотнями красок. Отбеленное красное дерево и веревочные сети ограждения, надстройка, тянувшаяся от носа до кормы, шла то вниз, то вверх, образуя удивительное хитросплетение пастельно-белых тонов, словно перед глазами лежал Большой каньон. То и дело строгие формы оживлялись миниатюрными парками и висячими садиками. В море — рабочие суда, разошедшиеся от флагмана на несколько миль. С остроносого рабочего судна, что шло ближе других, до Скипа доносился рокот одного из его механических цехов. Чуть поодаль виднелось приземистое судно-фабрика, перерабатывающее в золу бурые водоросли, которых тут было великое множество. В стороне взмучивал воду своими всасывающими трубами добытчик минерального сырья; на пределе видимости маячил рыболовный траулер. Море волновалось: пенное кружево, лазурь, переходящая в яркую зелень под гребнем волн и почти черная у подошвы; вечно движущееся, вечно меняющееся, словно кровь в жилах. Алмазные брызги сияли в лучах солнца на ясном небе, по которому плыли два-три белых облачка.

Остойчивый «Сержант» не был подвержен качке, атомный реактор работал бесшумно и не дымил. Ощущалась лишь слабая вибрация корпуса. Океан бился, шипел, смеялся; свежий ветер доносил запах соли, йода и озона, трепал шевелюру Скипа и шелестел страницами его блокнота. Слип с удовольствием подставил ветру лицо; он любил его песню, которую тот пронес через мили и мили.

— Доброе утро, мистер Вэйберн, — раздался женский голос.

Скип повернулся.

— А, доброе утро, доктор Кан... мисс Коэн.

«Черт! — подумал он. — Я раскрываю карты раньше времени».

Женщина спокойно смотрела ему в глаза.

— Вы хотели сказать «Кантер»? Вы не первый. Мы с ней похожи. Как-никак двоюродные сестры.

— Зато я буду единственным, кто не станет надоедать вам расспросами о вашей знаменитой кухне, — нашелся Скип, благодаря всех богов, что, похоже, пронесло. — Держу пари, вы с ней редко видитесь.

— Считайте, что пари вы уже выиграли.

Легкость, с которой она лгала, ясно свидетельствовала о том, что выздоровление идет полным ходом. Более того, ее ярко-желтые блузка и брюки резко контрастировали с его неряшливой одеждой, недвусмысленно говоря о ее прекрасном настроении. Правда, она не набрала еще прежнего веса, ее нос с горбинкой и скулы оставались пока заостренными. Но схваченные сзади волосы были по-прежнему черны как смоль, а темные круги уже не портили ее чуть раскосых красивых глаз. Впрочем, помада не скрывала бледность губ. Ивонна слегка улыбалась, чуть наигранно, но тем не менее это была настоящая улыбка.

— Мне не хочется бегать от вас, — сказал Скип. — Но и беспокоить вас боязно. Жена адмирала сказала мне, что вам необходим покой.

— Не хочу показаться невежливой, но... — Ивонна помедлила, — миссис Гранстад сказала вам сущую правду. Поднявшись сюда и увидев вас, я... — Ивонна вынула из сумочки на поясе сигарету и закурила.

— Бога ради, не думайте, что вы обязаны разговаривать со мной. Я могу и уйти. Мне есть чем заняться и кого занять.

— Да-да, я вижу вас то там, то сям. — Она снова улыбнулась, уже шире. — Душа общества. А вы, я смотрю, еще и художник?

— Да так, малюю потихонечку. Но, боюсь, мои волны не могут соперничать с Хокусаем.

— Можно взглянуть? — спросила Ивонна. Скип передал ей свой блокнот. Она внимательно изучала рисунок, и ему показалось, что с интересом. — По-моему, замечательно! Как здорово вы уловили игру света! А есть еще? Покажите.

— Ну, если вам интересно. Тут, в общем, наброски и карикатуры. А это я набросал, когда летел сюда.

Ивонна засмеялась. Это был слабый смех, но все-таки смех. На рисунке были изображены два настоящих викинга, в кольчугах,

в рогатых шлемах. Они стояли на берегу фьорда и смотрели на уплывающий корабль. Один викинг говорил другому: «Не беспокойся, они славные, смиренные парни». На носу корабля красовалась резная голова мышки, на корме — мышинный хвостик.

— Я уверена, вы могли бы продавать такие вещи.

— Я и продаю иногда, — сказал Слип, пожав плечами. — Главным образом, в газеты маленьких городов. Толстые газеты и журналы слишком долго не отвечают. Слишком много шансов, что я уже уеду, не оставив обратного адреса.

— В самом деле? — Ивонна вернула блокнот и затянулась сигаретой, изучающе глядя на Скипа. — А чем вы живете?

— Я «кузнечик», бродяга, мастер на все руки от скуки. Скажите слово — и готово!

— Простите, но вы выглядите слишком молодо.

— Куда уж старше! Официально взрослым я стал четыре года назад. Тогда я и ушел из дома.

Он пытался уйти из дома двумя годами раньше, но его поймали и вернули. Арестовавший Скипа полицейский устроил ему унижительную порку. Поскольку его бесконечные выходы являлись предметом постоянных семейных ссор, родители Скипа не возражали, чтобы их сына поместили на три месяца в исправительный центр для трудных подростков. Обращение там было не особенно жестоким, но уже через неделю Слип был готов удушиться от скуки. К чему вспоминать... Горечь обиды давным-давно выветрилась...

— У вас, кажется, приличное образование, — заметила Ивонна Кантер.

— Среди «кузнечиков» много образованных людей, — сказал Слип и в двух словах объяснил ей основы философии той части ушельцев, к которой принадлежал он сам. Ивонна умела слушать. — И среди моих друзей много людей весьма уважаемых, один из них и пристроил меня сюда.

Слип догадывался, о чем она думает: «Влиятельный покровитель организовал его визит в одно время с моим здесь пребыванием. Едва ли «викинги» беспрекословно исполняют указания американского правительства. Они слишком ценят свою свободу. Впрочем... Этот парень довольно мил и, похоже, не опасен».

Задача Скипа заключалась в том, чтобы представить себя в ее глазах как нечто большее, чем просто «милый и неопасный». Отчужденность Ивонны отступила, и та поинтересовалась:

— А где нынче подводная лодка?

— «Викинги» собирают донные конкреции марганца, — пояснил Слип. — Мне говорили, что лодка занимается поисками новых месторождений. Как трюфельная свинья.

— Что?

— Да нет, ничего. — Скип поспешил перевести разговор на другую тему. Шутка, похоже, не дошла до нее. — Знаете, мисс Козн, если вы посидите, я с удовольствием сделаю ваш портрет. С вашего разрешения, конечно. И вы сможете взять портрет себе. Вы выглядите просто сногсшибательно, и я не в силах удержаться.

— О! — Ивонна залилась краской и часто заморгала. Все-таки она была женщиной и не могла не оценить комплимента.

— Посидите, пожалуйста, вот так минутку.

Скип открыл чистую страницу. Держа в левой руке блокнот и коробку с карандашами, он прошелся вокруг Ивонны, поприседал, повертел головой и, выбрав наконец ракурс, принялся рисовать. Ивонна докурила сигарету и, возможно, хотела закурить новую, но сидела неподвижно и сосредоточенно позировала.

Карандаш так и летал над страницей. Скип старался как мог. Ему нужно было завоевать расположение Ивонны и при этом ничем не обидеть ее чувств. Однако дело склонялось именно к последнему, и чем дальше, тем больше.

«Сотри эту линию, идиот! — мелькало в его голове. — Зачем эта тень? Черт! Все не так! Она же красива! Строгая красота, почти абстракция, как Долина смерти, как монтеррейский кипарис, согнутый и продутый насквозь штормовыми ветрами».

— Простите, я дал осечку, сказав «одну минутку». Вы не повисите еще парочку?

«Кончай свои шуточки, болван! Она все равно не врубается».

— Вот! Спасибочки вам от рыбочки! Грубовато, но я так вижу...

Скип вырвал страничку и передал Ивонне. Та тихо ахнула. Кровь прихлынула к ее щекам и отхлынула. Указательным пальцем Ивонна отслеживала карандашные штрихи. Скип сделал нечто большее, чем просто подчеркнул преимущества ее облика; ему удалось передать все ее напряжение. Он точно передал ее слегка восточные черты. Ее блузка и широкие брюки, как бы сдутые ветром, напоминали о богине Нике Самофракийской. Сетчатое ограждение было показано в ракурсе, позволяющем понять, что женщина смотрит в небо.

— Вот не думала... — прошептала Ивонна. — Замечательно! Вы изобразили меня более напряженной, чем на самом деле... — («Э-э, нет, милочка!» — подумал Скип.) — ...А может, я вижу то, чего нет? Какой подарок! — Она перевела глаза на Скипа. — Это подарок? — неуверенно спросила она.

— Конечно, берите. Это же карикатура, в прямом смысле слова. (У него мелькнула безумная идея подрисовать сигманца и подпись к рисунку типа: «Что он имеет в виду?» или «Неужели его язык состоит из одних неприличных слов?») Я и правда хотел показать товар лицом, чтобы вы позволили мне по-настоящему написать вас. (Надо было сказать «ваш портрет». Ты только набери еще парочку кило, а там уж я развернусь... Тпру, лошадка!)

— Я подумаю об этом. Предложение лестное. — Ивонна закурила новую сигарету и поспешно, словно не желая заканчивать разговор, спросила: — Мистер Вэйберн, а вы, наверное, работали и как художник? Не только же карикатуры в газетах?

— Зовите меня просто Скип. Меня все так зовут. Дело в том, что по-норвежски слово «скип» означает корабль, но произносится чуть иначе, чем английское «шип»... Это обстоятельство не раз приносило мне свои дивиденды. Правда, года два назад с этим вышла одна история, после которой я принимаю эти дивиденды с большой осторожностью.

— А что случилось?

— Это длинная история.

— Я не спешу.

«Славно! — подумал Скип. — Значит, она не прочь поболтать со мной. Полный вперед!»

— Видите ли, — начал он, — как-то я оказался в одном южном городке. Там жили не то чтобы совсем ушельцы, но весьма ярые фундаменталисты, каких даже трудно представить себе в наше время. Все у них там было не менее чем полувековой давности. В ресторане у них даже стоял настоящий «джукбокс». Помните, были такие проигрыватели? Известие о сигманце, в существование которого они никак не хотели верить, перевернуло у этих правоверных все вверх дном. Энергии их неприятия хватило бы на то, чтобы запустить огромную ракету на окололунную орбиту. Я разговорился с владельцем ресторана. Он намеревался закрыться и на недельку уехать к родственникам. Я предложил ему, пока его не будет, расписать стены его заведения. Мы сошлись на том, что я напишу сцену из Библии, и договорились о плате. До завершения работы я никого не пускал внутрь. Я так втянулся в работу, что готовил и спал прямо на месте. Рядом жил местный самогонщик, и мы подружились. Впервые вернувшись от него, я взглянул на начатую работу и понял, какую великолепную возможность упускаю. Я собирался изобразить сцену Нагорной Проповеди. Глупец! Не то чтобы тема Христа не давала развернуться, но я еще не до конца продумал свою композицию, а копировать чужую не имело никакого

смысла. Проснувшись утром, я обнаружил, что желание работать так и распирает меня. Значит, моя Муза, хоть и пьяная, побывала здесь вчера вечером и еще не ушла. Я запасаа самогоном и работал весь остаток недели, с раскалывающейся от голода и бессонницы головой, равно как от переизбытка кукурузного жмыха. Я написал лучшее из того, что когда-либо доводилось мне написать. Откровение Иоанна! По четырем углам ангелы, высокий потолок; опустошенные чаши гнева — над проигрывателем, над телевизором и над дверьми в мужской и женский туалеты. На потолке Бог-Отец в силах, его длинные седые волосы и борода, его одежды — полощутся на ветру смерти; у него лицо получеловека-полульва. Одесную — Бог-Сын. Но он получился хуже. Я стремился показать, что ему жаль тех проклятых, которых он помогает сталкивать в пламя геенны, но он получился похожим скорее на мрачного возрожденца, с удовлетворением рекущего: «Я же говорил вам!» Пламя вокруг престолов — не адское пламя, заметьте! — типа солнечных протуберанцев. Пламя вздымается и охватывает крылья Духа Святого. Образ архангела Гавриила я позаимствовал из одного фильма. Этаким трубач начала эпохи джаза, этаким Бикс Бейдербекке, выдувающий рифы и синкопы в ритме своей бессмертной жизни. Прочие ангелы и вся небесная рать были в явном смущении от такого концерта. Кое-кто возмущался, тщетно пытаясь сконцентрироваться на своей работе, но парочка ангелов была в экстазе. И я! Я был еще жив и стоял среди четырех зверей у престолов... Похоже, я вас совсем заболтал.

— Нет-нет, продолжайте, — сказала Ивонна, не сводившая со Скипа глаз.

— Ну... К черту нашу этимологию! Учитывая прочность современных красок, отчего бы не писать фрески на полу? Пол ресторана стал Землей. С него вставали мертвые. Поваленные надгробия, отверстые могилы, картина полного хаоса, потому что я сообразил, что ко Дню Страшного Суда каждая пядь земли будет тысячу раз использована для погребения. Я сомневался в том, что акт воскресения плоти будет одномоментным, и посему показал различные стадии: свеженький, едва подгнивший покойник; череп, катящийся на воссоединение со своими позвонками; два скелета, дерущиеся из-за берцовой кости; вздымающийся вихрем древний прах, приобретающий свои первоначальные, призрачные очертания... И наконец, полностью воскресшие экземпляры!

Я вовсе не пытался достичь трагического величия, как в фонтане Орфея в Стокгольме. «Откровение» — книга дикая, редкая бредятина. Воскресшие, те, что послабей, мучительно

пытались удержаться в вертикальном положении, подпирая друг друга высокими стульями у стойки бара. Двое влюбленных рыдали друг у друга в объятиях. Да, рыдали. Правда, умерли они стариками. Вспомнив, что на небесах нет браков, молодая парочка пыталась тихонечко смыться... Ковбой бузил, индеец долбил пирогу, ну и вы можете себе представить все остальное... По низу передней стены я изобразил в перспективе горящие города, наводнения, землетрясения и прочие несчастья, включая удар молнии, разбивающий фундамент здания фундаменталистской церкви. Спасенных я наделил счастливыми лицами пьяниц и придурков, иные выглядели весьма сомнительно, иные психами, а одного уже вконец укачало.

Естественно, все они были голые, ведь в Писании нет ни слова о восстановлении саванов. На левой стене проклятых точно так же несло в бездну. Навстречу им с ревом вздымалось адское пламя, несколько передних грешников уже стали поджариваться, бр-р-р! Вокруг них суетились жуткого вида черти. Детали я опускаю. Сатана выглядел получше. В образе Змея. Одной рукой он сгребал грешников, другой же показывал Богу кулак с оттопыренным средним пальцем. За стойкой, для услаждения пьющих, я изобразил Великую Блудницу Вавилонскую верхом на звере. Я нарисовал несколько спаривающихся зверей. Блудница с радостью взирала на Антихриста, что не оставляло ни малейших сомнений относительно ее намерений... О, простите, я не хотел оскорбить вас, — извинился Скип, хотя в этом не было необходимости.

— Боже правый! — хихикая, воскликнула Ивонна. — И как это приняли посетители?

— Позор на мою седую голову! Как я не понимал, что они просто не в состоянии по достоинству оценить мастерство! — вздохнул Скип. — Тут-то мне и пришлось показать, какой я «кузнецик», и уносить ноги, подтверждая справедливость этого слова. (Не в первый и не в последний раз Скип возблагодарил судьбу за то, что в свое время выучился каратэ.) Наверняка хозяин все закричал.

Ивонна взяла себя в руки. Скип понимал, что ее реакция вызвана не только живостью его рассказа и Ивонна понимает это сама.

— Странно, — сказала она. — Никогда раньше не встречалась с человеком, у которого артистичность в крови.

— Принимает самые странные формы, — попытался закончить цитату Скип, но Ивонна явно его не поняла.

— Приличные иллюстраторы попадались, — продолжала она, переводя взгляд со Скипа на море и обратно. — Двое-трое

таких, что хвастались своим талантом, но не были настоящими мастерами. Я встречала гениальных музыкантов и ученых, но настоящего художника, до вас, никогда не встречала.

«Может, пора открыться? — подумал Скип. — Впрочем, еще секунду назад она выказывала желание не касаться этой темы».

— Благодарю вас, — подчеркнуто вежливо сказал он. — Но я думаю, что никто из нас, то есть ни один из когда-либо живших людей, будь то Рембрандт или Бах, не сравнится... в артистизме, что ли?... с непревзойденным гостем нашей планеты... — Скип не был уверен, что Ивонна клонет, но она вопрошающе вскинула брови. — ...с сигманцем, — закончил фразу Скип и ткнул пальцем в небо.

— Но эта... Кантер... — Ивонна слегка покраснела. — Кантер, как вам известно, доказала, что сигманец действительно требует эстетического начала. Совсем как древние японцы.

— У меня тут есть свои соображения. А работы доктора Кантер говорят как раз о том, что моя идея не такая уж и дурацкая.

— Что вы имеете в виду?

«Пока что просто вежливый интерес, не более, но и не отказ!» — заключил Скип. Ситуация напоминала ему рыбную ловлю на поплавок.

— Да так, ничего особенного. — Он отвернулся и облокотился на перила, глядя в море. — Что может придумать «кузнечик»?

Ивонна подошла, встала рядом с ним и сказала:

— Продолжайте, Скип. Смелей!

Скип побаивался начинать.

— Может, я сильно ошибаюсь, — все-таки начал он. — Но мне кажется, что я знаю, зачем сигманец прилетел сюда, чем он занимается, почему почти не обращает на нас внимания и чем мы можем заинтересовать его, чтобы он встал на задние лапки, завилял хвостом и открыл нам свои объятия. Не ожидали от меня такого, да?

Скип с опаской повернул голову и глянул на Ивонну. Та смотрела вдаль, ее волосы, собранные в «конский хвост», трепыхались на усиливающемся ветру. Похоже, Скип ее «спугнул». Ивонна крепко держалась за поручни, голос ее стал жестче.

— Рассказывайте же, — просто сказала она.

Глава 9

В тот же день Ивонна раскрыла перед Скипом свое инкогнито, которое, однако, оставалось в силе для всех прочих, за исключением четы Гранстад. Скипу это стоило расположения

белокурой воспитательницы, которая никак не могла взять в толк, отчего он трется возле этой старой клячи Коэн — она же в матери ему годится! Его доводы типа того, что с мисс Коэн интересно поговорить, не нашли у нее понимания.

Впрочем, и без нее Слип отлично проводил время. Он играл в мяч, участвовал в борцовских состязаниях с молодыми «викингами». Правда, они были весьма озадачены переменой в его поведении, но вопросов никто не задавал. Индивидуализм плохо сочетался с тесным проживанием, где свято соблюдались дисциплина общения и уважение к частной жизни. Как бы то ни было, «викинги» решили: отчего бы этому «кузнечик» не быть немножко странным.

Само собой вышло так, что Слип с Ивонной перешли на «ты». Они горячо обсуждали его гипотезу и вытекающие из нее следствия, строили планы дальнейших действий. Не желая рисковать, Ивонна обещала полковнику Алмейде оставаться на «Сержанте» до прибытия в Лос-Анджелес. Ведомству полковника требовалось некоторое время для принятия мер по организации ее безопасности. «Сержант» имел прямой доступ к компьютерным средствам связи, к банкам данных и к международной видеотелефонной сети. Так что удобства были почти те же, что и в ее рабочем кабинете. По факсу Ивонна могла получить любой интересующий ее текст или картинку из любой крупной библиотеки. Причем с любой степенью точности и достоверности, за которую пользователь был готов заплатить. Вплоть до занесенных в память компьютера трехмерных изображений работ скульптора Мицуи. Как правило, это были статуи и керамика, но Слип затребовал его живопись, да это было и дешевле.

— Многие не понимают, насколько важна текстура, — сказал он. — Не понимают, как остро даже ненаметанный глаз чувствует ее. Это особенно характерно для живописи большинства импрессионистов, работавших в технике крупного мазка. Но это не менее важно и у других художников. Даже у такого тонкого мастера, как Сальвадор Дали, поверхность картин далеко не абсолютно плоская. То же самое относится к восточной туши и акварели. Там сами ткань и бумага становятся частью композиции. — Слип помедлил. — Надеюсь, Дядюшка Сэм заплатит за все факсы, что мы тут поназаказывали?

— Глупый! — сказала Ивонна смеясь. — У меня прямой доступ в его кошелек.

Целый день они проработали с проектором, изучая полученные материалы и подбирая нужное. Обсуждение не прекращалось и за обедом. Вечером они вышли на ют. Кроме них двоих на

корме никого не было. «Сержант» тихо вибрировал на полном ходу. В небе светили звезды, лунная дорожка, словно мост, лежала поверх черной глянцевой воды. Слабые, разбросанные на мили окрест, мелькали разноцветные огоньки рабочих судов, шедших параллельным курсом. Слабый ветер, тишина, если не считать ровного гула двигателя да мерного покачивания. Опершись на поручни, Ивонна со Скипом смотрели на небо и упивались покоем.

— Хорошо! — сказал Скип. — Знаешь, мне кажется, современные средства репродукции развиваются в нужном направлении. Представляешь, можно иметь у себя дома, в гостиной, работы Леонардо, Моне, что угодно. И по сходной цене! Не печатная репродукция, не жалкая копия, но по существу настоящий оригинал, идентичный до черточки. И не нужно тащить за тысячи километров в какую-нибудь картинную галерею.

— Да, наверное. Дома я собираю Матисса и Пикассо... и немножко византийцев.

— Мне кажется, что современные художники вот-вот дойдут до такого уровня мастерства, что им будет по силам соперничать с мастерами прошлых веков. Я думаю, мы стоим на пороге Ренессанса. Помнишь, в какой выгребной яме сидели мы в середине двадцатого века? Или ты ничего не знаешь об этом? Я вижу новый принцип, открывающий широчайшие возможности, который заключается в том, чтобы свести воедино мотивы западного, восточного и туземного искусства, причем в сочетании с наукой. Тут корень развития. Как ты думаешь? Будут ли это покупать? Да и сам художник, в ореоле своего величия, пойдет ли на такое? Знаешь, я ушел из дома по одной простой причине — я хотел вернуть себя к основам жизни и составить свое собственное мнение обо всем, что вижу.

Ивонна погладила его по руке и, улыбаясь, поглядела на луну.

— Ты идеалист, — сказала она и, как бы испугавшись, отдернула руку и принялась рыться в сумочке.

— Кто? Я идеалист? — воскликнул Скип. Уши у него горели. — Да нет же! Я делаю лишь то, что хочу, не более того. В нашем дуэте как раз твоя партия служить человечеству.

Ивонна достала пачку сигарет с травкой и предложила Скипу.

— Спасибо, — сказал он. — Знаешь, мы, наверное, могли бы расслабиться и иначе, нежели вот так. — Они закурили. — Впрочем, — продолжил он после первой затяжки, — за работой ты расцветаешь. Когда я впервые увидел тебя, ты была

похожа на привидение. И вот, неделю спустя, при двенадцати-часовом рабочем дне, ты поправились, не шарахаешься от людей, ты шутишь...

Последнее было правдой лишь отчасти. Ивонна вполне принимала кое-какие его шутки, но сама-то не шутила. И хотя ее физические кондиции уже приближались к нормальным (что Скип отмечал с удовольствием!), ее расшатанные нервы все еще давали о себе знать. Как вот только что. Красный огонек ее сигареты подрагивал в ее трясущихся пальцах, то затухая, то разгораясь.

— Я что-нибудь не то сказал? — спросил он.

Ивонна помотала головой. В голосе ее слышалась боль.

— Это не твоя вина. Просто ты напомнил мне кое-что. Я далека от альтруизма, иначе никогда бы не сделала того, что сотворила.

— Ты шутишь, Ивонна? Ты же сделала огромное дело!

— Какое там дело... — Наркотик быстро действовал на ее ослабленный организм. Ивонна судорожно вцепилась в перила. — Я убила человека! У меня до сих пор перед глазами его мертвое лицо, выпученные глаза, перекошенный рот. Он бы не умер, если бы я просто ранила его.

— Да... Я знал, что какой-то психопат пытался убить тебя. Но в газетах ничего не было...

Короткими фразами, между затычками, Ивонна рассказала Скипу, как было дело. Закончив говорить, она разрыдалась, и луна выкрасила серебром слезы на ее щеках.

— Ивонна, послушай, — успокаивал Скип, обняв ее за плечи. — Ты не виновата. Нечего убиваться, не стоит он того. Так и спятить недолго. Ты ведь не умеешь обращаться с оружием, правда? А та пушка, наверное, была с перезарядом, когда за несколько секунд уходит вся обойма. У тебя просто не было времени думать о том, что делаешь. И в любом случае ты не сделала ничего плохого. Это была чистая самозащита. Ты нужна миру, а без той скотины мир стал даже несколько лучше.

— Это же человек, Скип!

— Да брось ты! Для профессионалов со «дна» риск быть застреленным входит в оплату. Долго ли печалилась бы ты, если бы такое случилось с кем-нибудь другим и ты узнала бы об этом?

— Но это случилось со мной! Ты же никогда не убивал человека.

— Нет, не убивал. Но был близок к этому. Поэтому клинок у меня всегда с собой. Не Бог весть что, но, купив новую пару

брюк, я всегда вшиваю потайной карман для него. Полагаю, это практично. И если случится так, что у меня не будет выбора, я не задумываясь пушу его в ход. Это не доставит мне особого удовольствия, но и жалеть я не стану.

— Ты успокаиваешь меня, как все.

Ивонна отвернулась и уставилась на море. Рука Скипа скользнула вниз по ее талии. Ивонна вздохнула и тихо прижалась к нему.

— Прости, — глухо сказала она. — Я не хотела валить с больной головы на здоровую.

— Я почту за честь хоть чем-то помочь, просто подставить плечо. И можешь быть уверена, я не стану распространяться о том, что мне сказано конфиденциально.

— Спасибо, Скип. — Ивонна улыбнулась, правда, несколько растерянно. Взгляд ее по-прежнему был устремлен вдаль. — Мне потихонечку становится лучше, как и обещал врач. Я думаю об этом все меньше и не чувствую себя уже такой виноватой... Скоро совсем пройдет... Но придет время, и наверняка я вновь стану мучиться вопросом о своей виновности. — Она глубоко вздохнула. — Это лишь добавляет беспокойства и в без того запутанный узел моих проблем. Радуйся, что ты экстраверт. Не так-то просто быть интровертом. Мой брак распался из-за того, что я слишком мало внимания обращала на своего мужа и давала ему куда меньше, чем могла. Может, я и правда стремлюсь к одиночеству? — Она бросила окурок за борт. — Черт с ним. Меня точно камнями побили. Пошли лучше спать.

Скип проводил Ивонну до ее каюты. В пустом коридоре были слышны лишь ровный гул вентиляторов да тихий рокот двигателя. У дверей Ивонна улыбнулась Скипу, губы ее дрожали, взгляд блуждал.

— Ты замечательный, — томно произнесла она.

Поборов искушение, Скип поклонился, поцеловал ей руку и отпустил, просто пожелав спокойной ночи.

Они взяли за правило каждое утро встречаться на прогулочной палубе и, гуляя около часу, обсуждать свои дела. Но на следующее утро Скип не был уверен, что она придет. Ивонна пришла, хотя и позже, чем обычно, но твердым шагом.

— Привет! Как дела?

— Спасибо, отлично, — ответил Скип, обратив внимание, что говорит Ивонна еле слышно и старается не смотреть ему в глаза. — Уж не приболела ли ты? — бодро спросил он. —

Вопреки народной мудрости, если перебрать «мэри-джейн», бывает худо. А мы вчера перебрали... По крайней мере, я. Я плохо помню, но мы, кажется, говорили нечто, что казалось важным, а может, и не очень... Наркотик дурно действует на дилетантов.

— Тебе что... плохо? — Ивонна искоса взглянула на него.

— Да нет, я отделался легким испугом.

Они пошли по палубе быстрым шагом. Дул сильный холодный ветер, под свинцовыми облаками колыхались тяжелые серо-зеленые волны. «Сержант» вошел в зону течения Куро-Сиво.

— Давай пока оставим тему искусства, — предложила Ивонна несколько раньше, чем это было вызвано необходимостью. — Мне кажется, ты не вполне понимаешь, насколько сигманец отличается от людей биологически. Быть может, это что-нибудь тебе подскажет?

«Это подсказывает мне, — подумал Скип, — что ты хочешь перейти на безопасную тему, не такую эмоциональную, как искусство, чтобы не обнажаться так передо мной».

— Ладно, — сказал он. — Можно перейти на химию. Там есть аналоги, всякие там аминокислоты и ДНК, они вполне подходят... для зеркального отображения нас с тобой... изомеры разные, да?

Ивонна достала сигарету. Простую.

— Я размышляю о клеточной структуре, — сказала она. — Среди биологических образцов, которые нам дал сигманец, были образцы растительного и животного происхождения. Растительные были макроскопические, а животные — только микроскопические. Но микроживотные наряду с простейшими включают в себя и метазооны, одноклеточные и многоклеточные, а также некоторое количество ткани, которая может принадлежать одному из доминантных экземпляров. Естественно, наши ученые предпочитают работать с целыми культурами, не усматривая сходства клетки и человека. А вот некоторые цитологи заявляют, что они определили соответствующие параллели с хромосомами, рибосомами и прочая. С ними не соглашаются, но это сейчас не важно. Это общий принцип. Не так ли?

— Согласен, — откликнулся Скип.

— А вот и нет! Ведь метазооны живут вместе совсем иначе, чем большинство земных видов.

Ивонна сделала паузу. Неподалеку кит выпустил фонтан воды.

«Фонтаны красноречия подчас надоедают, но как бы я жил без такого китового фонтана? — подумал Скип. — Бэмс! Я, кажется, отвлекся...»

— ...проще это объясняется тем, что...

Усилием воли он заставил себя слушать Ивонну. Может, эта лекция просто самозащита? Впрочем, лекция недурная...

— ...вероятный путь развития земных организмов. Я не биолог и в деталях могу ошибаться, но мне представляется, что дело обстоит именно так. Первичные клеточные агрегаты должны были быть просто комками, чем-то вроде нынешних реснитчатых водорослей. Затем они развились до полых сфер, часто двухболобочечных, как нынешние вольвоксы. И вот, я имею в виду докембрийский период, эти сферы развились до специализированных внешних и внутренних мембран. С обоих концов у них есть проемы для принятия пищи и выведения из организма того, что он не может использовать. Из простейшей гастролы такого типа произошли почти все виды известных нам животных. Одни образовали примитивные колонии, как губки и кораллы. Другие же, присоединяясь друг к другу, дали начало первым кольчатым червям. Из этих самых первочервей...

Скип едва удержался, чтобы не вставить «первобубей».

— ...в свою очередь развились все высшие формы. К настоящему времени мы имеем наиболее совершенную турбомодулярную структуру. Плоская осевая симметрия, пищевой тракт типа «рот—желудок—анус», позвоночник и ребра. Развитие даже таких распределительных органов, как сердце и легкие, шло примерно тем же путем. Правда, легкие в итоге превратились в сумчатые образования. В общем, идея не требует дальнейших иллюстраций... Однако тебе и без меня известно, что это не единственный вариант эволюции живого. Растения пошли другим путем. Итак, у нас были варианты, а у сигманцев нет. Пожалуй, наиболее близкую аналогию представляют собой наши железы внутренней секреции. Обычные земные протозооны плавали при помощи своих ресничек, расположенных у них по бокам. Нечто подобное происходило, видимо, и с сигманскими протозоонами. Но разница в том, что они не плоские, а сфероидные. Реснички у них расположены по всей поверхности и служат не только для передвижения. Они подгребают к клетке воду и содержащуюся в ней органику. Эти организмы не имеют, собственно, входа и выхода: их поверхность проницаема, и создаваемые ресничками потоки доставляют питательные вещества непосредственно внутрь организма. На мембране, вероятно, происходит химическое разделение молекул на большие и малые, которые и пропускаются внутрь. А внутри уже происходит сложнейшая обработка поступившего материала. Чтобы разобраться во всем этом, нашим биологам потребовались бы, наверное, многие тысячи живых экземпляров.

Ивонна сделала паузу, и Слип вставил:

— А я знаю, что будет дальше! Помнится, читал в одной статейке. Я был тогда готов лопнуть от новых впечатлений частного порядка... Значит, когда твои сигманские микробы надумали объединиться, они, вместо того чтобы поцеловаться, взялись за руки! — Слип с радостью отметил слабую усмешку на губах Ивонны.

— Можно сказать и так, — продолжила она. — Ты прав, они частично объединили свои реснички, которые теперь потеряли свои функции поставщиков пищи и стали проводящими каналами. Обнаружено, что в различных образцах живой ткани, которые изучали наши ученые, эти каналы ужались настолько, что клетки вошли в непосредственное соприкосновение. Но такое происходит лишь в особых случаях, как, например, во взвешенных частицах крови. Однако базовая структура сигманского метазоона представляет собой нечто вроде решетки, в узлах которой находятся сфероиды. Ребра такой решетки, в зависимости от их функций, могут быть сплошными, трубчатыми, проводящими и непроводящими, жесткими и гибкими. Однако топология организма именно такова. Аналогичный путь за миллионы лет эволюции прошла и клеточная мембрана.

Молча они сделали целый круг по палубе, пребывая в задумчивости. Мимо них прошел один из «викингов».

— Год морген, ду! — поздоровался Слип по-норвежски. Он гордился почти полным отсутствием акцента. «Викинг» поприветствовал его в ответ, и тот нехотя вернулся к предмету их разговора.

— Кажется, я догадываюсь, к чему ты клонишь, — заметил он. — Проверь меня. Основная симметрия будет не плоской, а объемной. Осевая и центральная. Отсюда отсутствие, во всяком случае, ослабление тенденции к формированию определенного выраженного «переда» и «зада». И значит, замедление развития специализированных внутренних органов. Клетка с проницаемой мембраной сама снабжает себя воздухом и водяными парами, что делает реснички практически ненужными. Не так ли? Ну и клетка выводит наружу продукты своей жизнедеятельности, причем самостоятельно и непрерывно. Вот и нашему сигманскому приятелю клешни нужны лишь для того, чтобы размельчить твердую пищу и поместить ее в то место на теле, где она подвергнется воздействию выделенного из тела желудочного сока и превратится в массу, которая затем впитывается конечностями. У него там, небось, царская водка, не то что наш желудочный сок!

— Ты схватываешь прямо на лету, — одобрила Ивонна, кивая. — Предполагают, что те же соки циркулируют и внутри его тела, только в разбавленном виде. Отличная защита от болезнетворных микробов. Кстати, о внешней защите. Живая ткань была бы безнадежно уязвимой без покрова. Возможно, большинство сухопутных сигманских животных имеют форму сосновой шишки, обшитой подвижными пластинами, как наш космический странник. Имея общий доступ к воздуху и воде, эти животные, видимо, не лишены и чувственных ощущений, как, скажем, наши омары и черепахи. Так что эволюция разума вовсе не ингибирована.

— Вот-вот! — поддакнул Скип. — Держу пари, что вкупе со своими четырьмя глазками на усиках и полным комплектом прочих, еще неизвестных нам раздвижных органов наш дорогой сигманец чувствует куда больше нас с тобой. У нас органы чувств находятся лишь в местах, которые непосредственно соприкасаются со внешней средой — дыхательный аппарат, пищеварительный тракт и кожа, да и на той наружный слой эпителия практически мертв. А сигманец-то чувствует всем телом! Держу пари, если его сенсорику свести до уровня человеческой, он будет чувствовать себя полным идиотом. Сенсорная нищета!

— Тут, наверное, все не так просто, — заметила Ивонна. — В частности, он должен иметь мозг.

— Должен? — с вызовом спросил Скип. — Мозг в нашем понимании? А кто тебе сказал, что его неспециализированные клетки неспособны передавать нервные импульсы? Может, он думает точно так же, как и чувствует, то есть всем телом! Но... при менее плотной упаковке, чем у нас в мозгу, для прохождения сигнала требуется больше времени. Так что думает он медленнее нас. Но на его планете это, наверное, и неважно. Ведь желающие, скажем, сожрать сигманца устроены точно так же. Да и гравитация там меньше. Значит, больше времени, чтобы исправить ошибку или увернуться от падающего камня.

— Вот именно! — перебила его Ивонна. — Похоже, ты прав! Особенности сигманского языка таковы, что обуславливают значительно более низкую скорость передачи информации.

— Разумеется, я помню это, — продолжал Скип. — Если здание нашей теории не стоит на песке, то, обладая исключительной чувствительностью, сигманец и мыслит, наверное, куда глубже нашего. Мы мыслим быстро, но поверхностно, а он — тугодум, но глубоко копает. — Скип ударил кулаком по перилам. — Ну!!! Что скажешь?! Какие огромные возможности для развития артистизма! Обалдеть можно!

С дикими воплями Скип побежал по палубе. Сделав круг, он остановился перед Ивонной и выпалил:

— Ты умница! Просто вдохновение какое-то! С твоей биологией мы существенно продвинулись. Пойдем-ка в паб, вдохновляться дальше утренним пивком у Олава. По большой кружке! Лучше по две! А тебе можно и три! Если паб еще закрыт, мы заставим их перевести часы! — тараторил Скип, таща Ивонну за руку. — Ну пойдем, пойдем, милочка!

Фактория Маури располагалась на континентальном шельфе Орегонского побережья, пятьдесят километров от берега и сотня футов в глубину. «Викинги» доставили сюда груз своего металла. «Сержант» был слишком велик для местных доков и поэтому вместе с судами сопровождения встал на якорь на почтительном расстоянии от фактории. На разгрузку пошло только судно, являвшееся обогатительной фабрикой. Оно причалило к пирсу, оборудованному на плавучих платформах, на которых стояли соответствующие службы и механизмы. Разгрузка обычно длилась недолго, но на сей раз адмирал Гранстад объявил шестичасовую стоянку. Он давно обещал ее детям «викингов», которые еще не бывали в этой фактории. Все прочие должны были оставаться на борту и отдыхать, как обычно. Большинство «викингов» уже бывали в Маури или в аналогичных факториях. Да и до зланных мест Лос-Анджелеса, для которых предназначался груз морской органики, оставалась всего пара дней ходу.

Кое-кто получил разрешение проехаться на катере, поплавать с аквалангом или покататься верхом на дельфине, конечно, под присмотром местных юношей, которые вовсю резвились вокруг «Сержанта», сопровождая огромные стада своих рыбообразных животных.

— И я хочу на дельфине! — воскликнула Ивонна, глядя, как юноши-погонщики плещутся, прыгают и пронзительно кричат.

— Водичка холодная, — предостерег ее Скип. — Они-то привычные. Представь себя в мокром, бр-р-р! А впрочем... Мы ведь пассажиры, так что приказы адмирала на нас не распространяются. Любой лодочник или мальчишка-пастух зафыркает от удовольствия, как касатка, дай только ему возможность услужить тебе.

Их отношения дошли до того, что Ивонну уже не смущала даже его манера говорить комплименты любой мало-мальски привлекательной женщине. Впервые за последнюю неделю Скип увидел Ивонну несколько огорченной.

— Мне нельзя. — Ивонна вздохнула. — Энди Алмейда задаст мне взбучку. Он категорически настаивал, чтобы я оставалась на борту инкогнито и ни в коем случае не сходила на берег. Этого требует моя безопасность. В Маури я не смогу выдавать себя за Иоланду Коэн. Нет, я не была прежде в Маури, и здесь у меня нет знакомых, но тут полно ученых, и слишком велики шансы, что я встречалась с ними на какой-нибудь конференции, в том числе и по лингвистике. Ведь мои ранние работы нашли приложение в изучении псевдоязыка китообразных. — Ивонна тронула Скипа за руку. — Я много говорю. А ты иди развейся.

— А ты и сама считаешь, что тебе угрожает опасность? — серьезно спросил Скип.

— Нет, — твердо сказала Ивонна. — Если покушение на меня не было простой случайностью, то наверняка его организовала группа каких-нибудь фанатиков-антисигманцев. Но вся эта братия хорошо известна, и я уверена, что власти нагнали на них страху.

— Разве этот Алмейда твой хозяин? Или полицейские агенты стерегут тебя у трапа?

— Алмейда настаивал на телохранителях, но я отказалась наотрез. Он уступил, тем более что если никто не будет знать, где я нахожусь, то нечего бояться и покушений.

— Все это верно, но поверь, в Маури абсолютно безопасно. Представь себя на глубине девяти-десяти метров, кругом ручные киты, а не киты преступного мира Лос-Анджелеса. Вообще-то я здесь не бывал, но я хорошо знаю Лос-Анджелес и много читал о Маури. Тут господа вроде тебя собрались со всего мира изучать морское дно. Чем они повредят тебе?

— Да мне... мне противно и подумать, что опять молва побежит впереди меня. Толпа журналистов для меня так же отвратительна, как и мелодраматический убийца.

— Отлично! Значит, мы сперва зайдем к управляющему факторией и примем кое-какие меры предосторожности. К черту всех, женщина! Я желаю увидеть эти места, и точка! А еще я сообразил, что с твоей помощью смогу осмотреть такие закоулки, куда меня одного ни за что не пустили бы. Все! Полный вперед! Нет, кофточку переодевать не будем. Ты одета в самый раз для усиленного обозрения. Правда, вряд ли они тут смотрят, кто во что одет.

Ивонна послушно пошла за Скипом. По трапу они спустились к воде. Помахав рукой и посвистев, Скип подозвал шедшую мимо лодку. Лодочник с удовольствием взял их на борт,

радуясь возможности немного поболтать. Спустившись из надводной постройки по эскалатору, Скип с Ивонной попали в главный подводный купол. Пять минут спустя они были уже в кабинете управляющего, причем три минуты из этих пяти были потрачены на поиски собственно кабинета.

Посреди нагромождения старинных предметов морского обихода, которые были развешаны на стенах и валялись на полу, — книги, карты, инструменты, медный шлем скафандра, кораллы, чучела рыб, гарпуны и Бог знает что еще, — дородный, косматый Рэндалл Хайтауэр усердно тряс Ивонне руку, словно качал помпу. Скип представил, что изо рта у Ивонны вот-вот хлынет вода.

— Конечно, конечно, милочка, все будет в лучшем виде! — уверял Ивонну управляющий. — Я дам распоряжение по внутренней связи. Вам не нужно волноваться, огласка ни к чему. Поверьте, в течение пары дней они будут лишены удовольствия позвонить дядюшке Оскару в Кеоук или кузине Чин-Чан в Шанхай, чтобы сообщить, что им довелось собственными глазами увидеть Ивонну Кантер. Нашим людям можно доверять. Вы же знаете, что мы, ученые, не любим болтать. А я все еще причисляю себя к ученым. Но кому-то же надо как-то упорядочивать здешний хаос! Когда выдается часок, я сбегаю в свою лабораторию. Эксперименты по добыче алкоголя из планктона. Конечно, большие открытия еще впереди... Элисон! — Управляющий похлопал по попке стоявшую рядом секретаршу. — Займи-ка тут круговую оборону. Если я кому-нибудь понадобится, пошли его в бездну Минданао! А я пока прогуляюсь, покажу наше хозяйство.

— А как же ваши указания? — напомнила Ивонна.

— Сию минуту, доктор Кантер, — почтительно ответил управляющий.

Дальше все пошло как по маслу. Центральный купол был окружен целой сетью вспомогательных, с которыми он был связан туннелями. Там поддерживалось повышенное давление, что позволяло подводникам входить и выходить, не тратя много времени на декомпрессию и компрессию. Но при переходе по туннелям из главного купола, естественно, требовалось провести некоторое время в компрессионной камере. Состав атмосферы и давление в камере постепенно менялись, чтобы организм человека мог функционировать на глубине. В насыщенной гелием атмосфере голоса стали резкими до неразборчивости, так что Скип с Ивонной вдоволь наслушались собачьего лая, который Хайтауэр извергал на их бедные головы. Спасибо, выданные

гостям шлемофоны несколько понижали частоту звуков. А местные к этому давно привыкли и даже разработали специальный высокочастотный диалект.

«Через две-три сотни лет, — подумал Слип, — тут может развиваться целая подводная цивилизация».

В иллюминаторах компрессионной камеры зеленела вода, там и сям были видны подводные светильники и проблесковые маячки; на источенных водой камнях колыхались буро-зеленые водоросли; рыбы, крабы, омары, моллюски, головоногие; словно рыбы, проплывали люди, оставляя за собой шлейф пузырьков из макферсоновских «жабр», которые выделяли кислород из морской воды; верещащая касатка и ее погонщик...

«Новый мир! — восхищался про себя Слип. — Искусство, которое и не снилось жителям суши! Почему бы мне не осесть когда-нибудь в подводной колонии? Кое у кого тут уже есть свои семейные домики. Наверняка найдется место и для художника... Даже у Чарли Рассела не было такой натуры для его холстов!»

Пока Ивонна болтала с работниками лаборатории, Слип с интересом разглядывал причудливую научную аппаратуру. А когда Хайтауэр прокатил их на подводной лодке с прозрачным корпусом, Слип и вовсе выпал в осадок. И наконец, когда они вернулись на борт «Сержанта» и тот снялся с якоря, Слип в продолжение всего ужина буквально заговорил Ивонну. Впрочем, та находила его болтовню поистине великолепной. Ей передалось вдохновение Скипа. После ужина они отправились в дансинг Беллмана, где не обошлось без шампанского.

— Спасибо за чудесный день! — поблагодарила Скипа Ивонна, стоя у дверей своей каюты. — Это все ты.

— Тебе спасибо, — сказал Слип. — За компанию и за выпивку. — Тот факт, что за все платила она, он принимал с таким видом, как если бы богачом был он, а нищей она. — Помимо всего прочего мне было хорошо с тобой. Как славно было! Жаль, что все кончается.

— Мы можем и продолжить, — прошептала Ивонна.

Ее глаза, губы, ее легкое движение вперед не могли быть истолкованы иначе. Поцелуй длился вечность. Причем Скипу Ивонна показалась куда лучше, чем он ожидал.

Наконец они разжали объятия. Ивонна открыла дверь, и Слип, естественно, попытался войти следом.

— Доброй ночи, Слип, — ласково сказала она, и Слип остановился. Она помедлила мгновение, но Слип не мог определить, хочет ли она, чтобы он настоял на своем. Она была первой

высокоинтеллектуальной женщиной из ортодоксов, с которой ему пришлось сойтись настолько близко, да и восемь лет разницы в возрасте... — Доброй ночи, — повторила Ивонна и захлопнула дверь.

«Ладно, — подумал Скип. — Может, позже... Чего это я, собственно... любопытство, что ли?»

Не имея привычки рефлексировать по поводу собственных чувств, он побрел в свою каюту.

— Ну как? — спросил Эндрю Алмейда.

— Ничего, — ответили ему по видеотелефону. — Все наши комбинации человеко-сигманских фраз, посылаемые в широкой полосе частот, в том числе и на той, на которой он ответил впервые, когда подлетал к Земле три года назад... Все впустую. Ни ответа, ни привета.

— Черт! Может, радиосигналы не могут пройти сквозь его защитный экран?

— Уж если он может передать сигналы, как он делает все эти три года, то может и получить. Нет, я думаю, либо он не расценивает наш сигнал как предложение продолжить развитие контакта, либо мы по-прежнему мало интересуем его, а может, и еще что-нибудь такое, чего мы не понимаем.

— Проклятие! — Алмейда принялся кусать усы, что навело его на мысль, что их длина давно уже превысила уставную. — Ладно, по крайней мере, у русских с китайцами ничуть не лучше.

— Думаете, они тоже пытаются?

— Не думаю, а знаю. Разведка не дремлет. Мы ведь пытаемся!

— Зачем великие державы дублируют усилия? — спросил ученый. — Почему, полковник, мне было приказано докладывать только вам лично?

— В первом вопросе ответ на второй, — проворчал Алмейда. — Если мне придется повторить все то, что было сказано вам на инструктаже по секретности, вам придется подумать об увольнении.

Ван Ли поднял глаза. Его жена с митинга солидарности вернулась домой рано. Она стояла в дверном проеме, залитая лунным светом, который мерцал на перламутровых инкрустациях его старинного кресла с резными драконами. Свежо пахло жасмином, цвиркали цикады. Яо захлопнула дверь и включила лампу дневного света. Ван Ли сощурился.

— Что это ты в темноте сидишь? — спросила Яо.

— Просто хороший, тихий вечер, дорогая, — сказал Ван. — Как прошел митинг?

— Будь в тебе больше патриотизма, пришел бы и послушал.

Ван отвел глаза от ее худенькой фигурки в грязно-коричневой форме.

— Я еще не пришел в себя после этого заседания с языком. Мы работали день и ночь, не жалея себя.

— Знаю я тебя, ты всегда отлыниваешь от митингов.

— Это же не мое дело. От каждого по способностям. Кроме того, нынче вечером мне есть о чем подумать.

Полминуты Яо помолчала, затем мягко, словно ища примирения, сказала:

— Да, милый, я знаю. О чем ты думаешь?

Ван Ли заерзал в своем кресле.

— Я должен сочинить письмо Ивонне Кантер. По видео-телефону ее не достать, но я полагаю, что письмо, адресованное ей на базу Армстронг, наверняка попадет ей в руки, когда она вернется туда, где бы она ни была сейчас.

— Ты не нуждаешься в помощи американцев. — Яо подошла вплотную к креслу и, стоя над Ваном, погладила его по щеке.

— Почему бы и нет? Не забывай, что это с нее все началось. Но на сей раз я просто хочу выразить ей свое сочувствие по поводу случившегося с ней несчастья и заверить ее, что мы, ее китайские коллеги, счастливы видеть ее живой и здоровой. После всего случившегося не так-то легко...

— Что?!! — вновь возмутилась Яо. — Эта империалистка!.. — Она задохнулась от гнева. — Я понимаю, что писать нужно вежливо, но почему тебе тяжело писать по столь формальному поводу?

— Это письмо не должно быть формальным. Она чего доброго может подумать, что это подлое покушение инспирировано нашим правительством.

— Пусть себе думает, если у нее мания преследования.

Ван сплел пальцы.

— Возможно, это и не мания, — сказал он, задумчиво глядя в пол. — Все мои попытки выйти на нее были встречены глухим отказом. В конце концов мне позвонил генерал Чу и сказал, что больше звонить не следует, так как моя настойчивость становится слишком подозрительной. Я, разумеется, понимаю, что опровергать напрямую нельзя, но меня не посвящают в детали наших разведывательных операций. И все-таки я же не

просто пешка! Почему никто не нашел времени объяснить мне все по-человечески?

Ван поднял глаза и увидел посеревшее от гнева лицо Яо.

— И ты смеешь это говорить? — закричала она. — Ты смеешь называть наших лидеров убийцами?!

Терпение Вана лопнуло. Он резко встал.

— Замолчи! — рявкнул он. — Я не предатель! Я служу родине в небе! А что сделала для народа ты? Ты лишь третируешь сотню жалких негодяев, которым следовало бы заняться чем-нибудь действительно полезным! Уходи! Видеть тебя не желаю!

Яо повернулась и убежала.

«Может, она плачет? — печально подумал Ван. — Бедная Яо. — Он снова сел, совсем как старик. — Если бы она дала мне выговориться, может, я и не сорвался бы... Я могу себе представить — поверить не могу, но могу представить, — что они приняли решение убить Ивонну Кантер. Не из ненависти, не из бессердечия, а из-за того, что империалисты могут использовать ее в своих целях. Если это так, то ведь я готов убить ее сам, вот этими руками! — Ван положил руки на колени и пристально посмотрел на них. — Я не боюсь ее. Я боюсь ее предков, которые травили опиумом моих предков, грабили Пекин, бомбили Хиросиму, убивали и убивали, мешая освобождению Кореи, Малайи, Вьетнама, Таиланда, — этот список можно продолжать бесконечно! На пути к свободе они воздвигали горы трупов! Я боюсь русских, которые убили моего отца и бомбили китайские города. Боюсь европейцев и японцев, толстых, суетящихся, самодовольных, которые слишком легко могут вновь превратиться в злобных демонов. Я боюсь любого, кто способен заживо сжечь мою малышку Пинь: ведь так легко, слишком просто сделать ядерную бомбу... А теперь еще этот звездолет, словно ястреб кружащий над нашей прекрасной Землей... Бедная Яо. Бедная Ивонна Кантер. Бедное человечество».

Глава 10

Вольные пахари моря никогда не придерживались какого-либо жесткого расписания. Даже на последнем отрезке своего путешествия Ивонна не знала точной даты его завершения. Меж тем она заказывала фотографии живописных полотен, которые нужно было доставить на базу Армстронг. Наверное, чиновники в правительстве выразили бы неудовольствие,

увидев счет за услуги, особенно после того, как Слип сделал дополнительный заказ на полотна, в достоинствах которых он был абсолютно уверен, и потребовал не только живопись, но и прочее — статуэтки, азиатские чаши, греческие вазы.

— Мой багаж вы тоже можете взять, — сказала Ивонна администратору.

— Эй, погоди отдавать чемоданы! — остановил ее Слип. — Мы вовсе не собираемся успевать на первый рейс до Денвера.

— Я не уверена... — вырвалось у нее. — Я думала...

— Пошли-пошли! Не упускай своего последнего шанса побыть свободной женщиной. Я знаю тут места, которых не показывают туристам. Я имею в виду вовсе не задние дворы респектабельных кварталов. — Он потянул ее за рукав. — Бросай в сумку зубную щетку с ночной рубашкой, и вперед! Да поживей, если хочешь увидеть порт.

— Я нехорошая девочка, — сдалась Ивонна. — Полковник меня убьет. А он такой славный малый.

— Даже нехорошие девочки должны быть практичными, — наставительно сказал Слип. — Я тебя научу. Пошли-ка наверх.

Картина сверху открывалась весьма впечатляющая. Синяя гладь залива Сан-Педро была буквально напигована стоящими на якоре судами, буксирами, баржами, рыбацкими баркасами, яхтами, полицейскими катерами и глиссерами экологической службы. В небесах висели частные и коммерческие вертолеты. Над ними белели пересекающиеся в разных направлениях конверсионные следы реактивных самолетов. А впереди раскрывалась панорама огромного мегаполиса — тысячи зданий пастельных тонов, окруженные кое-где зеленью парков, торчащие, словно зубья, небоскребы, тут и там связанные друг с другом железнодорожными виадуками; каждая деталь сверкала как алмаз в кристальном воздухе Лос-Анджелеса. Далее все расплывалось в атмосферной дымке, обусловленной сферической формой планеты. Оттуда шел звук, порожденный людьми и машинами, ровная, низкая вибрация, напоминавшая звуки прибоя или скорее биение сердца некоего громадного животного.

Было жарко, «викинги» всю работу. Слип с Ивонной устроились в тени на нижней палубе.

— О каких это местах, куда не водят туристов, ты говорил? — спросила Ивонна.

— Боюсь, самых интересных мы не увидим, — сказал Слип. — Зверски интересных, слишком даже зверски. — Заметив ее вопрошающий взгляд, он добавил: — Однажды я попал

к ребятам с местного «дна». Я не примкнул к ним, просто побитал вышибалой в одном ночном притончике. Там я свел знакомство с некоторыми матерыми преступниками. Одному из них я помог выбраться живым из жуткой драки, и он проникся ко мне доверием... Да ладно, не хочу я строить из себя романтического героя. Во всяком случае, я там насмотрелся и послушался такого, что решил поскорее сделать ноги, пока сам не стал таким же, как они.

Покуда Скип вдохновенно повествовал о своих похождениях, Ивонна имела возможность хорошенько его рассмотреть: свободная рубашка, купленная тут же, на «Сержанте», — кричащая расцветка выдавала ее дешевизну, но и эту рубашку, и заношенные брюки, и стоптанные кроссовки Скип носил с таким видом, словно это был последний писк бразильской моды, — вихрастые волосы, веснушчатое лицо, мальчишеский нос, подвижный рот, большие зеленые, живые глаза, с которых Ивонна не сводила взгляда. Зачем было ему, продутому ветрами всех дорог, торчать в этом притоне, в табачном дыму и гвалте преступных дебилов? Конечно, девушка! Или девушки? Ивонна живо представила себе его тело — плотное, гибкое, теплое, способное доставить наслаждение каждой клеточке. И твоей клеточке, Ивонна...

«Влюбилась я, что ли?» — мрачно подумала она и поспешно спросила Скипа:

— И куда же мы пойдем?

— Как ты насчет прошвырнуться по Афровиллю? И позавтракать. Ты, конечно, бывала там, но, держу пари, ты посещала лишь знаменитые рестораны с национальной кухней и разговаривала лишь с владельцами лавок.

— А вот и нет! — обрадовалась Ивонна. — Почти все время я провела в местном университете. Тут один из лучших в стране социологических факультетов, где работают несколько блестящих лингвистов. Мои коллеги отнюдь не в восторге от своего этнического окружения. Им не хочется, чтобы их общину равняли с каким-нибудь там «шанхаем».

— Твоим выдающимся лингвистам следовало бы оставить свою выдающуюся спесь и понять наконец, что любой «шанхай» — это всегда нечто большее, нежели видно с туристской тропы. Что же до Афровиля, я обещаю тебе нестандартный завтрак, без традиционной требухи с капустой, и баснословно дешево.

«Как бы это ему сказать?..» — терзалась сомнениями Ивонна, прикусив губу.

— Ты бы лучше следил за своими тратами... пока тебя не поставят на денежное довольствие, — выдавила она из себя. — Или уж позволь... платить буду я. Если хочешь, считай, что в долг...

Ивонна запнулась, щеки ее горели жарче, чем солнце, сверкавшее на воде. Скип вопросительно посмотрел на нее.

— Что-нибудь не так? — Тут он сообразил. — А-а, мужская гордость. Конечно, Ивонна, с первой же моей получки ты выставишь мне счет.

«Как он выживет в мире ортодоксов? — подумала Ивонна с печалью. — Этот мир не для таких, как он. А ему и дела нет! Когда он устанет крутиться в нем как белка в колесе, он выпрыгнет вон из клетки, плюнув на все наградные орешки, жареные и соленые. Он весело поскачет в свой лес, где вдосталь простых желудей. А я, я слишком привыкла к своей клетке и к орешкам. Я не могу забыть, что мое колесо сидит на оси, на которой вращается мир. А если мир остановится, погибнет и лес».

«Сержант» уже подошел к пирсу.

— Пора сматываться, — сказал Скип и подхватил чемоданы Ивонны.

Они уже попрощались со всеми и могли сойти на берег, предъявив автомату на выходе лишь свои удостоверения о гражданстве и кредитные карточки.

Ивонна боялась увидеть на пристани кого-нибудь с базы Армстронг или полицейского агента. Но нет, обошлось. Этому, возможно, способствовал хитрый маневр Скипа. Они вышли через грузовой отсек, а не по пассажирскому трапу. Лишь когда они сели в поезд и тот тронулся, Ивонна перевела дыхание и громко рассмеялась:

— Ну вот! Теперь я непоправимо нехорошая девочка!

— Я сделаю тебя еще хуже, — весело пообещал Скип. Он изучал схему и расписание поездов. — Пересадка в Ломите, и мы садимся на Гавайский экспресс прямо до Афровиля. Ту-ту-у! — Он повернулся к Ивонне: — Ты не могла бы прояснить вопрос, как долго ты можешь позволить себе торчать тут?

— Хотела бы я знать это сама, — смутилась она. — Полагаю... если мы успеем на вечерний рейс до Денвера...

— Сегодняшний? Ты шутишь!

— Я серьезно...

— Ладно, посмотрим, как оно получится, — отступился Скип.

«В его планы, похоже, входит соблазнить меня. А входит ли это в мои планы? — думала Ивонна. — Если мы проведем тут

ночь, или две-три... в отдельных номерах, он подумает, что мы... мы... Он не должен обижаться на мой отказ! Я отказываю не ему. А может, он сделает вид, что не помнит сказанного мной тогда ночью на прогулочной палубе... Он обидится... Нет, я объясню ему, что мешает мне, прекрасно объясню... Значит, я пойду спать, а он возьмет и смоеется, и найдет себе какую-нибудь... Нет, я не обижусь, если утром он ее мне представит, но... Он даже может не сообразить, что наносит мне оскорбление!»

— Для человека, собирающегося развлечься, ты выглядишь мрачновато, — заметил Слип. — Ну улыбнись! — Он повернулся к ней, приставил большие пальцы к уголкам ее рта и приподнял их. Ивонна вздохнула, и Слип уронил руки. — Прости, — сказал он.

— Да нет, ничего. Просто ты удивляешь меня. — Она взяла его за руку. Бивший в окно солнечный свет окрасил его костяшки в золото. Какая плотная ладонь! — Последние несколько лет я была настоящей колючкой. Так уж вышло...

— Самое время исправляться, — сказал Слип и взял Ивонну за подбородок.

Она с паническим ужасом подумала, что он того гляди поцелует ее прямо сейчас, в переполненном людьми вагоне. Слип на мгновение застыл. Ивонна тоже.

— Ломита, — сказал Слип и встал.

В ожидании экспресса на Афровиль они выкурили по паре сигарет. Слип предложил Ивонне сунуть кредитную карточку в автомат, выдающий наличные.

— В Афровиле без наличных никуда, — сказал он. — Может, выдашь мне тысячу баксов? Подходящая сумма, чтобы напомнить мне, что я твой должник. Тогда я до конца недели смогу изображать из себя очень важную персону.

— А ты не боишься таскать с собой столько денег? — спросила Ивонна.

Слип только пожал плечами. Куда ему было со своими случайными заработками. Однако Ивонна согласилась. Тысяча баксов для нее сущие пустяки. В год у нее выходило тысяч сто, а тратить было не на кого, разве что на себя.

Они сели в экспресс. Поезд бесшумно и без тряски набирал свои двести километров в час. За окнами тянулся бесконечный, завораживающий городской пейзаж. Глядя в окно, Ивонна почти забылась.

«Почему бы и нет? Все мое тело хочет. Нет! Оно требует!»

Все обхохочутся, узнав, что Ивонна Кантер живет с двадцатидвухлетним юнцом. Но знать им вовсе не обязательно. Адреса

ее, спасибо Алмейде, никто не узнает. Жить она, наверное, будет под псевдонимом. Ему-то все равно, улыбнется и все. А на всех остальных наплевать! К черту их всех! Это было самое страшное место, куда Ивонна была способна послать того, кто ей не нравился.

Но, может быть, Скип имеет в виду просто флирт на пару дней, а потом они разбегутся в разные стороны по своим делам? Она нравится ему, он восхищается ее умом, хочет написать ее портрет...

— Тебе не жарко, Ивонна? Может, пересядем на теневую сторону? Ты что-то раскраснелась.

«С головы до пят», — подумала она.

— Спасибо, все в порядке.

Портрет в обнаженном виде?... А почему бы и не флирт? Чем плохо? Потом можно и решить, что делать дальше... А если они захотят продолжить отношения, чем это плохо? И надолго ли?... А если через некоторое время ему надоест и он поцелует ее и уйдет, насвистывая какую-нибудь песенку, вроде той, что он насвистывал, когда рисовал ее на палубе? И не будет ли это для нее травмой на всю оставшуюся жизнь? Чем тогда спастись? Наркотики? А если так, то стоит ли?

«Неужели я не могу действовать без оглядки, как он? — подумала Ивонна. — Неужели я всегда должна чувствовать себя на службе, даже в радости? Смогу ли я удержать его, если мне этого очень захочется?»

Поезд затормозил у станции.

— Башни Уатта, — сказал Скип. — Приехали.

Они взяли свой багаж и вышли на залитый солнцем перрон. Позади них раскинулся парк аттракционов, который был как грибами усеян замысловатыми высокими конструкциями. Их было штук двадцать, все разные. Несколько молодых рабочих копошились неподалеку, возводя еще одну.

Впереди открывалась главная улица, обнаженная пальмами. Это была пешеходная зона, где ездили только детские автомобильчики. По сторонам улицы были оставлены велосипедные дорожки. Одно-двухэтажные дома утопали в зелени палисадников. Стены домов удивляли разноцветьем, равно как и крыши, часто конической формы. Дома тут были самые разные — жилища, во фронтальных помещениях, как правило, лавочки или мастерские, конторы, ресторанчики, бары, кинотеатры, церкви, мечети и прочая. Люди прогуливались, болтали и смеялись, сидели на крылечке и играли на гитаре, покупали с тележки поп-корн, стояли на пороге магазинчика и во весь голос распи-

сывали достоинства своих прилавков. Однако тюрбаны, фески и цветные кушаки тут встречались далеко не в таком изобилии, как описывается в «Нэшнл джиогрэфик». Большой частью тут была представлена вполне современная местная мода. Увидав тончайшие спадающие накидки, расцвеченные, как крылья бабочки, Ивонна решила, что в ближайшее время эта мода охватит весь Запад.

Пахнувший цветами теплый воздух, казалось, выпарил из Ивонны все невеселые мысли. Она захлопала в ладоши и воскликнула:

— Очаровательно!

— Просто это лицо Афровиля, — заметил Скип. — Поверь, над ним работают не такие дураки. Впрочем, я вовсе не хочу принижать его достоинств. Тут и впрямь попадаются вещи уникальные, особенно в народных промыслах. Таких штучек тебе никогда не доставят по заказу в номер. В общем, тут стоит прогуляться до ленча.

Ивонна беспокоилась, что ее могут узнать, но Скип, кажется, ее вполне разубедил.

— Какое там! Твоя сенсация давным-давно протухла. Уже недели три как твоя физиономия исчезла с телеэкранов. А у девяноста девяти процентов населения паршивая память, поэтому-то косвенные улики, как правило, куда надежней, нежели свидетельство очевидца. Если считать, что тебя никто специально не выслеживает или что нам не встретится какой-нибудь твой старый знакомый, то ни одна живая душа не обратит на тебя ни малейшего внимания. К тому же ты ведь еще живешь под псевдонимом, не так ли?

Ивонна с упоением рылась в местных лавках и не смогла отказать себе в удовольствии обзавестись поясом из настоящей змеиной кожи. С тех пор как Ивонна была здесь в последний раз, в Музее истории чернокожих открыли морскую секцию, где «викинги» могли бы полюбоваться на модели датских каноэ, относящихся к бронзовому веку, или на средневековые суда из Ганы.

Обедали они поздно. На воздухе, в одном из «спальных» кварталов. Из белых здесь были только они двое. Крохотный ресторанчик, устроенный в открытом патио, утопал в буйной зелени — на ветерке шуршал бамбук, в фонтане плескалась вода, бившая струей из поднятого вверх хобота каменного слона. Какой-то юноша сидел, скрестив ноги, и выдавал на своих кувшинообразных барабанах немислимые коленца.

— Это он не на публику, — пояснил Скип. — Просто так он выражает себя.

Появление красивой официантки не удивило Ивонну. В Афровиле не было закусочных-автоматов. Обслуживали всегда «живьем». Увидев официантку, Скип неожиданно встал и крикнул:

— Эй, Клариса! Привет! Помнишь меня?

— Ой, Скип! Привет, малыш!

Они обнялись. Но хотя вряд ли можно было сказать с уверенностью, Ивонна пришла к выводу, что они не были любовниками.

«Быть может, я так считаю из-за того, что читала об Афровиле, мол, тут весьма высок процент населения, состоящего в браке, причем по статистике браки эти длятся в среднем куда больше, нежели среди ортодоксов в любой западной стране. А может, мне просто так хочется думать».

— Клариса! Я-то считал, ты все еще в Австралии.

— Э, вспомнил! Слишком долго тебя тут не было. Поболтаем?

— Конечно! — Скип представил Кларисе Ивонну и хитро посмотрел на нее, произнося «Иоланда Коэн».

Ивонна вспомнила, как он однажды сказал, что «кузнечики», как правило, друг другу не лгут, скорее не скажут всей правды. Пока пищу готовили и потом, когда Клариса принесла заказ, она сидела за их столиком, потягивала кофе и болтала.

Некоторое время внимание Ивонны было поглощенонесенными блюдами. Особенно хороша была фаршированная брюссельская капуста. Ивонна подумала, что, наверное, она напрасно беспокоится насчет Кларисы. Эта девушка явно не подходила Скипу. В Афровиле у нее были крепкие корни. Однако она много путешествовала и далеко не первым классом — пешком и на велосипеде, на мотороллере и на автомобиле, на грузовике, на автобусе, на поезде, иногда, когда были деньги, на вертолете, а то верхом на лошади, на верблюде, — однажды даже на зебре. От Юкона до Юкатана, от Копенгагена до Кейптауна. Австралийское турне она совершила в составе полупрофессиональной труппы актеров, гастролировавшей не столько в городах, сколько в мелких поселках. В промежутках между своими поездками Клариса работала в Афровиле и училась в университете на инженера-химика.

«Пойду потом работать на какой-нибудь опреснитель морской воды, — говорила она, смеясь. — Правда, там предпочитают работников, которые не находятся в отлучке так часто, как я. Ну и ладно. У нас тут и своя промышленность развивается. А может, в учительницы пойду».

В отсутствие Кларисы Слип задумчиво сказал:

— За такими, как она, будущее. Век скоростей уже не впереди, а позади нас. Мы должны переосмыслить его достижения. Мы так и не узнали секретов древних египтян, но и строить пирамиды мы не собираемся.

Ивонна вспомнила об опасениях полковника Алмейды, но отбросила эти мысли. Она встала и сказала:

— Глядя на нее, я думаю, ты прав. Прости, что я сомневалась. Где тут туалет?

В туалете стоял автомат с противозачаточными таблетками, двадцать пять штук за новый доллар.

«Почему бы и нет? — подумала Ивонна. — Я не отравлюсь, а ему знать не обязательно. Просто у меня будет право выбора».

Ее монета провалилась в щель автомата. Ивонна сунула пакетик в сумочку на пояс и ополоснула лицо холодной водой.

Клариса посоветовала им прогуляться после ленча в расположенном поблизости парке отдыха. Так они и сделали. В павильоне с голографическими картинками, который был назван «Дедушкин мир», Ивонна немного расстроилась — не столько из-за увиденных там изображений разного рода хиппи, маршей протестующих пацифистов, дерущихся полицейских и студентов, читающих лекцию профессоров и кричащих ораторов, сколько из-за хихикающих и гогочущих подростков, которых привели сюда на экскурсию.

«Юность жестока, — подумала она. — А Слип?»

Однако павильон астронавтики ей очень понравился; ее сердце было готово взлететь вместе с огромными ракетами. Выйдя на свежий воздух, они посетили обычные аттракционы типа катания на пони, комнаты чудес и старомодной карусели, а может, просто ее великолепной копии, расписанной малыми пасторальными сценами, со старинной музыкой каллиопы и крутящимися фигурками животных, на которых нужно было садиться.

Ужинали они в мексиканском ресторане. Потягивая вино, Слип спросил Ивонну:

— Как ты насчет того, чтобы подхватить наши сумки и двинуть по Сан-Клементе, остановиться в отельчике на побережье, а утро начать с купания или с прогулки по Каталину?

— Идет, — согласилась Ивонна. Это вышло несколько грубее, чем она хотела. — Звучит заманчиво.

Они вышли на улицу, держась за руки. Ивонна прекрасно понимала, что если Слип сейчас возьмет такси и они поедут к

Башням Уатта, то ей не миновать его постели. Но это, похоже, не приходило ему в голову. Однако его веселое настроение в поезде еще оставляло ей надежду.

Летним вечером, на закате, народу на станции было совсем немного, но Скип наморщил нос.

— Шумновато тут, — сказал он. — Двинем, пожалуй, в сторону Сан-Диего. Через час мы будем уже в номере с видом на море.

Скип направился за багажом, не обращая внимания на выражение лица своей спутницы. Та тупо следовала за ним, голова у нее шла кругом.

«Что он имеет в виду? — думала она. — Чего хочет? Что отвечать?»

Скип открыл ячейку камеры хранения и достал их вещи. Неожиданно к ним подошел мужчина, который сидел рядом на скамеечке. Одет прилично, внешность самая обыкновенная, если не считать его кошачьей походки и суровых черт лица.

— Доктор Кантер? — обратился он к Ивонне. — Здравствуйте. Простите, позвольте представиться. Джеральд Лассвелл, контрразведка.

Он показал Ивонне удостоверение, затем снова спрятал его в карман. Ивонна стояла молча, не зная что сказать.

— В чем дело? — вмешался Скип.

— Вы, сэр, вместе с доктором Кантер? — спросил его Лассвелл. Скип кивнул, тот вежливо улыбнулся ему. — Двое наших людей ожидали вас в порту. — Он повернулся к Ивонне. — Но они прозевали вас. Адмирал Гранстад сказал нам, что вы собираетесь прогуляться тут. Нам не оставалось ничего другого, как выставить посты на всех станциях. Разумеется, вас ищут и в городе. Это же не игрушки! Слава Богу, вы целы.

— Надеюсь, вы все-таки объясните, в чем дело? — грозно сказал Скип.

— Не здесь, сэр, не на людях, — ответил Лассвелл и показал головой. — Не пройдет ли вы оба со мной в офис? Шеф вам все объяснит.

Ивонна вопросительно посмотрела на Скипа.

— Я обязана? — прошептала она.

— Я не могу принуждать вас, тем более арестовывать, — ответил ей Лассвелл. — Но, согласитесь, доктор Кантер, ведь мое ведомство и лично полковник Алмейда не похожи на экзальтированную истеричку. Вас едва не убили. Теперь нам известно куда больше. Я торчу тут с самого утра.

Ивонна покорно кивнула, и Скип подхватил сумки.

— Сюда, пожалуйста, — показал дорогу Лассвелл. — Мой напарник припарковал нашу машину тут неподалеку.

Машина была марки «Нептун», с гражданскими номерами, и ничем не выделялась среди миллионов ей подобных. Напарник оказался мужчиной под стать самому Лассвеллу, но выглядел куда грубее.

— Ты-таки взял их! — проворчал он.

— Поторапливайся! — приказал Лассвелл. — Пожалуйста, на заднее сиденье, доктор Кантер. И вы, сэр.

Сам Лассвелл с напарником сели на переднее сиденье.

— Позволь, я помогу, — сказал Скип, склонившись к Ивонне и застегивая ее ремень безопасности. — Жалко! — шепнул он ей на ухо. — Ну, в другой раз...

Мотор заработал, и машина тронулась с места.

— Стекла лучше зашторить, — сказал Лассвелл и опустил занавески.

— Надо же! — воскликнул вдруг Скип, бросив взгляд на какую-то плетеную из кожаных ремешков штуковину, которая была прикреплена к панели управления. — Зачем контрразведке амулеты?

— Сейчас объясню, — сказал Лассвелл.

Он отстегнул свой ремень и повернулся назад. Из-под куртки он вытащил пистолет-шприц. Скип дернулся и сунул руку за пазуху, одновременно пытаясь другой рукой расстегнуть пряжку своего ремня безопасности. Пистолет негромко пискнул — Скип с шумом откинулся на спинку сиденья, закатил глаза и осел. На Ивонну нахлынула волна ужаса. Она закричала. Секунду спустя игла вонзилась ей в живот. Ледяная молния ударила ей в конечности, и волна тьмы накрыла ее с головой.

Глава 11

Скип медленно приходил в себя. Перед глазами все плыло, голова раскалывалась, во рту чувствовался мерзкий вкус. В ушах стоял непрерывный звон. Скип помотал головой. Что случилось? Грандиозная пьянка? Драка?.. Память нехотя возвращалась. Он с трудом сел, постанывая. В свете фонарей были смутно видны огромные опоры, в тени которых он лежал. Под железнодорожным виадуком его было практически не видно со стороны.

— Ивонна! — слабо позвал он. — Ивонна!

Тишина. Скип поднялся на ноги. Голова закружилась, он едва не упал. Покачиваясь, он постоял, пока тошнота не прошла,

затем заковылял в сторону улицы, проходившей под виадуком. Темная пустынная улица, какие-то фабрики, склады.

— Ивонна! — еще раз крикнул Скип.

Постепенно силы возвращались к нему. Часов у него не было, но он вспомнил, что действие усыпляющей иглы длится обычно около часа. Он повернулся и снова пошел к опорам виадука, надеясь отыскать там Ивонну. Потом осмотрел опоры с другой стороны улицы. Разумеется, Ивонны там не оказалось. Похитителям нужна была именно она. Его взяли в машину, просто чтобы не шумел на людях, а потом выбросили в первом же подходящем месте, не имея никакого желания возиться с еще одним пленником.

«Звать на помощь? — думал Скип. — Позвонить в полицию? Нет, уж лучше сразу в ФБР».

Скип пошел по улице, наугад. Сначала медленно, потом быстрым шагом, а там, по мере того как наркотик выходил из него, Скип и вовсе побежал. На бегу в мозгах его потихоньку прояснялось. Он даже удивился тому, насколько быстро и точно работает его голова.

Если эти бандиты намеревались убить Ивонну, как в прошлый раз, они без особых хлопот могли укокошить их обоих, когда остановились под виадуком, чтобы выбросить его. Скажем, пристрелить, задушить или всадить полную обойму игл — как угодно. Значит, кто бы ни нанял этих субчиков, Ивонна нужна была им живой. Во всяком случае, пока ее как следует не допросят. Похитители, очевидно, господа с местного «дна», настоящие профессионалы, которые прекрасно организованы и знают местность. Спасибо еще, что его самого не кокнули. Наемники обычно не прибегают к убийству, если это не вызвано обстоятельствами или специально не заказано. Зачем им рисковать кругленькой суммой? Им заказали доставить именно Ивонну Кантер, что в точности и было исполнено.

Конспирация, должно быть, у них на высоте, раз они намерены где-то укрывать Ивонну Кантер и все-таки позволили Скипу остаться в живых. Они ведь прекрасно понимают, какая свора ищеек бросится разыскивать Ивонну... Значит, так, пара часов — без разницы. Соглашаясь на прогулку по Сан-Клементе, Ивонна сказала, что должна позвонить на базу Армстронг и доложить, что у нее все в порядке, иначе еще до рассвета там забьют тревогу.

А чего, собственно, похитителям бояться? Поди ищи их берлогу в этом мегаполисе! Вся операция прошла без сучка, без задоринки, так что скрыться они могли куда угодно и без помех.

«Без сучка, без задоринки — прямо в ад!» — подумал Скип.

От этой мысли ему стало худо. Ноги подгибались, он стал задыхаться. Кругом только серые стены и запертые двери, ни одной живой души, ни одного освещенного окна. Только звезды в небе да отдаленный шум транспорта. Скипу казалось, что он остался один-одинешенек на белом свете.

Если знать о прибытии «викингов», то выспросить о точном времени прибытия не составило бы особого труда. Стоило просто позвонить в портовую администрацию. Похитители ожидали Ивонну, видимо, у сходней, но не учли возможность того, что добыча ускользнет окольным путем. Вообще говоря, выследить в городе ничего не подозревающих да и неопытных в таких делах Скипа и Ивонну было раз плюнуть. Но поскольку они оставили свой багаж, гоняться за ними не имело смысла. Проще было подождать их прямо на станции.

Сработали под контрразведку... Да, расчет точный. Однако не так-то просто подделать удостоверение работника контрразведки или военной разведки, ведь Ивонне, наверное, часто приходилось их лицезреть. Можно было сработать и под местную полицию. А тут... Да многим ли вообще приходилось иметь дело с контрразведкой?..

Кто же их нанял? Почему на этот раз похищение, а не убийство? Откуда они узнали, что Ивонна находится на борту «Сержанта»?

По улице приближалась машина. Скип закричал и замахал рукой, но водитель уткнулся в телевизор и не обратил на Скипа никакого внимания. Зато впереди Скип увидел перекресток, где машины следовали одна за другой. Кошмарный марш-бросок, похоже, заканчивался. Скип остановился на перекрестке, его легкие работали, как кузнечные мехи, голова трещала, во рту пересохло.

Скип огляделся. Неоновые огни рекламы, магазинчики, бары — туда!

Когда он вошел в магазинчик, его охватил ужас. Деньги! Он похлопал по карманам — слава Богу! Деньги на месте! Бандиты даже не пошарили у него в карманах.

«Естественно, они же мне обязаны, — подумал он и чуть не заплакал. — Это я виноват. Это я уговорил Ивонну погулять в Маури. Наверное, кто-нибудь проболтался, несмотря на запрет Хайтауэра. А я-то, болван, убеждал ее, что ей там нечего опасаться! Если ее убьют, мои руки будут в крови до самой смерти!»

Скип зашел в телефонную будку и набрал номер местного отделения ФБР. На экране появился мужчина.

— Федеральное бюро расследований. Говорит Уильям Слейт. Чем могу помочь?

— Лучше записывайте, — сказал Слип.

— Все записывается, сэр. — Мужчина тупо и бесстрастно смотрел на него.

«Наверное, я кажусь ему психом, — подумал Слип. — Грязный, потный, ободранный».

Он набрал побольше воздуха в легкие и, до боли сжимая кулаки, разразился потоком слов, излагая суть дела.

Слейт задал ему несколько вопросов и наконец сказал:

— Все ясно. Оставайтесь на месте. Мы высылаем машину. Где вы?

— Зачем вам я? Я же не бандит, я... я просто рассказал все, что мне известно.

— Нам нужны вы, мистер. — На лице Слейта появились признаки эмоций, он был бледен как полотно. — Быстро, где вы? — Получив ответ, он кивнул. Его жест был подобен орлу, хватающему жертву. — Ждите внутри. У газетного прилавка. Десять минут — и мы будем.

Экран погас. Слип вышел из будки.

«Ну и вляпался! — подумал он. — Это уж слишком. Посадят меня под замок, а ключ расплавят. Посадят ли? Я же ни в чем не виноват... Ей-Богу, не виноват... То есть не преступал закон. Просто свидетель. Чего и меня хватать? Однако, в лучшем случае, придется сидеть у них до посещения. — Он представил себе камеру, охрану, и ему стало худо. — А может, я им пригожусь? А что ты можешь, парень?»

Чтобы хоть чем-то занять глаза и руки, Слип взял журнал и стал его листать. Он был поглощен своим одиночеством: прилавки, продавцы, покупатели, запахи парфюмерии, тихая музыка — все, казалось, стало каким-то нереальным, бесконечно далеким...

Увидев жирную шапку: «Сигманец и ООН», Слип пробежал глазами страницу. Автор статьи утверждал, что власти преступно медлят, со стороны мирового сообщества не принимается надлежащих мер в области контроля над использованием новых знаний и фантастических технологий, которые вот-вот свалятся на человечество, учитывая, что контакт с пришельцем уже практически установлен. Вследствие этого может быть нарушено шаткое равновесие, жизненно важное в настоящее время для нашей цивилизации. Так, в частности, международный контроль в настоящее время распространяется лишь на некоторые виды вооружений. Все остальное вооружение практически бесконтрольно, не считая отдельных соглашений типа разного рода мораториев, взаимного оповещения и помощи в чрезвычай-

чайных ситуациях, в том числе и космические исследования. Однако всем ясно, что космический корабль с фотонным двигателем представляет собой страшное оружие, которому нечего противопоставить. Если какой-нибудь из великих держав удастся построить такой корабль в эксклюзивном порядке, ее противникам не останется ничего другого, как в той или иной форме денонсировать договор о нераспространении ядерного оружия. И тогда, чтобы уничтожить какой-нибудь город, не нужна будет межконтинентальная ракета — бомбу по частям можно будет провезти контрабандой прямо на место...

Скип поднял глаза и посмотрел прямо перед собой.

«Наверняка это связано с похищением Ивонны», — подумал он.

Господа со «дна» вряд ли имеют прямые ходы в Маури. А вот что касается ученых, эти, как известно, часто работают на разведку. Вообще-то в Маури никаких секретов нет, зато там отличная «крыша» для агента, который без труда может втереться в доверие к ученым со всего света, которые и впрямь работают над заказами военного значения. Агент развязывает ученому язык, выуживает обрывки информации... А если их собрать воедино, может вскрыться потаенная истина.

Предположим, русские или китайцы, или еще кто-нибудь — назовем его Икс, — предположим, что некоторое время назад он задумал обскакать других в сигманском деле. Поскольку не вполне ясно, что предпринять и можно ли вообще что-либо предпринять, он действует по обстановке. Отсутствие же четкого плана действий, как правило, толкает на экстремизм. Когда Ивонна пробила брешь в языковом барьере, она стала как бы лидером американцев в проекте «Сигма». Тут же следует приказ: «Вывести Ивонну Кантер из игры, прежде чем она успеет получить информацию в одностороннем порядке».

Ни одной из сторон нет смысла содержать свою собственную террористическую организацию. Дело это дорогое, хлопотное и рискованное. Во всяком случае, для Запада. Зато «дно» доступно всем. Просто докладываешь высшему руководству, что эти исследования необходимо затормозить, что они опасны или работают на руку коммунистам, или все что угодно. И нанимаешь убийцу через посредников...

После покушения Ивонна исчезла. Значит, американцы прячут ее. Разведка страны Икс в замешательстве — просто ли это отдых? А может, на отдыхе ее посетило вдохновение, и она придумала что-нибудь новенькое? Значит... нужно похитить ее, вытрясти из нее всю информацию, а потом уже можно убрать вовсе. Когда Икс-агент увидел Ивонну в Маури, он, вызвав о

месте ее высадки, позвонил по своей цепочке в Штаты. (Возможно, он и не подозревал, что его хозяева охотятся за ней. Его дело, видимо, просто поставлять интересующую их информацию.) В свою очередь, проинструктированный Икс-агент в Штатах в спешном порядке нанимает людей из лос-анджелесских гангстеров — и все проходит как по маслу.

Скип поежился. Убийственная логика. Ивонну накачают наркотиками, и через час она выложит им все, что они со Скипом успели наработать. Они еще будут рвать на себе волосы, что их плохо проинструктировали и не приказали захватить с Ивонной ее компаньона.

«Начнется охота за мной, — подумал Скип. — А я буду в безопасности, в камере».

Ивонна им будет больше не нужна. Ее отдадут в лапы убийц-профессионалов, а те, прежде чем убить ее, наверное, еще позабавятся...

«Если она еще жива... Нет, я не должен так думать. А им, этим господам Икс-агентам, еще нужно время на подготовку. Они еще не получили подробных инструкций и пока не приняли тотальных мер безопасности — обычное гангстерское “шалай-валяй”. Наверное, заказчику еще нужно добраться сюда, в Лос-Анджелес. А чтобы его не раскрыли, тоже требуется кое-какая подготовка. Нужно принять все меры, чтобы наемники никогда не узнали, на кого именно они работали. Значит, еще есть сутки, максимум двое. У ФБР должны быть свои люди на “дне”, но возможности у них наверняка весьма ограниченные, и вряд ли они контролируют все шупальца этого чудовища...»

Скип бросил журнал.

«Голова садовая! Я же знаю, что делать!»

Оказавшись на месте Скипа, любой здравомыслящий человек не двинулся бы с места и предложил бы властям свои услуги. Но ведь прежде чем Скип растолкует им свою идею, пройдет, по крайней мере, несколько часов. А кроме того, Скип никогда не претендовал на здравомыслие. Настенные часы свидетельствовали, что его десять минут на исходе. Он поспешно вышел на улицу и тут же сел в такси. Лишь потом ему пришла в голову мысль, что надо было бы позвонить в ФБР и изложить свою идею насчет сигманца, чтобы в случае чего она не погибла вместе с ним и Ивонной.

Главный оракул лос-анджелесского «дна» называл себя Элат. Его логово располагалось в одной из трущоб и внешне ничем не выделялось среди ветхих столетних домишек с причудливы-

ми башенками, с украшенными резьбой черепичными крышами и заросшими бурьяном двориками. Не доезжая двух кварталов, Скип вышел из такси и дальше пошел пешком. Вокруг, похоже, ни одной живой души. Если где и горел свет, то окна были плотно занавешены — не заглянешь. Редкие старинные уличные фонари с лампами накаливания, словно гоблины, стояли в островках мутного света. Издали доносился гул мегаполиса. Пальмы шелестели листьями на свежем ветру, словно скелеты, гремящие костями. Вдоль улицы ветер гнал клочья бумаги. Унося ноги, под изгородь нырнула кошка.

Скип поднялся на крыльцо и нажал кнопку архаичного звонка. Он надеялся, что его не заставят долго ждать среди этих корявых опор, маячивших на фоне окрашенного закатом неба.

«Дзынь-дзынь! — звенел звонок за старой тяжелой дверью. — Дзынь-дзынь! Дзынь-дзынь!»

Наконец дверь открылась. Показалась женщина в черном. Она могла бы считаться красавицей, если бы не суровое лицо и наголо остриженная голова.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Я хочу видеть Главного оракула, — сказал Скип. — Прямо сейчас. Нет, мне не назначено, но дело чрезвычайно срочное.

Женщина раздумывала. В течение года к Элоату в дверь стучались сотни людей, которые даже по его меркам были отъявленными негодяями. Поэтому Скип старался строить из себя этакое наивное простачка.

— Заходите, — сказала она наконец. — Мы обсудим ваше дело.

Когда дверь захлопнулась за его спиной, Скип окунулся в атмосферу роскоши. За гардинами пурпурного бархата открылся отделанный деревянными панелями коридор, по которому Скип и проследовал за женщиной. Дорогу смутно освещали причудливые светильники и настенные семисвечники. Черный ковер, настолько толстый и мягкий, что, казалось, ступаешь по живому, поглощал все звуки. Откуда-то еле слышно доносилось протяжное печальное пение.

В холле женщина села за огромный стол. В нише, украшенной демоническими рожами, стояли телефон и селектор. Сверху, на том и на другом, лежали человеческие черепа. Стены и потолок были затянуты черной тканью. На полу, как и в коридоре, лежал роскошный ковер. От жаровни шел легкий аромат благовоний. Над дверью — лик Иеговы.

«Элоат не чета обычным шарлатанам, — размышлял Скип. — Он не стрижет обычных овечек. (Как это вышло, что

суеверия снова вошли в моду? Ведь еще в детстве моего отца образованные люди были просто помешаны на астрологии. Быть может, наука предъявляет к людям слишком высокие требования? Как бы то ни было, по части суеверий преступники любому дадут сто очков вперед.) Среди клиентов Элоата бароны местного “дна”. И он прекрасно понимает, что, если они перестанут бояться его, — ему конец».

— Садитесь. — Женщина указала Скипу на кресло, и тот послушно сел. Она вынула из ящика типографский бланк. — Мне нужны кое-какие сведения, прежде чем я решу, стоит ли беспокоить Главного оракула по вашему поводу. Сегодня вечером ему довелось оживлять покойника, и, поверьте, несколько дней ему придется приходить в себя.

— Он знает меня, — сказал Скин. — Пару лет назад меня приводил сюда Бэтс Блудон. Я был представлен, и мы провели сеанс. Главный оракул был настолько любезен, что выделил мне провожатого, который показал мне кое-какие запретные уголки этого дома.

— Правда? — На ее бледном лице появилось выражение интереса. — Меня тогда еще не было тут. Как ваше имя?

Скин назвал себя. Женщина включила компьютер и вызвала нужный файл. (Элоат не брезговал пользоваться электронной.) Уткнувшись в экран, женщина закивала.

— Да-да, мистер Блудон хорошо отзывался о вас. Почему вы так долго не появлялись?

— У меня были причины уехать отсюда. Я прибыл только вчера. — Скипу не составило труда придать своему голосу оттенок отчаяния. — Пожалуйста, о Черный Ангел! Мне срочно нужно увидеть Главного оракула! Это дело касается не только Бэтса, но и Главного оракула лично... Но я не могу вам сказать всего. Не спрашивайте, поверьте на слово. Посудите сами, если он разгневется, то на меня, а не на вас.

— Хорошо, я попробую, — сказала женщина и включила селектор. В конце короткой беседы она прошептала «Слава Богу» и отключила связь. — Вас примут через семь минут, — сказала она Скипу. — Посидите пока молча и соберитесь с мыслями.

«Поди-ка тут соберись! — подумал Скин. Женщина тупо смотрела перед собой. — Секретарши у Элоата вышколенные. Что же до хозяина, он наверняка сейчас в своих апартаментах. И не обязательно с каким-нибудь суккубом или с оккультной книгой. Почему бы и не посмотреть стриптиз-шоу, когда ты

один? А чтобы облачиться в приличествующее случаю одеяние, требуется время».

Секретарша позвонила в колокольчик, и в холл вошел бритоголовый детина, одетый почти по-спортивному, чтобы одежда не мешала в рукопашной схватке.

— Вам, наверное, известно, что с оружием входить в святилище нельзя, — сказал он Скипу. — Пожалуйста, встаньте и поднимите руки. — Он тщательно обыскал его. — Все в порядке, спасибо.

Если бы он обнаружил его клинок, Скип был бы весьма огорчен. Но гибкий клинок был спрятан в поясе, и найти его было не так-то просто, тем более что мускулы у Скипа были прямо-таки железные.

— Не забудьте остановиться в трех шагах от трона, поклониться три раза, скрестив руки на груди, и ничего не говорите, пока вас не попросят, — наставляла Скипа секретарша, пока телохранитель обыскивал его. — А теперь можете войти.

Скип ощущал, как бьется пульс в висках. Он обливался холодным потом, язык одеревенел. Кое-как он открыл дверь, переступил порог и закрыл за собой дверь. По ее массивности и по звуку, с которым дверь закрылась, Скип понял, что она звуко-непроницаемая.

Оставшись один в коротком темном коридоре, Скип извлек из потайного кармана на поясе свой клинок. Тонкая, постепенно распрямляющаяся бурая лента, тридцать сантиметров длиной, четыре шириной, два миллиметра толщиной. Скип чиркнул лентой о каблук. Бурый пластик стал съезживаться, пока не принял первоначальную, «запомненную» форму. В итоге Скип держал в руке настоящий нож с острым как бритва лезвием длиной около десяти сантиметров, которое было прежде скрыто пластиком, словно ножнами.

«Вложить» клинок в ножны было немного сложнее. Пластик нужно было разогреть, чтобы он стал тягучим, потом натянуть его и закрепить на конце, иначе он через некоторое время сползал снова, обнажая лезвие.

Затем Скип спрятал клинок за поясом, а рубаху сделал навыпуск. На все про все у него ушло несколько секунд, однако при необходимости он мог бы проделать это еще быстрее.

Иногда Скип задумывался, сколько времени требуется, чтобы идея, скажем, такого оружия получила всеобщее распространение. Но пока изготавливавший такие клинки Хэнк Саншайн продавал их только «кузнечикам», причем только тем из них, которым безусловно доверял.

Чувствуя себя теперь значительно увереннее, Скип двинулся дальше по коридору.

Помещение, куда он вошел, было оформлено в том же стиле, что и холл, но значительно больше и выше. Окна были зашторены, в промежутках между немногочисленными светильниками лежали глубокие тени. Две стены почти целиком занимали стеллажи с книгами — покрытыми плесенью фолиантами в кожаных переплетах. На третьей стене висели полки, уставленные всевозможными магическими и алхимическими атрибутами. В стеклянных горках по обеим сторонам от входа были выставлены весьма любопытные вещицы: среди прочего Скип заметил берцовую кость, «сорочку» новорожденного и мумифицированный человеческий зародыш. Поверх черного ковра лежала красная дорожка, от входа к трону.

Скип пошел по дорожке, которая, казалось, никогда не кончилась, и почтительно поклонился.

— Во имя Бога Отца и Матери нашей Иштар, во имя всех легионов иных миров, добро пожаловать, сын мой! — раздался сверху хриплый голос. — Мир тому, кто пришел сюда со смирением. Говори свободно и ничего не бойся. Говори коротко, ибо ты не единственная душа, жаждущая моей помощи.

В своем длинном одеянии Элоат казался высоким. Капюшон сутаны обрамлял бледное, как у секретарши, лицо. Вид его был суров и мрачен. На шее висел древний символ в виде фигового листа. Поясной крест-четки вместо перекладины имел полумесяц. В правой руке, словно скипетр, Элоат держал крючковатый посох.

Неожиданно для себя Скип совершенно успокоился. Теперь он видел, слышал и чувствовал как никогда остро и четко. Его мысли следовали одна за другой, в строгом порядке. В душе его кипела ярость такой силы, что, казалось, он и впрямь одержим неким бесом.

— Владыка! — начал Скип. — Я должен сказать тебе, что... Впрочем, лучше прочти мои мысли, чтобы не считать меня лжецом.

— Позволь мне сперва выслушать тебя, сын мой.

— Прости, владыка, но уверен ли ты, что нас не подслушивают через селектор? Мы не можем доверять... Впрочем, ладно. Я здесь по поводу одного преступления. Я из ФБР.

— Моя деятельность абсолютно законна. У меня есть лицензия. — В голосе Элоата чувствовалась тревога. Многолетний опыт мошенника не позволил ему не присовокупить к сказанному: «Я мог бы назвать фамилии клиентов... Идет?»

«Так-так-так... — крутилось в голове у Скипа. — Значит, за хорошие деньги ты даешь свои советы, предварительно вычислив будущее по звездам, по чернильным кляксам или по пупкам. Ты накладываешь заклятия, предсказываешь судьбу, продаешь амулеты и талисманы, торгуешь приворотным зельем, ты благословляешь и проклинаешь, ты устраиваешь сногсшибательные представления, ты в совершенстве овладел профессиями мага, иллюзиониста, ясновидца, медиума, телепата и Бог знает еще кого, чтобы держать в страхе и почитании своих клиентов».

Скип всесторонне оценивал обстановку. За этим помещением, вероятно, следили телохранители. А может, и нет, так как Главному оракулу поверялись многие тайны, которые охрана могла и выдать или, того хуже, продать. Наверное, у Элоата имеется кнопка сигнализации, скажем, прямо в троне или еще где-нибудь. Но имея в виду, что посетители безоружны, а у него самого тяжелый посох, а может, и пистолет, он, видимо, может быть спокоен за свою персону. Ведь люди, пришедшие в этот Эндор, объятые страхом, жадой наживы, ненавистью или горем, едва ли осмелятся напасть на человека, вызывающего ангелов, дьяволов и тени умерших...

Элоат сидел, подавшись немного вперед, и внимательно слушал, его свободная рука лежала на коленях. Едва ли стоило упускать такой прекрасный шанс напасть на него.

В два прыжка Скип преодолел разделявшее их расстояние. Мгновение спустя он взмыл в воздух и выставленной вперед левой ногой нанес удар в солнечное сплетение. Трон с грохотом опрокинулся. Скип оказался на помосте и покатился по полу, но тут же вскочил, выхватил клинок и бросился на свою жертву. Главный оракул лежал неподвижно.

«Уж не отдала ли концы эта сволочь?» — подумал Скип.

На мгновение ему показалось, что оборвалась единственная ниточка, которая могла вывести его на Ивонну. Но нет! Элоат дышал и тихо постанывал. Скип поставил трон на место, чтобы, если кто заглянет, не было лишних вопросов. Он оттащил Элоата в дальний, самый темный угол, положил его на лавку и приготовил клинок. Нет, ничего страшного, Элоат в полном порядке.

Тот пошевелился и застонал.

— Отлично, приятель, — сказал Скип. — Продолжим. — Он похлопал Элоата по щекам, тот открыл глаза, держась за живот, и его вырвало. Скип сунул ему под нос свой клинок. — Мне нужны от тебя сведения! — рявкнул он. — Прямо сейчас и без вранья!

— Чего-чего? — с трудом произнес Элоат, принимая сидячее положение.

Едва ему это удалось, он принялся размахивать руками и чертыхаться, но Скип врезал ему еще разок.

— Побереги свою рожу, — наставительно сказал он. — Может, твои проклятия и действуют на тех, кто верит тебе, но я не из таковых. Послушай-ка, если нам помешают разговаривать, об этом узнают твои дружки и укокошат тебя. А в случае чего тебя убью я. А чтобы ты не сомневался на сей счет, то знай, что терять мне нечего. Я отлично понимаю, что твои головорезы сделают со мной. Так что, если ты отдашь Богу душу, я — следующий. Работай со мной и будешь цел.

— Чего тебе надо? — прохрипел Элоат.

Скип рассказал ему о похищении и не только описал внешность тех двоих преступников, но и показал Элоату их портреты, которые набросал в своем блокноте еще по дороге сюда.

— Твоя система мне известна, — сказал он в конце. — Если не считать дешевых эффектов, это тонкая работа, которой позавидовал бы и профессиональный разведчик. Клиентыверяют тебе свои тайны, ты высылаешь своих людей. Те рассматривают, вынюхивают, сопоставляют факты, обмениваются информацией с себе подобными. Полицейские ищейки отдали бы руку на отсечение, лишь бы узнать то, что известно тебе. Но ты хитер и никогда не давал им повода арестовать тебя.

— Я... я законопослушный гражданин. А ты...

— А я негодяй, каких мало! — резко оборвал его Скип, правда излишне веселым тоном. — Я, Элоат, желаю знать, где те двое парней, на кого они работают, где у них может быть логово, адреса, какая там охрана, все без утайки.

— Только между нами, — вымолвил Элоат, вновь, похоже, обретая прежнюю уверенность и хитроватые замашки.

— Естественно! Ведь тебя укокошат, если узнают, что ты выдал клиента. Но если у нас с тобой все получится, можешь не беспокоиться. А вот если не получится, считай, что ты уже покойник. Ну!

— Изуди! — запричитал Элоат. — О Азраил, уничтожь его!..

Чтобы остановить Элоата, Скипу пришлось немного придушить его. Последовали несколько неприятных минут. От того, что побои не оставляли следов, Скипу было еще тошнее. Только мысль об Ивонне заставляла Скипа продолжать. Элоат был немолод и физически слаб. Наконец он сдался.

— Ладно, я скажу... Будь ты проклят, дьявол поганный...

— Выкладывай! — оборвал его Скип.

Элоат выложил все, что помнил. Затем он включил компьютер, вызвал на экран нужный файл и вывел распечатку на принтер.

— Мы хотим защитить тебя, — сказал Скип. — Так что сиди и не рыпайся. Вон по тому телефону можно позвонить в город?

Сидя с несчастным видом, Элоат кивнул. Скип прекрасно понимал, что этот телефон может прослушиваться специальной аппаратурой, работающей в режиме непрерывного сканирования. При появлении здесь чужого связь может быть оборвана и переключена на другой канал.

Скип заставил своего пленника лечь на пол подле его ног. Затем он набрал номер ФБР. На посту был все тот же Слейт.

— Вы?! — воскликнул тот. — Почему...

— Кажется, я знаю, где находится доктор Кантер, — бесцеремонно перебил Скип. Он назвал фамилии, адреса и прочие детали. — Это почти наверняка. Полагаю, сперва нужно бросить туда гранату с усыпляющим газом, но вам, конечно, лучше знать, как действовать. И черт возьми, парень, действуй, да поживей!

— Откуда сведения? — потребовал ответа Слейт. — Почему мы должны верить вам?

— Попробуй только не поверь, скотина! Я перезвоню через час! — крикнул Скип, бросил трубку и позволил Элоату сесть. — Подождем и обсудим пока наши планы, — сказал он. — Видишь, я не сказал им, откуда сведения. Это было бы равносильно признанию в тяжком преступлении. Конечно, меня отпустили бы, но больно уж все это хлопотно, да и досье на меня завели бы. А это может помешать мне работать с доктором Кантер. В общем, сам понимаешь. Стало быть, у нас одинаковые резоны не говорить всей правды.

Элоат пристально посмотрел на Скипа.

— А ты парень не промах, — пробормотал он. — Если тебе захочется поработать...

— Кто знает... Ну, если уж дойдет до того, шакал ты этакий, что у тебя найдется не очень грязное дело, то, пожалуй, позови. А теперь давай посочиняем.

Соединив воображение Скипа и осведомленность Главного оракула, удалось состряпать отличную легенду. Мол, ища ходы, Скип нашел кое-кого из своих старых знакомцев со «дна». На его счастье, среди них оказался человек, которого совсем недавно выгнали из той самой шайки, что похитила Ивонну. (На

самом деле этот бандит был отлично знаком полиции. Но им было вовсе не обязательно знать, что еще три дня назад этого негодяя угробили его же дружки и сбросили труп в мусоропровод.) Вот Скип и убил его, добавив к своему естественному возмущению изрядную порцию наркотика.

Затем Элоат и его гость побеседовали уже просто так, за жизнь, почти дружески. Скип не подавал вида, но напряжение его достигло высшего предела. Так что спустя час он набрал номер ФБР уже сильно трясушимися руками.

— Мы нашли ее! — бодро сказал Слейт. — Она была заперта в одной из комнат в доме по первому же указанному адресу. Испугана до полусмерти, но целехонькая! К сожалению, охранники, которых мы взяли вместе с ней, ничего толком не знают. Сидели и ждали дальнейших указаний. А двое смылись. Наши парни обнаружили там подземный ход. Так что засаду оставлять бессмысленно. Теперь-то вы приедете к нам?

— Уже еду.

Скип положил трубку и перевел дух.

— Прошу прощения за беспокойство, старина, но я должен обезопасить свое отступление.

— Разумеется, — согласился Элоат и включил селектор. — Черный Ангел Заафира! — позвал он. — Мистер Вэйберн уходит. А я хочу побыть один и обдумать его слова.

Скип связал Элоата полосами, которые нарезал из гардин, причем связал такими узлами, чтобы столь большому мастеру, как Элоат, вполне хватило получаса на развязывание. Не к лицу Главному оракулу валяться на полу связанным, как свинья. Воткнув Элоату в рот кляп, Скип погладил его по голове и удалился.

— Присаживайтесь, товарищ профессор, — сказал генерал Чу.

Ван Ли сел в кресло, на которое тот указывал своей сигаретой. Последовала минута молчания. Затем, окутанный облаком табачного дыма, генерал приступил к делу.

— Профессор, вам следует знать, что на Ивонну Кантер вторично совершено покушение.

— Не может быть! — Ван услышал свой испуганный голос как бы со стороны. — Я не знал...

— И не узнали бы. Американцы всячески скрывают этот факт. Во всяком случае, пока скрывают. Мы узнали об этом от своих агентов. Ничего тут плохого нет, товарищ профессор. Хо-

тели бы и они иметь своих агентов в наших рядах, но вряд ли у них это получится.

— Понимаю, — сказал Ван. — Она жива?

— Да. Ее похитили наемники. Поганая американская полиция нашла ее и освободила, захватив нескольких преступников, которые, правда, ничего не знали о цели похищения. Насмерть перепуганная Кантер проболталась похитителям о своих новых идеях насчет сигманца. Нечто такое, что и впрямь может открыть путь к широкому обмену информацией. Она рассчитывала, что ее тут же отпустят. Но бандитам было наплевать на сигманца и прочее, поэтому Кантер ничего толком и не сказала.

— Кто организовал ее похищение? — заставил себя спросить Ван.

— Кто знает... — Генерал Чу замялся. — Русские, японцы, европейцы, а может, все это провернули сами американцы, чтобы запугать ее и надежно завербовать. А похитителей сами наняли, сами же и убрали. — Генерал Чу наклонился к Вану. — Учтите это, профессор! Похищение произошло несколько дней назад. Доктор Кантер скоро придет в норму и выложит свои идеи начальству. Обо всех открытиях в проекте «Сигма» немедленно должны оповещаться все участники проекта. Но нам об идеях Кантер не сказала ни слова! Что вы на это скажете?

— Быть может, эти идеи еще требуют проверки? — предположил Ван. — Возможно, они хотят убедиться, что доктор Кантер не ошиблась.

— А попросту говоря, они хотят обойти нас! — закончил генерал. — Мы должны принять свои меры. Я вызвал вас сюда, чтобы убедиться в том, что при всех обстоятельствах вы знаете, в чем состоит ваш долг.

Глава 12

Против всех ожиданий Эндрю Алмейда пришелся Скипу по нраву: ровен и прост в обращении; разговорчив, но умеет и слушать; недурно знает историю, тонко чувствует живопись; глава милого семейства, искреннее радушие которого Слип мог оценить во время уик-эндов на их горной вилле.

Слип наслаждался ничегонеделанием. Ему была предоставлена отдельная комната для отдыха, и, когда совещания заканчивались, он занимался самостоятельно. Ему надлежало изучить материалы проекта «Сигма» за все три года и понять суть, чтобы

в случае, если его идея сработает, им не пришлось действовать вслепую. Тем более что трудно было сказать заранее, как поведет себя сигманец. Впрочем, все это оказалось не так уж и сложно. Слип так увлекся, что его не особенно смущало даже отсутствие женщин. Когда его взяли на околоземную орбиту, чтобы он научился вести себя в невесомости, когда он своими глазами, живьем, а не в планетарии, увидел старушку Землю, сияющую среди звезд, — это был самый счастливый час в его жизни!

Меж тем ФБР занималось изучением его прошлого. Слип, посмеиваясь, пожелал им успеха. Однако протекция Ивонны сделала свое дело, и Слива временно допустили к секретным материалам.

Тем не менее месяц спустя слова полковника Алмейды на заключительной встрече прозвучали для Слива как удар грома.

Полковник сидел за столом в своем кабинете. Слип с Ивонной — в креслах напротив. В открытое окно тянуло свежим воздухом, доносились шумы базы Армстронг, были видны дома вдоль дороги и маячивший за ними, словно колокольня, космический корабль, которому надлежало подняться на струе пламени и исчезнуть в синих небесах.

— Разумеется, надо было бы готовиться подольше и лучше... — произнес полковник, попыхивая трубкой.

Ивонна достала сигарету. Хотя она была напряжена и явно нервничала, Слип любовался ее точеным профилем, ее иудейскими глазами, великолепными волосами, чертовски изящной фигурой, которую скрывало лишь строгое платье, ее длинными ногами...

— Мы сделали все, что могли, — сказала Ивонна. — Если мы отложим полет, сигманец может опять устроить себе каникулы, а то, глядишь, и вовсе улетит домой.

— Верно, — согласился полковник. — Или кто-нибудь додумается до того же самого, что и Слип.

Ивонна села прямо.

— Энди, — сказала она. — Не очень-то мне нравится, что мы отрабатываем эту идею в полной тайне. Кроме того, мне не мешало бы посоветоваться с моими зарубежными коллегами. Особенно с Дуклосом. Он хорошо знает жизнь и наверняка посоветует что-нибудь дельное. До сих пор я не возражала, мы и так были по горло заняты разработкой нашего плана. Но я не могу больше молчать!

— Знаешь, Ивонна, — заметил Слип, пощипывая себя за мочку уха, — я думаю, секретность нам не помешает. Тем

более после всего того, что с тобой случилось. Не следует ли нам пока оставить такие мысли, пока ничего еще толком не сделано? Если у нас ничего не выйдет, значит, мы просто потеряли месяц. А вот соблюдать режим секретности, оказавшись на борту звездолета, нам все равно не удастся.

— Именно это я и хотел обсудить, — поддержал Скипа Алмейда.

Его трубка неожиданно вспыхнула, и что-то в ней громко щелкнуло. Ивонна смотрела на полковника. Скип пощупал рукой свой клинок, о котором он не считал нужным ставить в известность кого бы то ни было.

Алмейда выпустил изо рта целое облако дыма, затем поставил локти на стол и твердо сказал:

— Мы оповестили всех заинтересованных лиц за границей, что завтра утром произведем запуск. У них такие же радары, как и у нас. Но мы объявили, что этот полет связан с обычной проверкой периферии силового поля звездолета. До сих пор, как вам известно, никаких изменений силового поля не отмечалось, но периодически проверять все равно надо, да и астронавтам полезно поупражняться в маневрах. По нашим сведениям, никто, кроме нас, запускать свой корабль не собирается. Вы подойдете к звездолету и проведете сеанс связи на доступных сигманцу частотах, поддерживая нужную мощность сигнала, чтобы уловить его можно было с расстояния не более нескольких километров. Тогда, если сигманец вам ответит, этого никто, кроме вас, не узнает.

— Как же так? — воскликнул Скип.

— Не возражайте! — Алмейда поднял ладонь. — Я согласен, это не очень-то честно и по существу есть прямое нарушение соглашений. Но, предположим, в ответе сигманца окажется подробная схема звездолета. Чем черт не шутит! Может, он захочет поделиться с людьми своей технологией. Или вообще что-нибудь такое, чего мы и представить себе не можем. — Полковник ударил кулаком по столу. — Мы не знаем что! И у нас нет твердых международных соглашений на этот счет. Нет смысла осуждать настырность китайцев или манию преследования американцев. Не в этом дело! Лучше подумайте, как подготовиться к событиям, которые невозможно предсказать. Чем больше игроков, тем рискованней игра. — Полковник вздохнул. — Если вам удастся войти с ним в осмысленный контакт, быть может, вам придется вообще попросить его улететь отсюда подальше и не появляться до тех пор, пока человечество не повзрослеет. А быть может, и я надеюсь, так оно и будет, эти

знания окажутся вполне безопасными, если осваивать их постепенно, и тогда мы сможем вновь вернуться к совместным международным действиям. А сейчас наша «игра» — не более чем задержка.

Губы у Ивонны дрожали, она терла глаза.

— А что, если сигманец пригласит нас попить чайку? — спросил Скип. — Ведь если наша схема сработает, это очень даже возможно. Но за его радушными сигналами-приглашениями следят с орбитальных станций.

— Может, вам удастся уговорить его не подавать сигнала? — предположил Алмейда. — Или, оказавшись на борту, вы, скажем, попросите его перекрыть проход в силовом поле. В этом случае на все возмущенные протесты мы заявим, что, видимо, произошло какое-то недоразумение. В общем, мы найдем, с кем вам разделить ответственность. Ваш пилот и его помощник отобраны нами. Майор Тьюлис имеет боевой опыт, а капитан Курланд — из разведки ВВС. А теперь позвольте мне изложить основную линию ваших действий.

Скип во все глаза смотрел на звездолет. Что за радостный танец массы и формы! Переходы света и тени, словно Земля плывет во Вселенной, словно музыка, словно любовь, приключение, акт творения... Прочувствовать до конца это можно только въяве. Никакие слова писателя, никакие голографические картины фотографа не могут передать это ощущение священнодействия.

«Сфера, кривая, спираль... — размышлял Скип. — Да, я вижу, как, соединяясь, они образуют единство и разъединяются уже обновленные!»

Курланд хлопнул его по плечу.

— Мы на орбите, мистер Вэйберн.

Выйдя из транса, Скип принялся собирать снаряжение. Инструменты разлетелись по всей кабине. Пахло чем-то затхлым, фыркала онаппа. Невесомость нравилась Скипу, но он чувствовал, как она мешает его непривыкшим мускулам. Окошко в шлемофоне было маленьким и все запотело.

— Ой! Уй! — заикаясь, бормотал Скип.

— Вы готовы? — спросил Тьюлис.

— Да, конечно, — ответила Ивонна и принялась отстегивать ремни.

— Помните, — сказал Курланд Скипу, — время от времени мы будем включать двигатель, корректируя орбиту, чтобы сохранить дистанцию со звездолетом. Мы будем держаться от

него не дальше одной десятой корпуса, о маневрах последуют предупреждения.

Скип нетерпеливо кивнул. Окончательно придя в себя, он был просто в восторге от своей миссии. Если все получится, какая слава маячит впереди! Отстегнувшись, он переключался через всю кабину к видеопередатчику, где пристегнул себя и принялся распаковывать свое хозяйство.

Ивонна помогала ему.

— Знаешь, я чего-то боюсь. Уж лучше бы он не ответил... — волнуясь, сказала она, но тут же замотала головой. — Нет, это я так.

— Давай все-таки попробуем, — спокойно сказал Скип.

— Почему вы думаете, что он ждет вашего сигнала? — спросил Курланд.

— Мы ничего не думаем, — ответил ему Тьюлис. — Но разве вы на его месте не оставили бы аппаратуру включенной и не проверяли бы время от времени запись?

— Я полагаю, сигманец осуществляет непрерывное сканирование пространства на предмет появления посторонних, — заметил Скип. — У, черт!

Комок ваты из коробки, в которую была упакована ваза, выскользнул у Скипа из рук. Тьюлис поймал его и вернул на место.

— И все-таки я не понимаю, на кой вам дьявол все эти штуковины? — спросил он.

— Это только догадки, — признался Скип. — Набрали тут всякого-разного... Мы ведь не можем принять на борт всю коллекцию Британского музея. Мы руководствовались принципом малогабаритности. И взяли лучшее из того, что в принципе хотели. В общем, долго объяснять. Короче, мы попытались посмотреть на это дело глазами сигманца, исходя из того, что люди видели на звездолете. Честно говоря, тут не столько логика, сколько предчувствие и интуиция...

— Его интуиция! — уточнила Ивонна, указывая на Скипа. — Именно поэтому он здесь! Я убедила полковника, что темная биография не в счет, когда у него столь велики шансы добиться успеха.

Через час, когда копии всемирно известных шедевров были приведены в надлежащий порядок и план действий был припилен на панель перед глазами, Скип с Ивонной переглянулись и пожали друг другу руки. Скип заметил, как на шее у Ивонны бьется жилка. Во рту у него пересохло.

«Ну, живей! — торопил он себя. — Что скажешь в этот исторический момент? Снес орел яичко... Нет, к черту! Еще пахать и пахать...»

Он включил видеопередатчик. Ивонна стала говорить в звукосинтезатор: «Люди приближаются... сигманец. Люди приближаются... сигманец. Человек... сигманец».

Затем она кивнула Скипу. Экран перед ним был пуст. Скип взял в руки экспонат — статуэтку Мондриана. У Скипа не было никакой уверенности в том, что пришелец «клянет» на ее изящество. Скип держал наготове фотографии японских ворот, китайскую каллиграфию...

...Дюрер, Микеланджело, Веласкес, Рембрандт, Коро, Мотонду, Лун-Минь, персидские миниатюры, наскальное изображение бизона, автор которого давным-давно канул в вечность, но не картина...

...очертания индийских чаш и греческих ваз, мужественная энергия полинезийских боевых дубинок и африканских масок, зловещая грация вырезанных из хрусталя ацтекских черепов, суровое очарование русских икон...

...фотографии крупных скульптур, голова Нефертити, Афродита и Ника, а вот тут произведения искусства сравнительно недавнего времени — Роден, Бранкузи, Миллэс, Нильсен; парки и сады; архитектура — храмы, дворцы, коттеджи, беседки, замки, надгробия...

Ведь сигманец в душе художник — лишь поэтому он и пустился в свое одиночное странствие. Да, он тоже художник! Он не ищет ничего, кроме красоты!

— Смотрите! — воскликнул Тьюлис. — Он светится, черт его подери! Как рождественская елка!

Скип резко повернулся. Со своего места он мог видеть лишь краешек сигманского звездолета, находившегося примерно в километре от них. Теперь пространство между ними уже не выглядело пустым. Оно переливалось огнями, всеми цветами радуги — от чистейшего флуоресцирующего свечения до тончайших тонов рассвета, оно переливалось, мигало, завлекало, словно зрителю долженствовало стать частью этого восторга и улететь вместе с ним за пределы космоса.

Возглас Курланда вернул Скипа к действительности.

— Ма-атерь Божья! — присвистнул тот. — Получилось! Когда он просто приглашает, его свечение и в подметки этому не годится, ей-Богу!

— Верно, — поддержал его Тьюлис. — Просто нет слов!

— Может, у сигманцев-то они есть, — заметил ошеломленный Курланд.

Ивонна от счастья прослезилась.

Тьюлис помотал головой и оторвался от зрелища.

— Итак, наши надежды сохранить все в тайне благополучно рухнули, — произнес он без выражения. — Большое дело, есть контакт! Вы оба молодцы. Теперь действуем по плану «Си». — Он отстегнулся. — Я помогу вам собраться. Мы можем укрепить эти штуки на стойки и отбуксировать их прямо так.

— А я приготовлю скафандры и прочее, — сказал Курланд.

Пока они собирались, космическое великолепие как-то отошло на второй план.

— Порядок, — сказал Тьюлис перед тем, как опустить шлемофон. — Еще раз повторим порядок операции. Мы подойдем, как обычно. На борту звездолета действуйте по обстановке. Если удастся, попросите сигманца перекрыть вход. Приложите все усилия, чтобы убедить его общаться исключительно с американцами. Я понимаю, что это не так-то просто за те тридцать часов, что у вас будут до прибытия другого корабля.

— А может, и меньше, — вставил Курланд. — С тех пор как они узнали, что у вас, доктор Кантер, есть новая идея, они держат корабли в суточной готовности к старту. Но тут могут быть и неожиданности.

— Я буду весьма смущена, — заметила Ивонна, поморщившись. — Мне будет очень стыдно, если...

— Бросьте, — остановил ее Курланд и хлопнул ладонью по плечу так, что та отлетела в сторону. — Вы что, уже забыли о похищении? В случае чего отговоримся тем, что идея Скипа была слишком безумна, чтобы объявлять о ней официально. А он в космосе новичок, ему нужна тренировка, вот мы и решили на своем, нижнем, уровне не сообщать в Вашингтон, а просто совершить пробный полет, наудачу. Откуда нам было знать, что эта бредятина возьмет да сработает?

— Я не умею лгать, — мрачно сказала Ивонна. — Ложь отвратительна!

— Зато умею я, — вмешался Слип. — И делаю это с огромным удовольствием. Идем?

Ван Ли прибыл через десять часов.

Меж тем Слип с Ивонной позабыли обо всем на свете. И уж тем более о китайце. Ивонна со Слипом пришли туда, в

сферическое помещение со встроенным куполом, заполненным удивительными растениями и цветами, — они пришли, чтобы познакомиться, наконец, с космическим странником.

— Вот что я думаю насчет всех этих растений, — сказал Скип Ивонне. — Я уверен, это не машинерия и не регенерация кислорода. Для этого тут наверняка есть что-нибудь поэффективнее. Они просто для удовольствия. Отдохнуть душой.

Ивонна во все глаза наблюдала за большим, сочащимся слизью существом по ту сторону купола. На этот раз все экспонаты сигманец забирал к себе, через небольшую дверцу. Над фотографией Пяти Сестер из Йоркского собора он прямо-таки расплылся.

— Знаешь, — тихо сказала Ивонна Скипу, — он совсем не такой отвратительный. Конечно, это не наш стиль, но все зависит от того, как посмотреть.

— Естественно, я толкую об этом уже три года, — согласился Скип.

В его голове всплыли воспоминания, он припомнил слова, которые сказал Ивонне еще на «Сержанте»: «Большинство людей, я полагаю, чисто подсознательно, относятся к сигманцу враждебно, им не хватает вкуса понять, что он вовсе не омерзитель. Я уверен, многим приходило в голову, что сигманца может интересовать наше искусство, равно как и нас самих искусство сигманцев, но никто не стал рассматривать это обстоятельство как самостоятельный феномен, подлежащий изучению и наблюдению, никто не написал научной статьи по этому поводу. Все искусство людей, которое показывали сигманцу, ограничивалось разного рода диаграммами и прочей случайно подобранной абстрактной ерундой, за которой невозможно увидеть конкретных объектов. В итоге приоритет был отдан контакту посредством слов. Все решили, что, как только дело с языком наладится, не составит никакого труда обсудить и все остальное. Им не приходило в голову, что сигманец пустился в свое грандиозное путешествие с одной-единственной целью — поиски вдохновения! Что он просто любит нашу Солнечную систему и ему жаль тратить время на нас, людей, которые не дают ему того, за чем он прилетел...»

Скип прервал поток своих воспоминаний. Сигманец приблизился к стене купола. Парой своих клешней он осторожно сжимал фотографию. Его щупальца-пальцы вцепились в лежавший в зарослях альбом фотографий Парфенона. Другой «рукой» он тащил оптический проектор.

Скип придвинулся поближе. Правда, он плохо управлялся с собой в невесомости, и это осложняло все его действия. Наконец он пристегнулся и приготовил свой блокнот с карандашом. Рядом стояла наготове голографическая аппаратура, но пока она, похоже, была не нужна. Сигманец принялся указывать на картинку, используя световые лучи. Он то чертил, то стирал их, то менял направление. Карандаш Скипа задвигался в ответ.

— Так-так, — размышлял Скип вслух. — Похоже, он очарован различиями между классическим и перпендикулярным стилями нашей архитектуры. Интересно, какой принцип у них? Что-нибудь вроде «золотого сечения»? Наверное, скоро выяснится... — Тут Скип вспомнил об Ивонне. — Скажи-ка, — обратился он к ней, — а что, если мы попробуем расширить вербальный язык путем взаимного обмена рисунками, которым соответствуют слова...

И тут в помещение вплыла фигура в скафандре. Ивонна только ахнула, Скип же отреагировал куда энергичнее.

Ван Ли подплыл к стене, укрепил свой багаж и поднял шлемофон. Тихая ярость исказила черты его лица.

— Что это такое? — гневно спросил он, указывая пальцем на Скипа.

— Сэр! — вспыхнул Скип. — Правильно говорить не «что», а «кто». Отвечая на ваш вопрос буквально, скажу, что это пуговица у меня на ширинке.

— Вы... профессор Ван... — заикаясь, промямлила Ивонна, подплывая к нему. — Так скоро...

— Начальство предупредило меня, что возможен заговор, — злобно сказал китаец. — Так что я принял меры предосторожности.

— С чего вы взяли... Нет...

— Надеюсь, что вы не намерены убить меня, — сказал Ван. — Я должен проинформировать сопровождающего меня офицера, что он может возвращаться на наш корабль.

Профессор удалился. Скип подумал, что Ивонну нужно успокоить. Он попытался добраться до нее, но потерпел фиаско. Его блокнот и карандаш уплыли от него. Ивонна так и осталась в одиночестве. Сигманец меж тем что-то верещал.

— Извини, — пробормотал Скип, обращаясь к нему.

Ван Ли вернулся и стал снимать скафандр. Скип подплыл к нему на расстояние вытянутой руки. Целая минута у него ушла на отчаянную борьбу с центробежной и кориолисовой силами.

— Позвольте представиться, — сказал он наконец. — Томас Вэйберн. А вы, должно быть, Ван Ли. Я слышал о вас. Рад познакомиться.

«Как человек, которого, привязав к позорному столбу, вымазали в смоле и вываляли в перьях, а затем вывезли из города и после спрашивают, как это ему понравилось. А тот отвечает, мол, спасибо за оказанную честь, но стоило ли так беспокоиться?» — подумал Скип про себя.

— Я недавно подключился к проекту, — продолжил он, — и, похоже, нащупал удивительное продолжение, которое...

— Разумеется, у вас подготовлена отличная легенда, — оборвал его Ван. — Избавьте меня от нее. Что это там такое у сигманца? Картинки какие-то... Раньше он на них не реагировал. Что вы придумали?

Скип не собирался выкладывать все этому китайцу. Меж тем сигманец скрылся за растениями. Ивонна подплыла к мужчинам.

— Вы появились как раз в тот момент, — обратилась она к Вану, — когда у него проснулся интерес. Да, страстный интерес! Но вы нас прервали.

Ван плотно сжал губы. Он продолжал разоблачаться и размещать свои пожитки.

«Придется переходить на план “Дельта”, — подумал Скип. — Однако если этот китаец и впрямь такой умник, как говорят, вряд ли нам удастся водить его за нос. Лучше уж действовать открыто, так оно спокойнее...»

Наступила полная тишина, исчезла даже вибрация. И вдруг они поплыли... Их снесло прямо на внутренний купол, они потихоньку сползали... Да, сползали на пол! Потому что «верх» и «низ» вновь обрели смысл... Тяготение с каждой минутой нарастало. Ван что-то громко крикнул по-китайски, Ивонна ахнула, а Скип завопил: «Поехали!»

Стоявший на четвереньках Ван поднялся на ноги.

— Скорее! — крикнул он. — Наши приборы установлены в расчете на невесомость. Нужно срочно укрепить их, пока все не смешалось в кучу и не вышло из строя.

Скип по достоинству оценил самообладание китайца. Некоторое время его внимание было целиком поглощено работой. Нет, сигманца Скип не боялся. Наверняка тот мог учинить с людьми и не такое, если бы захотел. Тем не менее Скип был весьма взволнован. «Куда это его понесло?» — думал он. Впрочем, тупая работа по укреплению приборов несколько охладила его волнение. Через некоторое время они закончили, ускорение

стабилизировалось. Ван с Ивонной оценили его примерно в одну треть g. Слип с удовольствием ходил туда-сюда, легкий как перышко, пока Ивонна не остановила его.

— Хватит скакать. Давай подумаем, что делать.

— Зачем? Лучше подождем, пока не вернется наш хозяин, — бодро сказал он. — Ему виднее... А вот и он, голубчик!

Сигманец выползал из-за растений, по дороге собирая картинки.

— Что-то уши у меня заложило, — пожаловалась Ивонна и помотала головой.

— У меня тоже, — вмешался Ван. — Не следует ли нам говорить погромче?

— Глотайте, глотайте, — посоветовал Слип, хотя отлично понял смысл его слов. — Просто выравнивается давление. Оно возрастает, профессор Ван. Ставлю обед в первом классе китайского ресторана против горшочка тушеного мяса, что давление дойдет до двух атмосфер и остановится. Для нас это вполне сносно, а для сигманца, видимо, просто необходимо. — Он обнял Ивонну и разразился наполовину восторженным, наполовину истерическим смехом. — Сигманец намерен пригласить нас к себе!

Глава 13

Можно было не сомневаться, что никогда прежде детям Адама по сию сторону смерти не доводилось совершать столь удивительного странствия.

В течение некоторого времени, которое часы и календари отмерили в конечном итоге как семь недель, огромный звездолет облетел всю Солнечную систему. Он не стал выходить за ее пределы, так как потребовалось бы слишком много времени, чтобы пересечь невообразимые пространства, отделяющие от звезд этот крохотный островок на краю галактического вихря. Однако, постоянно увеличивая скорость (величина которой была, разумеется, на несколько порядков меньше той скорости, на которую был способен этот фантастический корабль), он удалялся от Земли на сто миллионов километров всего за несколько часов. Еще столько же времени требовалось, чтобы покрыть расстояние вдвое больше. Так они и летели. Несмотря на то что половину пути нужно было тормозить, на перелет от одной планеты к другой уходило всего несколько дней.

Однако скучать в промежутках не приходилось. Особенно Скипу, который ежеминутно, когда не спал, делал для себя великие открытия. Физическая усталость валила его с ног, он погружался в сон, скорее в полусон, но просыпался свеженьким и хотел не столько есть, сколько работать и работать.

Вскоре пришлось решать чисто практические вопросы.

— Надеюсь, сигманец отдаст себе отчет, что запасы продовольствия у нас ограничены, — заметила Ивонна.

— Может, попробуем есть в его присутствии? — предложил Ван. — Покажем жестами...

— Нет, я нарисую картинку, — сказал Слип. — Мы с ним уже наработали своего рода графический язык. Главная трудность в том, что сигманец работает с трехмерными изображениями, используя нечто вроде рентгеновских лучей. Его стиль напоминает мне стиль некоторых наших аборигенов. Я попробую поработать с оптическим проектором. Во всяком случае, я знаю, что сигманец ощущает перспективу в изображениях на плоскости. Я рисовал куб на листе, а он изображал его в объеме, и наоборот — сам рисовал на плоскости аксонометрические изображения объемных предметов.

Ван был явно раздражен, он не выносил болтовни Скипа.

Вскоре сигманец понял, в чем дело, а быть может, угадал. Он привел людей к какой-то непонятного назначения серебристой установке, которая тихо гудела, и принялся жестикулировать. На лоток выполз коричневый брикет. Слип с сигманцем обменялись рисунками.

— Еда для людей, — доложил Слип.

— А как проверить? — спросила Ивонна. — Я думаю, там в целом все в порядке. Но кто его знает, может, там девяносто девять процентов питательных веществ, а один процент — яд. Будь у нас даже химический анализатор, мы ничего не смыслим в химии.

Слип пожал плечами.

— Нам бы сюда морскую свинку, — пошутил он.

Все трое переглянулись.

— Не хочу показаться жестоким, но мистер Вэйберн не специалист. Стало быть, его присутствие здесь в случае чего не так уж и обязательно.

— Нет! — гневно крикнула Ивонна и схватила Скипа за руку. — Как раз без него-то нам и не обойтись! Кто из нас троих художник? Я? Или может быть, вы, Ван Ли?

— Ну уж только не тебе пробовать! — сказал Слип Ивонне и повернулся к китайцу: — Послушайте, профессор, может, монетку бросим?

— Выпадет мне, я умру, и останутся двое американцев? — возразил Ван Ли. Помимо воли лицо его сделалось злым. — Нет! Никогда!

На мгновение все смолкли. Неожиданно Ивонна схватила брикет, отломил кусочек, сунула его в рот и проглотила.

Слип затряс ее за плечо.

— Ты в порядке? — спросил он ее и тут же крикнул Вану: — Ну ты и скотина!

— Бросьте! — спокойно сказала Ивонна. — Не нужно ругаться. Похоже, ничего страшного. Даже вкусно. Напоминает мясо с яблоками. Я, пожалуй, доем этот брикет, а вам бы надо помириться.

Однако еще целые земные сутки в их отношениях ощущался едва прикрытый вежливостью холодок. Тем не менее, когда Ивонна доела брикет и они убедились, что эта пища не нанесла ее здоровью никакого вреда, все трое принялись допытываться у сигманца, как запускать эту «пищевую» машину.

Машину ли? Как почти все, что они видели на звездолете, этот аппарат не имел какого-либо механического управления. Возможно, там и вовсе не было движущихся деталей. Нужно было просто определенным образом помахать руками перед дисплеями, расположенными на уровне глаз. Показания дисплеев читались довольно легко. Таким способом определялись вид, количество и температура пищи, которую необходимо было произвести (как бы из ничего; видимо, «сборка» шла атом за атомом и осуществлялась гидромагнитными полями).

Вся производимая аппаратом пища была вполне вкусной и безопасной. Через некоторое время, когда общение с сигманцем налажилось, тот пояснил, что «пищевая» машина производит лишь безвредные для людей блюда. Ивонна даже развлекалась тем, что изобретала такие блюда, которых Земля никогда не знала.

Сигманец питался, получая пищу из аналогичной установки, находившейся в том же помещении.

— Это косвенно доказывает ранее высказанную гипотезу, — заметил Ван. — На Земле уже побывала их экспедиция, которая произвела тщательные биологические исследования. Поэтому звездолет готов к тому, чтобы тут жили люди.

Еще одна установка давала чистую воду.

— Остается только разобраться, как на ней получают этиловый спирт, — сказал Скип, потирая руки.

Впрочем, при таком обилии нахлынувших на него откровений Скип не чувствовал особой потребности в алкоголе.

Выделения организмов и прочих органический мусор просто оставались на упругом полу, где за несколько секунд поглощались и возвращались в замкнутую экологическую систему корабля. (Быть может, точнее было бы сказать, в жизнь корабля? Чем дальше, тем больше усиливалось впечатление, что звездолет скорее не чудо роботехники, а нечто вроде удивительного растительно-животного симбиоза, который черпает энергию от некоего своего термоядерного светила, а питание — из межзвездного газа и метеорных частиц.)

К обстановке внутри звездолета нужно было еще привыкнуть. Плотная атмосфера, жарко и, по земным меркам, слишком влажно. Впрочем, для млекопитающих вполне терпимо. Скип попросил у Ивонны ножницы и сделал из своих брюк отличные шорты. Больше на нем не было ничего. Однако его компаньоны не рискнули ни на что подобное и по-прежнему парились в одежде.

Поначалу от резкого желто-оранжевого света болела голова, но потом сигманец показал, что освещение можно регулировать как угодно. Повсюду распространялись ароматы, незнакомые, но весьма приятные. Даже самая лучшая на Земле оранжерея померкла бы перед этим разнообразием. К некоторым запахам нужно было еще привыкнуть, но большинство из них были просто восхитительны. Они напоминали запах свежей листвы, пряностей, запах цветущих роз, океанских волн, запах воздуха после грозы, запах женских волос и прочая и прочая. Целый мир удивительных запахов! Та же история со звуками, царившими тут повсюду. Звонкие и глухие — это то, что человек мог слышать, а возможно, многого люди и не слышали. Так что из всей этой музыки для них, видимо, выпадали ноты и целые мелодии. (Музыка? Приятные для уха созвучия были несравненно сложнее, чем то, что мы именуем просто музыкой. Впрочем, дикарь, не знающий ничего, кроме воплей и тамтама, наверное, посчитал бы «Смерть и преображение» невообразимой какофонией.)

Тут не было ничего постоянного. И звуки, и запахи, и наверняка еще много чего, что было недоступно человеческим ощущениям, — все непрерывно менялось. За ветерком следовало затишье, за полумраком яркий свет; температура, влажность и ионизация тоже менялись, звуки и запахи сменяли друг друга, пол под ногами иногда подрагивал. Что ни говорите, трудно было почувствовать себя узником на борту сигманского корабля.

Чего стоила одна его топология! За параболическим куполом, который был теперь постоянно открыт, тянулась весьма хаотичная сеть различных помещений, связанных кривыми коридорами, словно настоящий лабиринт. Людям разрешалось ходить где угодно, и они наверняка заблудились бы, если бы сигманец не объяснил им, что растения и светящиеся декоративные изображения на стенах могут служить для ориентирования. («Это все для нас! — подумала Ивонна. — Нашему хозяину это ни к чему».) По всей видимости, коридоры звездолета могли быть расширены в любом месте. По специальной команде можно было «создать» комнату желаемой формы и размеров. Для каждого из своих гостей сигманец отвел отдельную каюту с запирающимися дверями. Прямо из пола там росли искусственные маргаритки. Слип развлекался тем, что, встав у дисплея управления в своей каюте, соорудил для себя кресло, а в том месте, где в ответ на специальную жестикуляцию текла вода, он «вырастил» себе умывальник и ванну.

Всему этому люди научились за первые несколько земных суток пребывания на борту звездолета. Но это были еще «цветочки».

На корабле имелась, если можно так выразиться, обсервационная рубка. Люди стояли на прозрачном мостике в центре большой сферы, на внутренней поверхности которой воспроизводилось изображение того, что творилось снаружи. Это изображение было не абсолютно точным. Ослепительный свет Солнца был ослаблен, равно как, должно быть, и радиационное излучение. И все-таки это изображение можно было назвать космосом с куда большим основанием, нежели все то, что когда-либо доводилось видеть людям. Сигманец был постоянно с ними и постоянно учил их тому, чему еще не успел научить. Меж тем корабль тормозил на подходе к Марсу.

Стоя в темноте и абсолютной тишине, люди и думать забыли о духоте. По-зимнему сияли мириады звезд, мутной рекой тянулся Млечный Путь, далеко-далеко в жемчужном ореоле горело маленькое Солнце. Впереди же маячила почти целиком освещенная планета. Белая арктическая шапка и черная антарктическая, сотни цветных пятен — темно-коричневые, грязно-красные, серо-буро-зеленые — охряный шлейф песчаной бури, видимые невооруженным глазом воронки кратеров — зрелище, строгое величие которого подчеркивало его первозданную чистоту. Исходивший от планеты свет падал на лица людей, и казалось, они стоят у пылающего камина.

Ван первым нарушил долго царившее молчание.

— Мой младший сын спит и видит себя космонавтом, — тихо сказал он без обычной неприязни. — Он как-то сказал мне, что, если у нас будут корабли вроде этого, ему придется отказаться от своей идеи, потому что все будет слишком просто. Я тогда согласился с ним. Но теперь начинаю сомневаться, что был прав.

— Вот именно, — поддержала его Ивонна. — Разве Бетховен проще, чем Эль Греко или Эсхил?

— Моей маленькой дочке это зрелище очень бы понравилось, — продолжал Ван. Улыбка тронула его губы. — Она, наверное, поинтересовалась бы, почему на фоне этой большой луны не видно веток цветущего персикового дерева? — И вдруг, словно спохватившись, Ван спросил уже более сухо: — Зачем он притащил нас сюда? Люди уже бывали на Марсе, да и сигма-нец тут наверняка не в первый раз. Что им движет?

— Во-первых, практическая необходимость, — сказал Скип. — Наконец-то люди показали ему, что могут предложить язык взаимного общения, который достоин внимания. А разработкой такого языка сподручнее заниматься при наличии тяготения. Во-вторых, раз уж придется разгоняться, то отчего бы не совершить какой-нибудь круиз? И то сказать, открываются широчайшие возможности обмена опытом. Мы с нашим «капитаном» будем рисовать, скажем, один и тот же планетарный пейзаж, приобретая друг у друга технические навыки, которые нам и не снились! Разве не это ему от нас нужно? Наша наука и техника просто смешны для него. Наша биология и все такое прочее небось изучено ими тысячу лет назад. А вот приобщиться к нашему искусству...

— Как Китай влиял на Европу в восемнадцатом веке, — поддержал его Ван. — А потом Африка...

— Или, скажем, как буддизм в древности влиял на Китай, — продолжил Скип. — А те, в свою очередь, были вдохновлены древними греками. Или взять восемнадцатую династию Египта. Эпоха расцвета, обаянная своим существованием стремительному усвоению культур Крита и Сирии. В общем, ясно. А в третьих... — Скип смолк.

— Что же в-третьих?

— Да так, ничего особенного.

Ван уставился на Скипа. В его глазах отражался красный марсианский свет. Было видно, как китаец напрягся.

— Или вы опять сговорились за моей спиной? — зло спросил он.

— Заткнись! — разозлился Скип. — И поостынь чуток! — Он ударил кулаком по поручням. — Сколько можно ходить и

причитать? Ладно, парень, я скажу тебе, что в-третьих. Сигманец решил убраться подальше от Земли, чтобы уберечь нашу компанию от еще более мерзких типов, чем ты.

— Скип! — Ивонна схватила его за руку. — Успокойся, пожалуйста!

— Лучше я уйду. Примите мои извинения, доктор Кантер, — сухо произнес Ван и сошел с наблюдательного мостика.

Вскоре он затерялся где-то среди звездных скоплений.

На звездолете имелись специальные челноки, которые позволяли высаживаться на поверхность планеты. В одном из челноков все четверо отправились на Марс. Несколько тысяч километров они пролетели над самой поверхностью, выбирая место для посадки. Челнок имел сигарообразную форму. Если не считать некоторых покрытых кожухом деталей, где, видимо, располагались двигатель и приборы управления, корпус челнока был совершенно прозрачен.

— Полагаю, он невидим для радаров, — заметил Ван и сразу осекся.

Все трое людей подумали об одном и том же: супербомбардировщик-невидимка!

Чтобы не дать рухнуть их и без того шаткому перемирию, Ивонна поспешно перевела разговор на другую тему.

— Наверное, челноку нужна защита от вредных излучений. Сигма Дракона холоднее Солнца и не дает столько ультрафиолета. Значит, живые организмы на Сигме куда больше нашего подвержены влиянию ультрафиолетовых лучей и прочего излучения.

— А мне вот интересно, что эту штуку движет? — сказал Скип.

В самом деле, у челнока не было ни реактивного двигателя, ни пропеллера, ничего даже близко похожего. Было тихо. Лишь когда они летели над марсианской пустыней, слышался глухой свист рассекаемого воздуха.

— Гидромагнетика? — продолжал Скип. — Но это хорошо в открытом космосе. А тут ведь рядом огромная масса, которая должна мешать...

Скип прошел в носовую часть челнока, к сигманцу, который своими клешнеобразными руками вполне справлялся с обязанностями пилота. Сигманец уставился на Скипа задними глазами на черенках. Скип открыл блокнот.

— Что вы там опять задумали? — с подозрением спросил Ван.

— Да не бойся ты! Просто хочу выяснить, не исследовал ли наш приятель и Землю точно таким же образом. Такой челнок черта с два заметишь, разве что на мгновение. А потом подумаешь, что все это тебе просто померещилось. Во всяком случае, это вполне возможно, особенно если он избегал густонаселенных районов или изучал их с большой высоты. Вам бы, Ван, тоже не пришло в голову парковаться на Таймс-сквер?

Вскоре Скип убедился, что был прав в своих догадках. А он догадывался, что во время таких полетов над поверхностью Земли сигманец не вступал в контакт из-за боязни задержаться в условиях тройной для него гравитации, которую он, видимо, плохо переносил. Скип также догадывался, что архитектурные ансамбли сигманец видел лишь издали — но одно это вдохновило его пойти на контакт с людьми.

Вскоре они сделали первую, но не последнюю посадку на Марсе. Облечившись в скафандры, они вышли из челнока. Скафандр сигманца напоминал прозрачный пластиковый мешок, плотно облегающий тело и конечности. На концах этот мешок имел расширения, чтобы не повредить сенсоры.

«Почему повышенное давление не раздувает его, как воздушный шар?» — размышлял Ван, но так и не нашел ответа.

Ландшафт был выбран, видимо, заранее, так как у людей не возникло того унылого впечатления, которое астронавты привезли отсюда на Землю. Перед ними лежали дюны, окрашенные в приглушенные красные и черные тона; утес блестел какими-то рудными выходами; скала, словно клык, маячила на фоне темно-пурпурного неба. Очевидно, сигманец был сильно разочарован, увидев, с каким трудом рукой, облаченной в перчатку, управляется Скип с карандашом и кистью. Поэтому он сократил до минимума эту экспедицию, чтобы продолжить сеанс рисования в более подходящих условиях.

Марс остался позади. Звездолет все больше удалялся от Солнца.

Само собой вышло так, что люди стали называть сигманца Агасфером. Впрочем, они долго сомневались, принято ли вообще у сигманцев как-либо называть друг друга.

— Думаю, что нет, — сказала Ивонна. — По крайней мере, в нашем смысле. Вряд ли они сопоставляют с индивидуумом какое-либо звукосочетание. Тут, наверное, целая комбинация ассоциаций, деталей внешности, запаха, целый идентификационный комплекс, запоминаемый и воспроизводимый в тех

случаях, когда подобная идентификация необходима. — Она весело добавила: — Если, конечно, она им вообще необходима. Ведь индивидуальность сигманцев может кардинально отличаться от индивидуальности человека. Тут наши мерки не очень-то подходят...

Тем не менее Агасфер-Странник довольно быстро научился издавать звуки, обозначающие каждого из гостей. И даже преуспел в некоторых императивах. Во время перелета от Марса к Юпитеру он часто повторял: «Ивонна Кантер и Ли, уходите. Скип, оставайся» или «Скип, иди со мной. Ивонна Кантер и Ван Ли, не беспокойте нас, если тоже идете».

Он произносил эти команды, когда намеревался продолжить изучение материалов об искусстве Земли, или собирался показать Скипу свои творения (которые трудно было бы описать с помощью языка людей!), или, скажем, хотел сравнить методику изображения каких-либо конкретных объектов, типа цветка или участка звездного неба. Ван Ли быстро надоел сигманцу со своей китайской каллиграфией, поэтому оба лингвиста его, как правило, не интересовали.

В таких ситуациях Ивонна с Ваном проводили время, разрабатывая планы по расширению словаря и уточнению грамматики нового языка, рассчитывая использовать свои наработки при очередном сеансе, когда Агасфер согласится работать со звуко-синтезатором. Постепенно их взаимная враждебность поутихла.

— Я понимаю, вас нельзя обвинять в том, что политики заставили вас плясать под свою дудку, — сказал как-то Ван, когда они с Ивонной остались вдвоем. — На самом деле вас надо было бы пожалеть. На вашу жизнь дважды покушались...

— Дважды? — спросила Ивонна и пристально посмотрела на китайца. — Откуда вы знаете?

— Я сказал необдуманно. — Ван замялся. — Вы правы, о втором покушении не сообщалось. — Но тут же перешел в наступление: — А почему не сообщали?

— Чтобы не усугублять и без того опасную ситуацию, — ответила Ивонна и отступила на шаг. — Значит, у вас есть свои шпионы в наших рядах.

— Как и у вас в наших, — парировал Ван. Затем произнес уже мягче: — Ну да, меня проинформировали о втором покушении. Я сожалею о случившемся и хотел бы, чтобы ничего подобного больше с вами не произошло. И во имя всего святого, прошу вас, не будьте такой наивной.

— Что вы имеете в виду, профессор Ван?

— Вы слишком доверчивы. Вы ведь верите, что информация о вас скрывается из чисто альтруистических соображений. А вы не задумывались о том, что, если эти сведения передать в эфир, они могут вскрыть многое из того, что американское правительство хотело бы сохранить в тайне. — В голосе Вана зазвучали металлические нотки. — Думаете, этот молокосос, ваш компаньон, и в самом деле такой простачок, каким прикидывается? К чему он склоняет сигманца, пока мы сидим тут? Что он там открыл, что выведал такого, о чем мы с вами никогда не узнаем?

Ивонну бросало то в жар, то в холод. Она постукивала туфлей по полу.

— Хватит! — крикнула она. Затем взяла себя в руки. — Скип честнейший, храбрейший... Разумеется, он не придерживается прокитайских позиций, но известно ли вам, что именно его нам с вами следует благодарить за то, что мы сейчас находимся здесь и... И между прочим, когда меня похитили, именно он отправился на лос-анджелесское «дно» и отыскал там человека, который знал, где меня могут прятать, и заставил его сказать... — Она разрыдалась. — Мне противны люди, которые обвиняют других! — выговорила она, повернулась и ушла прочь.

При следующей встрече Ивонна с Ваном обменялись вежливыми извинениями. Брешь в их отношениях была вновь заделана.

«Но с каждым разом, — подумала Ивонна (и тут же подумала, что Скип тоже вынужден идти на такие перемирия), — мир становится все более непрочным».

Юпитер! Величественный мир, огромный янтарный щит, густо затканый облаками, бронзовыми и охряными; мутная зелень и голубизна, сумеречный фиолет; огненный рубин «красного пятна», на котором могли бы уместиться четыре Земли; роящиеся луны, наиболее крупные из которых могли бы быть небольшими планетами. Твое великолепие лишь немногим менее ужасно, чем великолепие Солнца!

Скип плавал внутри обсервационной сферы. Он был привязан шнуром к мостику и пожирал глазами открывшееся ему зрелище. Отраженный юпитерианский свет заливал его и Ивонну. Даже на таком расстоянии сила света раз в пятьдесят превышала силу лунного света на Земле в пору полнолуния, затмевая звезды и окрашивая наблюдавших в золото. Скип с Ивонной были одни.

— Не понимаю, — сказал Скип, — почему Агасфер не с нами? Почему не смотрит?

Его мысли медленно возвращались к Ивонне. Их направлял свет, который блестел в ее глазах и, отброшенный мановением ее век, отражался дальше. Скипу пришла мысль о Данае, и он предпочел бы услышать иной ответ, нежели: «Наверное, пошел спать, как и Ван. Когда-то надо и отдохнуть. Ван уже немолод, а у Агасфера был трудный день. Два с половиной g, когда ты привык к одной трети, сам понимаешь...»

— А как ты? — Ивонна протянула к нему руку.

— Подустал малость... Астрономы вот все толкуют, мол, в атмосфере Юпитера сплошные ураганы, причем куда круче наших, земных. А мне плевать на них! Я собираюсь слетать туда в челноке. — Скип посерьезнел и вновь устремил взор на юпитерианский лик. — Ой, стоит! — прошептал он. — Тысячу раз стоит! Представляешь! Горы замерзшего газа, выше наших гор. Горы и горы, сколько видит глаз, вздымаются, громозлятся, сверкают... И краски, краски...

— Скип! Лезть туда — чистое безумие! Пожалуйста, не надо!

— Нет, надо! Если Агасфер пойдет, я с ним. — Скип повернулся к Ивонне и взял ее за руку. — Сама посуди, Ивонна, ведь это он затеял нашу прогулку, а я думаю, ему виднее, что можно, а чего нельзя. И теперь, когда он показал мне, как управляют челноком, позволь уж мне порезвиться в юпитерианских небесах! Господи, это будет высший пилотаж! — Скип помолчал. — Не беспокойся. Пилотировать этот драндулет не так уж и сложно, даже новичку. Во всяком случае, я ни разу не потерял управления. Но он плохо переносит повышенную гравитацию. Чего мы пока не можем осуществить, так это совместного творчества человека и сигманца.

Ивонна вздохнула. Скип почесал в затылке.

— Ты что-то выглядишь несчастной, — сказал он. — Какие-нибудь проблемы?

— Да так, ничего... — Ивонна отвела взгляд. — Устала, наверное. Слишком много впечатлений... Нет, Ван Ли тут ни при чем. Просто так уж я устроена. — Ивонна провела ладонью по лицу. — Сказать по правде, плохо на меня действует этот тропический климат. Как думаешь, нельзя ли тут устроить помещение, где было бы прохладно и сухо?

— Наверное, можно. Только вот как об этом спросить у сигманца? Однако ты и без этого можешь сделать так, чтобы чувствовать себя комфортнее. Сними ты с себя эти тряпки. — Скип жестом указал на ее платье и на свои шорты. — Пусть Ван Ли остается самоотверженным коммунистом и сохраняет

достоинство партии, парясь в своей коричневой униформе. А нам с тобой не нужно ничего, кроме карманов. В интервале гравитации от нуля до одной трети g ты вполне можешь обойтись без бюстгальтера. Ничего не отвиснет. Впрочем, у тебя и при нормальной гравитации грудь смотрится ничего себе.

Скипу вполне хватило юпитерианского света, чтобы заметить, как Ивонна покраснела. Левой рукой Скип взял ее за подбородок, а правую руку положил ей на бедро и сказал:

— Ивонна, даже твои любимые ортодоксы еще до моего рождения отменили табу на обнаженную натуру, если речь идет не о публичных местах. Разве мы с тобой не видели обнаженного тела? Да квадратные километры! И место тут вовсе не публичное. Никто тут глазеть на тебя не собирается. Зачем тебе мучиться?

Ивонна взволнованно дышала, стиснув зубы.

— Ладно! — выпалила она с вызовом и поспешно, пока не прошел запал, разделась.

— Замечательно! — со смехом сказал Скип. — Я ведь не давал слова не восхищаться! Ты прекрасна!

— Я, пожалуй, пойду, — произнесла Ивонна дрогнувшим голосом. — Спокойной ночи.

Она отстегнула шнур от пояса, взяла свою одежду в охапку и, оттолкнувшись, уплыла вдоль поручней. Скип взглядом проводил Ивонну, плывущую под золотым дождем.

Агасфер сообщил, что они направляются к Сатурну. Предстояло сделать большой крюк, тем более что Шестая планета была далека от точки противостояния с Юпитером.

Все четверо более или менее регулярно собирались на сеансы общения. Однако это не означало, что сигманец проводил все свое время у звукосинтезатора. На самом деле речевой язык интересовал его в последнюю очередь. Вдвое больше времени он вместе со Скипом занимался графикой и скульптурой и втрое больше времени предпочитал находиться вне общества людей. (Скип считал, что он, видимо, работает над своими произведениями, а может, просто наблюдает, как колышется какой-нибудь листик или сияет голубая звезда.)

Тем не менее Агасфер проявлял теперь куда больше терпения к лингвистам, чем прежде. То ли он пришел к выводу, что рано или поздно ему все равно придется общаться с землянами на приемлемом для них языке, то ли Скипу с помощью обобщенной системы иероглифов удалось что-то втолковать ему, то ли

что-то иное повернулось в его нечеловеческом сознании... Как бы то ни было, два-три часа в день он безропотно проводил у звукосинтезатора.

Прогрессу в этой области немало способствовало то обстоятельство, что Агасфер мог «читать» рисунки Скипа, а тот, в свою очередь, худо-бедно понимал смысл его объемных картинок. Заодно оба учились друг у друга технике рисования.

Вскоре Ивонна и думать забыла о скудности своего наряда. Ван же держал свое неодобрение при себе. Оба были слишком заняты, проводя сеансы языкового обучения, анализируя результаты и составляя планы новых сеансов.

— Мы работаем за десятиртых, — сказал Ван. — К счастью, мы можем привлекать аппарат множества известных нам с вами языков. И все же мне хотелось бы, чтобы тут поработали специалисты по языкам арунта, нагуа, соза, специалисты по дравидским языкам...

— Да-да, по всем человеческим языкам, — подхватила Ивонна и провела рукой по лбу, поправляя непослушные черные локоны. — Вот когда вернемся, быть может... В это плохо верится, но я молю Бога, чтобы эта история объединила все народы Земли.

Ван не ответил. Между ними витала невысказанная мысль: «Как бы не развела еще дальше!»

Тем не менее они были поглощены работой, и она приносила им открытия. Они уже стояли на пороге того, чтобы можно было задавать конкретные вопросы.

Более или менее споро, в зависимости от сложности вопроса, пошли и ответы. Оказалось, что звездолет и впрямь прибыл с сигмы Дракона, со второй планеты. Ее диаметр был примерно вчетверо меньше диаметра Земли, средняя плотность тоже была поменьше. Впрочем, тут не было ничего удивительного. Сравнивая размеры Венеры и данные ее атмосферы с соответствующими показателями Земли, тоже поначалу удивлялись, почему воздуха в атмосфере Земли меньше, чем полагалось бы при ее размерах и температуре. (Спрашивайте! Спрашивайте! Сигманцы посетили сотни звезд, причем еще много тысяч лет назад.) На их планете были океаны и суша, правда, скорее большие острова, а не огромные материки. Лун у этой планеты не было. Она обращалась вокруг своей оси примерно за пятьдесят часов. При малом осевом наклонении сигманский год составлял примерно одну четверть земного... Погодите, как же так? Ведь планета более удалена от звезды, значит, холоднее... нет, звезда ведь

меньше Солнца... ладно, пусть разбираются астрономы. Тут им откроется новая космология!

Другие же планеты... Нет, постойте! Давайте сначала спросим, как возникла жизнь на их планете. Что пользы во Вселенной, если в ней нет жизни, которая способна восхититься ею!

В короткое время были разрешены многие биологические загадки. Оказалось, что догадки были верны. Ткани сигманской плоти не имеют специализированного назначения и являются многофункциональными. Если что и было специализировано, то на весьма примитивном уровне по сравнению, скажем, с нашим желудком, половыми железами или мозгом. Основная тенденция развития клетки заключалась в увеличении их объема, усложнении их состава и приспособлении к многоцелевому использованию. Соответственно, живые существа были однополыми, однако для зачатия требовалось два партнера, причем зачатие происходило сразу у обоих. По всей видимости, такие супружеские пары создавались на всю жизнь, которая продолжалась, видимо, несколько столетий.

Ответы на более тонкие вопросы можно было трактовать по-разному. Но предварительные выводы сводились примерно к следующему.

Биологические и мыслительные функции у сигманцев осуществлялись со значительно меньшей скоростью, чем у людей. Чего никак не скажешь о сенсорных функциях. Сигманцы буквально плавали в океане сенсорной информации и на все нюансы реагировали практически на молекулярном уровне. В общем, наряду с прочими тончайшего свойства сигналами сенсорная информация играла исключительно важную роль в процессе их общения. И хотя звуковая речь и письменность были развиты у сигманцев на достаточно высоком уровне, они составляли лишь часть их языка — полезную в определенных ситуациях, но никоим образом не всеобъемлющую.

И весь этот язык был составной частью их бытия. Несомненно, сигманцы как индивидуальности отличались друг от друга так же, как и люди. Однако Ивонна, похоже, была права, высказав гипотезу, что их индивидуальность более размыта, то есть менее отграничена от окружающего, нежели индивидуальность человека. («Супер-дзен!» — заметил Слип.) Это обстоятельство объясняет, почему Агасфер без особого дискомфорта способен проводить многие годы в полном одиночестве. По его меркам он вовсе не был отшельником. Его индивидуальность включала в себя некоторое количество, так сказать, «подличностей», которые могли общаться друг с другом. Причем ни одна из

них не ощущала себя изолированной, но все вместе они образовывали свой микрокосм. Надо полагать, Агасфер собирался когда-нибудь вернуться домой, но он вовсе не спешил. Его вполне удовлетворяли его одиночное творчество и исследования.

Таким образом, именно эстетический фактор эволюции определил процесс зарождения и развития разума на планете сигманцев. В отношении предков человека теория утверждает, что таким фактором было любопытство. Этот фактор был жизненно важен для животного, которому следовало научиться распознавать опасность и те возможности, которые предоставляла ему окружающая обстановка. Предки прасигманцев, которые уже, видимо, освоили и активно познавали окружающую среду, пошли дальше и приступили к ее преобразованию, чтобы добиться более благоприятных условий жизни. Таким образом, к тому времени, когда появились научные методы, было куда проще расширить область точных наук, нежели сводить интеллектуальный хаос к серии изящных формул и решений.

Разумеется, отчасти это относится и к людям, которые, равно как и сигманцы, несомненно, обладали любопытством. Разница была в порядке величин. Как бы то ни было, научные исследования приобрели преимущественно прагматически-технологическую направленность. У Вана с Ивонной сложилось такое впечатление, что сигманцы вообще не знали войн, а противоестественные отравления земли и воды случались там крайне редко. Таким образом, механизмы работали исключительно на благо цивилизации.

Разумеется, это не означало, что сигманцы были святыми. Возможно, куда в меньшей степени, чем люди, они были способны бороться за коллективные интересы или во имя каких-либо идеалов и куда с большей охотой прибегали к жестокой эксплуатации себе подобных. Правда, все эти выводы были чисто умозрительными. Но было недвусмысленно показано, что Агасфер просто не в состоянии осознать некоторые абстрактные понятия, вроде «бесконечности». (Рисовали серию треугольников с общим основанием — все большей и большей высоты. Постепенно боковые стороны становились все ближе к двум параллельным прямым. Затем на том же основании рисовали два перпендикуляра, обрывали концы штрихом и указывали таким образом, что идеальные линии пересекаются в бесконечности. Агасфер никак не мог взять в толк последней операции и вместо ответа отрицательно верещал. Люди почти слышали его мысли: «Это невозможно!») Быть может, людям еще представится возможность открыть сигманцу математику, а не только искусство... а также

философию, поэзию, музыку, танец... Существует много видов любви, помимо сексуальной. Какая любовь может возникнуть между двумя представителями различных космических рас? Или между тремя, четырьмя, или, скажем, миллионом?

«Славно, славно». — напевал Скип, глядя на звезды, пока не наступил час, когда все надежды рухнули.

Глава 14

Далеко внизу под челноком, словно огромный континент, лежали сатурнианские облака: равнины, горы, ущелья, дымящиеся неторопливые реки. Белые облака с мутной позолотой, глубокие синие тени. Наиболее яркие облака давали призрачные отражения колец Сатурна. На эти-то кольца и смотрела Ивонна. Они висели на фоне черного звездного неба. В тех местах, где призматические частицы расщепляли свет, посверкивали гигантские радуги. Непостижимое величие, невозможная красота!

— Хоть и жалко уходить, но будет лучше, если мы вернемся, — нарушил молчание Ван.

Ивонна согласно кивнула. Ван смотрел на операционные экраны, которые висели над блоком управления, и водил под ними пальцами. Ускорение прижало людей к спинкам кресел. Челнок направился к звездолету.

Ван включил связь.

— Алло! — сказал он. — Мы идем обратно. Где место встречи?

Монитор связи был настроен на Скипа. Кстати, выход на связь мог быть осуществлен из любого помещения звездолета. Вскоре они услышали голос Скипа:

— Ну и как вам там понравилось?

— Сказать «здорово», значит, ничего не сказать, — весело откликнулась Ивонна.

— Да уж, могу себе представить, — проворчал Скип. — Но я не жалею, что остался на борту. Расскажу потом, когда придете... Дайте-ка проверю... с Агасфером, конечно... Будет проще, если вы двинете к Титану. При одном g. Мы там пересечемся. Сумеете?

— Да, — коротко ответил Ван.

Он повторил порядок маневров, отключил связь и принялся манипулировать системой управления. Исполненная в сигманском стиле, она представляла собой схематический рисунок. Ван

нашел на схеме наибольшую из сатурнианских лун и указал системе, что намерен отправиться туда с заданным ускорением. Челнок несколько изменил курс и стал ускоряться.

Когда Ван узнал, что Скип научился управлять челноком еще во время первого полета в марсианской атмосфере, он настаивал, чтобы его тоже научили. Управление оказалось совсем простым. Компьютер (или что там было у него внутри?) брал на себя почти все. Лететь в космосе на таком аппарате было куда проще и безопаснее, нежели вести машину без автопилота по пустому шоссе.

Агасфер дал знать, что он намерен облететь вокруг Сатурна, чтобы посмотреть на него с разной высоты и с разных сторон. А потом они направятся обратно, в сторону Солнца. Ивонна с Ваном захотели повторить свое почти религиозное паломничество и еще раз посмотреть на кольца Сатурна снизу. Сверху они уже насмотрелись. И хотя это тоже было великолепное зрелище, снизу совсем другое дело. Скип тоже был не прочь отправиться с ними, но сигманец настоял, чтобы тот остался на борту звездолета. Против же повторения экскурсии Агасфер не имел никаких возражений. Сатурн был совершенно безопасен, тем более если оставаться в верхних слоях атмосферы. Получая втрое меньше солнечной энергии, чем Юпитер, эти слои атмосферы Сатурна были спокойны, а гравитация на этих высотах лишь немного превосходила гравитацию на поверхности Земли.

— Если бы мы только могли рассказать людям, когда вернемся домой! — воскликнула Ивонна. — Рассказать так, чтобы они поверили. Сколь мы, люди, ничтожны и сколь велики могли бы мы быть! Сколь отвратительны все наши интриги и ссоры!

— Я думаю, люди это и так понимают, — откликнулся Ван. — За исключением горстки чудовищ. К несчастью, многие из этих чудовищ находятся у рычагов власти, вынуждая простых людей уподобляться им.

Ивонна грустно улыбнулась:

— Поди знай, кто есть кто...

Она смолкла, не в силах грустить под этим грандиозным мостом богов.

Они стояли в обсервационной рубке и смотрели на удаляющийся Сатурн. Ван с Агасфером устроились рядом. Китаец сочинял стихотворение, в котором хотел передать свои впечатления от увиденного, а сигманец одним из своих четырех глаз

разглядывал выходящие из-под руки Вана иероглифы. Ивонна отошла на другой конец мостика, чтобы не смущать их.

Было все еще довольно светло. Свет Сатурна, конечно, много уступал в силе юпитерианскому — приглушенный, но все-таки в десятки раз сильнее нашего лунного. Облака над Сатурном были ровными, одноцветными и без вихрей. Но кольца!.. А впереди, где маячило крошечное Солнце, открывался огромный серп Титана. Ивонна стояла на его вечных снегах, смотрела сквозь его мутно-голубую атмосферу на зависший над ними, словно гора, Сатурн и плакала от счастья.

Едва Ивонна положила руку на поручень, как тут же поверх ее руки легла чья-то рука. Ивонна узнала бы эту теплую ладонь из тысячи, узнала бы ее запах, запах человека, несмотря на все многообразие сигманских ароматов.

— Можно я постою с тобой? — тихо спросил Скип. — С тех пор как вы вернулись, у меня не было случая рассказать, чем я тут занимался.

Сердце у Ивонны екнуло.

— Конечно, оставайся. Расскажи, что тут у вас произошло, пока нас не было.

— Значит, так... — начал Скип и запнулся. — Мы отлично провели время. Сначала покрутились вон на той орбите, потом вот тут, поманеврировали... Опуская технические детали, вот тут мы взяли вас на борт...

— Ты, что ли?

— А кто же еще?

Ивонна повернулась к Скипу. В волшебном свете он стоял залитый серебром и увенчанный звездной короной.

— И мы можем вернуться сюда! — шептала она. — Ведь Агасфер хочет показать нам всю Вселенную!

Скип помедлил мгновение.

— Да, он очень хочет, — сказал он.

Когда Скип двигался, по его телу пробегали тени, подчеркивая его отличную мускулатуру.

— Мы можем вернуться, — повторила Ивонна. — А можем полететь дальше... И все мечты человечества... Я так счастлива! Так я чувствовала себя, когда выходила замуж... Нет, тогда все-таки примешивался привкус повседневности. А тут... Ты помнишь конец века?

— Конечно. Тогда мы, то есть банда соседских мальчишек, достали кучу всяких пиротехнических штук и зажгли все разом! Полиция и родители только выбрали нас. Да, это было нечто, той ночью!

— Ты был еще подростком, а мне уже было под двадцать, возраст, когда неуклюжесть подростка уже позади, ты надеешься на счастье и мир полон чудес! А тут еще новый век, новое тысячелетие! Ворота, перед которыми хочется бросить все дурное, износившееся, грязное — и пройти в них без этого тяжкого бремени, чистыми, свободными. Войти в ничем не оскверненную страну, обетованную землю... И сейчас вот тоже. Только теперь это не юношеская иллюзия, это реальность! Это навсегда! — Ивонна обняла Скипа. — И это сделал ты, Сkip! Ты и никто другой!

Сkip обнял ее, та попыталась высвободиться, но он не отпустил ее. Ивонна подняла голову и нашла губами его губы. Минута длилась целую вечность. Наконец Ивонна чуть отстранилась и взглянула за спину Скипа, на другой конец невидимого мостика. Там, на фоне Млечного Пути, словно зависшая в звездном крошечке, маячила чешуйчатая фигура Агасфера, которая почти целиком заслонила Вана. Сkip положил руку Ивонне на затылок и властно привлек к себе. Его рука спускалась по ее шее, по спине... Его другая рука... Ее руки блуждали по его шее, плечам, бокам...

«Нет... пожалуйста... о-о-о! Почему бы и нет? Чего я ждала? Иди сюда, милый! Сатурн подождет. Мы еще вернемся сюда. Моя каюта... — И уже сквозь смех и слезы: — А я ведь подготовилась. Я не думала, но, когда распаковывала свои вещи, я нашла... Обручальные кольца!»

Сигманец намеревался сделать остановку в окрестностях Меркурия. На постепенное снижение орбиты требовалось около двух недель. А потом, пройдя почти у самого Солнца, корабль должен был возвратиться к Земле. (Очевидно, Агасфер не считал необходимым приближаться к Венере, полагая это опасным, впрочем, как и люди.)

— И домой! — сказал Сskip.

— Уж и не знаю, то ли плакать, то ли радоваться, — заметила Ивонна, нежась в его объятиях. — Наверное, и то и другое.

Ее ладонь, лежавшая у него на спине, казалось, говорила: «Все хорошо, пока мы вместе».

Ван не обращал на Ивонну никакого внимания. Он просто сделал вид, что не замечает случившегося в ее отношениях со Скипом. Западный человек, по крайней мере, поздравил бы.

«Наверное, в глазах этого ханжи мы просто отвратительны», — думала Ивонна, теснее прижимаясь к Скипу.

— Можно ли нам будет воспользоваться челноками? — спросил Ван.

Они сидели во временно выращенных креслах в помещении, которое первоначально было кают-компанией для людей. Собирались в этой кают-компании было тем больше оснований, что всю аппаратуру разместили именно здесь. («Наши общие обеды тут носят какой-то вынужденный характер, — думала Ивонна. — Мы со Скипом в это время всегда вместе — от составления меню и готовки до последнего кусочка пищи и поцелуя на десерт. Ван ест отдельно».) Агасфера с ними не было. Купол был открыт, пахло цветущим садом, напоминая людям о существовании, которое, по словам осведомленного Скипа, прилетело сюда за восемнадцать световых лет, чтобы на благо своего народа обновить то чувство прекрасного, что некогда принесли от Солнца их далекие предки.

— Скип! — не унимался Ван. — Как вы полагаете, не пора ли поделиться с нами, то есть со мной, той информацией, которая была получена вами в наше отсутствие? Ведь наш проект — идеальный случай международного сотрудничества.

Скип сдвинул брови.

— Я жду, — настаивал Ван.

— Хорошо, я все расскажу, — решил Скип. — Вы напрасно думаете, что я что-то скрываю. У меня с Агасфером нет никакого секретного кода для обмена информацией, мы не перестукиваемся с ним через стенку.

Ван еще более помрачнел.

«Надо бы, чтобы мой миленький действовал поосторожней, — подумала Ивонна. — Ничего он китайцу не сделает, но тот ведь совсем не понимает шуток. Сочтет это за оскорбление и ответит тем же. Скип вспылит, дальше — больше. И они сцепятся, как два петуха!»

Наверное, «кузнечик» заметил ее взгляд. Во всяком случае, он продолжал вполне серьезным тоном:

— Не усматривая никакой пользы в звукосинтезаторе, я так и не научился имитировать сигманскую речь. Мы обмениваемся разве что парой слов. Главным образом идет обмен рисунками. У нас с ним получился целый лексикон понятных нам обоим знаков. Этот лексикон я приложу к официальному отчету. Тем не менее наше взаимопонимание основывается, в первую очередь, на интуиции. Это нечто вроде попытки читать комиксы, где большинство надписей не пропечатано.

— Вы уже рассказывали про это, — заметил Ван, не оставив еще своих подозрений. — Я спрашиваю вас о том, как вы

считаете, не даст ли нам сигманец челнок для посадки на Землю?

— Я считаю, что в одном челноке он нам не откажет, если мы очень попросим. Или если я попрошу. Короче говоря, Ивонна первая научилась говорить с Агасфером, а я ее брат по цеху. — Скип погладил Ивонну по голове. — И то, что Агасфер предпочитает мое общество обществу Ивонны, неопровержимо свидетельствует о том, что он ни черта не понимает в жизни! — Скип снова стал серьезен. — Однако я считаю, что просить челнок нам вовсе не следует. Во всяком случае, лично я просить не стану. Наши астронавты прекрасно нас заберут, как положено.

Ван сидел неподвижно. Ивонна смотрела в лицо Скипа, оно было очень серьезным, даже тревожным.

«Почему?» — подумала она.

— И вы, профессор, знаете почему, — продолжил Скип. — Слишком большое искушение для политиков. Полагаю, что это может привести к дестабилизации обстановки.

— Быть может, вы и правы, мистер Вэйберн, — медленно произнес Ван.

Скип чуть повернулся на бок. Голова Ивонны лежала у него на плече. Свободной рукой он неторопливо гладил ее. Какота была залита слабым розовым светом.

— Ты ангел, — шепнул он.

— Я счастлива, — шепнула Ивонна в ответ и погладила Скипа. — Правда, ангел-то падший.

— Падший или оступившийся?

— И то и другое. Нет, скорее, сильно оступившийся.

— Две падшие души, да? Свободное падение... вечное свободное падение... на этот раз навсегда...

Скип опустил голову и зарылся носом в ямочку под ее ключицей, но ленивая расслабленность мгновенно слетела с Ивонны.

— Что ты сказал?! — взвилась она. — Что значит «на сей раз»?

— Да, на этот раз навсегда, — прошептал Скип. — Я понял это сейчас, подле тебя.

— Значит, у тебя бывало то же самое с другими женщинами?

Скип отпустил Ивонну и сел. Он смотрел прямо ей в глаза.

— Усек, — сказал он совершенно серьезно. — Да. Однажды, давно, правда, я совершенно искренне считал, что это навсегда. Но ты совсем другая, Вонни. Ты чудо, ты уникам!

Ивонна прильнула к нему и легла спиной на изголовье, которое они сделали, когда выращивали двуспальное ложе. Со всей силой она прижалась к Скипу, но смотрела прямо перед собой. Она заговорила быстро и взволнованно.

— Не забывай, между прочим, у меня есть образование и свои представления о жизни. Пойми меня правильно, я ведь понимаю, что тебе от меня ничего не нужно, кроме меня самой. Нам вместе хорошо и хорошо вместе работать. Я допускаю даже, что у тебя никогда прежде не было таких замечательных женщин, как я. И ты, Скип, тоже замечательный! Ты любишь учиться, умеешь думать. Я учу тебя, и это бросает вызов твоему интеллекту. Но что дальше? Я не так уж красива, не надо мне льстить. Пожалуй, разве что эффектна. Наверное, я первая влюбилась в тебя, когда ты показал мне, как я эффектно выгляжу. Помнишь? Целую вечность назад, на корабле? Но я далеко не королева красоты. Я же такая тощая! Я стараюсь учиться, как понравиться тебе, но у тебя наверняка были женщины и получше. А еще... Когда мне стукнет сорок, тебе будет всего-навсего тридцать два. Когда тебе сорок два, мне уже пятьдесят...

— Это ерунда! — сказал Скип.

— Ну конечно! Потому что к тому времени ты меня уже бросишь! Это часто не дает мне уснуть. Ты спишь, а я лежу, слушаю твоё дыхание и думаю, что, даже если все будет хорошо, нам с тобой будет очень непросто. Но ты орел, а я голубка.

— Слишком романтично, — проворчал Скип. — Назови лучше меня гусем, а себя цыпленком.

Ивонна заплакала и отстранилась. Скип обнял ее.

— Ну прости, прости! Не надо было мне шутить. Я не нарочно, просто так уж я устроен. Я тебя не променяю... даже на этот поганый звездолет!

Когда Ивонна немного успокоилась, Скип странно посмотрел на нее.

— Ты что, скоро потечешь? — спросил он.

Ивонна шмыгнула носом и кивнула:

— Похоже на то.

— Это вовсе не делает менее важным то, что ты сейчас сказала, но не нужно так расстраиваться, когда к этому нет никаких оснований.

— О-хо-хо! — Ивонна попыталась улыбнуться. — Проклятие! Почему мы не взяли с собой сигарет? В следующий раз будем умнее.

— Браво! — Скип потрепал ее по щеке. Затем он сел на край постели, чтобы видеть глаза Ивонны, и взял ее за руку. —

Вонни, — начал он, — если бы у меня была привычка, как у тебя, беспокоиться насчет своего будущего, я и впрямь испугался бы. Но мне представляется, что скорее я надоем тебе и ты прогонишь меня, нежели я сам куда-нибудь намылюсь. Нам остается попробовать и посмотреть, что из этого выйдет. Лично мне очень хочется попробовать. И я сделаю все, чтобы это было навсегда. Ты чудо! — Скип перевел дыхание. — А чтобы доказать это, я расскажу тебе кое-что, чего не сказал бы никому другому. Быть может, я не должен этого делать, не знаю, но я хочу отдать тебе все, что имею.

На мгновение Ивонна вспомнила своего младшего брата, который, когда ему было пять лет, а ей как раз стукнуло четырнадцать, смущаясь и глядя на сестру влюбленными глазами, притащил ей в подарок кое-как самолично склеенную модель реактивного самолета.

— Я знаю, как управлять этим звездолетом, — просто сказал Скип.

Ивонна села.

— Да-да. — Скип покивал. — Когда мы с Агасфером маневрировали на орбите у Сатурна, он изволил показать мне, как управляют звездолетом, пока вы с Ваном катались на челноке. Сначала я думал, что он просто хочет показать мне эффект доплеровского «красного смещения», чтобы вместе порисовать его, а он возьми и дай мне урок управления. Это совсем просто. Единственное, что и впрямь сложно, так это попасть в рубку управления. Там нужно очень точно жестикулировать, иначе дверь в рубку не откроется. Серией специальных жестов запускаются двигатели. Причем, думаю, там налажена отличная защита «от дурака». Но управление совсем иное, чем в челноке. Рубка управления много меньше обсервационной, в ней находятся несколько навигационных экранов. Когда установишь курс, управление можно перевести на автопилот. В общем, ерунда. Я готов лететь куда угодно! Во всяком случае, там есть полные навигационные схемы, относящиеся к нашему краю Галактики. Сначала включаешь тягу Буссарда, для разгона, а потом, когда убедишься, что никому не повредишь, врубаешь фотонный двигатель.

— Наверное, Агасфер всецело доверяет нам, — вымолвила Ивонна.

Скип скорчил мрачную гримасу.

— В том-то и беда, — сказал он. — Он считает нас такими же безобидными, как и прочие существа атомной эры развития, каких ему, очевидно, приходилось видеть на других планетах. Можешь себе представить печальные последствия...

— То-то я смотрю, ты помалкиваешь.

— Вот-вот. Если помнишь, я едва не проболтался. Но вовремя сообразил, что Вану лучше ничего не знать. Чем больше я думаю, тем больше сомневаюсь. Он ведь и сам признает, что не очень-то мудро будет дать сигманский челнок в лапы нашим военным. Даже принимая во внимание, что они вряд ли сумеют сделать копию. Это будет ничем не проще, чем, скажем, для Маркони создать копию транзисторного телевизора. Но звездолет! Тут не нужно строить целого флота. Хватит его одного! Чего же проще? Прислать к Агасферу делегацию — а уж теперь-то делегацию с произведениями искусства он встретит с распростертыми объятиями, — тут же повязать его по рукам и ногам или, еще проще, убить — и ты властелин мира!

«Он любит меня настолько, что делится своими опасениями», — подумала Ивонна.

— А ты не можешь втолковать Агасферу, чтобы он никому больше ничего не рассказывал? — спросила она.

— Я пытался. Но поди-ка сформулирую, это не так-то просто!

— Слава Богу, что ты единственный, Скип!

Ивонна прильнула к нему, но тот не пошевелился.

— Если ты думаешь, что нам привалило счастье, потому что я единственный обладатель тайны, то ты сильно ошибаешься, Ивонна.

— Наверное...

— Что «наверное»? Предположим, вся эта мощь достанется Америке. Я не такой уж патриот, но моя страна мне далеко не безразлична. Что ни говори, Америка поприличнее всех прочих. Ей достанет силы и мощи поддерживать всеобщий мир. Но я сомневаюсь, что все эти шаткие международные соглашения не рассыплются вскоре, как картонный домик. Посмотри, как они принялись тянуть одеяло на себя! Неужели такой договор лучше, чем никакого договора? Будет ли он работать? — Скип покачал головой: — Не знаю. А ты знаешь?

— Нет, конечно, — сказала Ивонна. — Но я верю...

— Не маловато ли тут одной веры? Думай, Ивонна! Думай, пожалуйста! Шевели своими хорошо смазанными мозгами! — Скип ласково поглядел на нее. — А мне нужен твой совет. Но потом. Сначала я должен решить сам, понимаешь? Сам.

Скалистый, испещренный кратерами Меркурий. Черное небо. Днем — свет гигантского Солнца, подобный огненному урага-

ну; повсюду озера расплавленного металла, который ночью застывал и блестел при свете звезд. Искореженное величие!

Ивонна, кажется, поняла, каким образом на челноке осуществляется защита от слишком яркого света и, возможно, от жесткого излучения. Прозрачный корпус автоматически самозатемнялся, в зависимости от обстановки. Она только поражалась отсутствию перегрева внутри, учитывая то, что снаружи температура была около семисот градусов по Кельвину. Они хотят пройти вблизи Солнца... Но способна ли простая комбинация магнитного и электрического полей управлять не только заряженными частицами, но и незаряженными, в том числе и фотонами? Ивонна не была уверена, что это вообще теоретически возможно. Впрочем, она понимала, что физические теории землян — далеко не последнее слово в науке.

Все эти размышления шли как бы по поверхности ее мыслей. Ивонна чувствовала себя совершенно несчастной.

На корме челнока Скип с Агасфером увлеченно пытались с помощью масляных красок и сигманских пигментов нанести на холст великолепную картину огненной бури. Огромный светящийся вихрь, охвативший гигантский утес, сияющий мириадами слюдяных искр!

«Куда ему жениться, когда его зовет сама судьба? — думала Ивонна. — Независимо от того, какое решение мы изберем, я с каждым часом все более осознаю нашу вину. Сознаю, что я ему не пара и он того гляди пойдет на попятный, а я его, собственно, и не держу, и, возможно, едва ступив на Землю, он бросит меня. Может, оно и к лучшему? Но как бы я хотела, чтобы этого не случилось!»

Неподалеку от нее, в носовой части челнока, Ван возился с кинокамерой, которую взял с собой с корабля.

— Возьму себе хотя бы копию пленки, раз уж ничего другого не взять, — заметил он. — Моя дочка любит светлячков.

— Хотела бы я посмотреть на вашу дочку, — сказала Ивонна.

— Пожалуйста! — сказал Ван вполне искренне. — Почту за честь принять вас в своем доме.

«Ну-ну... — подумала Ивонна. — Это после того, как моя страна стерла с лица земли несколько ваших городов лишь для того, чтобы показать, что она способна превратить в пепел все, что создал Китай за четыре тысячи лет, если китайцы не позволят оккупационным войскам войти на свою территорию?»

— И я надеюсь, мы сможем нанести вам ответный визит, — продолжал Ван. — Моя дочка много слышала о Диснейленде. —

Он вздохнул: — Я как-то побывал там и нахожу Диснейленд слишком легкомысленным. Но мы после революции вот уже три поколения боремся за то, чтобы вот такая Пинь могла приобщиться к настоящей культуре, получить все возможности для самореализации, ну и, конечно, пусть будет чуть-чуть легкомыслия.

«Если вас уже три поколения кормят одними обещаниями, — подумала Ивонна, — то почему с малышкой Пинь должно быть иначе? Ты даже не можешь просто привезти ее ко мне в Америку, потому что, когда ты едешь за границу, твоя семья остается в заложниках. Как я упрощу Скипа не уничтожать такое правительство во имя безопасности всех людей? Ведь этих лидеров не изменишь, они не меняются и не могут дать миру ничего лучше позорного мира Цезаря. А надолго ли такой мир? Римская империя разорвала себя на части. Византия исчезла. Или я не доверяю своим соотечественникам? Что, если мы скажем Алмейде, мол, Скип умеет управлять звездолетом? Не возьмет ли он Скипа в свои железные лапы? Не накачает ли его наркотиками, не станет ли пытаться, покуда тот не выдаст свою тайну? А не он, так его начальство? Я голосовала за президента Бревермана. Он сидит теперь в доме Томаса Джефферсона... Но разве не в старой доброй Баварии начинал Гитлер?.. Что делать, что делать?»

Гравитация на Меркурии была несколько меньше, чем на нормально ускоряющемся звездолете, но Ивонна чувствовала такую тяжесть, словно была уже на Земле.

Тебе, разумеется, известны общие характеристики: фото-сфера 1390 тысяч километров; масса — в 329—390 раз превышает массу Земли; энергия в пересчете на превращение материи в излучение — порядка 560 миллионов тонн в секунду; протуберанцы выбрасываются на расстояние до 150 тысяч километров, корона радиусом в несколько раз больше; солнечный ветер распространяется даже за орбиту Плутона. Ты, конечно, видела фотографии, научно-популярные фильмы по астрономии и трансляции с автоматических непилотируемых зондов. Все это очень интересно. Занимательные истории о нашем старом добром Солнце, которое представляет собой обычный желтый карлик и, как ожидается, еще около пяти миллиардов лет художественно будет поставлять нашему миру лучистую энергию. Ты, конечно, и сама насмотрелась на Солнце. Проказливое светило! Оно может так отсвечивать на экране телевизора, что не даст тебе посмотреть твою любимую передачу, может сделать так,

что нос у тебя покраснеет и станет шелушиться. А если очень уж разъярится и ты зазеваешься, то может и вовсе убить. И все-таки это наш старый приятель, Солнце!

Но, оказавшись лицом к лицу с этим хаотически мечущимся, завихряющимся пламенем, ты понимаешь, что вся эта предварительная информация не имеет уже никакого значения.

Посмотрев с Меркурия в сторону Солнца, ты видишь сперва невыносимо слепящее сияние: солнечную бурю! Колышущаяся, фонтанирующая грива сполохов в окружении лучезарного ореола, сверкающего на фоне звезд жемчугом и перламутром. Нет слов! Но ты перемещаешься ближе, сияние усиливается, пожирая все небо. Все горит, пылает, пламя становится вездесущим, ревет и ярится вокруг, покуда звездолет прошивает эту огненную бурю, которая воеет, свищет, поет свою сладкую высокую песнь! Красные, зеленые, желтые, ярко-синие огненные пятна, которые способны сжечь любую неосторожно приблизившуюся планету. И ты не можешь помочь себе, иначе как прикрыв глаза и заткнув уши. Эта яростная мука поглощает тебя, пробирает до мозга костей и наполняет тебя ужасом...

И все эти несколько часов он не обращает на тебя никакого внимания, он кричит, чтобы ты уходила в свою каюту, раз тебе не нравится это зрелище, он сердится на тебя, и тебе приходится доказывать ему, что ты не трусиха, оставаться и смотреть, смотреть, а он со своим дружкой гонит тебя прочь: ты мешаешь им, они мечутся, словно разразился Рагнарёк...

И вот худощавый седой человек, который любит свою маленькую дочку, стоит рядом и позволяет тебе прижаться к нему, поглаживает тебя по плечу и, когда рев ослабевает, подобно тому как стихает рев моря между двумя приливными валами, говорит тебе...

— Мы в полной безопасности, этот корабль уже бывал здесь раньше. Вам нечего бояться.

— Я знаю, знаю. Но почему все-таки так страшно?

— Весь этот свет, звук, вся эта кипящая, невообразимая жизнь... она ошеломляет. Чувства перегружены. Пытаясь защититься, разум отказывается принимать. А нашим художникам только подавай! Они сами стремятся к переизбытку впечатлений. Они рождены для этого. А я... Я предпочитаю отступить, я побаиваюсь. Жизнь сделала меня сдержанным, научила ничего не принимать близко к сердцу... Но в любом случае вы надежно защищены. Не обращайтесь внимания, все пройдет. Не надо было вам вообще смотреть на это.

— Нет, надо! Надо!

— Я понимаю, у вас совсем недавно было столько переживаний, ваши нервы на пределе. А это зрелище как бы снимает защиту, одновременно восхищает и пугает. Не знаю, отчего у вас такой несчастный вид, ведь все как будто идет хорошо для вас... и для человечества...

Грохот огненной бури стихает. Ты прижимаешься к своему одинокому другу и говоришь, говоришь, сама не зная что, открываешь ему свою душу, выбалтываешь...

Сперва он становится точно каменный, но потом приходит в себя и продолжает успокаивать тебя, покуда корабль, обогнув Солнце, не начинает удаляться от него и твой возлюбленный не уводит тебя, наконец, в твою каюту.

В его каюте было так тихо, что он слышал, как тишина звенит в ушах. Было пусто, лишь ложе для сна, больше ничего. Разве что ее фотография, словно всплеск света посреди этой голой пустыни. Его куртка промокла от пота, было противно, жарко, прилипшая к шее ткань мешала дышать. Он хотел стянуть куртку, выстирать и никогда больше не надевать, но не сделал этого.

Он достал свою кисть, обмакнул ее в чернильницу и стал писать, столь же внимательно продумывая каллиграфию, как и содержание:

Моя возлюбленная дочь!

Когда ты прочтешь это письмо, если, конечно, прочтешь, ты будешь уже девушкой, красивой, стройной, веселой, умеющей, где бы ты ни была, окружить себя верными друзьями. А я уже умру или буду совсем старым, еще более угрюмым и суровым, чем теперь. Что мне делать с тобой? Мне, папе той самой малышки Пинь, которая встретит меня дома, ухватит за большой палец и потащит гулять по саду и, быть может, назовет меня «большим мешком любви». Но могу ли я ожидать от мадемуазель Ван чего-либо большего, нежели уважения к заслугам отца, который некогда сделал одну вещь, о которой не забыли? Все это вполне естественно и правильно. Я и впрямь мною о себе не больше, чем как о грешном существе, которому пришлось вынести свое бремя во имя грядущего светлого будущего.

Пойми, я не жалею себя. Насмотревшись на нищих духом людей Запада, которых не заботит ничто, кроме их собственной жизни, я понял, какое мне выпало счастье. Когда тебя

появятся свои дети, ты поймешь меня. И все-таки позволь мне протянуть руку через время и дотронуться до тебя.

Если когда-нибудь ты прочтешь это письмо, тебе уже будет известна вся эта история. И я хочу, чтобы ты, только ты, поняла, что за моей неброской личностью скрывался человек, который не знал до конца, каков он на самом деле, человек, который познал одиночество, растерянность, страх, слабость... Я хотел бы, чтобы ты получше узнала меня. Поэтому я поклялся себе ничего не скрывать и не приукрашивать, но написать то, что было, чтобы ты могла прочесть, когда повзрослеешь.

В этот час я вижу единственную цель своей жизни в том, чтобы ты дожила до этой минуты.

Сегодня мы прошли через самый ад. Ты, наверное, прочтешь об этом полете. Очень может быть, что к тому времени облет Солнца будет считаться делом обычным, как нечто, что влюбленные, взявшись за руки, проделывают, сидя в пассажирском лайнере, направляющемся к Сатурну. И все-таки я видел ад! Но и Творение! То самое чудо, которое заставляет подснежник раскрывать свой венчик еще до ухода зимы. Но ад, я говорю, ад, тот самый, который своим огненным языком может мгновенно слизнуть мой Цветок... но и тот самый, что способен дать ему просветление, какое испытал я...

Потрясенная, в паническом страхе, одна женщина, которую я пытался успокоить, прижалась ко мне... Наверное, она не отдавала себе отчета в том, что делает... Но теперь у империалистов есть сила, способная уничтожить тебя. Я надеюсь... Неважно. Уже дважды они нарушали свою клятву. Третьего раза быть не должно. Я иду, чтобы сделать все, что в моих силах.

Это мой долг перед человечеством. Пинь, это мое неуклюжее признание — не более чем претензия. Но то, что я делаю, — дар моей любви к тебе.

Он засомневался, как подписываться — «папа» или «твой отец», выбрал более значительную формулировку, перечел письмо, сложил его и запечатал. К горлу его подступил комок.

«Можно ли быть уверенным, что мое правительство — единственная сторона, охотящаяся на Ивонну Кантер?» — подумал он.

Из своего багажа он вытащил пистолет, взятый по настоянию генерала Чу. Генерал оказался весьма прозорлив.

Возможно, конечно, что Вэйберн и Кантер ничего никому не скажут, но рассчитывать на это никак не приходится. Факт остается фактом — они ничего не сказали ему. В любом случае генерал Чу не пожелает допустить, чтобы пламя Солнца обрушилось на Пекин.

Ван проверил магазин и затвор, засунул пистолет в кобуру под левой рукой, спрятанную под курткой. Пуговицу он не застегнул, чтобы в случае чего не было задержки, затем сунул письмо между своими не очень-то пухлыми научными отчетами и вышел из каюты с намерением действовать по обстановке.

Глава 15

— Прости, у меня была истерика.

— Ты прости. Я не обращал на тебя внимания. Давай запомним для ясности. Мы оба немного тронулись.

Остальное сказали их тела. Потом Скип с Ивонной отправились к пищевой машине.

— Закажи мясо по-французски, — попросил Скип. — Если хочешь чего-нибудь эдакого, тоже валяй заказывай. Мне нужно подкрепиться!

Ивонна понимающе засмеялась. Она проделала все необходимые пассы, взглянула на результирующие диаграммы и уточнила свои команды, чтобы меню в точности соответствовало заказу Скипа. (Мясо млекопитающего, типа говядины, полтора килограмма... размеры... плотность... степень тепловой денатурации... температура... оттенки вкуса...) Как настоящий шеф-повар, она быстро справилась со своей задачей и позволила себе немного помечтать.

— Еще несколько дней, и мы дома...

— Угу. Не худо бы только соломки подстелить, на землю-то. Времечко будет горячее. Но я думаю, если мы займем жесткую позицию, то как-нибудь отобьемся... А-а! Приветствую вас, профессор!

Ивонна повернулась, волосы ее разлетелись волной.

— Добрый вечер, — сказала она. — Не поужинаете ли с нами?

Ван стоял прямой как палка. Губы его едва шевелились, лицо ничего не выражало, лишь слегка подрагивал правый уголок рта.

— Вам уже лучше? — спросил китаец Ивонну.

— Спасибо, все в порядке. Отдохну еще пару часиков и, наверное, совсем приду в себя. — Ивонна искренне улыбнулась. — Если бы не вы, могло быть много хуже.

— Где сигманец? — Голос Вана был хриплым и напряженным.

— Кто его знает, — бросил Скип. — Смотрит, поди, свои сигманские сны. Что-нибудь срочное?

— Да, — сказал Ван и повел плечом, словно что-то жгло ему грудь под курткой. Последовал неуволимый жест, и Скип с Ивонной в изумлении уставились на профессора. В руке у него был пистолет. — Руки вверх! Не двигаться! — крикнул Ван.

— Что за черт?! — Скип сделал движение рукой к поясу своих шорт.

Ивонна завизжала.

— Стоять! — крикнул Ван. — Иначе я убью ее!

Скип поднял руки. Ему уже приходилось видеть такую решимость в глазах. Сердце его колотилось, он мгновенно взмок, неприятный запах пота стал распространяться в ароматном воздухе звездолета. Скип слышал тяжелое дыхание стоявшей справа от него Ивонны.

— Отлично, — сказал Ван. — Теперь слушайте меня. Я опытный стрелок, а этот пистолет не дает осечки. В магазине восемь патронов и один в стволе. Полагаю, система вам известна. Семь зарядов двойной мощности. Гидростатический удар смертелен. Первые же два заряда послабее. Но их вполне хватит, чтобы вывести вас из строя, мистер Вэйберн. Скажем, раздробить колено. Надеюсь, это заставит вас исполнять мои приказы. А чтобы вы не сильно спорили, доктор Кантер побудет у меня заложницей.

«Стой тихо и не шевелись, — думал Скип. — Лови момент. И во имя всего святого, никакого геройства! Лицо-то у него каменное, но он вот-вот сорвется. Вон как с него льет!»

Скип набрал в легкие побольше воздуха и задержал дыхание, мускулы его немного расслабились, он потихоньку брал себя в руки.

— Чего вы хотите? — спросил он уже почти спокойно.

— Хочу управлять звездолетом, — сказал Ван. — Вы умеете, а я нет.

— Да откуда? Я никогда...

— Бросьте! Доктор Кантер в истерике проболталась. Теперь я знаю правду!

— Нет! — вскрикнула Ивонна, словно с нее сдирали кожу. Она рухнула на колени и, рыдая, закрыла лицо руками.

— Не убивайтесь так, — произнес Ван по-прежнему деревянным голосом. — Кляните меня за то, что я обошел вас. Кляните сигманца, который безрассудно доверился вам, не отдавая себе отчета в том, что доверился существам, психика которых подвержена стрессам. Кляните своего любовника, который бросил вас на произвол судьбы, когда вы так в нем нуждались. Но в первую и в последнюю очередь кляните господ империалистов, которые не держат своего слова. Теперь я больше не доверяю вам. Последствия могут быть столь серьезны, что я не имею права доверять никому, кроме лидеров своей страны. В противном случае это было бы предательством интересов всего человечества.

— Вы поступаете глупо, — вымолвил Скип. Он ощутил, как по всему его телу пробежал холодок — предчувствие развязки, — и сам удивился своим словам. — Профессор, вы же специалист по семантике. Что, собственно, означает ваш ярлык «империалисты»? Что он решает? Разве Вонни не сказала вам, что я не намерен иметь с ними дело?

«А может, она сказала правду, что я еще не решил?» — подумал он.

— Нет, не сказала. Она лишь упомянула, что сигманец научил вас управлять кораблем, — продолжал Ван ровным, страшным голосом. — Факты говорят сами за себя, вы умолчали об этом. Я готов поверить, что вы человек доброй воли. Это вполне вероятно, но я не могу полагаться на интуицию. Я живу только своим умом. Если тайна известна вам, то в скором времени по прибытии на Землю она станет известна многим. Кто будет первым? Что он предпримет? Я не могу позволить себе рисковать будущим миллиардов людей. Оно перевешивает судьбы вас обоих, Агасфера и меня вместе взятых. Итак, не будем терять время. Ведите меня в рубку управления.

— Будет лучше, если мы подчинимся, милая, — сказал Скип подавленной, плачущей Ивонне, но та как будто не слышала его слов.

— Помогите ей встать, — велел Ван. — Держите руки так, чтобы я видел их. Я наблюдал как-то за вашей зарядкой и знаю, на что вы способны.

— Пойдем, девочка, — сказал Скип Ивонне и поднял ее на ноги.

Та бессильно повисла у него на плече. Скип похлопал ее по голой спине, довольно сильно. Ивонна закашлялась, затем собралась с силами и пошла рядом со Скипом под дулом пистолета.

— Я не причиню вам вреда без особой на то нужды, — сказал Ван. — Я прикажу ей связать вас и сам проверю веревки. О вашем питании и прочем я позабочусь сам. По прибытии на околоземную орбиту я сообщу миру, что все в порядке, но мы просим несколько часов не беспокоить нас, чтобы мы могли завершить некоторые приготовления. Не то что я боюсь, что какой-нибудь космический корабль с Земли прилетит нам навстречу раньше указанного срока. Они и без того наверняка будут следить за нашим приближением. Но я переведу корабль на нестандартную полярную орбиту, и мы отправимся в Пекин на челноке. Затем я возьму сюда, на борт звездолета, наших людей и на месте покажу им, как устанавливать безопасный уровень силового поля и управлять этим кораблем. И все будет отлично, и вы наверняка сможете вернуться домой. А если вам не разрешат, я полагаю, мое влияние обеспечит вам приемлемые условия.

Коридор все поворачивал и поворачивал, по стенам тянулись необыкновенные живые фрески. Листья и цветы шевелились и приветствовали идущих своими чудесными ароматами. Пол пружинил под голыми ступнями. В теплом влажном воздухе висели звуки, напоминавшие удары гонга.

— А что вы намерены делать с сигманцем? — спросил Скип.

— Это зависит от обстоятельств, — ответил Ван механическим голосом. — С ним сделают то, что впоследствии сделают со всей его расой. При новой встрече с сигманцами люди должны выглядеть миролюбивыми, поэтому нам необходимо освободить этого Агасфера от его демонов.

— Стоп! — простонала Ивонна. — О Скип! Что сказать? Что я могу сделать?

— Ничего, — ответил он. — Я не виню тебя, нет. Я люблю тебя!

Сперва Скип решил поводить китайца за нос, но внутреннее расположение звездолета было слишком очевидным. Наконец они остановились перед закрытой переборкой, в которую были вмонтированы экраны и силовое устройство.

— Покажите, как открывается, — потребовал Ван.

Дело в том, что, вообще говоря, тут требовалась специальная, довольно тонкая жестикуляция, но, видимо, для людей Агасфер уже встроил адаптер, так что в итоге дело сводилось к полудюжине простых и понятных жестов.

Вход открылся, впереди было темно.

— Доктор Кантер входит первой, — скомандовал Ван. Когда та вошла, ее фигура осветилась серебряным светом. Стало видно, что делается внутри: сферическое помещение, метров пять в поперечнике. В дальнем конце виднелись какие-то параллелепипеды, где, видимо, находился пульт управления. — Теперь идите вы, мистер Вэйберн, — велел Ван. — Ступайте мимо доктора Кантер вон к тем приборам. Она останется подле меня.

Сфера замкнулась позади них. Они стояли, окруженные моделью звездного неба. Модель эта была не абсолютно точной, скорее просто схематической. Свет, отражавшийся от людей и от аппаратуры, видимо, каким-то образом поглощался. Были видны самые яркие и самые близкие звезды, хотя большинство последних в натуре увидеть невооруженным глазом было невозможно. Люди видели солнечный диск, рядом голубую Землю, золотую Луну и светящуюся точку звездолета. Ни один звук снаружи не проникал в эту рубку управления.

Ван расположился у входа.

— Встаньте передо мной, доктор Кантер, — велел он. — Метрах в двух... И не застите мене... Вот так. Мистер Вэйберн, мне известно, что управление тут почти такое же, как у челнока, но я хочу, чтобы вы продемонстрировали мне. Плюс полный комментарий к вашим действиям.

— Так мы разбудим Агасфера, — заметил Слип.

— Я знаю. — Ван кивнул. — Не вздумайте свалить меня с ног, дав резкое ускорение. Я хорошо тренирован и привык к полетам в самых тяжелых условиях, с какими приходилось сталкиваться нашим космонавтам. Не забывайте, что жизнь доктора Кантер в ваших руках.

Слип еще больше помрачнел.

«Заблокировать управление я не могу, — размышлял он. — А увидев раз, как это делается, до всего прочего он дойдет сам. Может, будущее и впрямь за китайцами?»

Слип принял жестикулировать.

— А вот так управление передается автопилоту. Если повторить, снова переходим на ручное.

— Вижу. Хорошо. Дайте подумать... Так. — Ван взялся рукой за поручень, ожидая перехода к невесомости. — Установите курс на Марс. Я хочу понять принципиальную схему.

Слип зацепился ногой за горизонтальный стержень, что был перед ним, и снова стал жестикулировать перед экранами. Все его жесты прекрасно читались со стороны. Он изменил курс звездолета, как ему было приказано, подробно объясняя каждое свое действие.

«Никакого героизма!.. — сдерживал себя Скип. — Ничего такого, что может насторожить его. Он убьет Ивонну. Убил бы лучше меня... Китайцы-то, небось, оставят нас в живых, посадят под пожизненный домашний арест. Почему бы и нет? Чем плохо? Но что станет с моими друзьями-ушельцами? Что будет с ними? Урания и ее малыши, Роджер Нил, Дэн Киу, «викинги», бороздящие морские просторы Земли, Клариса...»

И многие, многие другие... Сотни их он знал в лицо, тысячи никогда не видел... Люди, которые оставляли человечеству надежду на новую жизнь, не ту, что обещает Ван Ли... А его родители, братья, сестры, родственники Вонни, семья Алмейды, Тьюлис, Курланд и все их близкие — что будет с ними?

Тем временем Скип разворачивал звездолет. Курс постепенно менялся. За коротким периодом невесомости при небольшой центробежной силе, пока корабль разворачивался, последовала стадия линейного ускорения, вектор которого был направлен в сторону планеты, названной именем бога войны. Наверняка сигманец не оставит этого без внимания и скоро явится...

— Как я это объясню Агасферу? — спросил Скип.

Он повернулся и увидел, как пот ручьями льет по лицу Вана, капая на куртку, отливавшую серебряным светом.

— Надеюсь, доктор Кантер нам поможет, — ответил Ван.

— Я не знаю, — еле слышно сказала Ивонна. — Разве что мы пройдем к звукосинтезатору...

— Может, лучше я попробую с ним объясниться? — предложил Скип.

— Нет! — отрезал Ван. — Откуда мне знать, о чем вы там сговоритесь? Мы должны разработать такую схему действий, чтобы ситуация постоянно была под моим контролем. — Китаец по-волчьи ощерился. — Что-то вроде доктрины устрашения, имевшей место в эпоху ядерного противостояния...

Тут сфера отворилась, и вошел Агасфер. Все его четыре глаза были широко открыты. Клешнии щелкали. В пластинах отражался свет звезд, мимо которых он проходил.

Ван открыл огонь.

Выстрелы были оглушительны. Два первых заряда потрясли сигманца. Ван отступил к переборке и закрыл собой созвездие Девы. Оттуда он выстрелил третий раз, двойным зарядом.

Пуля пробила броню и вонзилась в тело Агасфера. Из раны потекли внутренние соки. Агасфер осел на пол. Потом взвыл, подобрался и пополз к Вану. Тот стрелял и стрелял. И с каждым выстрелом жизнь уходила из тела, принадлежавшего творцу стольких прекрасных вещей! Между выстрелами в Агасфера

китаец угрожающе переводил ствол пистолета на Скипа с Ивонной. Ивонна вцепилась в поручень и кричала, кричала, кричала... Слип отвернулся. После четвертого выстрела Агасфер уже не мог ползти. Его глубоко сидящая, распределенная по всему телу жизнь почти ушла из него, вытекла на пол серебристым ручейком. Тут Агасфер поднял свою клешню и резко выбросил ее вперед. Толстая струя пищеварительной кислоты пересекла Млечный Путь и ударила прямо в грудь Вану. Кислота мгновенно проела одежду и впилась в плоть. Гремя броней, Агасфер вновь осел, вздохнул и замер.

Ван взвыл от боли, но пистолета из дрожащей руки все же не выпустил.

— Тут еще... три пули, — выдавил он из себя, корчась от мучений. Не обращая внимания на то, что кислота сжигает ему пальцы, левой рукой он расстегнул куртку и выпростал наконец руку из рукава. Рукавом он пытался обтереть язву, расплывшуюся у него на груди. — Я буду, буду жить, — выговорил он дрожащим голосом. — Рана не смертельная... Надо бы... щелочь...

Шаг за шагом Слип осторожно приближался к китайцу.

— Давайте я взгляну, — предложил он.

Ивонна подошла к Скипу, тот обнял ее и что-то шепнул ей на ухо. Та взяла себя в руки.

— Нет, — отказался Ван. — Не подходите... ко мне.

— Может, я? — предложила Ивонна. — Давайте помогу. — Она сжала кулаки, глубоко вздохнула и подошла к китайцу. — Если почувствуете, что теряете силы, вы убьете нас, не так ли? Позвольте мне посмотреть, что я могу сделать, чтобы вы не потеряли сознание. Я женщина, драться не умею. Вы за просто справитесь со мной, если что...

— Если что, я стреляю, — выдавил из себя Ван, обьятый сжигавшим его пламенем. — Я еще... полон сил... Вэйберн, я еще не ослаб... Пусть доктор Кантер подойдет... Но вам не выбить у меня пистолет, уж как-нибудь...

— Договорились, — сказал Слип.

Под дулом пистолета Ивонна подошла к китайцу и осторожно потянула его куртку за воротник. Ван держал ее под прицелом.

— Мне нужно переложить пистолет в левую руку, — сказал он. — Потом вы освободите мою правую руку.

— Хорошо, — сказала Ивонна.

Тут она обеими руками схватила Вана за запястье правой руки и обрушилась на китайца всем телом. Грянул выстрел,

пуля от ricoшетила от пола и попала в звездный купол. Ван отбросил Ивонну в сторону, но тут на него набросился Скин и отвел пистолет дулом в потолок. Попытайся он выхватить его, наверняка получил бы пулю в голову. Свой клинок «кузнечик» привел в боевое состояние еще до того, как неожиданно-негаданно был убит Агасфер. Прыгнув, Скин выхватил клинок из пояса и вонзил его в горло китайца так, что лезвие прошло его насквозь.

Фонтаном брызнула кровь, заливая обоих мужчин и Ивонну. Ван откинулся на спину и замер. Скипу с Ивонной показалось, что он еле слышно успел вымолвить: «Яо...» Затем послышалось жуткое клокотание, и наступила страшная тишина. На полу рубки управления смешалась кровь человека и сигманца, ручейки текли в сторону Южного Креста.

Глава 16

Скин с Ивонной положили мертвых у входа в холл, в отсеке, где встретились впервые. Ивонна взяла Скипа за руку.

— Мы не можем просто так выбросить их в космос, — сказала она сквозь слезы.

— И мы не можем отдать Агасфера в руки наших прозекторов, — добавил Скин. — Они заслуживают похоронной церемонии.

— Но что мы можем? То есть... Ну, ты знаешь, как? В каком вероисповедании? В какой традиции? Я понятия не имею. Какие-то обрывки из кадиша, из христианских обрядов, смутные воспоминания о похоронах... Если учесть, что ни мы, ни они не принадлежим ни к какой церкви... Что можем мы предложить, кроме пышной похоронной речи? — Ивонна смотрела прямо перед собой. — Ничегошеньки. У нас внутри еще более пусто, чем за бортом корабля...

— Я думаю, тут подойдет наше напутствие, — задумчиво сказал Скин.

— Что? — Ивонна недоуменно посмотрела на него.

— Так мы, «кузнечики», хороним своих друзей. Никто не знает, кому принадлежат слова, но они известны почти всем нам. Звучит это так: «Прощай, уходящий. Спасибо тебе за твой дар любви, который пребудет с нами повсюду, где бы мы ни были. Он будет с нами на любой стоянке, где бы мы ни встретились, и он будет передан нами другим, когда мы, как и ты, обрящем покой. А до тех пор мы будем радоваться небу, ветру,

воде и огромной нашей Земле, и мы будем помнить о тебе...» — Скипа понизил голос. — Там есть еще слова, — сказал он тихо. — А еще мы обычно сажаем на могилу полевые цветы или что найдется под рукой. Ну как, годится?

— Да, конечно, — сказала Ивонна.

По ее голосу Скипа понял, что ей стало чуть-чуть легче.

— Будем считать, что они наши товарищи, — заключила Ивонна. — Причислим, так сказать, к лику ушельцев. Ведь в ушельцах вся наша надежда.

Они стояли на мостике в обсервационной рубке и смотрели, как прямо на глазах увеличивается в размерах старушка Земля. Посреди тьмы и звезд она светилась бледной голубизной. Над теми районами, где лил дождь, белыми вихрями завивались облака. Солнечный свет отражался от океанских равнин. Неподалеку от Земли была видна Луна, иссеченная шрамами, безжизненная, потому что в далеком прошлом она подверглась метеоритной бомбардировке. Правда, теперь на Луне, на многочисленных обитаемых станциях жили люди.

— Агасфер любил Землю, — тихо сказал Скипа.

— Ван Ли тоже любил ее, — произнесла Ивонна.

Скипа кивнул.

— Посмотрим, удастся ли нам сохранить ее, — сказал он. — Впрочем, стоит ли так говорить? Сколько уже было у нашего мира разного рода спасителей!

«Не потому ли двое из нас четверых отправятся теперь прямо к Солнцу?...» — подумал он.

Но постепенно печаль отступала, как оно и должно быть. Еще несколько дней Ивонна со Скипом строили планы на будущее и разбирались подробнее, как управлять звездолетом.

В каюте было тихо. Они отключили музыкальное сопровождение — слишком уж оно напоминало о погибшем Агасфере. Мало-помалу они выяснили, как научить корабль «петь» земные песни. Атмосфера оставалась по-прежнему плотной, жаркой, влажной и пахучей, так как Ивонна со Скипом боялись погубить сигманские сады. Но они задумали перевести их в отдельные помещения, что-то вроде оранжерей, а в остальных помещениях сделать атмосферу более подходящей для людей и земной растительности.

— А ты уверен, что нам удастся контролировать дальнейший ход событий? — спросила Ивонна.

— Нет, — ответил Скипа. — У меня есть некоторые сомнения, но я абсолютно уверен, что мы с тобой видели финал погони за этой мощью, которая должна служить лишь...

— Лишь просветлению духа! — закончила Ивонна.

— Пусть так, — согласился Скип и запустил пальцы в свою шевелюру. Затем он подошел к Ивонне. — Звездолет наш. Твой и мой. Мы не отдадим его ортодоксам. Никаких ортодоксов! У них была возможность показать себя, что они и сделали. Во всей красе! Пусть и остаются с носом! Им нас не взять. Если уж на то пошло, мы просто покинем Землю. Я знаю тут парочку планеток, пригодных для жизни. Но, думаю, нам лучше остаться здесь. Я уверен, мы отобьемся. И более того, мы сможем посещать Землю, не опасаясь, что нас схватят. Не забывай, нас не взять и в челноке. Заодно мы будем переправлять сюда заинтересованных ученых. Конечно, в основном на борту будут наши люди.

— Какие люди?

— Ушельцы! Те, кого я знаю лично, славные ребята, искатели приключений, у которых нет никакого интереса жить чужой жизнью. — Скип встал, обнял Ивонну за плечи и улыбнулся: — А может, ты выберешь кого-нибудь из ортодоксов, людей вроде тебя. Замечательно! Как только они решатся пойти с нами, они тоже станут ушельцами.

Разговор происходил в их каюте, и все жесты Скипа тенями отображались на стенах. Но на самом деле Скип имел в виду Большой Космос.

— И мы будем править миром? — спросила Ивонна.

— Нет! — ответил Скип. — Разве ты не понимаешь, дорогая, что в этом-то и есть все зло? Зачем нам власть над людьми? Зачем нам желать ее и бояться, что другие возжелают такой власти? Агасфер прилетел сюда вовсе не для того, чтобы загнать человечество в ярмо.

— Мне еще предстоит научиться думать по-твоему, — тихо сказала Ивонна. — Я не могу себе представить, чтобы кто-либо, когда мы умрем, вздумал направить эту силу на осуществление высших целей с благими намерениями...

— Мы не можем упустить такой шанс, — заметил Скип уже не так горячо. — Я предпочитаю рассчитывать на то, что люди в конце концов поймут, что этим миром не нужно управлять. Но чем больше я думаю о возможности построения такого корабля на Земле, даже через тысячу лет, тем более бредовой представляется мне эта идея.

Ивонна резко встала и обняла Скипа.

— Ничего подобного, дорогой! Я глупая. Мне бы сразу сообщить, учитывая, сколько технарей я перевидала на своем веку... Послушай, в природе нет никаких тайн. Весь вопрос в том, возможно это или нет. Если наши ученые будут знать, что это в

принципе возможно, этого уже достаточно. Они в лепешку разобьются, но найдут решение! Как ты не понимаешь, что стоит их только поманить, и они отдадут этому делу все, что имеют! Скип, ты любишь держать пари. Так вот, я держу пари, что мы с тобой доживем до того времени, когда звездолет, сделанный руками людей, — пусть не такой совершенный, но все-таки звездолет! — отправится к сигме Дракона.

Скип довольно рассмеялся:

— Ну нет, слишком уж велик, по мне, срок. Впрочем, если ставки будут не слишком обременительны, я готов.

Теперь заговорила Ивонна. Громко, словно ее слушали потомки.

— Ты получишь свой шанс. Ты пройдешь тысячу своих дорог и найдешь сотню, которые окажутся новыми и добрыми, потому что мы достаточно умны и видим, что никто пока не додумался указать миру, как ему жить.

— Не хорони уж так их, — заметил Скип. — Я не претендую на особое благородство души. Просто мне хочется провести остаток жизни среди планет, а может, даже звезд, и наслаждаться всей полнотой жизни.

Ивонна покраснела.

— Я тут наболтала, да? Мне еще надо научиться быть самой собой. Ты научишь меня?

Скип обнял ее. Они стояли между Землей и Магеллановым Облаком.

— Знаешь, насчет нашей проблемы, как нам с тобой быть вместе... — сказал он. — Мы не нашли решения, да и не надо. Уже нет нужды! — Скип помолчал. — Пойду-ка я переведу корабль на орбиту. И не забудь, хотя мне это и не по душе, что ты собиралась сочинить наше послание народам Земли.

Содержание

От издательства	7
Враждебные звезды, роман, <i>перевод с английского И. Зивьевой</i>	9
После судного дня, роман, <i>перевод с английского И. Савельевой</i>	135
Ушелец, роман, <i>перевод с английского С. Степанова</i>	253

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том пятый

Составитель *А. Новиков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *М. Катаева, М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, А. Хиришфелде*

Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*

Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев, А. Бибанав*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 25.04.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 15 000 экз.

Заказ № 1947. С 174.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

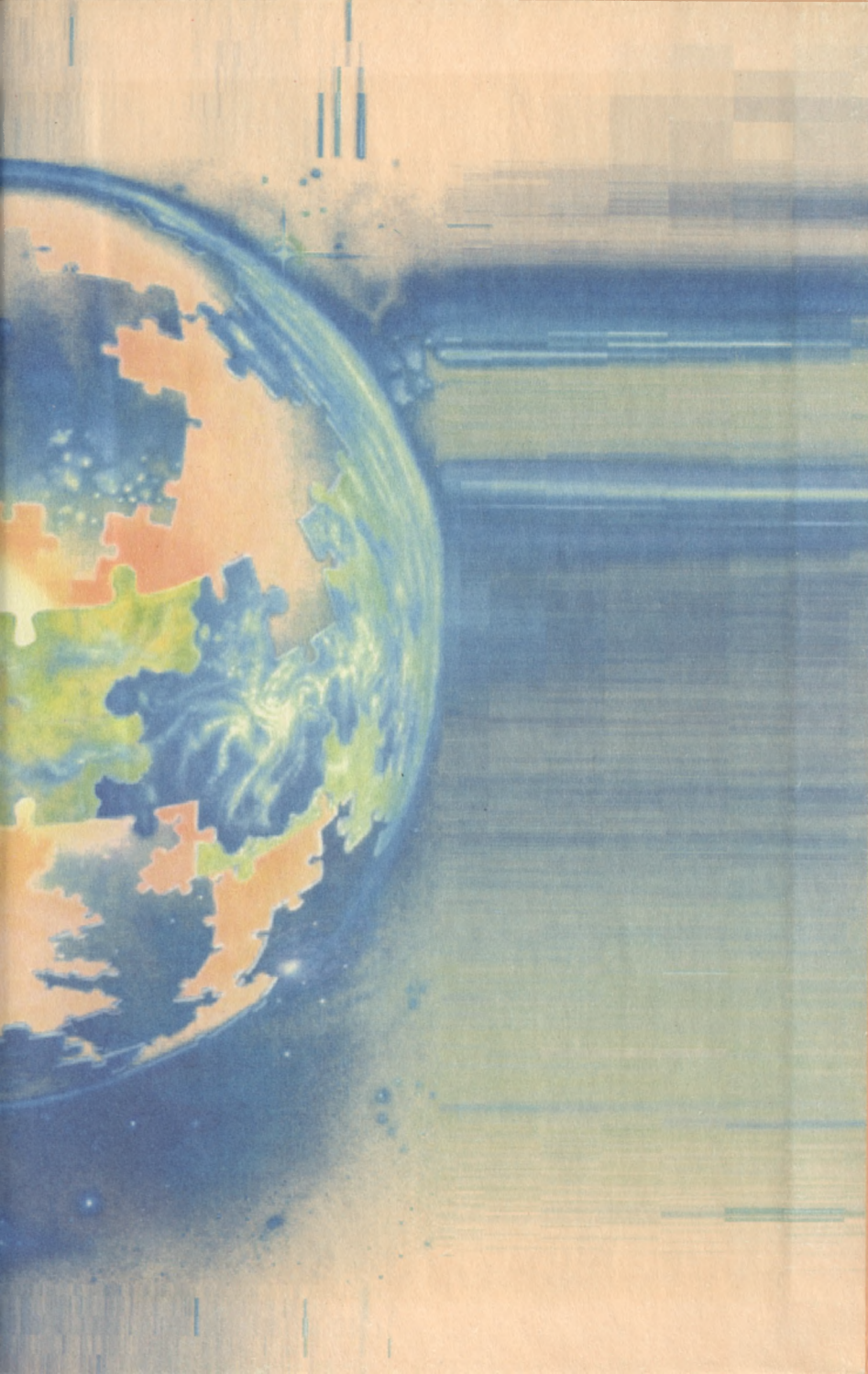
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Враждебные звезды

Пойманные в сеть притяжения мертвой звезды, четверо космонавтов с «Южного Креста» должны совершить невозможное, чтобы вернуться на Землю из глубин пространства. Но тот, кто остался в живых, уже никогда не будет прежним...

После судного дня

У тех, кто пережил гибель Земли, в жизни осталась лишь одна цель — отомстить убийцам. Но не окажется ли слишком высокой цена справедливости?

Ушелец

Зачем прибыл к нам звездолет с сигмы Дракона? Как установить контакт с его единственным пассажиром? На эти вопросы ищут ответ сведенные судьбой бродячий художник Скип и ученая Ивонна Картер.

